Брюс Бетке

Современная фантастика

Интерфейсом об Гейбл

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

А вы не пробовали при помощи персонального компьютера украсть золотой запас США? А вам не случалось при помощи модема поженить Папу Римского и Наоми Кэмпбелл? А вам не приходилось ломать секретные коды Пентагона и стравливать Шестой флот с Седьмым? Зачем?А затем, что скучно. А затем, что труден жребий современного хакера, и вся-то его жизнь есть борьба. А затем, что частенько лайф настолько не в кайф, что впору хоть интерфейсом об тейбл…

Роман удостоен премии Филипа Дика 1995 года.

- Брюс Бетке
  -
  - 1. ИН-ЦИ-Я
  - 1А. А-А-Х
  - 2. ПЕРЕЗАГРУЗКА
  - 3. КАТАКЛИЗМ!
  - 4. КАТАКЛИЗМ НЕ ПРИХОДИТ ОДИН
  - 5. КАТАКЛИЗМ НАСТУПАЕТ — И САДИТСЯ В ЛУЖУ
  - 6. КАТАКЛИЗМ РАЗБУШЕВАЛСЯ
  - 7. КАТАКЛИЗМ УВЯЗЫВАЕТСЯ ЗА НАШИМ ГЕРОЕМ ДОМОЙ
  - 8. СРЕДА. 7 УТРА.
  - 9. ПЕТРУШКА. ШАЛФЕЙ. РОЗМАРИН. «ПОЛИПО ВЕРАЧИ»
  - 10. ТОЧНО МОСТ НАД ЗАТХЛОЙ ВОДОЙ.
  - 11. ЖЕЛЕЗНЫЙ ДЖЕК
  - 12. ВВЕРХ ПО ЗАЗЕРКАЛЬЮ
  - 13. ВНИЗ. НА ДНО ТЕМНИЦЫ
  - 14. МАКС_СУПЕР В АДУ
  - 15. ВСЕ БЛИЖЕ К СУТИ ДЕЛА
  - 16. ЗАЧЕМ ДУРАКИ ВЛЮБЛЯЮТСЯ
  - 17. ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА: СТРАТЕГИЯ
  - 18. ПРИЕМОЗДАТОЧНЫЙ АКТ
  - 19. СПЛОШНОЕ ВЕСЕЛЬЕ ПЛЮС БОНУС — ПОСТЕЛЬНЫЕ СЦЕНЫ
  - 20. НАЛЕТ НА ЗАМОК ФРЕНКЛИНШТЕЙН
  - 21. НАЛЕТ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ
  - 22. ДЛИННЫЙ СТАЛЬНОЙ ПРОТЕЗ ПРАВОСУДИЯ
  - 23. В ИЗГНАНИИ
  - FF. КОНЕЦ ФАЙЛА

Брюс Бетке
Интерфейсом об тейбл

А вы не пробовали, при помощи персонального компьютера, украсть золотой запас США? А вам не случалось, при помощи модема, поженить Папу Римского на Наоми Кэмпбелл? А вам не приходилось ломать секретные коды Пентагона и стравливать Шестой флот с Седьмым? Зачем? А затем, что скучно, мочи нет. А. затем, что труден жребий современного хакера, и вся-то его жизнь есть борьба. А затем, что частенько лайф настолько не в кайф, что впору хоть интерфейсом об тейбл…

О, Джек Берроуз!

Одни называют его великим асом.

Другие — полнейшим чайником.

Одни восклицают, что он был величайшим покорителем электронно-сетевых волн, лучшим из всех, кто крутил сальто-мортале на безбрежном полотне Великого Информационного Суперхайвея.

Другие твердят, что Джек был обыкновенный псих с тараканами в голове, не имевший понятия даже о таких элементарных вещах, как личная гигиена.

Одни клянутся, что Берроуз был бог, всеведущий и всемогущий, и от него виртуальное сияние исходило. Наш тупоумный мир сумел оценить его подлинное величие лишь в тот миг, когда Берроуз вставил свой достославный «Проктопрод» в надлежащее гнездо: о, тогда-то личный думософт божества победно растекся на двести мегагигабайт высокочастотного лазерного инфоокеана.

Другие утверждают, что Марша Вэнь — ну знаете, та офигительная брюнетка из «Кодирования Документов» — как-то раз (винт даем на отсечение!) имела с ним свидание: привел он се в свою каморку напротив кладовки (Берроуз, знаете ли, всю жизнь ютился у своей мамы) и ровно четыре часа угощал записями Прибабаха (в миру — Эл Янковиц).

Одни (как им еще не надоело…) начинают бить копытами и радостно вопить: «Джек Берроуз? Да мы с ним, бывалоча…»

Другие ошалело переспрашивают: «Кто-кто?»

Так вот, ниже вы найдете достоверные и ясные ответы на все вопросы, связанные с данной темой. Много лет мы, жители внешнего мира, могли судить о Джеке только по его проделкам в Сети да еще по сведениям из случайно рассекреченных меморандумов Федерального Инфоразведывательного

Управления. Но вот однажды некий файл (его текст и составляет основную часть нашей книги) сам себя вывесил на доске объявлений публичного сервера-почтамта в Танжере. Был он утрамбован древним архиватором «E**YUGHHNEM»**, а в качестве пункта отправления значилась дряхлая, скрипящая еще с двадцатого века централизованная система бронирования гостиничных номеров на Гавайях.

Великий день настал — теперь нам известна подлинная история Джека Берроуза. Все-все-все — о его жизни и виртуальной смерти. Все его неправдоподобные — по большей части высосанные из пальца — секс-эскапады. Все его озорные — кое-кто, увы, назовет их «детсадовскими» — шутки. Все подробности его последней, отчаянной битвы с безжалостными силами кровавой тьмы большого бизнеса, и непогрешимое свидетельство о беспардонном коварстве тех людей, кому он верил больше, чем себе.

Итак, о читатель, не корысти ради, но во имя общественного блага, мы предлагаем тебе полный, без каких-либо купюр или искажений, текст этого файла. Да обогатит он тебя новыми знаниями. Да будет он для тебя наглядным доказательством того факта, что современное государство-суперкорпорация есть исчадие абсолютного, непревзойденного, необоримого Зла.

P.S. Лица, заинтересованные в приобретении прав на кино-и/или мультимедиа-экранизацию этого текста, могут обратиться к нашему агенту. Адрес: **agraysn@adg**.spedro.com

1. ИН-ЦИ-Я

Черт, все бы отдал за мой гипертекстер. Понимаете, будь он у меня под рукой, я быстренько спрессовал бы все это дело в Рич-Текст-Формате, нашпиговал бы горячими ключиками и гиперссылками — ух, страшное дело! Захочешь узнать, с чего, собственно, все началось — кликни, деточка, мышкой на панельку «ЗАДНИЙ ХОД» и, бэмс, в верхнем правом углу твоего экрана возникнет Карл Саган. И поведает: «Четыре с половиной билли-биллиона лет тому назад огромное облако горячих газов — стопроцентный аналог мозга президента Гора во время церемонии его реинаугурации в 2004 году…»

Что, это слишком далеко? Ничего, кликните на иконку «Крупный план», и динамик разразится 30-секундным отрывком из песни Тома Петти «Refugee», а на экране появится хроника событий: в 1980 году, на концерте «Хатбрейкерс» в Сивик-Сентер мама познакомилась с папой. Последствия: в 81-м — я, в 84-м — моя сестра, в 85-м — свадьба, а спустя еще полгода (нескольких дней до ровного счета не хватило) — развод. Туда же я мог бы засунуть ссылку на базу данных «Mitchell Motor Vehicle», чтобы вы могли сами составить себе представление о текущих ценах на коллекционные экземпляры «Понтиаков-Транс-Эм», модель 1979 года, в отличном состоянии, а также понять, почему папаша до сих пор скрипит зубами из-за того, что ему пришлось поменять этот автомобиль на жалкую колымагу, ценную лишь тем, что в ней помещались детская коляска и два сиденья.

Но все это лишь бесплодные мечты.

Не-ет, я вынужден работать в этом тупом, дешевом, двумерном редакторе и набивать линейный текстовый файл — хронологически-последовательный текстовый файл. Господи Исусе! — так что мне придется выбрать абсолютную, твердую как камень точку отсчета и, не выпуская из рук основной сюжетной линии, пройти от начала к середине…

Кстати, можете считать меня параноиком, можете предполагать, что от чая «Клипер» у меня крыша поехала — но я никак не могу отделаться от престранного предчувствия, что конец напишет уже кто-то другой.

Начнем, пожалуй. Только с чего? Будь в моем распоряжении видеоредактор, я забацал бы головокружительную панораму (съемка с виртуального вертолета) транспортной пробки на Великом Информационном Суперхайвее или вставил бы вместо увертюры аудиокопию сообщения, которое Гуннар оставил на моем автоответчике накануне того самого дня, когда жизнь моя

пошла наперекосяк («Встретимся в клубе завтра, 23.00. Вопрос твоей жизни и смерти»). Но не стоит делать из мухи слона. Гуннар вечно наговаривал мне на автоответчик всякие бредовые мессаги.

Короче, мне, по-видимому, придется просто провести черту в пространственно-временном континууме, выбрать точку старта — и начать.

15 мая 2005 года, понедельник.

День выдался дрянной: по небу низко-низко летели темно-серые, сплошные облака, ветер рвал и метал, безжалостный весенний дождь осыпал землю холодными тяжелыми каплями. Наша Многоуважаемая Администрация Корпорации МДИ еще не отремонтировала Западный вход, разрушенный бомбой (15 апреля нас взорвали ФОКЛ-овцы; потом пояснили, что положили было глаз на здание Федеральной Налоговой Инспекции, но тут наше само под руку подвернулось), так что — ничего не попишешь — поставил я мою «Тойоту-Консбанку» (модель 1995 года) на самом краю южной стоянки, натянул на ботинки «обувные гондоны» и побрел за четверть мили (сверху — студеный дождь, внизу, под ногами, дохлые червяки) к Южному входу.

Когда на горизонте уже виднелись обетованные двери, мимо на своем блестящем новом «Додже-Смертолете» просвистела Мелинда Шарп. Бэмс — со снайперской точностью она рассекла надвое самую большую на всей стоянке лужу — выплеснув воду из нее прямиком мне за шиворот. С диким писком тормозов Мелинда зарулила на свое привилегированное, двойной ширины место в ряду для крупнейших шишек. Выскочила из машины и пробежала к дверям, прикрывая «Уолл-стрит Джорнэлом» свою обремененную длинными светлыми волосами голову, — я даже извинений не успел потребовать. Когда она вошла в здание, «Додж» уже сам себя запер, отключил фары, втянул руль внутрь панели, укутался в бронебойный кокон…

И принялся угрожать грозе: «ВНИМАНИЕ! ЭТО ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО ОСНАЩЕНО ОГНЕСТРЕЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ САМООБОРОНЫ! КАТИСЬ, ПОКА ЦЕЛ!»

Это происшествие по крайней мере подсказало мне, чего это вдруг Мелинда заявилась на работу так рано, а также слегка скрасило мое хмурое утро. Три визита в гарантийную мастерскую — а ее новая машина все никак не научится отличать на ощупь дождь от взломщика. Если инструкция не изменилась, «Додж» уже вызванивает по своему сотовому телефону полицию, и спустя пять минут автостоянка МДИ будет просто кишеть кипящими от досады полицейскими в промокших насквозь бронескафандрах.

Недавно я «случайно» забрел в базу данных отдела кадров и выяснил Мелиндину квоту производственных расходов. Тра-ля-ля! Будь она хоть трижды многообещающим Зам. Старш. Инспектора по персоналу, рано или поздно компания таки заставит Мелинду платить из собственного кармана за ложные вызовы полиции к ее четырехколесной собственности — иначе к июлю мы закроемся по 11-й статье Коммерческого кодекса (банкротство). У меня с Мелиндой огромадные личные счеты — так что я ждал, не мог дождаться, пока дурость наконец-то выйдет ей боком.

Если бы эта мелкая гнусная мечта о справедливом возмездии не согревала мое сердце, я замерз бы насмерть, так и не преодолев последних пятидесяти ярдов, отделявших меня от Южного входа. Я уже занес ногу над первой ступенькой теплой, крытой лестницы — готовясь войти в зону полного обзора охранных видеокамер, — как заметил уголком глаза некий объект, опасливо отступивший в тень. Между колонн портика кто-то притаился!

Я среагировал так, как приказали мне инстинкты. У меня бурый пояс по искусству самосохранения жертвы: в мгновение ока мое дыхание сделалось быстрым и неглубоким, коленки подогнулись и задрожали, а руки повисли как плети. Слух и зрение перешли в режим автоматической фиксации улик, болевая чувствительность мучительно обострилась, перед глазами заплясал алфавитный перечень адвокатов, занимающихся производственными травмами. Черт возьми, если мне посчастливится стать жертвой преступления на территории компании, всю жизнь буду как сыр в масле кататься!

Медленно-медленно из-за колонны выступил смуглый низкорослый человек восточного типа. Кто он? Версий у меня было хоть отбавляй. Киллер? Шпион конкурентов? Еще один террорист из ФОКЛ (впрочем, для этой конторы что-то слишком худоват)?

Нет. То был Гасан Табули. Мой начальник. Он стоял наклонив голову, ежась от холода. Ворот его пиджака был поднят. Дождь струился по его редеющим, черным с проседью волосам и бороде, облепляя круглыми каплями толстые линзы очков в железной оправе. Пытаясь укрыться от дождя и ветра, что угрожали ему с одной стороны, и охранных видеокамер — с другой, он в последний раз, отчаянно, испуганно затянулся…

Угадали, сигаретой. ТАБАК. Перед моим мысленным взором возник уже другой список адвокатов — мастаков по делам о загрязнении воздуха физическими лицами. Усилием воли я вытащил себя за шкирку из этого долбаного режима «Мыслитель»

и снова стал нормальным человеком.

— Здраст… Гасан.

Я-то думал, он меня уже заметил. Отнюдь. Услышав мой голос, Табули подскочил, точно я ударил его пониже спины электрохворостиной — какими скот подгоняют. Он спешно попытался заглотать одним вдохом весь окружающий атмосферный слой, стиснул горящую сигарету в кулаке (мамочки!), в панике обернулся…

— 0-ох! — Узнав меня, Гасан самую чуточку успокоился. — 0-кх-кх! — закашлялся он и, обнаружив, что вывел сам себя на чистую воду, то есть чистый воздух, окончательно оправился и выдохнул целое облако горячего, канцерогенного дыма. — О, привет, Джек. Я тут… э-э… — Обнаружив в своей левой руке сигарету, он нервно помахал ею в воздухе. — Я… э-э… если тебе интересно, я только что нашел это… ну, вот это… как его… — Он указал, сам не глядя куда, — там. В кустах! Да, вон там, и я… да, я как раз собирался, ну понимаете, сообщить об этом. Сообщить Конни. В Окруж-Сред-Здрав.

Хотя Табули был из начальников, я к нему относился хорошо и считал его… ну, почти другом. Демонстративно не глядя на сигарету, я переспросил:

— О чем сообщить, Табули? Я ничего не вижу. Он озадаченно сдвинул брови и еще раз взмахнул своим бычком. — Это, ну знаете… — и тут до него дошло. — Не видите? Я помотал головой:

— Не-а, не вижу.

Гасан расплылся в широкой, ласковой, коричневозубой улыбке:

— Ну, в таком случае… — и он прильнул к сигарете с фильтром, как моя матушка — к пол-литровой бутылке «Будвайзера». Глубокая затяжка; выдох, переходящий в шумный, блаженный вздох; ухмылка сытого кота. Гасан кивнул мне:

— Так держать, Джек. Увидимся внутри. Я развернулся и пошел к дверям.

— Да, вот еще что, — окликнул меня Гасан, — спасибо, что вы вышли в субботу и закончили полуквартальный статистический отчет! Даффер был в восторге!

А вполголоса, обращаясь больше сам к себе, добавил:

— Да, в восторге, хотя ни слова там не понял.

Возможно, Табули еще что-то сказал, но я больше ничего не успел услышать, потому что переступил порог, где меня поджидали…

Во-первых, детектор металла, желавший проверить, нет ли у меня с собой складной снайперской винтовки. Во-вторых, клетка

Фарадея — чтобы установить, нет ли при мне враждебного программного обеспечения. Затем обонятельный детектор химсостава биотел удостоверился, что ни при мне, ни во мне не имеется запретных фармацевтических препаратов, а особый сканер поинтересовался моим магнитным билетом Видеобиблиотеки — уточнил, не смотрел ли я на выходных фильмы предосудительного содержания. После этого я вставил левой рукой мое удостоверение сотрудника компании в контрольное устройство, правую ладонь притиснул к экрану дактилоскопа, вытаращенными глазами уставился в жерло сканера глазной сетчатки — одновременно подпрыгивая на одной (левой) ножке и насвистывая первые четыре такта песни «Не забывай меня, Аргентина».

Под мелодичный звон курантов дверь шлюза отъехала в сторону — и я оказался нос к носу с Карлом — стражем последней и мощнейшей линии обороны, истым сыном XXI века, самым электронифицированным и механизированным охранником в Америке — и (не ручаюсь, но догадываюсь) владельцем удостоверения номер 00000002. Каждое утро процедура повторялась. Карл стоял в дверях: суровый, высокий, нечеловечески прямой (благодаря дополнительным серво-моторам в его искусственных коленях и бедрах). Слышался лишь стук медицинского насоса, который, пульсируя в ритме три четверти, бесперебойно снабжал его организм успокоительными и инсулином. Исхудалые пальцы правой руки Карла покоились на рукоятке древнего револьвера, которая высовывалась из набедренной кобуры. Кое-как взяв своей парализованной левой рукой удостоверение, которое я ему вручал. Карл подносил его к глазам — с таким видом, будто держит сердитого живого скорпиона. Щуря затянутые катарактами глаза, Карл напряженно пытался понять, соответствует ли фотография моим чертам лица, и не лучше ли, зря не напрягаясь, пристрелить меня сразу. Ожидая его приговора, я забавлялся тем, что мысленно соединял линиями старческие родимые пятна на его лице, пытаясь получить какое-нибудь изображение. Обычно выходила лошадка.

Тут он улыбался (ПРЕВОСХОДНЫЕ вставные челюсти) и, вручая мне удостоверение, произносил посредством голосового синтезатора (как говорится, продал свою гортань за сигару): «Доброе утро, мистер Берроуз». И, дребезжа, освобождал мне дорогу.

Этот момент мне, кстати, по-настоящему нравился. МИСТЕР Берроуз, видали! Кое-кто называл меня Джеком, а, по неясным мне до сегодняшнего дня причинам, большинство сотрудников МДИ именовало меня «Пайл», но старый Карл всегда говорил:

«Мистер Берроуз» и вообще обращался со мной, как с человеком, а не как с двадцатитрехлетним вчерашним студентом.

Однако в то утро в стандартную последовательность событий вкралось непредвиденное происшествие. Я прошел через клетку и сканеры. Был осмотрен Карлом, аки новые ворота — бараном, после чего услышал любезное: «Доброе утро, мистер Берроуз». Со звоном и скрежетом он уступил мне дорогу, и я, прицепов на карман рубашки свой именной бэдж, вышел в вестибюль. Завернул за угол, к лифтам…

И был едва не сбит с ног стаей бодрых, обаятельных, символизирующих собой равенство всех культур и цивилизаций, отвратительно добросердечных ПРОМОУТЕРОВ (ТОРГОВЫХ АГЕНТОВ).

— Привет! — заявила атлетически сложенная особа женского пола. — Мы представляем компанию «ПИЩА ЖИЗНИ». Только сегодня мы бесплатно предлагаем вам особое лакомство! — Вывернувшись из ее объятий, я срикошетил к противоположной стене коридора.

В ласковые руки престарелой чернокожей особы женского пола.

— Сыночек, верь нам, мы жизнь прожили! — прошамкала та. — Как утро, так хочется выпить чего-нибудь горяченького, вкусненького, чтоб раз — и ожил!

Обманно дернувшись влево, я рванулся вправо — и наскочил на молодую желтолицую особь мужского пола.

— Но, будучи сознательным другом экологии, — сообщил он, — вы хотите получить бесспорные доказательства, что приобретаемый вами продукт помогает окружающей среде…

Мускулистый представитель коренного населения Северной Америки, бесшумно приблизившись ко мне, подставил мне подножку:

— …и не содержит вредных добавок! Падая, я умудрился высвободить локоть — и врезал ему по почкам. Болезненно вскрикнув, он ослабил хватку — а я вскочил на ноги.

Долговязый подросток в электрической инвалидной коляске, резко развернувшись, отпихнул меня к стене:

— Вот почему «ПИЩА ЖИЗНИ» рада представить вам…

Женщина с синдромом Дауна, принадлежащая к нестандартной весовой категории (политнекорректно говоря, упитанная), схватила меня своей мясистой рукой за горло и изо всех сил прижала к стенным панелям:

— …этот принципиально новый напиток для завтрака!

Свободной рукой она сунула мне в лицо стаканчик с чем-то горячим. От стаканчика шел пар. Чуть не вывихнув шею, я

отвернулся от нее и крепко сжал губы. Несколько обжигающих капель, ударившись о мою щеку, сползли за воротник.

Из сумрака выступил вооруженный, одетый в форму охранник МДИ. Наклонился ко мне близко-близко, пахнув ветчиной:

— А ну, не задерживай людей! Попробуй подарочную порцию их продукта. — Он покосился на мой бэдж, после чего прошипел:

— Понял, Джек?

Я посмотрел на него. Посмотрел на промоутеров. Стрельнул глазами в оба конца коридора, надеясь на спасение, — никого, кроме кучки изможденных, перепуганных, дрожащих хлюпиков — одним словом, типичных сотрудников МДИ.

— Премного польщен, — тихо молвил я, улыбнувшись охраннику. Промоутерша, ослабив хватку, приготовила новый стаканчик. Борясь с тошнотой, я зажмурился, опустил голову на грудь и приоткрыл рот.

Почувствовал губами пластиковый ободок стакана. Сделал маленький пробный глоток.

— Ноль сахара, ноль кофеина! — проворковала блондинка.

— Не пачкает вставные зубы, — добавила чернокожая.

— Сто процентов натуральных компонентов, — подчеркнул Азиат.

— Его производство не вредит природе, — заявил коренной американец.

— И что самое великолепное, — заключил парнишка в инвалидной коляске, — при его разработке удалось обойтись без опытов на животных!

— Что скажете? — поинтересовалась женщина, державшая меня за горло.

— Ваше откровенное мнение? — пробасил охранник, занося мое имя и номер в карманный компьютер.

Они сгрудились вокруг меня. Нахальные, как стервятники. Уставились ожидающе.

— Можно еще глоток? — спросил я наконец. Охранник испустил низкий рык. Великанша вновь поднесла к моим губам стаканчик. На этот раз я сделал большой глоток. Подержал напиток во рту. Прислушался к своему носу и вкусовым рецепторам.

— Это кипяток, — вымолвил я наконец.

— НЕТ! — взревели они в унисон. — ЭТО «ГЕЙ-ЗЕРКОЛА»!

Сердито ворча, великанша выпустила меня и отпихнула в сторону. Остальные промоутеры удалились по коридору, чтобы устроить ловушку следующей невинной жертве. Я опрометчиво потратил две минуты, высматривая, куда подевался мой

портфель. Вспомнив, что оставил его дома, я встряхнулся, приосанился и направился было к лифтам…

Тьфу ты черт! Опять этот охранник! Еще не видя его, я почуял стойкую вонь одеколона; услышал жалостные крики четырех крохотных клеток мозгового вещества, тщетно искавших друг друга в его пустой голове. Выступив из сумрака, он преградил мне путь.

— Не нравится мне твой подход к жизни, — он вновь покосился украдкой на мой бэдж, — Джек. Я тебя возьму на заметку.

— Спасибо, очень мило с вашей стороны, — с этими словами я попытался его обойти. Попятившись, он вновь оказался у меня на пути:

— Ты это что? Ты что, больно умным себя считаешь, — он вновь покосился на мой бэдж, — Джек? Ищешь, кому бы нагадить?

— Нет, сэр, разве я посмею вам нагадить. — Я попытался обогнуть его тушу с другой стороны. А он опять меня заблокировал.

— Че с тобой такое, — он в очередной раз покосился на мой бэдж, потом достал ручку и записал мое имя на ладони, — Джек? На мордобой нарываешься?

Попятившись, я нервно улыбнулся:

— Вовсе нет, сэр.

— ТАК КАКОГО ЖЕ ХРЕНА ТЫ У МЕНЯ ПОД НОГАМИ ПУТАЕШЬСЯ??? — Я распластался по стене. Ворча, он протопал по моим ногам и, тяжело ступая, направился в тот конец коридора. Всем своим глубокомысленно сморщенным, скошенным лбом он выражал желание поесть бананов и покачаться на ветках. Я смотрел, как он удаляется — от колена пальцы веером — и на языке у меня вертелись остроумные, на пять с плюсом комментарии. Но я мудро решил придержать их при себе.

МОЗГОВОЙ БАЛЛАСТ* МОЗГОВОЙ БАЛЛАСТ*

МОЗГОВОЙ БАЛЛАСТ* МОЗГОВОЙ БАЛЛАСТ* МОЗГОВОЙ БАЛЛАСТ*

ЦЕЛЬ: Сориентировать вас, в какую именно яму с дерьмом вскоре вляпается Наш Герой.

МДИ = Монолитик Диверсайтинг Интербизнес-корпорейшн.

Компания «Монолитик диверсайтинг интербиз-нескорпорейшн» — это большая компания. Ну о-о-очень большая. Покрупнее, чем валовый национальный продукт очень многих стран. Кстати, среди своих ходят упорные слухи, будто правительство Суматры является филиалом МДИ и принадлежит

ему со всеми потрохами (среди чужих ходят и не такие слухи, но их пересказывать уже неэтично). МДИ запустила свои загребущие бизнес-пальцы в головокружительно-разнообразное, не подвластное никакому практическому уму множество отраслей. Аналитики с Уолл-стрит твердят, что за всей этой кутерьмой скрывается некий фантастически тонкий и блистательно тайный план, но их слушать не надо — они врут, чтобы работы не лишиться. Административная, экономическая и контрольная структура МДИ измерима не иначе, как в единицах «кило-чнс» («чнс» — «черт ногу сломит», «кило-чнс"= 1 000 чнс). По сравнению с ней схема шлюзов чипа «i 786» проста, как десять центов.

МУЛЬТИНХ = Мульти-Национальный Холдинг.

Поднимемся по пищевой цепи, подчиняющейся закону о круговороте веществ в природе. МДИ, в свою очередь, принадлежит единоличному владельцу — МУЛЬТИНХу, инвестиционному консорциуму, созданному кучкой непристойно богатых панъевропейцев, арабов и уроженцев тихоокеанского региона. Первое место среди всех этих полубогов финансового мира занимает сэр Мортон Пинкни Эшкрофт Сент-Джеймс Оукс-бридж д'Колбасински — для друзей просто сэр Эд. Сэр Эд является пред наши жалкие смертные очи раз в год, в виде прямой трансляции по спутниковому телевидению из его особняка на горе Олимп: сердечные поздравления с праздником, сладкое чувство единения — и никаких тебе премиальных.

МИКУФУ = Миеку Куон Фудзитомо

Сэр Эд — или как минимум часть его анатомического строения, к которой он давно и прочно привязан, — в свою очередь, на 50 процентов принадлежит своей бывшей жене Миеку Фудзитомо, из хоккайдской ветви семейства Фудзитомо. О ней мы как-то мало думаем.

Двинувшись в противоположном направлении, мы обнаруживаем, что МДИ, в свою очередь, владеет умопомрачительно пестрым множеством фирм и предприятий в умопомрачительном множестве стран. Эти фирмы и предприятия занимают умопомрачительно пестрое множество зданий, все из которых, однако, обставлены однотипной бледно-серой модульной мебелью, перемежаемой высокими филодендронами перистолистыми в кадках. Особого внимания читателей моего файла заслуживает здание под кодовым наименованием МДИ-305 в живописном городе Лейк-Элмо, штат Миннесота — там-то я, Джек Берроуз, и работал. Насколько мне известно, во всем МДИ-305 не найдется ни одного человека, который хоть что-то бы ДЕЛАЛ. Какое там — МДИ-305 является административным

центром, управляющим примерно дюжиной дочерних компаний (точное число этих компаний каждый день меняется, ибо МДИ ежедневно глотает одни независимые фирмы и выплевывает непережеванными другие. При этом менеджеры старшего звена то взлетают на самый верх, то вылетают на улицу, а рядовые сотрудники служат пушечным мясом в этих схватках — либо, всеми забытые, умирают медленной смертью от скуки). Важнейшие из дочерних компаний:

ЭХМ = Этногрэфикэл Хаусгудз Мануфактуринг

В сотрудничестве с компанией «ПИЩА ЖИЗНИ» (не к ночи будь помянута), ЭХМ выпускает полный набор продуктов питания, запатентованных знаменитостями: замороженный ужин при свечах «Пола Джонс», клюквенные пирожки по-белогвардейско-русски (для микроволновой печи) «Борис-энд-Горби» и лягушечьи лапки «Жак Ширак». Не говоря уже о высококалорийных чипсах «Жир-ин-овски» (всех сортов и не перечислишь).

Все это производится на фабриках в Арканзасе.

ЛАФАС = Лидинг Анкомплишед Фантастик Альтимейт Сайтс.

Недавнее приобретение ЛАФАС олицетворяет собой нашу дерзкую решимость не тратиться на разработку новых изобретений и продуктов — куда проще пожирать мелкие фирмы, которые уже что-то разработали сами. ЛАФАС создал и раскручивает несколько прикладных систем и информационных услуг нового поколения в форматах интерактивного видео, CD-ROM, виртуальной реальности и он-лайнового обслуживания. Их лучший на данный момент хит — серия интерактивных CD-ROM «МЕДИЦИНСКИЕ КАРТЫ ВЕЛИКИХ И ЗНАМЕНИТЫХ», в том числе такие абсолютные бестселлеры, как «В гинекологическом кресле с Мадонной» и «Сильвестр Сталлоне: операция на простате». Что касается второго из них, то, пытаясь разгадать секрет его сумасшедшей популярности, четыре аналитика-маркетолога съехали с катушек сами.

Вся продукция ЛАФАС разрабатывается и кодируется в Силиконовой Канаве (штат Вайоминг), а производится в грязных закоулках Макао и Гонконга.

ТОПР = Текникэл Оперейтив Продакт Рейсинг

ТОПР занимает — понимая это слово как военный термин — два нижних этажа западного крыла МДИ-305. Все иные сведения доступны лишь сотрудникам со специальным допуском — к коим я не отношусь. По всей видимости, они что-то где-то производят и кому-то это что-то продают с огромной прибылью для себя. Все их менеджеры передвигаются на личных «амфибиях».

ЛНУП = Лапшинг-Наушинг Паблишинг

ЛНУП — не только смертельный (по определению) враг ЛАФАСа, не только колыбель, где взросла Мелинда Шарп, но и материнская компания сети книжных магазинов «Мокдиккенс» (создание текстов в присутствии заказчика), издательства «ПВГ» («ПЫЛЬ В ГЛАЗА», подарочные альбомы с платиновым обрезом, причем все обрезы изготовляются из подлинных антикварных аркебуз), выпускающего также сознательно убыточную серию «Престиж, Но!» (научные трактаты) и фантастически прибыльную «Библиотеку Всемирной Бойни» (триллеры; ЛНУПовцы по праву гордятся тем, что у них самый высокий процент конвертации книг в фильмы). Но за что люди действительно обожают ЛНУП, так это за книжки, помогавшие всем коротать счастливое детство: серию «ПОЛИТКОРРЕКТНЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ ЮНЫХ ОСОБ».

Не зною, как вы, а у меня всегда к горлу подступает комок, когда я вспоминаю, как мама усаживала меня к себе на колени и читала мне «Свидетельство о красном головном уборе нестандартной величины». Взять хотя бы тот кусочек в самом конце, когда Волк встречается лицом к лицу с Красным Головным Убором и заставляет ее признать, что она судила его по ложным антропоидно-центрическим стандартам, но в контексте волчьей системы ценностей съедение бабушки — поступок не только простительный, но и морально необходимый. И тут врывается Защитник Зверей и открывает, что на самом-то деле Волк и бабушка были старыми друзьями и что бабушка давным-давно взяла с волка обещание, что он утилизирует ее, если ее качество жизни ухудшится и она будет заедать век новому поколению…

Да-а, нет слов. Это надо совсем без сердца быть, чтобы не пролить ни одной слезинки над такой сценой.

МИСС = Менеджмент энд Информейшен-Сервисиз

Место, где работал я. МИСС — организация-зонтик (хотя было бы уместнее слово «подстилка»), снабжающая «железом», программным обеспечением, информацией и сетевой поддержкой все прочие дочерние компании. В реальности это означает, что мы — «гоферы» реальной реальности (подай-принеси-то-не-знаю-что-туда-не-знаю-куда) и вечно носимся по подвалам, фальшивым потолкам и инфоводам МДИ-305, пытаясь решать чужие проблемы из разряда НИВМО («недостаточно извилин в мозгу оператора»). Мой непосредственный начальник — Гасон Тобули; Табули, в свою очередь, подчиняется Уолтеру Л.Даффу, вице-президенту Административно-Обслуживающего подразделения. Иными словами — три, два, один, пуск! — я обеспечиваю МИСС для МДИ в МДИ-305 на благо ЛАФАС, ТОПР, ЭХМ и ЛНУП,

отчитываясь при этом перед УЛД (ВП АОП), в голове которого ПБ. Теперь ясно?

Да, чуть не забыл…

СССР = @

Это сообщение об ошибке, которое выводят на экран все компьютеры фирмы «Белорус-Пург» перед тем, как скончаться от разрыва процессора. Вот почему мы больше не покупаем технику «красной сборки».

1A. A-A-X

Раздался звон курантов, и лифт объявил: «Четвертый этаж». Зашипели, открываясь, двери. Мыча, блея, расталкивая друг друга, мои коллеги вырвались из кабины и разбрелись по своим загонам. Унылое звяканье колокольчиков у них на шеях разнеслось в сыром утреннем воздухе.

Я, естественно, преувеличиваю. Вообще-то наши именные бэджи не звякают — по крайней мере, в диапазоне, доступном человеческому уху. И думать об этом не смейте. МДИ — компания, идущая в двух шагах впереди авангарда прогресса. Мы — ее ценные и надежные высококвалифицированные работники. Начальство за сотрудниками не шпионит. И лишь по чисто случайному стечению обстоятельств в каждом бэдже имеется крохотная микросхема-шифратор-передатчик, а в потолки МДИ-305 вделаны приемники (как в других зданиях — противопожарные датчики). Бэджи, которые мы обязаны носить не снимая, не имеют никакого отношения к отчетам о трудовой дисциплине персонала, которые ежедневно сдают менеджеры, — отчетам, где точно указывается, когда именно и на какой срок мы удаляемся в туалет, какие интересные химикалии попадаются в нищих телесных выделениях и с кем мы общаемся в обеденный перерыв.

Кстати, ни малейшей связи нет и между такими действиями, как выскальзывание некого предмета из вашей руки и его падение на землю. Мало кому известно, что так называемый «закон земного притяжения» был одним из лучших розыгрышей, придуманных великим шутником Изей (Исааком) Ньютоном. Преклоняясь перед его блестящим остроумием, учителя и профессора физики, передавая секрет из поколения в поколение, уже много веков дурят нашего брата — великие розыгрыши бессмертны.

Так что на самом деле никакой «гравитации» на свете нет.

Дело в другом — Мать Сыра Земля сама не летает и людям не дает. Завистница она и жадюга.

Кстати, о жадности: из-за того, что разбомбленный Западный вход пока еще не восстал из руин, а два нижних этажа оккупированы ТОПР, до нашего отдела я добирался так: войти через Южный вход, прямо и направо по коридору к лифтам, подняться на четвертый, в отдел Кодирования Документов, прямо на север через территорию ЭХМ к выходу на галерею, выйти на галерею (мимо контрольно-пропускного поста с охранником), 200 ярдов вдоль северного фасада здания, в сторону западного крыла,

миновать еще один КПП и — ДАВАЙ БОГ НОГИ — пролететь «Временное чистилище» (затравленно высматривая столетние тени былых временных сотрудников), потихоньку спрямить крюк, пробежав через территорию ЛАФАСовского отдела продаж и маркетинга к лестнице, что была сооружена на случай пожара, и ножками-ножками спуститься на шесть этажей в помещение МИСС (западное крыло, первый этаж).

В тот день я надеялся проскочить. Скотт Юбермэн, (до перехода ЛАФАСа в собственность МДИ — вице-през. по маркпрод., а ныне — менеджер отдела, ответственный за все нелепые поручения, которые мы ему даем в надежде, что он уволится сам) сидел на своем месте. В обычной позе: ноги в кроссовках возлежат на столешнице, над ними колышется свежая спортивная газета («ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ «КОЙОТОВ»?»), из-за газеты порой выглядывает лысеющая, со светлым пушком, макушка. Если затаить дыхание и миновать его кабинет на цыпочках…

Сырые носы моих галош издали писк при соприкосновении с кафельной плиткой. Блин.

Газета с шуршанием повалилась на стол. Подняв глаза, Юбермэн узрел меня:

— Пайл? Как удачно, что я тебя нашел! Сеть опять упала.

Пришлось остановиться и изобразить всем телом, будто меня это ужасно волнует:

— Да?

Юбермэн свернул газету в трубочку, привстал и отвесил шлепок своему «десктопу» — точно щенку, который непочтительно обошелся с красивым ковром.

— Никакой реакции, — сообщил он.

— А локально вы работать можете? На миг его щеки стыдливо зарделись.

— Я, э-э, как-то… — залепетал он. Иными словами, ему это и в голову не приходило. Какая неожиданность.

— Немедленно этим займусь, мистер Юбермэн, — я вновь направился к пожарной лестнице.

— Нет, вы сами посудите, — Юбермэн прокашлялся, поправил галстук и завел свою утреннюю жалобную песнь, без которой ему жизнь была не в жизнь. — Это что же получается? Уже третья а пария сети в текущем году?

Пришлось опять замешкаться:

— Сэр, у нас кое-какие сложности с переносом вашей базы данных на наш сервер, — я потихоньку подвинулся еще на шаг к выходу на лестницу.

— Нет, вы сами посудите, — скрипел Юбермэн, — если на

вашу сеть нельзя положиться, вся моя работа идет коту под хвост. Однозначно коту под хвост, вам понятно?

«Туда ей и дорога», — подумал я, но вслух сказал лишь:

— Мы постараемся ее восстановить как можно быстрее.

— Нет, вы сами посудите, — Юбермэн снова шлепнул «десктоп» газетой, — да у нас таких проблем и в помине не было, пока МДИ нас не купила. Черт возьми, наша старая сеть «Эпплайд Фотоникс» ни разу не падала! Ни разу!

— Да, я слышал. (Столько раз слышал, что уши вянут! Кто б сомневался — дайте мне офис на одном этаже и шестнадцать пользователей, я из любой сети конфетку сделаю!)

— Нет, вы сами посудите, — Юбермэн замялся, пытаясь вспомнить, куда именно клонит, и вяло заключил, — ну, вы сами можете рассудить.

— Угу, — кивнул я и рванулся к лестнице. Юбермэн, развернув газету, вновь углубился в чтение. Я уже нажал на ручку двери, ведущей на лестницу…

И вновь — шуршание бумаги.

— Пайл?

Я замер и обернулся:

— Да, мистер Юбермэн?

— Вы в курсе, что у вас один носок коричневый, а другой — голубой?

Нет, я не был в курсе, но признаваться в этом не собирался:

— Это мода такая, мистер Юбермэн.

— А-а, — ненадолго призадумавшись над этим, он решил вернуться к своим спортивным новостям. Я распахнул дверь, вышел на лестничную клетку и начал спускаться вниз. За миг до того, как дверь с треском захлопнулась за моей спиной, я услышал бормотание Юбермэна:

— Дурацкая, позвольте вам доложить, мода.

Грохоча ботинками по бетонным ступеням, я миновал наглухо заваренные железные двери ТОПР и без особых происшествий добрался до нашего этажа. Однако как только я распахнул дверь МИСС, мой нос ощутил страннейший букет запахов. Холодный сырой воздух. Мокрые заплесневелые листья. Бензин, озон и дым.

Словом, совсем не те ароматы, которые должен источать компьютерный зал.

Швырнув сырую куртку в мою рабочую ячейку, я торопливо содрал с ног галоши, схватил огнетушитель и, подобно собаке-ищейке, ринулся на зловещий запах. Завернув за угол, я узрел…

Я вновь узрел Гасана Табули. (Как он успел меня опередить, черт его задери?) Стоя у распахнутой двери, что вела к наружной

пожарной лестнице, он смотрел на длинный, заросший ряской пруд, расположенный позади МДИ-305. В пруду плавали, радуясь дождю, утки, а в руках у Табули были, соответственно, горящая сигарета и какой-то самопальный приборчик, явно служивший затычкой для сенсоров пожарной сигнализации.

Целый шквал мыслей пронесся по моим извилинам. Налицо было вопиющее нарушение — прежде всего нарушение техники безопасности. Мало того, мой начальник попирал нормы экологии, и нормы здравоохранения, и… и…

Когда все остальные методы не дают успеха, применяй самый тривиальный.

— Гасан?

Табули неспешно обернулся и остановил свой взгляд на мне:

— Что?

Устало, почти машинально, он поднес сигарету к губам и затянулся.

— Э-э-э, вы в курсе, что сеть упала?

— Ага. — Он еще раз затянулся и медленно выдохнул дым.

— А… а?..

— По личному распоряжению Уолтера Даффа, — неторопливо проговорил он, — сеть была отключена сегодня в 6.00.

— Так ее Даффер отключил? Зачем? Табули опять ненадолго припал к сигарете и, отвернувшись, уставился на дождь:

— Без понятия. Я только что узнал, что через пять минут должен к нему явиться для личной беседы. Наверно, тогда он мне и скажет.

— Личная беседа? — я все еще ничего не понимал.

Табули ответил мне — медленно, с толком, расстановкой и состраданием:

— Вы еще молоды, Джек. Ваш трудовой путь только начинается. Жизнь вас еще многому научит, дайте только срок. Джек, когда вы пообтретесь в большом мире, то узнаете, что фирмы живут по своим биологическим часам и развиваются абсолютно предсказуемо, точно личинки майского жука или головастики. — Вновь приложившись к сигарете, он посмотрел на часы. — Какое у нас сегодня число, Джек? Я сосчитал не сразу:

— Пятнадцатое мая?

— Средний день среднего месяца второго квартала, — отозвался Табули. — Если уж модернизировать организационную структуру корпорации, то именно сегодня.

— Сегодня?

В последний раз, глубоко-глубоко затянувшись сигаретой, он выкинул тлеющий бычок в дверь — тот с шипением приземлился

в сырой траве. Табули обернулся ко мне:

— Приятно было с вами работать, Джек. Больше не отзывайтесь на кличку Пайл, хорошо?

И пока я лихорадочно соображал, что сказать, Табули сунул мне «электрозатычку» и побрел вверх по лестнице.

То был последний миг, когда я видел Гасана Табули живым.

Битых десять минут я размышлял, как отключить «затычку» так, чтобы при этом не разбудить сигнализацию. Осуществив в итоге эту операцию, я вернулся в наш отдел. Все прочие сотрудники МИСС уже были на своих местах, а в кабинете Гасана не осталось ничего, кроме голых стен. Ребята из службы ЭООС (Экстренного Оздоровления Окружающей Среды) в белых нейлоновых противотоксичных скафандрах нервно натирали шампунем ковер и пылесосили потолок.

В ближайшей к кабинету Табули ячейке сидел Авраам Рубин. Ежась, точно кот в блошином цирке, тихо бормоча себе под нос псалмы, он производил впечатление человека, который по уши (и даже по мохнатые брови) погружен в работу. Конкретно — в чтение распечаток кодов. Я постучал по алюминиевому косяку у входа в его ячейку.

— Проходи мимо. Ангел Смерти! — возопил Рубин, подпрыгнув в кресле. Крутанулся на месте, узнал меня — и вздохнул:

— Ох, Пайл, это всего лишь ты… Я указал на кабинет Табули:

— Что стряслось, Бубу?

Вместо ответа Рубин схватил себя за бороду, опять задергал плечами, потом принялся зачем-то распутывать свою молельную шаль.

— Вот что я тебе посоветую, — сказал он наконец, поглаживая косяк ячейки, помазанный кровью агнца, — иди себе в свой кубик, сосредоточься па работе и постарайся ничего не видеть, ничего не слышать и ничего не думать…

Выровняв шапочку-кипу, чтобы прикрывала макушку, он вновь уставился в свои свитки с входным кодом и опять загундосил: «…хашем — наследие его, и да упокоится он…»

Да уж, разъяснил, как отрезал. Я сунулся в ячейку Ян Хуань Донга:

— Послушай, Фрэнк…

Фрэнк Донг поднял глаза от какой-то «горящей» документации, поправил бифокальные очки на носу, задумчиво кивнул:

— А-а, Пайл. Конфуций сказал — когда между слонами война, мудрый муравей еще ниже сгибается под своей ношей и держит ухо востро. .

Ладно-ладно. СЛЕДУЮЩИЙ! Теперь мне предстояло обратиться к Чарльзу Мэрфи. Его ячейка находилась на той стороне нашего разветвленного мультиплекса-серпентария. Вообще-то я всегда чувствовал себя неуютно, когда мне приходилось отрывать Чарльза от работы, но тут…

Я постучал по косяку ячейки:

— Извини, Чарльз, можно тебя спросить кое о чем?

Отъехав на своей электрической инвалидной коляске от пульта интерфейса, он развернулся на 180 градусов и уставил на меня свой единственный, налитой кровью глаз:

— СЛУШАЮ? ЧТО ВАМ ТРЕБУЕТСЯ?

Вот черт. Опять он перевел свой голосовой синтезатор в режим «механическая монотонность».

От этого голоса меня всегда пробирал озноб. Понимаете, на моих глазах Фрэнк и Бубу ставили Чарльзу модернизированную версию. Я отлично знал, что голосовой синтезатор Чарльза был способен на целую гамму голосов — от Шварценеггера до Минни Маус. Но Чарльз ловил кайф, общаясь с людьми голосом робота-убийцы!

Я набрался храбрости:

— Ну, это, насчет Гасана. Ты не…

И в ту же секунду сообразил, что просто-напросто даю Чарльзу еще один прекрасный повод для вопля: «ЛИКВИДИРОВАТЬ!» Нет уж, спасибочки.

Я поторопился выкатиться из его ячейки задним ходом:

— Впрочем, не важно. Извини, что помешал. Убравшись из этого района так быстро, как только позволяли приличия, я отправился отлавливать Т'Шомбе Райдер.

Ее я нашел в машинном зале. Она проводила диагностику на одном из инфосерверов, одновременно размешивая растворимый кофе в большой кружке «гейзерколы» и листая свежий номер феминистического антиглянцевого журнала «Антикосмополитен». Кофе уже походил на угольно-черный цемент, но Т'Шомбе рассеянно подсыпала в кружку ложку за ложкой.

— Йо, сестричка!

Развернувшись ко мне в своем вращающемся кресле, она уставилась на меня фирменным взглядом Вупи Голдберг — с насмешливым добродушием, почти не приподнимая тяжелых век:

— Пайл, ты сам-то осознаешь, как лажово такие слова звучат, когда ты их произносить пытаешься?

— Извини, — я захлопнул за собой дверь, плюхнулся в кресло рядом с ней и пожал плечами. — Разве мне есть оправдания? Я — белый молодой человек с Верхнего Среднего Запада. Мои гены раскованности подавлены с самого их рождения.

Встряхнув головой, Т'Шомбе печально улыбнулась:

— Смотри на вещи трезво, Пайл. Ты — белый БОТАНИК с Верхнего Среднего Запада. Никаких генов раскованности у тебя нет и быть не может.

Вдоволь поразмыслив над этим заявлением, я утвердительно кивнул:

— Да, возможно. Думаю, тебе-то лучше знать. Еще раз пожав плечами — для вящего понта — и указал подбородком в сторону уборщиков:

— Так что за фигня приключилась с Гасаном? Т'Шомбе отхлебнула на пробу из своей кружки, скривилась и подсыпала еще дае ложки кофе. — Прежде всего, — начала она. — ты должен пони— мать, что МДИ рьяно проводит в жизнь грибную концепцию взаимоотношений начальства и персонала.

— Грибную концепцию? — сморщил я нос.

— «Держите их в темноте, под слоем навоза», — пояснила она. — Мы узнаем то, что захочет нам сообщить руководство, тогда, когда оно изволит нам это сообщить, и лишь в том случае, если оно вообще решит, что мы должны хоть что-то знать. Покамест можно предположить, что всеобщего увольнения не планируется — иначе у серверов уже стояли бы охранники с гранатометами.

Мои глаза полезли на лоб (разумеется, на мой собственный).

Т'Шомбе кивнула в знак подтверждения:

— Такое уже было — в прошлый раз. Также мы можем предположить, что нас с тобой оставят — иначе мы бы уже сидели и слушали лекцию консультанта по перераспределению кадров. — Тут она замолкла и, надув губы, глубоко задумалась. — Поскольку нам больше ничего неизвестно — то есть знаем мы с гулькин нос — лучше всего тебе сейчас не рыпаться и терпеливо терпеть. Надо будет что-то сделать — тебе скажут.

Поразмыслив над ее словами, я уныло уставился на мои непарные носки и покачал головой:

— Не нравится мне все это. Понимаешь, Гасан мне был ПО ДУШЕ. И мне ужасно жалко, что с ним такое вышло — если я его судьбу правильно себе представляю. Как ты думаешь, удобно будет, если я, типа, сегодня днем позвоню ему домой?

Т'Шомбе так и подпрыгнула:

— И думать забудь! С работы — ни в коем разе, да и с твоего домашнего телефона не стоит. Фирма очень-очень не любит, когда уцелевшие после реорганизации звонят бывшим сотрудникам. А с техникой они чудеса творят — вычислят тебя по Номеру телефонной карты и вообще…

Л я-то думал, что меня уже ничем не удивишь:

— Но…

— Поверь мне, Пайл. — Т'Шомбе помешала ложечкой в кружке, глотнула кофе и тут же чуть его не выплюнула мне в лицо. — Теперь, когда Гасан вычеркнут из списка людей, они на тебя в суд могут подать за то, что ты с ним разговаривал. Да я поспорить готова, что прямо в эту нот минуту копы предъявляют жене Гасана ордер на обыск и ворошат их дом в поисках ворованных ручек и скрепок. — Насильно влив в себя еще глоток кофе, она уставилась на меня змеиным взглядом из-за кружки.

— Но…

— Пайл, стала бы я выдумывать такую чушь, а?

На моих глазах такое много раз было. Меня все еще трясло:

— Но… но… они, что, могут получить сведения о том, кому я ИЗ ДОМА звоню?

— Как-нибудь почитай свой сверхсекретный контракт о найме — то, что мелким шрифтом напечатано. Да ты сам подивишься, от каких прав отказался, когда устроился в МДИ. — Попытавшись допить кофе, Т'Шомбе чуть не поперхнулась и — от греха подальше — вымахнула содержимое кружки прямо на стоявший в углу филодендрон. Растение забилось в конвульсиях и На глазах увяло. — Твоя электронная почта, голосовая почта и электронное рабочее место — псе у них под контролем. Хоть это тебе известно?

— Ну да…

— И всякий раз, когда ты идешь к врачу, в МДИ поступает полный экземпляр твоей истории болезни. Верно?

— Ну да, само собой, — пожал я плечами. — Нездоровый образ жизни одного человека — угроза для всех.

Т'Шомбе только скривилась:

— Пайл, когда ты обновляешь страховой полис на машину, в бумагах надо указывать ее пробег. Ты в курсе, что страховая компания немедленно делится этой информацией с МДИ?

А вот это уже сюрприз.

— Зачем?

— Затем, что МДИ отчитывается перед Управлением общественно-транспортизации населения, — голос Т'Шомбе сварливо задребезжал. — Затем, что государство предписало МДИ пересадить 60 процентов сотрудников с машин на монорельс! — В ее огромных глазах запылал огонек безумия. — Потому что транспортники умножают пробег твоей машины на результаты теста на токсичность выхлопов! Потом из всех этих чисел складывается уровень вредности МДИ для окружающей среды! — Тут Т'Шомбе схватила меня за грудки и затрясла, как тряпичную куклу. — Пайл! Почему, черт тебя задери, я все время торчу в

этом вонючем машинном зале?

Я не мог высказать своего предположения на этот счет — слишком уж бешено она меня трясла.

— Потому что, — ответила она сама, — на все треклятое здание это единственное ЗАЩИЩЕННОЕ место!

В этот миг Т'Шомбе опомнилась. Перестала меня трясти. Перестала цепляться за мою рубашку и позволила мне тихо сползти на пол. Бухнулась рядом со мной.

— Защищенное, — шептали ее губы. — По сверх-высшему классу. Никаких камер. Никакой видеосвязи с внешним миром. Никаких ретрансляторов. Никто нас не в силах увидеть.

Она придвинулась ко мне, щекоча губами мое ухо.

— Защищенное, — произнесла она низким, страстным голосом.

От запаха ее пота и духов мой разум помутился. Нежные волоски у меня на ушах затрепетали от ее влажного, теплого дыхания. Затрепетал и я, предчувствуя развязку. Господи Исусе, если я правильно понял, чего она хочет… Вот это да! В потаенной комнате, на работе, наедине с опытной и привлекательной взрослой женщиной — понимаете, я, конечно, о таком читал на страничке WWW.penthouse.mag.com, но мне и в голову не приходило… ну, иногда приходило, но разве я мог поверить…

— Защищенное, — повторила она еще тише. — Никакой аудиосвязи. — Я воровато заглянул (всего на миг) в ее вольное декольте и пустил в ход псе резервы смелости, чтобы поднять непослушную руку к верхней пуговице ее блузки. — Никто нас не в силах услышать, Пайл, — и одними губами добавила: — Кроме Повелителя.

По моей спине сбежала какая-то тварь с холодными чешуйчатыми лапками. Рука моя замерла в воздухе.

— Повелителя, Т'Шомбе?

— Т-с-с. — Она поднесла к моим губам палец с безупречным маникюром и указала на филодендрон в углу. — Он слушает.

Я поглядел в угол. Поглядел на нее. Моргнул.

Опять поглядел на нее:

— Это… растение… Повелитель? Т'Шомбе заулыбалась, хихикнула:

— Ну конечно же нет, дурачина.

Облегченно вздохнув, я попятился от грани паники. Все нормально, это очередная непостижимая шутка Т'Шомбе…

— Это всего лишь отросток Повелителя, — разъяснила она. — Малюсенький кусочек его гигантского всемирного мозга.

КТО Б СОМНЕВАЛСЯ.

Медленно, опасливо — так, наверное, ходят на цыпочках по

минному полю — я начал приподниматься с пола и отползать от Т'Шомбе.

Та обиженно надулась.

— Не трусь, — сказала она ласково. И закатила глаза: сперва я подумал, будто она прислушивается к голосам в своей голове, потом понял, что она инспектирует стены машинного зала. — Здесь он совершенно беспомощен. Экранирован. Изолирован. Для этого я его сюда и перенесла. — Взгляд Т'Шомбе снова уперся в меня. — Чтобы я могла изучать его в надежном месте. Углубленно.

Я уставился в ее коричневые, цвета какао глаза. То, что я в них прочел, перепугало меня до смерти.

Т'Шомбе была абсолютно безумна и безумно серьезна.

— Ну раз так, э-э… — Я умудрился незаметно опереться на руки, привстал и начал готовиться к спринтерскому рывку в сторону двери. Внимательно, глубокомысленно уставился на растение. НА КОЙ ЧЕРТ ОНА РАЗУКРАСИЛА ЕГО БЛЕСТКАМИ?

— А что, этот Повелитель любит наряжаться на Рождество?

Как кошка — тихо, плавно, на четвереньках — Т'Шомбе обошла меня слева.

— Камуфляж, — прошептала она мне в левое ухо. От ее нежного дыхания меня прохватила неудержимая дрожь. — Мне ребята из ТОПР дали. Противорадарный камуфляж. Говорят, глушит телепатическое излучение Повелителя. Меня затрясло еще пуще:

— Ребята из ТОПР?

Т'Шомбе медленно, серьезно кивнула:

— Да-да. О Повелителе они знают все. Даже больше меня.

Так-то.

Ладно-ладно. Я приподнялся с пола и медленно, опасливо встал. Т'Шомбе тоже вскочила.

Я ей улыбнулся. Широкой, дружелюбной, на сто процентов фальшивой улыбкой.

Она, похоже, среагировала положительно.

— Ну, значит, это… — Я замер как вкопанный. У меня слов не было, не то что мыслей.

— Ты никому не скажешь то, что я тебе сказала? — взволнованно прошептала она.

— Нет, — замотал я головой. — Нет, конечно.

— И говорить со мной об этом не будешь — если не здесь?

Я не знал, покачать мне головой или кивнуть, и поэтому проделал то и другое сразу. — Христом Богом клянусь. Плюнь мне в ухо. Не буду.

Т'Шомбе серьезно кивнула:

— Хорошо. Отростки Повелителя — повсюду. Да не обманет тебя их невинная внешность. Я кивнул в ответ:

— Понимаю.

— Более того, — зашептала она, — теперь тебе лучше вернуться в твою ячейку и прикинуться, будто знать ничего не знаешь.

Я кивал без остановки:

— Точно. Отличная мысль. Я мигом.

Смерив меня взглядом, Т'Шомбе улыбнулась:

— Спасибо, Пайл. — Опять поглядела на меня — в ее голову явно заскочила кометой какая-то безумная мысль — и опять сгребла в свои объятия, больно стиснув мне руки. — Я ЗНАЛА, что ты поймешь.

— Спасибо за доверие.

ДОРОГОЙ БОЖЕНЬКА, ВЫТАЩИ МЕНЯ ИЗ ОБЪЯТИЙ ЭТОЙ ЧОКНУТОЙ, ВЫТАЩИ, ВЫТАЩИ, ВЫТАЩИ!!!

Ослабив хватку, она еще раз кивнула и подмигнула мне, после чего дотянулась к дверной ручке.

— Готов вернуться в бой?

Не полагаясь на свой голос (я был готов сорваться на крик), я торопливо кивнул. Она распахнула передо мной дверь.

Я бежал не чуя под собой ног, пока не оказался в своей ячейке.

По сравнению с первым часом моего пребывания на работе остаток утра прошел тихо-мирно. Сеть пока еще не включили, но это не мешало мне работать над локальными файлами, так что, нацепив видеоочки и инфоперчатки, я нырнул в мою рабочую копию бардачной БД отдела маркетинга ЛАФАС.

Люди вроде Юбермэна ошибочно полагают, что работать в виртуальной реальности на реляционных базах данных легко и приятно.

Жаль вас разочаровывать, детки. Галлюцинаторные визуальные метафоры хороши в играх и студенческих проектах, но в мире бизнеса четко структурированная БД — вылитый склад, забитый детскими кубиками с азбукой. А виртуальные

Инструменты, которыми забавляется типичный сотрудник МИСС, удручающе похожи на строительное оборудование: фронтальные загрузчики, Конвейерные сортировщики, компрессоры информации и так далее. Практически единственный шанс повеселиться — сборка объектов для высокоуровневых пользователей, и то надо постараться, чтобы сотворенные вами объекты были видны только посвященным знатокам из МИСС.

Например, сегодня утром мне предстояло создать

разведчика-запросчика для рубахи-парня, нашего общего любимца Скотта Юбермэна. Юзерско-ламерская сторона разведчика — в смысле та его ипостась, которая будет видна Юбермэну и всем прочим рядовым пользователям, — была заимствована мной из стандартной библиотеки образов. Получился учтивый, милый, скользкий лизоблюд — этакий юный яппи в галстуке-бабочке.

Что же до кодовой стороны, зримой лишь в волшебном царстве МИСС-мистиков и МИСС-магов, я слазил в наше тайное хранилище ворованных мультперсонажей и выбрал для бедняги разведчика совсем иную маску — толстого мопса в человеческой одежде, этакий апофеоз плаксивого самодовольства.

— Как живой, — подумал я удовлетворенно.

Около полудня я сохранил свое творение, перезагрузился, снял очки и перчатки и отправился обедать. Столовая находилась на первом этаже южного крыла. Добравшись туда без происшествий, я пристроился в очереди к Бубу Рубину с Фрэнком Донгом и выбрал обычное «особое блюдо дня» (ничего другого все равно не было). Бубу докопался, что это замаскированная говядина. У Фрэнка финансы пели романсы (учитывая, что электронные бэджи учитывают буквально каждый наш чих и пук, столовая могла бы принимать чеки — но нет, только наличными!), так что пришлось одолжить ему пару монет.

Ринувшись наудачу в толпу, мы обрели свой традиционный столик у окна — тот, с которого лучше всего видны Телки из Кодирования Документов. Мы ели. Исподтишка стреляли глазами по сторонам. Вздыхали. Бубу выдал свою обычную сентенцию: «Как много девушек хороших, как мало счастья на земле». Фрэнк в очередной раз рассказал нам, что, когда он сюда только устроился, на каждом столе здесь имелась солонка с бесплатной солью — руку на отсечение! Бубу попытался его отвлечь, заметив, что Т'Шомбе опять обедает прямо в машинном зале — домашними бутербродами. Не замечали ли мы за ней каких-нибудь странностей? Я хотел было ответить, но тут заметил в углу за его спиной филодендрон, усыпанный блестками, и поспешил перевести разговор на другую тему.

2. ПЕРЕЗАГРУЗКА

После обеда нам позвонили и велели поднять сеть обратно. Обычно для этой сложной и опасной процедуры требуется как минимум пять человек, шесть терминалов, много крика и беготни…

ФРЭНК (он же Ян Хуанг) Донг возвышается над своим терминалом, вдохновенно вскинув руки над клавиатурой, — так великий пианист настраивает и расстраивает свою тонкую душу перед особенно трудным фортепианным концертом Рахманинова. Седеющий, разменявший шестой десяток, но все еще статный выходец из Азии, он, безусловно, здесь главный. В его глазах, защищенных стеклами очков, — сияющий свет спокойного мужества и отблески неоновых светильников.

Завершив свою краткую медитацию, он полной грудью вдыхает воздух, медленно выдыхает, затем, встав на цыпочки, заглядывает в смежные ячейки — прямо в глаза своим верным помощникам. К их числу относятся:

Т'Шомбе (Бэби) Райдер, полногрудая, красивая, тридцати-с-чем-то-летняя. Должность — старший инженер машинного зала. Несет стражу у дверей вышеупомянутого машинного зала, сжимая в одной сильной, но безупречно ухоженной руке углекислотный огнетушитель, а в другой — гаечный ключ номер 16.

Чарльз (Чарльз) Мэрфи, молодой блистательный гений, по несчастью, прикованный к инвалидной коляске. Должность — младший сетевой аналитик. Полностью подключившись к своему интерфейсу, он вышел в открытое виртуальное пространство и теперь жужжит и пищит, точно игровой автомат в режиме «Завлекалочка».

Авраам (Бубу) Рубин, стареющий разочарованный в жизни, обаятельный невротик. Должность — старший сетевой аналитик. Стоит между парными антикварными терминалами «DEC VT-320», держа ладони на обеих клавиатурах. Будь Кейт Эмерсон хасидом, он выглядел бы именно так.

И последний по очереди, но не последний по разуму — Джек (Пайл) Берроуз. Должность — и.о. младшего помощника инженера по программному обеспечению (на испытательном сроке), он же — статист, парень в красной рубашке. Стоит посреди разветвленного мультиплексо-серпентария. Его правое плечо отягощено стофутовой бухтой кабеля марки «Эфир-Сеть», чресла препоясаны толстым кожаным ремнем с карманчиками, содержащими полный ассортимент магазина «Инструменты».

ФРЭНК: (окидывая испытующим взглядом свою команду): Все

посты готовы?

КОМАНДА: Так точно, сэр!

ФРЭНК: Великолепно. Начинаем инициализацию первой ступени (Фрэнк оборачивается к своему терминалу, нервно закусывает нижнюю губу, набивает на клавиатуре краткую, лаконичную команду): kiti kat / egrep «666»

(Терминал переваривает команду. Издает тихое гудение, выплевывает на экран несколько кляксообразных пикселов. В течение примерно тридцати секунд кажется, будто вообще ничего не происходит. В воздухе нарастает напряжение. Тишина — у всех перехватило дух. И вдруг…)

МЭРФИ: Фрэнк? Наблюдаю аномальный флэттер в коллектимайзере сливного гейта.

ФРЭНК: Ваш анализ, мистер Мэрфи?

МЭРФИ: Пока сложно сказать. Возможно, это просто…

РУБИН: 0-хо-хо… (Наклоняется над левой клавиатурой, берет пару аккордов на клавишах).

ФРЭНК: Авраам?

РУБИН: Это… (Умолкает. Берет еще аккорд). Это левая боковая фибриляционная матрица. По… По-моему…

МЭРФИ: Подтверждаю. Налицо деградация эвристического стабилизатора гейта. В порядке компенсации регулирую дельту-вэ.

РУБИН (обеспокоенно): Ноль реакции.

МЭРФИ: Продолжаю регулировать дельту…

РУБИН (выходя из себя); Ноль реакции, я тебе говорю!

ФРЭНК (Рубину): Возьмите себя в руки, коллега. (Мэрфи): Вы можете ее заблокировать и переключиться на резервную?

МЭРФИ: Есть шанс. По крайней мере, в теории возможно…

РУБИН (срывающимся голосом); Боже мой! Указатели стеков зашкалило к чертовой бабушке! (Обеими руками молотит по левой клавиатуре, отчаянно набирая команды. Терминал отвечает чередой утробных «хрю-хрю» и пронзительных «пинь-пинь», от которых рвутся барабанные перепонки. Рубин бросается к правой клавиатуре. Его пальцы буквально летают над клавишами).

ФРЭНК: Авраам?

РУБИН: Не могу удержать! Вразнос пошло! (Правый терминал тоже начинает попискивать и похрюкивать, вторя левому).

МЭРФИ: Подтверждаю. Прогноз — катастрофический разрыв кэша спустя приблизительно сорок одну, запятая, двадцать пять сотых секунды.

РУБИН (испуганно попятившись от терминалов):

Ничего не выйдет! Теперь только перезагрузка нас спасет!

ФРЭНК: Нет! Победа будет за нами! (Налегает грудью на

клавишу громкой связи): Т'Шомбе! Мипсы, мипсы давай! И побольше!

Т'ШОМБЕ (по какой-то необъяснимой причине — с шотландским акцентом): Делаю все, что могу, Фрэнк. У нее, у родимой, уж силы на исходе!

МЭРФИ: Тридцать секунд до тотального разрыва кэша.

РУБИН: Синхрон-гиллиолстат рванул! Входим в неуправляемый спин!

МЭРФИ: Двадцать пять секунд до тотального разрыва кэша.

ФРЭНК (Рубину и Мэрфи): Держитесь, ребята, держитесь! (В микрофон громкой связи): Т'Шомбе, больше мипсов, черт тебя задери!

Т'ШОМБЕ (перекрикивая шипение работающего огнетушителя): Имейте совесть, наконец! Я тут и так ошметки подбираю!

МЭРФИ; Двадцать секунд до разрыва кэша.

РУБИН (в истерике); Диалектический профилактайзер сдох! А из вентилей зомби с крокодилами — так и прут, так и прут!

ФРЭНК (статисту в красной рубашке): Пайл! Шунтуй латентную позитронную матрицу номер три!

ПАЙЛ: Но, сэр! Это чревато аварией всего… МЭРФИ: Пятнадцать секунд до разрыва кэша. ФРЭНК: Авось пронесет! Шунтуй, Пайл, шунтуй! Это приказ!

ПАЙЛ: Слушаюсь, сэр. Есть переключиться на Бэ. (Пайл торопливо вырывает вилки толстых кабелей из их слотов, меняет местами, втыкает в другие слоты, затем переключает резервный мег-юкс-конвертер в диагностический режим. Пульт зажигается разноцветными огнями — вылитая рождественская елка на утреннике для кислотной молодежи).

РУБИН: Буфер прорвало! (Выскакивает из своей ячейки.) Демоны, демоны. Демоны плодятся и размножаются прямо под ногами!

ФРЭНК: Не сметь покидать пост, мистер Рубин! (В микрофон громкой связи): Т'Шомбе, немедленно мипсы, или я за себя не отвечаю!

МЭРФИ: Десять секунд до разрыва кэша!

Т'ШОМБЕ (ворчливо): Ну ладно, ладно. Это что же получается: честный служащий не может честно пойти кофе перехватить, чтобы…

МЭРФИ: Пять секунд до разрыва кэша!

РУБИН (воет); Смерть наша пришла! (Долгая, драматичная пауза. Рубин кусает собственные запястья, Фрэнк, застыв, как статуя, угрожающе заносит над клавиатурой когтистые лапы — точнее, сведенные судорогой руки. Он будет вводить команды до

самого последнего мига. Мэрфи ритмично попискивает, отсчитывая последние, кажущиеся бесконечными секунды до финала. Пойл — впрочем, кому он нужен? Из машинного зала доносится пыхтение агонизирующего огнетушителя. И вдруг…)

КОМПЬЮТЕР (голосом, странно напоминающим одновременно Опру Уинфри и динозаврика Барни): Всем-всем-всем — доброе утро! Как я рад быть рядом с вами, как мне хочется вновь окунуться в увлекательные повседневные заботы МДИ! О, как же я счастлив — просто петь хочется! Маэстро, соблаговолите ли вы? (Инструментальное вступление. Компьютер поет.) О, Дэзи, Дэзи, дай мне ответ. Ну же, подтягивайте! Схожу с ума я, так «да» иль «нет»?

ФРЭНК (отключает аудиоколонки. Из его груди вырывается громкий вздох облегчения): Ну-с. (Окидывает всех взглядом, кивает): Молодцы, ребята. Сдюжили! Спасибо. (Внезапно вновь преображается в сурового капитана индустрии. Указывает на Пайла): Пайл, сходите гляньте, не надо ли помочь Т'Шомбе с инвентаризацией повреждений. (После ухода Пайла — Рубину, тихо): — Авраам, какая муха вас сегодня укусила?

РУБИН: Я…

ФРЭНК: Не тратьте зря свое красноречие, мистер. Чтобы до 7.00 завтрашнего дня на моем столе была ваша исчерпывающая объяснительная.

Как я уже говорил, в обычной ситуации воскрешение сети — дело тонкое и небезопасное. Однако в тот день на нашем этаже не было представителей менеджмента и маркетинга, так что от стандартной процедуры мы отказались, а просто послали Т'Шомбе к терминалу в машинный зал, чтобы она ввела односложную команду «start» — ту самую, с помощью которой в действительности запускается компьютер. Потом она вернулась в ячейку Фрэнка, где уже сидели мы с Бубу и занимались творческим толчением воды в ступе. Насколько мне помнится, разговор вращался вокруг телесериалов начала 80-х и тридцати трех причин их занудности, но поскольку в обсуждаемый исторический период моей любимой одеждой были памперсы «Хаггиз», я мог лишь гордо опираться о дверной косяк, чувствуя себя слегка чужим на празднике их жизни.

Беседа резко прервалась, когда сеть завершила процедуру запуска, выпустила залп автологинов и все рабочие станции отдела разом запищали и замигали желтенькими лампочками, требуя принять «СВЕРХСРОЧНЫЕ» сообщения.

Фрэнк отмочил фортель под названием «полет босса» (то есть, оттолкнувшись пятками от пола, задом наперед прокатился на своем колесном кресле по ковру — в данном случае держа

курс на терминал) и подтвердил прием сообщения. На его мониторе распахнулось окошко в мерцающей ядовито-ало-зеленой рамке (тип интерфейса, известный среди дизайнеров под названием «Рождество в супермаркете»), автоматическое сообщение-о-подтверждении-приема унеслось по проводам куда Бог-энд-Томпсон-энд-Ричи пошлют, а шесть самых шумных звонков заткнулись.

Бубу взволнованно зевнул:

— Что-нибудь важное?

Поправив очки, Фрэнк пробежал весть глазами:

— Не-а. Это опять Даффер — сообщает, что система электронной почты упала и не будем ли мы добры ее поднять.

Запустив пальцы глубоко в бороду, Бубу почесал свой подбородок:

— Ага. Система электронной почты упала — вот он и прислал нам электронной почтой электронную просьбу о ее починке.

— Вот так и живем. Бубу кивнул:

— Интересно, кому он звонит, когда у него ломается телефон?

В разговор влезла с ногами Т'Шомбе:

— Спорим, когда он превышает в банке кредит, то покрывает этот долг выписывая чеки. На этот самый банк. — И все трое захохотали. Я как-то не уловил, что смешного в последнем замечании, но предпочел подхихикнуть честной компании.

Чем и привлек к себе всеобщее внимание. Фрэнк обратился ко мне:

— Слушайте, Пайл. Разберитесь, наконец, с этими… — Он взмахнул рукой, указывая на все остальные вопящие рабочие станции, которым тоже хотелось, чтобы кто-то подтвердил, что они принимают мессаги.

— Конечно. — Оттолкнувшись от перегородки, я обежал вокруг отдела, на ходу принимая и уничтожая все сообщения.

Видите ли, система электронной почты МДИ страдала классическим синдромом КККМ (крупнокорпоративной картины мира). В один прекрасный день какой-то житель верхов узрел в пророческом сне, что менеджерам среднего звена следует беречь гриф «Срочно!» для сообщений жизненной важности — да и то не для всех подряд. В этой связи, поскольку содержание срочных сообщений, по определению, считалось чрезвычайно насущным, было решено, что служащие непременно должны читать эти сообщения — а потому обязаны подтверждать их прием и отсылку путем физического нажатия материальной клавиши.

Эта обязанность служащих и стала краеугольным принципом системы. Обойти ее или переиграть на уровне софта невозможно.

Чарльзу Мэрфи — и тому приходится выскальзывать из тесных объятий своего интерфейса, поднимать дрожащую руку — единственную, которая у него функционирует, — и долбить вслепую по стандартной клавиатуре, пока ему не удастся задеть одновременно «Control» и букву «V».

Я немного постоял у входа в его стойло-ячейку, глядя, как он мыкается. Бедняга. По опыту я уже знал, с каким непроходимым упрямством он пытается сам себя обслуживать при взаимодействии с материальными объектами: но все же мне ужасно хотелось ему помочь. Вот только какой бы выдумать способ помощи, чтобы он не чувствовал себя униженным? Да, церебральный паралич — не шутка.

Но оставим эту веселенькую тему.

Кстати, само сообщение было великолепным образчиком МДИ-мышления. Уолтер Дафф разослал эту весть — с грифом «СРОЧНО, ВЫСЛАТЬ КОПИЮ В КАЧЕСТВЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ» — всем пользователям Административно-обслуживающего подразделения. Включая сотрудников наших филиалов на других континентах. Будут идти годы, и зеркальные копии этого сообщения ежедневно будут возвращаться на рабочую станцию Даффа: люди, случайно забредающие на «спящие» почтовые ящики, чертыхаясь, будут выбираться «контролом-Вэ» из этого сообщения, чтобы вернуть себе власть над своими рабочими местами. МДИ придется архивировать тысячи и тысячи копий этого сообщения, тратя гигагибайты полезного инфопространства. Оно займет свое место в рядах других архивированных по глупости сообщений, хранящих для любопытных потомков насущные подробности футбольных матчей, кулинарных рецептов, похабных «анекдотов дня» и прочее культурное наследие начала XXI века.

Не верь поговорке «алмазы навсегда». Алмазы — сотрутся, электронная почта останется.

Как только я подтвердил и стер последний экземпляр сообщения, пришло новое и вновь заблокировало все станции. Правда, оно было менее идиотским: через 30 минут общее собрание в конференц-зале нашего родного АОП (Административно-Обслуживающего подразделения). Я вновь обежал вокруг отдела, выпуская компьютеры из капканов, а Бубу тем временем расконспирировал и запустил наш экземпляр «Мясорубки для локальных сетей». Мы разошлись по нашим стойлам, напялили видеоочки и инфоперчатки и приступили к решению серьезного вопроса: кто останется нянчить серверы, пока все остальные будут отсиживать задницы на собрании.

Для шести — восьми чудаков, которые все последние годы

прожили в юрте посреди Внутренней Монголии и никогда не играли в «Мясорубку», — знайте, что это то самое, ради чего была изобретена виртуальная реальность. А выглядит «Мясорубка» вот как: вы и горстка ваших ближайших друзей отправляетесь в трехмерный виртуальный мир. Это может быть разрушенный замок, государственная биржа труда или еще какое-нибудь кошмарное местечко. Ваша задача — найти друг друга, состыковаться и сделать все, что требуется по сценарию: надыбать оружие и сокровища, выйти живыми из схваток с зомби, демонами, регистраторшами и прочими мерзкими, кровожадными существами — словом, обычное дело. Собрав все нужное и устранив всех ненужных, вы пробираетесь к выходу и конвертируете добычу в призовые очки для следующего раунда.

Таковы правила — в теории.

На практике в «Мясорубку» играют совсем по другим правилам — если это вообще правила. Окажись в реальной «Мясорубке» сам Бэтмен, ему мигом бы завязали рейтузы двойным гордиевым узлом — не снимая их с владельца. А всего делов: телепортируешься в виртуальный мир, хватаешь самую большую алебарду, какая только попадается тебе под руку (предполагается, что твоя рука уже в стальной рукавице), и идешь мочить своих Друзей.

Тогда и добычей делиться не придется, и личностная мотивация сильнее. И виртуальность становится намного ближе к реальности.

Шлемофон — надет, микрофон — включен, видеоочки — отфокусированы, перчатки — натянуты на руки. Пулей пролетев через заставку и меню, я вывел из анабиоза своего любимого персонажа и окунулся в игру. Реальность растаяла, потекла струйками по стенкам…

Вновь полуразрушенный замок. Я стоял в передней. Слышалось, как чешутся и повизгивают блохастые крысы, пробегая у самых моих ног, да скрипят заржавленные петли входной, парадной двери у меня за спиной. Назад дороги нет: много раз я пытался обернуться как можно быстрее — и всякий раз обнаруживал, что дверь уже захлопнулась. Я спешно огляделся по сторонам — убедиться, что я пока один и что мы по-прежнему играем на четвертом («По щиколотку в крови») уровне (как-то раз Бубу случайно запустил пятый — «Брайан Де Пальма встает не с той ноги» — уровень, и не успел я трех шагов ступить, как стая скаутов-мутантов содрала с меня кожу. Заживо).

Ни единой души. Отлично. Удержавшись от соблазна выдернуть из кольца на правой стене еле тлеющий факел (прикосновение к нему откидывает крышку потайного люка, и

игра на этом кончается), я слился с сумраком в районе левой стены и направился к пиршественному залу.

Перед самым входом в него (украшенным стрельчатой аркой), я замешкался. Путь к залу из передней был сопряжен с некоторым риском. Если людоед не спит, он совсем рядом — подпирает арку слева. Стандартный протокол встречи с людоедом включал в себя следующие процедуры: вбежать в зал, привлечь его внимание, выбежать назад в коридор, затаиться и ждать, пока разыскивающий тебя людоед не проколбасит мимо. В этот самый момент приставляешь свой дробовик к заднице великана и спускаешь курок, украшая его кишками всю стену напротив. На взрывающихся внутренностях дизайнер игры оттянулся от души.

Беда была в том, что для всего этого требовался дробовик — в данный момент преспокойно висевший на стене оружейной. Если б я попал в замок через садовую калитку или дверь для посудомоек, дела обстояли бы куда лучше — а так, похоже, песенка моя спета.

Запасной вариант: понадеявшись, что людоед дрыхнет, стремглав перебежать через пиршественный зал и, по возможности, добраться до потайной двери за гобеленом в галерее, прежде чем людоед догонит и приготовит из твоих мозгов фарш. Некоторое время я колебался.

«Блин, — одернул я себя, — это ведь только игра». Проскользнул в арку, ожидая услышать тяжелые шаги людоеда — но до меня доносился лишь свист ветра в старинных мини-жалюзи и слабые крики виртуальных статистов, которых четвертовали в застенках. Сочтя эти звуки добрым предзнаменованием, я набрал в грудь воздуха, выставил кулаки вперед и безумным спринтером рванул через зал.

Когда приходится управлять персонажем с помощью перчатки, трудно убедить себя в том, что ты действительно бежишь. Говорят, фирма «Найк» выбросила на рынок инфокроссовки, но их можно использовать лишь в Самой Скучной Компьютерной Игре на Свете — симуляторе «Бег от инфаркта».

Где-то за моей спиной взревел увидевший меня людоед (десять баллов за пространственные стереоэффекты). Я услышал грозное звяканье подбитых железом сапог, да «свись-свись» рассекающей воздух гигантской дубинки — совсем как в тот раз, когда отец Дарлены застиг нас в подвале. Хорошо еще, что сейчас мне не приходилось удирать со спущенными штанами,

Итак, я перебежал через пиршественный зал, сохранив голову в целости, ухватился за истлевшее знамя и, раскачавшись на нем, с рекордной скоростью пролетел над ямой с огнедышащими ящерами, повернул, не касаясь пола, направо — и вот я уже у

входа в галерею. Сзади донеслись звуки схватки — людоед на секунду замешкался, чтобы поучить ящеров вежливости при помощи дубинки. Отсюда уже был виден гобелен, скрывающий дверь, мне бы еще пару секундочек…

Гобелен дрогнул, отъехал в сторону, и внезапно из потайной двери вышел белокурый, великанского роста викинг. Одет он был в меховую набедренную повязку, кирзовые сапоги и остроконечный стальной шлем с рожками. Грудь у него была такая широкая, что Шварценеггер на его фоне показался бы хлюпиком, набухшие мускулистые конечности больше напоминали древесные стволы. В стандартном, зашитом в «Мясорубку» наборе злодеев не было ни одного, хоть сколько-нибудь похожего на этого типа. И в стандартном наборе персонажей игроков — тоже.

Волноваться из-за новоприбывшего мне было особо некогда. За спиной у меня сопел и гремел сапогами людоед; ну а викинг застыл передо мной, изгибая губы в безумной улыбочке и поигрывая двуострым мечом, огромным, как мужское достоинство Кинг-Конга. Все, что я мог, — это посторониться вправо.

И я посторонился. Белокурый великан с криком «Кром!» крутанул мечом, как тамбурмажор — своим жезлом. Раздался сырой шлепок — и надо мной пролетела голова людоеда, а за ней еще кое-какие крупные фрагменты его тела. Оставалось заключить, что белокурый на моей стороне.

Викинг полюбовался плодами своего труда. Затем, явно удовлетворенный свершениями, обернулся ко мне, улыбнулся и вновь принялся крутить мечом. Рассекая воздух в алом танце смерти, блистающая сталь издавала звук, странно напоминающий об электробурьянокосилке. Пересмотрев свое мнение, я попытался незаметно удалиться. Викинг двинулся ко мне. Свет факелов на миг озарил его лицо — и, разглядев его черты за секунду до смертоносного удара, я успел лишь задохнуться от ужаса:

— И ТЫ, МЭРФИ?

Мифриловый клинок издал короткое: «Х-хе!» — и голова моя весело запрыгала по коридору, а виртуальный мир вокруг поплыл, расплавился, начал застывать, принимая облик реальности…

«Control-Option-E».

Что, не ожидали? В «Мясорубке» есть команда отладки, к которой какой-то растяпа из числа перигеевских программистов (а чего от них еще ожидать?) забыл преградить доступ со стороны игроков (но это относится лишь к версии 2-х). Стоит нажать «Control-Option-E» в нужный момент — к примеру, когда тебя уже

замочили, но еще не выкинули обратно на стартовое меню, — и ты переходишь в режим «ревизор».

Ревизор в «Мясорубке» — все равно что, извините за эрудицию, призрак в Опере. Бродишь, где хочешь, проходишь через стены и двери, слышишь и видишь все, что говорят и делают другие игроки, но сам остаешься для них невидимкой-неслышимкой. Если вдруг на садизм потянет, можно также передвигать невидимые предметы, но от этого соблазна я обычно старался воздерживаться. Похоже, больше никто из наших не знал о ревизорском режиме, а я сам не торопился делиться секретами…

Факт тот, что в данный момент мне жутко хотелось выяснить, как Чарльз Мэрфи умудрился вырастить из своего персонажа этого самого Конана 0'Рурка. Так что я отзеркалил его команды на моего персонажа — теперь, куда бы Конан ни шел, мой призрак брел у него в кильватере, в трех шагах. Слежка началась.

Следующим в списке на шинкование оказался Фрэнк.

Чарльз, как выяснилось, знал все потайные ходы, выходы и двери лучше, чем свои пять пальцев. От туннеля, что за гобеленом, отходил боковой коридор, который я всегда считал тупиком. Однако Чарльз лениво потянулся, ткнул кончиком меча в некий кирпичик наверху, и потолок раздвинулся, открыв путь к лесенке, ведущей на следующий этаж. Убрав меч в ножны, Чарльз-Конан одним бравым прыжком достиг нижней ступеньки лестницы — м-да, у семифутового роста есть свои преимущества — и пулей взбежал по лестнице. Потолок бесшумно схлопнулся за нами, а мы вынырнули из люка в библиотеке — под столом.

Итак, Чарльз, согнувшись в три погибели, затаился под столом — а в комнату тем временем на цыпочках вошел Фрэнк. Вообще-то библиотека считалась островком безопасности: парочка сокровищ в темных углах да маломощный револьвер, спрятанный в тайнике внутри книжки «Речное право на Миссисипи» — вот и все. Правда, иногда среди стеллажей прогуливались упыри-аспиранты.

Кроме того, прямо за стеклянными дверьми начиналась терраса, где обитало с полдюжины первостатейных кошмаров, так что, войдя в комнату, Фрэнк неотрывно смотрел в сторону террасы. К нам он был обращен спиной.

Что его и сгубило.

Метод, избранный Чарльзом, отличался утонченным садизмом. Я думал, что он выскочит из-под стола, выхватит свой обоюдоострый меч и изрубит Фрэнка в салат. Однако Чарльз выждал, пока Фрэнк приблизится к окну, и только тогда, наскочив на него сзади, вышиб Фрэнком стекло. Разодранный на

множество ленточек, истекающий кровью, воя от изумления и неожиданности, Фрэнк плюхнулся в фонтан с кипящей серной кислотой.

Сцена его агонии получилась у дизайнера весьма отвратной, подробной и гротесковой, так что, разорвав контакт с Чарльзом, я задержался ею полюбоваться. Круто.

Внутренний комментарий, сопровождающий гибель персонажа игры в кислотном фонтане, обычно звучит так: «Это же суп!»

Когда Фрэнк окончательно разварился, я решил еще немного побродить по следам Чарльза и застал его состязающимся в беге с Бубу. Идея состояла в том, чтобы первым достичь оружейной (и добыть висящий над камином дробовик). Чарльз опередил Бубу без труда и первой же пулей разорвал его на две половинки. Поскольку оставалось еще пять зарядов, Чарльз решил с ходу пустить их в дело. Кусочки Бубу еще можно было узнать, когда я вновь оторвался от Чарльза и пошел посмотреть, не удастся ли мне выручить Т'Шомбе.

Какое-то время казалось, что шансы на спасение у нее есть. Наплевав на верхние этажи (разумный ход, но все мы задним умом крепки), она спрыгнула прямиком в катакомбы и к тому моменту, когда я ее нагнал, уже надыбала где-то BFG-2000 — табельное оружие десантника. По праву призрака я оставил для нее за ближайшим углом пару патронных лент, но пока я разыскивал красный ключик, отпирающий катакомбы изнутри, она сунулась не туда и была захвачена врасплох слюнявым свинодемоном.

Итак, установив с научной точностью, что Чарльз лучше всех подготовлен для заочного присутствия на собрании, мы выстроились в колонну по одному, посетили на посошок туалет — и поплелись в конференц-зал.

3. КАТАКЛИЗМ!

Собрание. Наш конференц-зал можно сравнить с… гм, со стандартным конференц-залом. Большой. На общем изысканно-сером фоне выгодно выделяются бледно-бордовые и до-блеска-хромированные пятна. Светильники, спрятанные в специальные ниши, озаряют зал мягким светом. И как минимум полдюжины неэкранированных филодендронов нагло выставляют себя напоказ, восседая в керамических настенных кашпо (Т'Шомбе опасливо покосилась на них и попятилась). По замыслу архитекторов, в зале можно было с комфортом разместить сто человек. Сейчас туда набилось человек сто двадцать — если причислять менеджеров к людям. Большинство делегаций от других отделов прибыло раньше нас, так что мы попробовали тихонько присоединиться к толпе стоящих в глубине зала, за последним рядом стульев — но Даффер, заметив, как предательски сверкнула полуобнаженная грудь Т'Шомбе, гостеприимно призвал нас занять четыре свободных места в первом ряду.

Все говорило за то, что это не просто собрание, а Событие. Мало того, что стулья на сей раз были расставлены аккуратными, четкими — прямо как церковные скамьи — рядами (обычно они кучковались хаотичными созвездиями). Мало того что все шесть уцелевших заведующих отделами АФ восседали за длинным, покрытым белой скатертью столом перед залом, точно участники телевикторины (Бубу, перегнувшись, шепнул кому-то:

«Алекс, я выбираю Знаменитые Циститы, призовой фонд 500 долларов»). Мало того что в точном корпоративно-политическом центре стола располагалась портативная кафедра с микрофоном.

Главное в том, что вся эта фигня: стол, кафедра, начальники — находилась на переносном помосте, а работы по монтажу этого помоста, согласно уставу профсоюза столяров, следовало обговаривать заранее — не меньше, чем с восьминедельной форой и за два раунда переговоров профсоюзных боссов с начальством. Отсюда следовало, что смертный приговор висел над Гасаном уже несколько месяцев.

(Возможно, у вас напрашивается вопрос: почему, невзирая на прогресс в мультимедийных технологиях, понадобилось загонять всех сотрудников в одно помещение, чтобы начальство обратилось к ним с речью? Можете также спросить, почему уже двадцать пять лет эпоха домашних офисов все Не За Горами да Не За Горами, а мы по-прежнему ездим на работу, хотя могли бы просто посылать то, что делаем дома, по модему. Почему бушуют

кровавые войны между отделами и филиалами, пожирающие фирмы изнутри. А почему в журналах для деловых людей все еще печатаются восторженные статьи о грядущих «послезавтра» офисах без бумаги? Ответ получите один, самый очевидный: «Мы вам платим не за то, чтобы вы вопросы задавали. Заткнитесь и займитесь работой».)

Наболтавшись вдоволь с хорошенькой новенькой из Кодирования Документов, Уолтер Дафф обошел стол и взошел на кафедру. Несколько раз постучал по микрофону, удостоверяясь, что мы внимательно его слушаем и в то же самое время проверяя на пугливость бедняг, сидящих прямо под динамиками. Затем налил себе стакан воды из графина и сделал пробный глоток. Настроился на ораторский лад. Набрал в грудь воздуха. Зал затих в ожидании.

— Добрый де…

«Дзинь»! Раздался деловитый, бесполый голос говорящего пейджера: «Ванесса Шварц, в приемной вас ждет гость. Ванесса Шварц, в приемной вас ждет гость».

Начальница отдела Дефицита Тонера и Бумажных Засоров вскочила, вытащила свой ЛОМ (личный органайзер-менеджер) и уставилась на его микроэкран. «О черт! — вскричала она с чуть-чуть слишком хорошо отрепетированным смятением в голосе. — Неужели я назначила ему на СЕГОДНЯ?» Шварц обернулась к Дафферу:

— Прошу прощения, мистер Дафф, но я уже месяц пытаюсь заполучить к нам этого торгового агента. Вы позволите…

Даффер милосердно улыбнулся, сделав рукой всепрощающий жест. Но стоило Шварц повернуться к нему спиной, как из его глаз излетел целый залп отравленных пылающих стрел, громов и молний. Когда раздвижная дверь закрылась за ней, Даффер вновь обернулся к нам, набрал в грудь воздуха и вновь заговорил:

— Добрый день, дорогие коллеги по МДИ. Не сом…

«Би-ип!» Фредерико Сингх, менеджер отдела Линейных Полимерно-Пленочных Клеящих Средств, сорвал с кушака пейджер и с ужасом уставился на его экран. Шевеля губами, прочел сообщение (я небольшой специалист читать по губам, но, по моему, оно гласило «На Марсе обнаружена статуя Элвиса!») Ахая и закатывая глаза, Сингх перечитал сообщение трижды, затем перехватил взгляд Даффа:

— Сэр, я…

Даффер с легкой улыбкой кивнул:

— Понимаю, Фредерико. Надо, так надо. Я вас позднее введу в курс дела.

— Благодарю вас, сэр. Благодарю. — Сингх встал, вновь

прицепил пейджер к кушаку и, наученный горьким примером Шварц, вышел из зала, пятясь и отвешивая Дафферу поклоны.

Батч Копецки, заведующая отделом Взаимопомощи Рабочей Силы, ухватилась за счастливый случай, — Погоди, Фредерико! — вскричала она. — Я могу помочь! — И, даже не поглядев на Даффера, вылетела из зала.

Лицо Даффа оставалось невозмутимо-сияющим, но пальцы, судорожно сжимавшие край кафедры, побелели. Глубоко вдохнув и скрипнув зубами, он в очередной раз попытался начать:

— Добрый д…

«З-з-з!!!» Зак Джонс, глава отдела Пропаганды Позитивного Мировосприятия, достал свой сотовый телефон, повернулся к толпе спиной и заговорил театральным, чуть-чуть слишком громогласным шепотом:

— Да?.. Зайка, я же просил тебя никогда не… У нас тут собрание, и я… Да-да, сегодня вечером, я же обещал… да, твою старую форму маржоретки, а я привезу вишни…Нет, я… Да не волнуйся, она поехала с детьми на неделю к мамаше… Но… Да нет же, зайка… Зайка? Зайка, ПРОШУ ТЕБЯ…

Джонс нервно сложил телефон и повернулся к Дафферу:

— Сэр, мне только что сообщили, что…

Даффер, скривившись, указал пальцем на дверь. Джонс бежал, а Дафф уставил свои налитые кровью глаза на двоих оставшихся начальников отделов. Не то улыбнувшись, не то оскалив клыки, он послал им телепатический вызов, который уловил даже я.

«Ну?»

Именно в этот миг в зал ворвался Пибоди («этот проныра Пибоди») из Бумагоподшивочных Систем, размахивая кипой еще горячих факсов:

— Мистер Фейзерстоун! Критический дефицит 9023-х в…

Дейв Фейзерстоун, глава ОБС, испепелил Пибоди взглядом, проговорил одними губами: «Где тебя носило, кретин?», а вслух кротко произнес:

— О, не переживайте так, Пибоди. Бьюсь об заклад, это не столь уж опасно. Ведь речь идет всего лишь о скрепках.

После чего вновь обернулся к Даффу, мило улыбнулся и сказал:

— Итак, Уолтер?

Даффер на миг замер, сощурив пылающие, подозрительные глаза. Кое-как совладав с собой, он пригладил волосы на висках, облизал губы и вновь попытался начать речь:

— Добрый день, дороги…

Прервался. Злобно огляделся по сторонам, бросая аудитории

вызов. Никто не осмелился ни слова сказать, ни шевельнуться, ни, раз уж на то пошло, перевести дух.

— Так-то лучше, — пробормотал Даффер. Еще один глоток ледяной воды, еще одна попытка пригладить седые власы, еще одно начало речи.

— Добрый день, дорогие коллеги по МДИ. Не сомневаюсь, что вы уже сыты по горло разнообразными дикими слухами и беспочвенными предположениями. Я инициативизировал это собрание, дабы произвести ввод наивозможно достоверной информации.

Он прервался, чтобы пронзить нас всех четверых в переднем ряду одним взглядом, — и вновь уткнулся в свою шпаргалку.

— Отдел МИСС подвергся реорганизации, — сказал он сухо. — Гасан Табули больше не работает в нашей компании. Если у вас есть какие-то вопросы относительно этого решения, консультанты по перераспределению рабсилы будут рады перевести вас в ранг пост-сотрудников.

Даффер поднял глаза от кафедры:

— У кого есть вопросы?

Было так тихо, что, наверно, можно было бы услышать, как мышь какает.

— Так я и думал, — заключил он. Затем покосился влево. Очевидно, в кулисах кто-то ожидал своего выхода.

Дафф на глазах расцвел, попробовал приветливо улыбнуться и вообще переключился в режим отеческой ласки.

— Вы будете рады узнать, что поиски НОВОГО заведующего МИСС вновь привели нас к решению не брать человека со стороны, но оказать честь одному из наших сотрудников. Храня верность на шей многолетней традиции «Каждому — по способностям», мы приложили все силы, чтобы найти человека, чей потенциал намного превосходит… (Перегнувшись через меня, Т'Шомбе шепнула Рубину:

— Спорим на десять баксов, что Юбермэн!)

— Человека, чьи феноменальные способности долго недооценивались…

(Бубу расслабился, сам перегнулся к Т'Шомбе и прошипел:

— Дудки. Это явно женщина из нацменьшинств.)

— Человека, разделяющего мою концепцию великого будущего подразделения АО.

(Т'Шомбе, заулыбавшись, ткнула себя в грудь:

— Неужто я?)

— Человека, который много раз продемонстрировал свою решительную готовность подставлять вторую щеку…

(Бубу покачал головой:

— Нет, обычные афроамериканцы уже не в моде. Спорим, что они нам нашли гаитянскую лесбиянку.)

— Человека, за чьим личностным и профессиональным ростом я наблюдаю с большим удовольствием…

(— Ага, гаитянскую лесбиянку в инвалидной коляске).

— Женщину, постигшую истинный смысл служения ближним…

(— Нет, бывшую проститутку и рецидивистку, гаитянскую лесбиянку в инвалидной коляске и со смертельной болезнью…)

— Итак, мои дорогие коллеги по МДИ, я с волнением в сердце хочу вам представить…

(— Не забудь профессиональную заклинательницу змей.)

— …нового начальника отдела Менеджмент-энд-Информейшен-Сервисиз…

(— Вновь рожденную во Христе заклинательницу змей.)

— …мою близкую лучшую приятельницу — Мелинду Б. Шарп.

— Ой, блин, — это уже сказал я. В полный голос.

Кажется, Мелинда произнесла речь. Ручаться не могу — говоря по чести, последующие тридцать минут вспоминаются мне как-то смутно. По-моему, я то ежился от страха, то краснел до самых корней волос, то начинал прикидывать, что подправить в моем резюме, то жалел, что я не лилипут или не невидимка (а лучше всего было бы стать невидимкой и лилипутом сразу). Щеки у меня горели так, что хоть холодильники моей головой размораживай. И всякий раз, когда мое кровяное давление начинало осторожно соскальзывать в сторону нормы, Мелинда дарила мне раскаленный добела взгляд — и мои уши вновь алели, а от волос аж дым шел. В моей памяти сохранилось несколько разрозненных мысленных «полароидов»…

(Эх, как бы они смотрелись в виде гипертекста — просто блеск! Знаете, будь у меня мой верный гипертекстер, я организовал бы эту сцену в виде сложной комбинации из горячих ключей и активных дуг, так что, ежели вы — инфоманьяк, желающий все про всех знать, можно было бы кликнуть на слова «Мелинда Шарп» и узнать историю о том, как я впервые переступил порог МДИ в качестве внештатного инженера по обслуживанию персоналок, как мне с порога же поручили работать с Мелиндой (продлилось это три месяца) и как чуть ли не каждый день информация в ее машине таинственным образом превращалась в мусор, пока однажды я не увидел, что она хранит дискеты на металлическом сейфе, прикрепляя их к стенкам магнитами, как записки — к дверце холодильника.

— Но это же ужасно удобно, — возмутилась она в ответ на

мое замечание.)

А знаете что я придумал? Повожусь-ка я с HTML-ом и попробую сообразить, как вставить в этот двумерный документ маленькие кадрики — инфосгусточки.

***

ИНФОСГУСТКИ

Но если вы жадный инфохомяк, можете пожирать эти инфоорешки и делать вид, будто имеете дело с перекрестными гиперссылками.

***

И тогда, ежели вы человек деловой и вас интересует лишь сюжет, не обращайте на них внимания — и осилите текст в пятнадцать минут.

Мелинда — нам:

— Прежде всего, я хотела бы уверить вас в том, что моя личная жизнь и факт моего назначения на этот высокий пост никак между собой не связаны. Просто я лучше всех гожусь на эту должность, — тут она обернулась к Даффу. — В то же самое время, пользуясь случаем, мне хотелось бы прилюдно подтвердить мое восхищение моим ментором и другом Уолтером Даффом, поблагодарить его за доверие, откровенность и чуткое руководство. С каким терпением он работал со мной во время наших частых конфиденциальных встреч один на один при закрытых дверях!

***

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бубу, передрознивая Даффа, шепчет Т'Шомбе:

— Женщина, которая действительно умеет работать головой.

— Причем без помощи зубов, — шепчет в ответ Т'Шомбе.

***

Дафф зарделся как помидор, ошалело огляделся по сторонам и начал крутить на пальце свое обручальное кольцо.

— Уолтер, — радостно прощебетала Мелинда, — что если завтра нам пообедать вместе? Я угощаю!

Невербальное сообщение, которое последовало за этими словами, предназначалось, кажется, исключительно для Даффа. Состояло оно в том, что Мелинда высунула язычок и медленно облизала свои напичканные коллагеном губки. Дафф заерзал, точно брюки внезапно оказались ему малы. — Хорошо, — выдохнул он еле слышно.

***

ОДЕЖДА

Следует отметить, что, тупо пялясь на Мелинду и слушая ее речь, я вдруг сообразил, что ее чопорная плиссированная юбочка, элегантный синий блейзер и шелковая блузка из бутика примерно эквивалентны моей месячной зарплате — и это без учета ее расходов на украшения, волосы, силиконовые груди, наращивание скул, услуги липоскульпторов, пирсинг и абонемент в Центре Текущего Косметического Ремонта.

****

Мелинда:

— Административное и Информационное Обслуживание. Как вы видите, ключевое слово тут — «обслуживание». Слишком часто мне приходилось слышать жалобы, что с МИСС порой трудно работать, что от МИСС невозможно дождаться помощи. Могу сказать, что мне тоже приходилось с этим сталкиваться. — Мелинда сделала паузу, чтобы в очередной раз врезать по мне из своего эмоционального огнемета. От ожога на ушах у меня вскочили волдыри. — Моя цель, — продолжала она, — превратить МИСС в подлинный отдел СЛУЖЕНИЯ, призванный удовлетворять все нужды вас, наших внутренних клиентов.

***

СЛУЖЕНИЕ

Бубу, шепотом, Т'Шомбе:

— Ты погляди на Даффа! У него просто торчком! И каждый раз, когда она произносит слово с корнем «служ-«, он за ширинку хватается!

Т'Шомбе, тоже шепотом:

— Не фантазируй. Может, у него просто искусственный каркас в пенисе от жары садится.

***

Отныне — никаких оправданий; никаких уничтожающих замечаний и хихиканья в кулак, когда простой честный пользователь чисто по ошибке, случайно форматирует жесткий диск. С этой минуты МИСС будет оказывать услуги, в которых вы нуждаетесь — всегда, когда вы в них нуждаетесь, и не вынуждая вас доказывать, несмотря на глумление со стороны сетевых инженеров, что ваши потребности отвечают их невероятно зауженным представлениям о «разумном» и «возможном»…

ОВАЦИЯ. Отвлекшись от мыслей насчет резюме, я высунул голову из омута отчаяния ровно настолько, чтобы осознать: речь Мелинды подошла к концу. Люди вскакивали с мест; вокруг Мелинды образовалась толпа желающих пожать ее руку и произнести что-нибудь поздравительное.

— Жалкие неудачники, — проворчал Фрэнк sotto voce (в смысле — вполголоса). — О, этот чмокающий глас целой стаи голодных рыб-прилипал, рвущихся присосаться к новому боссу и выплыть с ним наверх. — Засим, воспользовавшись шумом и ажиотажем, Фрэнк поспешил слинять.

Кто-то — кажется, Т'Шомбе — ласково взял меня за локоть и вывел в коридор.

В пятидесяти ярдах от дверей конференц-зала уровень содержания кретонов в окружающей среде упал настолько, что мой разум прояснился.

***

КРЕТОН

Кретон — слово, образовано по той же модели, что и «протон» Квантовая единица идиотизма.

***

— Ой, не знаю, — услышал я голос Бубу. — Я серьезно думаю, что у всего этого есть свои позитивные стороны, а?

— Да черт тебя задери, мы для нее — лишь ступеньки, — прошипел Фрэнк. — Не ее это дело — МИСС заведовать. Она по нашим головам пройдет, а нас вгонит в грязь — все, чтобы втереть очки генеральному, будто она умеет работать. Тогда генеральный посадит ее на Даффово место, и…

— Да успокойся ты, — проговорил Бубу. — Еще параноиком

станешь. Я лично уверен, что эта ее мужеподобная стойка, все эти «щас задавлю» — так, для близира. Все женщины-начальницы, каких я знаю, обращались с подчиненными терпеливо, по-матерински…

Т'Шомбе выгнула бровь, но, придержав при себе те таинственные слова, что вертелись на ее языке, сказала:

— Давайте лучше Пайла спросим. Он ведь у нее под началом когда-то работал.

Фрэнк с Бубу остановились, развернулись ко мне. Т'Шомбе ободряюще ущипнула меня за плечо:

— Давай, Пайл. Расскажи им.

— Вы… — не столько сказал, сколько прохрипел я. Сглотнув подступивший к горлу комок, облизал пересохшие губы и вновь попробовал заговорить: — Вы… коллеги… Фрэнк, Рубин… Вы и вообразить себе не можете, что нас ждет.

Вернувшись в отдел, мы обнаружили, что Чарльз нас ждет. Удивительно было то, что он, покинув объятия своего стола-интерфейса, выехал к лестнице. Еще удивительнее — что Чарльз обратился к нам голосом Джона Уэйна.

— Клянусь сердцем бизона, — проговорил он, — вы не поверите, что здесь сейчас было.

Тихонько пощелкивая и присвистывая, он переключился в режим воспроизведения — и мы услышали звуковое письмо.

Говорила Мелинда. И говорила она вот что:

— Звуковое письмо для Чарльза Мэрфи, Т'Шомбе Райдер, Авраама Рубина, Ян Хуанг Донга и этого, последнего… ну как его зовут на самом деле? В общем, для Пайла. Итак, детки, я ужасно хотела бы встретиться со всеми вами лично, но сегодня у меня еще куча дел. Так что я посылаю нам это письмо в надежде, что мы с самого начала будем идти в ногу. Чарльз, вы в общем и целом работаете прекрасно, но эту вашу наклейку: «Осторожно: торможу перед галлюцинациями» на спинке коляски я попрошу убрать. Иначе люди подумают, будто вы не следуете постановлению компании о фармацевтических средствах отдыха.

Мы все обалдело уставились на Чарльза. Я точно не могу сказать без доступа к его личному делу — но насколько мне известно, Чарльза никогда еще никто не критиковал. По-моему, он даже не знал, как на это реагировать. Та часть его лица, которую он контролировал, странно напряглась, но догадаться о его истинных чувствах было сложно.

Мелинда тем временем продолжала:

— Т'Шомбе: приструните ваши слишком смелые декольте, моя милая. Ваш сегодняшний наряд совершенно неуместен там, где люди работают. Поверьте, я знаю, о чем говорю: у меня

диплом магистра по бизнес-костюмированию. Надеюсь завтра увидеть вас в ПРИСТОЙНОМ деловом костюме.

Все мы перевели глаза с Чарльза на Т'Шомбе. А точнее, на верхнюю пуговку ее блузки — но тут мы осознали, что она зла, как сто чертей, и, почувствовав себя последними извращенцами, смущенно потупились.

— Фрэнк и Авраам, — не унималась Мелинда. — Для вас у меня всего одно слово: с завтрашнего дня галстук обязателен.

Фрэнк с Бубу переглянулись. Челюсти у них отвисли, но мне некогда было интересоваться их переживаниями, потому что…

— И наконец, Пайл. О, мой мальчик, даже не знаю, с чего тут начать — и, впрочем, начну. Есть отличная книга некоего Мэллори под названием:

«Конформизм в одежде». Имеется в библиотеке отдела людских ресурсов в количестве пятидесяти экземпляров. Ознакомься с одним из них. Сегодня же вечером. Завтра устрою контрольную.

Мелинда помедлила, щелкнула языком:

— Ну-с, детки, на сегодня все. Ведите себя хорошо, не забывайте о своих обязанностях, в случае пьянки запирайте дверь и — о, кстати, отныне у нас новый график. Увидимся завтра ровно в семь тридцать — это всех касается. Пока.

Сообщение закончилось. Магнитофон отключился; синтетический голос Архивариуса Речевой Почты завел свое традиционное: «Наберите «один», чтобы промотать сообщение вперед; «два» — чтобы стереть сообщение; «три» — чтобы замариновать сообщение в уксусе; «четыре» — чтобы…

Чарльз отключился от телефонной сети. Авраам повернулся к Т'Шомбе. Т'Шомбе уставилась на меня. Я поглядел на Фрэнка.

— Всех свистать наверх, выстроиться у спасательных шлюпок, — тихо произнес Фрэнк. — Женщин и пожилых китайцев пропустить вперед.

4. КАТАКЛИЗМ НЕ ПРИХОДИТ ОДИН

Рабочее время истекло. Наконец-то, слава тебе Господи! Я схватил дождевик и галоши, потерял несколько минут на поиски портфеля и припоминание того факта, что я его оставил дома, — и направился к стоянке.

После обеда погода как-то разгулялась. Дождь кончился, облака разбрелись, в голубом небе светило солнце, птички пели, озеро на той стороне Пятого шоссе сверкало, качая на волнах персиково-желтые блики, — в общем, передо мной предстал такой нестерпимо умилительный пасторальный пейзаж Среднего Запада, что меня аж затошнило. Чайкам на озере Эльмо этот денек тоже был в кайф. На несколько минут я завяз посреди стоянки, глядя, как они парят в вышине (пройдя через огонь, воду и стальные трубы секьюрити). Чайки кричали. Кружились. Ныряли за рыбой, точно пикирующие бомбардировщики, и тут же взлетали под самый небосвод. Красота неописуемая.

Красота-то красота, но вдруг я сообразил, что они не столько питаются, сколько восстанавливают запасы экскрементов для очередного налета на автостоянку МДИ. И больше всего доставалось машинам на дальнем краю южного сегмента. В особенности — некой синей в яблоках «тойоте» 95-го года, что в последнем ряду.

Мне только одно хотелось бы знать: как они умудряются это делать с такой снайперской точностью? Корпус моей машины изобилует серыми загрунтованными поверхностями, просто умоляющими посадить на них пятнышко любого другого цвета. Но нет, все эти гигантские, мерзкие, молочно-белые кляксы красовались на той панели, которая единственная из всех частей моей машины сохранила свой изначальный цвет.

***

МАШИНЫ

Разумеется, автомобиль Мелинды уже исчез со стоянки, но на асфальте в том месте, где он был припаркован, остались его четкие контуры — нарисованные белым гуано. Круто. Похоже, рекламный ролик не врет:

«Краска «Тефлон-Кевлар» сохранит вас сухим и чистым».

***

Совесть не позволяет мне умолчать о самой талантливой детали этой инсталляции — откушенной голове и внутренностях сома перистоусого, которые неизвестный пернатый художник поместил на крышу моего авто. Поместил так, чтобы, когда я потянулся открыть дверцу, глубокомысленная рыбья физиономия заглянула мне в лицо. Вылитое креольское блюдо, которое я как-то заказал по недомыслию в одном нью-орлеанском ресторане. Оправившись от шока, я смахнул рыбью голову с крыши, распахнул дверцу и влез в машину. Прокладка лобового стекла опять протекла, превратив салон в сауну. Как бы то ни было, со второй попытки машина завелась, и я выехал на Пятое шоссе.

Статус того или иного работника МДИ можно узнать по самым разным приметам. Удалась у человека карьера или нет, легко видно по тому, налево он поворачивает на данном перекрестке или направо. Левый поворот выводит вас на Восточное Пятое шоссе — в сторону всяких шикарных пригородов типа Хвойной Рощи, Тиховодья и Марины-Дель-Круа.

Я повернул направо, на Западное Пятое.

***

РАБОТА ПО МОДЕМУ, ДЕНЬГИ ПО ФАКСУ

«Работа по модему» (выполнение трудовых обязанностей без выхода из дома) — наряду со смертью Элвиса Пресли и Партией Новых Демократов — величайший обман народных масс в конце XX века. Идея, что менеджеры среднего звена допустят своих подчиненных к технологии, которая по определению приводит к упразднению самого понятия «менеджмент среднего звена», слишком нелепа, чтобы тратить время и место на ее опровержение.

***

В географии Восточного Сент-Пола без подробной топографической карты не разберешься. Достаточно сказать, что этот район не зря прозвали «Землей десяти тысяч комариных садков». Пятое шоссе змеится по Восточным Холмам, затем, после пересечения с Окружной улицей, превращается в Тиховодский бульвар. Данный бульвар, в свою очередь, за границей Папоротников превращается в болото (этот участок так и не восстановили после наводнения 2003 года), так что я обычно сворачиваю на Окружную, а с нее — на Продольную. Но у

Гранадского проезда улица оказалась перегорожена полицейским кордоном — МАВНовцы опять ее заминировали, и движение было остановлено до приезда телевизионщиков. Я скрипнул зубами, развернулся — и двинулся в объезд.

К Третьей улице.

***

МАВН

«Мапплвудская Ассоциация Владельцев Недвижимости» — еще одна городская террористическая организация, выросшая из лиги игроков в боулинг. Президент Гор обещал, что статья о полуночном боулинге в новом уголовном кодексе поможет справиться с проблемой, но кодекс застрял в конгрессе.

***

Третья улица вам известна еще лучше, чем мне, — и не по книжкам. Третья улица или что-то вроде нее есть в любом крупном городе. Стальные решетки на всех окнах. Колючая проволока на крышах немногих уцелевших магазинов. Пустыри, усыпанные стеклом, посреди которых ржавыми скелетами разлеглись каркасы сгоревших автомобилей. На каждом углу — голодные юристы с табличками:

«Еда ваша, консультации наши», да нелегальные операционные, замаскированные под легальные бордели. Миля за милей — пестрые, бодрые щиты фирм по торговле недвижимостью, с болтающимися на ветру плакатиками-дополнениями: «Предоплата — 0$. Торг возможен. Владелец очень заинтересован. Позвоните нам, ради всего святого. Век вашей доброты не забудем».

Ну а истина в том, что Третья улица кажется страшнее, чем есть — за исключением временного периода с 11 вечера до 3 утра с пятницы на субботу, когда она страшнее, чем кажется. То есть я вновь пережил путешествие по ней, выехал на Медвежью авеню и свернул на север, гордясь тем, что до дома осталось всего двадцать перекрестков.

И тут я, как последний дурак, остановился у светофора на улице Маргарет.

У автобусной остановки сшивались какие-то жутковатого вида ребята. Кто они такие, я никак не мог определить: не то мямлерпанки, не то гавкерпанки, а может, кряккерпанки; блин,

панк-стили мутируют так быстро, что даже Интернет за ними угнаться не может. Факт тот, что они передавали по кругу огромный пакет «Анаболических стероидов в шоколадной глазури» и смотрели на меня косо, так что я тоже не спускал с них глаз. Их отличительные цвета были мне до боли знакомы, но к какой банде они относятся, я вспомнить никак не мог. Что до светофора, то он стоял с таким видом, точно никогда не соберется сменить красный на зеленый.

Следующее, что я услышал, — характерный стук, рождающийся при соударении стекла в левой дверце и окованной бериллом хоккейной клюшки из углеродного волокна. Я обернулся.

Господи Исусе. У машины стоял Он. Рост — как минимум шесть футов четыре дюйма. Вес — двести шестьдесят фунтов (в основном хирургически накачанные мускулы и оригинальные серьги во всех частях тела). Первой моей мыслью было: «Как же он через металлодетекторы в аэропорту проходит?» — но этот вопрос поспешил уступить дорогу холодному потоку абсолютного ужаса. Мои жилы лопнули, разорванные ледяными кристалликами, в которые превратилась моя кровь.

АХ ВОТ ЧЬИ ЭТО ЦВЕТА! Мое сердце бешено застучало — я осознал, что со всех сторон окружен мерзейшими из мерзких, гнуснейшими из гнусных. Из-за этого дурацкого объезда я попался прямо в лапы жуткого кошмара, сторожившего меня все двадцать три года моей (вскоре скажут безвременно оборвавшейся») жизни! Остальные члены банды, сойдя с тротуара, обступили мою машину. Один из них, лениво оборотив ко мне злорадно ухмыляющееся лицо, продемонстрировал надпись на спине своей куртки:

«ФИЗКУЛЬТУРНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СРЕДНЯЯ ШКОЛА МАУНДС-ПАРК». Господи, пожалуйста, — кто угодно, только не ОНИ. Но от ужасной правды бежать было некуда. Я отлично знал, кто взял меня в окружение. Спортманьяки — вот они кто. Слегка гуманоидообразный монстр, стоявший слева, вновь постучал в окно и сделал мне знак — опусти, мол, стекло. Я послушался и произнес дрожащим голосом:

— Да?

— Добрый вечер, лубезный сэр, — промямлил он, с трудом двигая губами — мешала вживленная в рот броня. — Мы ыз двыженыя: «Удочеры улицу». Вот мы, абездоленны трудные падрошткы, удочерылы эту улицу.

Смысл этих слов дошел до меня не сразу.

— Вы… вы не угонщики?

Еще один спортманьяк зловеще расхохотался:

— Че, издеваешься? Да кому нужна твоя жестянка?

— Блин, — развил его мысль третий, — да я такую машинку на помойку снес, когда в юниорскую команду поступил. Тренер мне новую подарил. — Это сообщение вызвало приступ непристойного смеха у всех присутствующих.

Тут вышеупомянутый монстр напомнил мне о себе, нежно, но крепко ухватил меня за нижнюю челюсть.

— Еслы вы положытелно оцениваэте нашы ушылыя по поддержанию чистоты, покою ы на-полненности нашых карманоф ф этом раене, мы будым рады прынят от вас добраволные пожертвованыя в фонд Спортивной Обса… Ассы… нет… блын! Команды нашей, понял?!

Еще один спортманьяк влез на радиатор и, распахнув куртку, показал мне из-под полы вышитое моноволоконными нитками полотенце.

— Помните, — заявил он, — ваша сегодняшняя пожертва поможет удержать обездоленного подростка от бессмыслового насилия и мокрухи.

Я полез за бумажником:

— Шесть долларов хватит?

Они расхохотались. Как-то недобро.

— У меня с собой больше нет, — взмолился я, демонстрируя им раскрытый бумажник.

— Похоже, придется дать этому парню урок. Пусть научится разделять несчастья ближнего, — взревел один из них. Тип с полотенцем достал его и начал раскручивать над головой до летальной скорости. Господи боже мой, я видел, что бывает от таких полотенец — раз, и голова с плеч! Прочие бандиты придвинулись поближе…

— СТОЯТЬ! — заорал верзила с бронированным ртом и хоккейной клюшкой. Перегнувшись через меня, он ткнул в ворох всякого барахла на пассажирском сиденье. — Это… это… сы-дыром?

Я ухватился за этот шанс, как за соломинку.

— О да, совершенно верно. — Тут я вынул из кармана плаща диск «Конформизм в одежде», который взял из отд.люд.рес., и помахал им перед носом верзилы. — Я работаю в МДИ, а это СЕКРЕТНЫЙ документ, который я должен изучить за один вечер по приказу начальства…

— Блын, — вымолвил верзила. — Я думал, «Рол-лынгов» новый дыск. Ладно, ребяты. Мочыте ехо.

Вся банда как один человек шагнула вперед.

***

«РОЛЛИНГИ», ВМЕСТО ХАКЕРОВ

«С выходом нового диска «Кибердедки» стало ясно — Мик и ребята вновь в наираспрекрасной формочке. Хитовый сингл «Прощание Кейта Ричардса с электричеством» (по слухам, навеянный происшествием в прошлом году, когда Мик поскользнулся на проводах Кейтовой системы жизнеобеспечения и вогнал его в клиническую смерть прямо на сцене) наверняка уже в ушах у вас навяз — но диск вы все-таки купите. Он того стоит. Виртуозная работа безымянных молодых чернокожих сессионных музыкантов не вызывает ничего, кроме восторга. Новые алгоритмы, введенные в хендриксосниматель модели CDS-2000, поражают воображение. Но всех затмил продюсер Том Шольц. Блестяще используя технику аудио-сэмплирования и искусственные гортани, он сумел создать полное ощущение, что у Мика еще сохранился голос.

— Тотещ Етип, музыкальный критик Денегнет

***

— ПОГОДИТЕ! — завопил я. — Неужели мы не можем договориться по-хорошему? Верзила замер, оглянулся по сторонам.

— Ну, еслы он правда секретный…

Не успел я опомниться, как он вырвал диск из моих рук и прочел надпись на обложке. Я приготовился достойно встретить смерть.

Верзила выпучил глаза.

— Слушай… не вреш, твой началнык ф натуре заставляет тебя такое читат?

— Начальница, — поправил я.

Верзила швырнул диск мне на колени, попятился и обернулся к своим товарищам по банде. — Пуст едет, ребяты. Еслы мы ехо замочым, он с такой жызны толко рад будет.

Ткнув в одного из бандитов, он распорядился:

— Морыс, зажгы лампочку, а?

«Морыс» достал пульт дистанционного управления и переключил светофор на зеленый. Верзила обернулся ко мне:

— Валяй, шевелы педалямы, дуй отсюда. Ы шоб я не выдел твоехо тупохо лыца в моем раене! Та-кых засранцев, как ты, абворовывать — времени не напасессы!

Ох, никогда бы не подумал, что «Конформизм в одежде» спасет мне жизнь. Как-то даже унизительно. Но все же я предпочел счесть произошедшее своей победой и — завалял,

зашевелил педалямы, дунул оттуда.

Двумя светофорами дальше меня подстерегли в кустах девочки из банды Тарзанок и отняли последние шесть баксов. Правда, взамен я получил две вкуснющие шоколадки.

— Привет, ма, это я! — алюминиевая дверь веранды, дребезжа, захлопнулась за мной. Я повесил плащ на гвоздь, вбитый в дверной косяк, примостил галоши на ящик со стеклотарой (конкретно — бутылками от пива «Бад») и пробрался к черной лестнице, осторожно лавируя между пакетами со сплющенными пивными банками, битым стеклом и прочим вторсырьем. Лоток Истеркиски просто вопиял о том, чтобы в нем сменили песок.

***

ДОМ (ВОТ МОЙ Д. РОДНОЙ)

Г. Сент-Пол, ул Липовая, дом номер 1783. Петр в 1923, очар. оштк. особн. 3 спалн 1,5 туал. встр. шк-буф-плит. сохр. в неприкос. старин, отдлк, о.крс.внтр и снр, пол линол. треб. легк.косм. рем, зато в 2 шгх от «Храма последнего утешения» (оч. хор. вин. маг.) прил. чуть. труда, и у вас не дом, а картинка! Если вы из тех идиотов, у которых еще не отпало желание жить в городе.

***

— Мама, ау?

На кухне ее тоже не было — что, правда, неудивительно: там я ее видел довольно редко. Я вырубил кофеварку, сгрузил окаменевшие остатки завтрака в раковину и залил чайник горячей водой — в надежде, что остатки смолы на его дне как-нибудь все-таки растворятся.

Я сунулся в столовую:

— Мама?

— Я слышала, как ты меня уже два раза звал, — донесся ее сахарный голос с той стороны коридора, из гостиной. — Прости, пожалуйста, но они только что объявили Ежедневный Двойной приз, и мне хотелось бы хоть один вопрос расслышать.

— Да, мамочка, — войдя в столовую, я подошел к встроенному буфету и начал разбирать наваленные на нем бумаги. Реклама, счета, реклама…

Я уже раскрыл рот, чтобы спросить маму, не принесли ли чего-нибудь еще, но благоразумно воздержался и вернулся к

своим инфораскопкам. Счета, реклама…

***

УВЕДОМЛЕНИЕ О ЗАДЕРЖКЕ ПЛАТЕЖА

Отправитель: Центр обслуживания студенческих займов им. Дж.Готти Адресат:

Джон Ф. Берроуз 1783,ул. Липовая Сент-Пол, MN 55103

Уважаемый м-р Берроуз:

Вы вновь опоздали внести очередной платеж по студенческому займу. Возможно, вы просто забыли или потеряли наше извещение с графиком платежей, но поскольку ваша непогашенная задолженность составляет 32188 $ 56 С и это не первое опоздание с платежом с вашей стороны, просим вас связаться с нами как можно быстрее — иначе мы будем вынуждены прислать к вам для освежения вашей памяти наших сотрудников Гвидо и Луиджи.

Capice, paisano?

****

О, июньский номер «Моделиста-железнодорожника»! Его я аккуратно свернул в трубочку и сунул в карман. (Можете назвать меня ходячим атавизмом — но я твердо решил, что откажусь от своего последнего бумажного журнала лишь в день, когда на рынке появится портативный Си-Ди-Ром проигрыватель с действительно высококачественным изображением, который не страшно брать с собой в ванную. Мой первый «ридмэн» погиб, свалившись с моих колен на кафельный пол. Ошибка эта меня многому научила, а еще больше (говоря о деньгах) отняла, так что повторять ее я не собираюсь).

***

СТУДЕНЧЕСКИЕ ЗАЙМЫ, ЭЛЕКТРОННОЕ ПОГАШЕНИЕ

Федеральное правительство запретило погашение студенческих займов путем электронных переводов с июня 2002 года, когда студенты выпускного курса Калифорнийского политеха в шутку взломали компьютерную сеть Комитета по Обеспечению Студенческих Займов и объявили все непогашенные студенческие займы в стране полностью погашенными.

***

В соседней комнате что-то стряслось. Вернее, стряслось в телеящике. Раздался разочарованный ропот толпы; мама грязно выругалась и вскрикнула: «Это Никсон был, дурачина!» Я направился к черной лестнице.

***

ПОЧТА, ПЕРЕСЫЛКА ЧЕКОВ ПО

«Официальная Национальная Ложь», ведущая свое начало с 1999 года, когда Почтовая служба США была объявлена мертвой и заменена веселой игрой «Почтлото». Участники покупают за два доллара билет, гарантирующий, что их почтовые отправления будут когда-нибудь, куда-нибудь, как-нибудь доставлены (авось).

***

***

СРЕДСТВ ИСТОЧНИКИ

Согласно сетевому фольклору, проделка выпускников 2002 года столь разозлила федералов по той причине, что половина средств от студенческих займов шла на счета липовой корпорации, находившейся на «черном бюджете» у ЦРУ. Утрата студенческих денег привела к непредвиденному прекращению многообещающей тайной войны в Боливии.

***

— ДЖЕ-Е-К! — завизжала мама. — От твоего компьютера у меня опять все на экране плывет!

Остановившись, я выразительно закатил глаза и подмигнул потолку:

— Не может быть, ма. Он даже не включен.

— Что? Нет, ты зайди ко мне. Посмотри, это же ужас! Ужас!

— Ладно, ма. — Я торопливо досчитал до пяти, вздохнул и, развернувшись на 180 градусов, поплелся в гостиную.

***

Как вы надуваете женщину, которая делит с вами кров и

постель?

Если насосом, то это объявление для вас. Будем смотреть на вещи трезво: судя по базе данных, в которой находится ваше имя, по части сексуальной активности вы уступаете даже комнатным цветам. Правда, у вас как минимум шесть с половиной пядей во лбу, крепкое здоровье и приличная работа в высокотехнологической отрасли — ну и как, много ли с этого толку в субботу вечером? Все, на что вы можете рассчитывать, — это хроническое растяжение запястья от интенсивного общения с мисс Долли Фист.

Если последний человек, с которым вы встречались наедине (и то четыре месяца назад), — зубной врач (правда, и дантисты любить умеют, но речь не о том), если вас преследует мысль, что ваш домашний телефон сломался, ибо вы уже месяц не слышали его звонка, если вам надоело прозябать одному в подвале дома вашей матери, знайте: для слабосоциализованных граждан еще не все потеряно.

СИНИЦА-В-РУКЕ

Знакомства для тех, кто вконец отчаялся

Наши клиенты из тех, о ком говорят: «С лица не воду пить». Повстречав их в баре, вы равнодушно посмотрите сквозь них — впрочем, вы на них вообще не посмотрите, так как баров не посещаете. Говоря по чести, будь эти люди одеждой, они бы висели в углу под табличкой «Некондиция».

Но будь вы одеждой, вы висели бы том же. Так что кто вам мешает прямо сейчас, не откладывая, набрать номер 1-900-867-5309 и влиться в неуклонно растущие ряды наших малахольных неудачников! Ибо помните, если вы не бросите ЭТИМ заниматься, то ослепнете. Как пить дать. Ширинку лучше держать застегнутой.

***

М-да-а. Мама во всем ее великолепии. Выцветшие волосы по-прежнему обесцвечены до сияющей, пошлой белизны; неуклонно полнеющие ягодицы продавливают ободранный кошачьми когтями диван — когда она встает, насиженный ею кратер не исчезает.

***

БЕСЦЕННЫЙ КУПОН!

50% скидка но проверку зрения в клинике Сестры Бертрильи ИСЦЕЛЕНИЕ МОЛИТВОЙ И ОПТИКА

Мы славим Бога и милосердие его в четырех новых приемных в разных концах города!

***

На левом подлокотнике — пепельница с надписью:

«Кури, вспоминай Лейк-Тертл». В ней (а также вокруг нее) штабелями навалены жалкие трупы убитых сигарет.

***

ЗРЕНИЕ ДЖЕКА

— 0,5 / — 1, если проверяться утром в понедельник. К вечеру пятницы скатывается до — 2 / — 3,4. Надеюсь, человечество все-таки создаст удобную систему прямой подачи данных но мозг — а то от этих мониторов у меня уже глаза вываливаются.

***

Пол замусорен в том же стиле — целой коллекцией трубочек от конфеток «Тэб» (Отлично. На пиво она еще не переключилась.Пока). Левая рука вытянута вперед, как у фехтовальщика — только вместо рапиры пульт. Осуждающе глядя на 54-дюймовый, сверхплоский экран с рирпроекцией, мама переключает кнопки с быстротой и сноровкой, каким могут позавидовать даже счастливые двенадцатилетние владельцы «Супер-Мега-Нинтендо».

— Видишь! — обрушилась она на меня, — Видишь! Дерьмо какое-то показывает! Твой дядя Дейв, по доброте душевной, достал мне этот телевизор по очень сходной цене, и кабельное так хорошо ловилось, пока ты не начал дурью мучаться с этим своим…

***

ИСЦЕЛЕНИЕ МОЛИТВОЙ

Закон недвусмысленно закрепил за Центрами Коренно-Американской Медицины право не подчиняться Постановлению о

Национальном Здравоохранении, поскольку каждый из этих центров имеет юридический статус индейской резервации. В то же самое время вопрос о природе христианского исцеления через молитвы — является ли оно конституционным правом гражданина или же попыткой увильнуть от предписаний Национального Комитета по Здравоохранению — все еще остро дискутируется. Ясно покамест одно — благодаря этому светила адвокатуры еще десятки лет будут ездить на лучших автомобилях.

***

***

МАМА

При взгляде на маму мне каждый раз вспоминается старая песня:

Где-где-где, где тебя носит, доктор Кеворкян? Целая страна с тебя не сводит грустных старых глаз. Миссис Робинсон, спокойно, час разлуки свят, Неужели вы хотите доктора прогнать? Хо-ха-ха, уже все.

Соймон и Стайп, «Миссис Робинсон», саундтрек к фильму «XXI век. Общество с Ограниченной Ответственностью».

***

Ох, мама, мама. Мне оставалось лишь покачать головой. Телевизор был подключен не к розетке кабельного ТВ, а к пиратской антенне-тарелке, стоявшей у нас на чердаке. Чудо еще, что он вообще работал — ну, чудо не чудо, а с кодами, шифрующими сигнал маминого любимого Хаббард-Ченнела, я уже пять лет воюю.

— Ладно, ма, сейчас погляжу; Может, выключишь его пока?

На выключение она не согласилась, но была так любезна, что убавила звук. Я откатил телевизор от стены, заполз за него и проверил провода.

Угу, как и следовало ожидать, Истеркиска опять перегрызла 300-омовый кабель антенны. Попытавшись вывернуть некий шуруп, я сломал ноготь. Взмолился к небесам о металлическом аналоге отвертки — и вспомнил, что с самой 21-й страницы у меня в кармане валяется антипротивопожарный «жучок». Тридцать секунд спустя антенна обрела первозданный вид.

— Ну а теперь как показывает, ма?

— А-а-а, — акнула она. — Все равно раньше лучше было.

— Ну, на лучшее не надейся — пока не разрешишь мне переделать его под 75-омовую проводку.

— И думать не смей! — Она бы выгнула спину дугой — если бы диванные пружины не мешали. — Твой дядя Дейв на телевизорах собаку съел! Как он все установил, так пусть и будет!

— Хорошо, ма. — Что толку с ней спорить… Закончив сборку, я встал и пододвинул телевизор обратно к стене. — Раз так, я сделал все, что мог. Мама вновь врубила звук до максимума. Из своего логова за филодендроном в горшке выскочила Истеркиска и вонзила клыки в мою ногу.

***

ДЯДЯ ДЕЙВ

Мамин основной нахлебник в тот год, когда мне было четырнадцать. Не связанный абсолютно никакими узами биологического родства ни со мной, ни с моей сестрой, ни с кем бы то ни было из моих знакомых.

***

Заткнув рану «Клинексом», я похромал вниз — в мою комнату в подвале.

Подвал, милый мой подвал: я жил там-поживал в уюте и комфорте. Личный холодильник и микроволновка (мои верные друзья по общежитию колледжа), личная телефонная линия, личный матрац, личный шкафчик с ящиками для моих носков и белья и тайником для коллекции CD-ROM-ов из серии «Лучшие хиты «Пентхауза». Масса места для всех моих компьютерных прибамбасов; конечно, с настоящей квартирой не сравнишь, но после того, как меня выперли из аспирантуры…

* ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ * ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ * ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ

22 апреля 2004 года. После славной ночки перед монитором Джек Берроуз выходит из подвала Университетского суперкомпьютерного центра — и красными от недосыпа глазами изумленно пялится на праздник жизни вокруг: оказывается, в этом самом уголке кампуса Друзья Деревьев устроили митинг. —

Сегодня День Земли! — осеняет его. Но бог с ней, с Землей, — важнее, что среди этих «зеленых» есть офигительные телки! Офигительные, какими только могут быть одухотворенные, длинноволосые, джинсовые, босоногие, не скованные лифчиками, питающиеся вегетарианской пищей, черпающие энергию в самоцветах девицы — если, конечно, такие вас привлекают.

— Меня — привлекают, — решает Джек, плененный особенно соблазнительной парой дерзких сосков. На крыльях вдохновения он мчится в свою квартиру в городе, переодевается и, вернувшись на место митинга, принимается фланировать вокруг основного скопления народа, надеясь заинтересовать девушек своей гениально выбранной футболкой (с надписью: «Спаси дерево. Убей бобра»).

Не проходит и нескольких минут, как вокруг него уже толпятся рассерженные члены Ассоциации Борьбы за Права Грызунов, которые срывают с него футболку и угрожают перевоспитать его путем перемонтажа черепной коробки. От увечий Джека спасает лишь своевременное вмешательство полицейских, которые моментально надевают на него наручники, швыряют в «Черную Мэри» и везут в здание, где заседает Политкорректный Трибунал. Джек уличен в Недостаточном Уважении к Многообразию Форм Жизни, Пропаганде Геноцида Полу-Водоплавающих Грызо-Американцев и Сарказме в Адрес Абсолютно Лишенной Чувства Юмора Группы — и в четыре часа пополудни того же дня выходит приказ исключить его из аспирантуры, изгнать с территории кампуса и уволить с должности ассистента по научной работе. Документы о том, что он должен государству за обучение, переданы в агентство взыскания недоимок, право представлять его интересы на рынке труда — агентству по трудоустройству уцененной рабочей силы, а в комитет Гражданской Службы его родного округа летит извещение, что Джек отныне подлежит призыву на обязательную добровольную службу.

Научный руководитель Джека, доктор Аврам Мехта, на стены лезет от ярости — ибо Джек работал над алгоритмом, который професор уже нелегально продал трем фирмам из частного сектора сразу. Теперь доктору Мехте придется доводить проект до ума силами — б-р-р-р! — второкурсников.

Да, а не забыл ли я упомянуть о моем личном древнем телефонно-аналоговом автоответчике? В тот день меня ожидали три сообщения. Одно — оглушительный писк (кто-то, ошибшись номером, уговаривал мой автоответчик принять факс). Второе — сочиненный и произнесенный компьютером рекламный ролик службы знакомств — и, судя по всему, их автовопросник и мой

автоответчик друг другу понравились.

Третье было от Гуннара: «Не забудь — в клубе. Сегодня. 23.00. Приходи. Алоха».

Я нажал на кнопку стирки и выкинул сообщение Гуннара из головы.

***

ДОБРОТА ДУШЕВНАЯ, В ЧЕМ ОНА СОСТОЯЛА НА ПРАКТИКЕ

Вообще-то пресловутый телевизор был украден «дядей Дейвом» из грузовика в тихом переулке. И, на мой взгляд, с его стороны было довольно пошло поддаться припадку честности и ПРОДАТЬ его маме.

***

***

АВТООТВЕТЧИК

Нет, моя любовь к ретро-технике тут ни при чем. Причина в том, что я прихожусь сыном женщине, которая слишком любит фильм «Колосс: Проект Форбина», а потому запрещает мне оставлять мой компьютер (и его отличный фильтр аудио/факс/электронных сообщений) включенным в сеть, когда меня нет дома. Боится, что в один прекрасный день компьютер спрыгнет со стола и скажет: «Мыслю — следовательно, буду править всем миром».

***

***

КАБЕЛЬНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

В 1998 году, удостоверившись, что все лица, желавшие принимать программы кабельного или спутникового телевидения, уже обзавелись соответствующими прибамбосами. Федеральное Управление по Делам Развлечений постановило, что отныне все реализуемые на территории США телевизионные приемники должны иметь специальный «ЛОМБАРД-ЧИП». Это устройство, которое, наподобие транспондера «Эфир-Сети»,

передает личный и серийный номер телевизора обратно на систему трансляции всякий раз, когда вы включаете телевизор в сеть.

Вначале потребителям объяснили, что «ЛОМБАРД-ЧИП» предохраняет телевизор от кражи, затем подчеркивали его ценность для установления рейтинга телепередач. С недавнего времени ходят слухи о латентных мультимедийных функциях «ЛОМБАРД-ЧИПА», и функции эти таковы, что матерые правозащитники от кошмарных снов на стенку лезут.

К счастью, мамин телевизор выпущен в 1997 году.

***

5. КАТАКЛИЗМ НАСТУПАЕТ — И САДИТСЯ В ЛУЖУ

«Проснись, Джек».

Ась? Чего? Я резко поднял голову. О нет — неужели опять?

Сонный зевок раздвинул мои губы и выбрался наружу. Я протер глаза, встряхнул головой и обвел тупым взглядом окружающую действительность.

Все правильно. Опять. Опять я задремал, уткнувшись лицом в мой кухонный стол, крепко сжимая в левой руке остывшую, сальную четвертушку оставшейся с прошлых выходных пиццы.

«Проснись, Джек».

Неподалеку от пиццы — банка с содовой (которая наверняка согрелась и выдохлась). За банкой — товарный вагон стандарта НО, над сборкой которого я трудился, когда, уколотый случайным угрызением совести, засунул в «рид-мэн» диск «Конформизм в одежде» и — по чистому совпадению — поставил вагончик сушиться.

«Проснись, Джек».

Кстати, а где же мой «рид-мэн»? Медленно-медленно я сфокусировал взгляд на левой части стола. Ага, вот он. Три румба по левому борту. Хранитель экрана действовал исправно: махонькие крейсеры гонялись за миленькими героями диснеевских мультиков и расстреливали их из огнеметов, превращая в закопченные, окутанные клубами дыма скелеты.

«Проснись, Джек», — пробубнил «рид-мэн».

— Заткнись, — отозвался я. Машина заткнулась. Экран очистился, дисковод загудел, и моим глазам была предложена: «Глава 7: Как одеться, чтобы босс принял вас за нормального человека?» Дабы измерить силу моего желания читать эту муть, мне потребовалось около тридцати наносекунд. — В задницу, — распорядился я, уронил холодный ломоть пиццы на стол и вытер сальные пальцы о штаны.

— Неверная команда, — ответила машина.

***

ГОЛОСОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОМПЬЮТЕРОМ

Звучит заманчиво, верно? Тогда вообразите себе университетскую читалку на последней неделе перед госами. Полтысячи студентов бубнят над учебниками — о учебники им

ОТВЕЧАЮТ.

***

О, чудеса голосового управления и мать их!

— Закрыть файлы, — промямлил я, превозмогая нечеловеческое желание зевнуть еще раз.

— Неверная команда, — уперся «рид-мэн».

Не подумайте, будто машина была наделена разумом. Рудиментарная программа распознавания речи да весьма узкий ассортимент звуковых реакций — вот и все ее достояние. Нагнувшись к самому микрофону, я внятно произнес:

— Закрой свои полигребаные файлы.

— Полигребаные файлы не открыты, — ответил «рид-мэн» с твердокаменной серьезностью, на какую способны лишь машины. — Показать вам список открытых в данный момент файлов?

— Нет. — Я дал «рид-мэну» несколько секунд на усвоение этой команды, затем вновь повторил: — Закрой .файлы.

На этот раз команда ему понравилась, и он задраил наглухо все, связанное с «Конформизмом в одежде». Удостоверившись, что дело на мази, я добавил:

— Отключись.

— Пароль? — замялся «рид-мэн».

Делюсь полезным опытом. Все устанавливают пароли для запуска компьютера. Я ставлю пароль и для запуска, и для отключения. И для входа в систему, и для выхода. Хотите узнать, почему? Как-нибудь я вам расскажу подробно о том семестре, когда первокурсники из землячества «Лямбда-Тэта-Сэта» в порядке инициации должны были бегать по университетской читалке и орать: «Отключись!»

Пока я вспоминал о юности, «рид-мэн» ждал от меня пароля.

— Я от Кена.

Разговор окончен. Машина вежливо пискнула, высунула подносик с диском наружу и завершила все свои программы, на прощанье разразившись финальным вскриком из мультика «Веселые мелодии»: «Во-во-вот и все, ребята!»

Откинувшись в кресле, я позволил себе расслабиться и отзеваться. Тут мой взгляд упал на будильник: 10:47.

— БЛИН! — И сон слетел с меня окончательно. Резко вскочив с кресла, я прыгнул к компьютеру, торопливо содрал с него чехол. Черт, я и не думал, что уже так поздно. Чуть не проспал единственную радость в жизни, вы подумайте!

На клавиатуре сидел крупный мохнатый паук. Смахнув его, я

включил компьютер в сеть. Лампа под потолком потускнела, два вентилятора с воем закружились — очень похоже на подготовку самолета к взлету.

— Внимание! — произнес компьютер. — До первичной загрузки — пятнадцать секунд!

Я напялил свинцовый фартук, плюхнулся в свое авиакресло, стоявшее перед клавиатурой, надел видеоочки и закрепил на голове шлемофон аудио-связи. Компьютер отсчитывал последние секунды перед первичной загрузкой:

— Пять! Четыре!

Аудио — есть! Видео — есть! Отбой всех субсистем!

— Два! Один!

Виртуальные покрышки виртуально задымились от трения о виртуальный асфальт, взревел турбовентилятор, действительность растаяла, потекла со стен — и первичная загрузка с головокружительной скоростью вытолкнула меня из подвала…

На Великий Информационный Суперхайвей.

МОЗГОВОЙ БАЛЛАСГ-МОЗГОВОЙ БАЛЛАСТ* МОЗГОВОЙ БАЛЛАСТ

Пока Джек удирает, аки виртуальный заяц, от виртуального грузовика-рефрижиратора по виртуальной крайней правой полосе, рискуя превратиться в виртуальное яйцо всмятку, мы можем улучить минутку и поговорить о том, как выглядит Инфострада в реальности. Разумеется, вы о ней много читали. Безусловно, вы видели ее в кино,

Несомненно, вы даже проскальзывали в портал на своей локальной Сети, чтобы провести несколько упоительных, дорогостоящих минут в одной из виртуальных потемкинских деревень — типа Вирмира или Байтбурга.

Реальность несравнимо грязнее.

Для начала следует уяснить, что есть такая штука — «ширина канала» называется. И вся крутая сетевая архитектура — а поверьте, сетевая архитектура это весьма крутая тема для разговора (собеседники засыпают, не успеете вы сказать «Протокол управления передачей — по протоколу Интернета») — не имеет никакого значения. Объем информации, перекачиваемой через Сеть в реальном времени, зависит от ширины инфоканала. И точка. Чтобы шляться по виртуальной реальности Сети в реальном времени, вам потребуется канал шириной с телевизионный. То есть — очень-очень широкий.

Во-вторых, вы должны понять, что скорость света — не просто сюжетный ход для нагнетания напряжения в романах Ларри Нивена. Когда вы находитесь в Сети, скорость света РЕАЛЬНА. И

равна примерно 11,87 дюйма в наносекунду. Еженедельно фиксируя изменения в темпе ваших сетевых перемещений из Нью-Йорка в Лондон, вы можете отследить скорость, с кокой отплывают друг от друга континенты, (Попробуйте сами, детки!)

Для вас — простого Джо Смита — последствия этих научных законов таковы: ваш коммерческий провайдер просто ФИЗИЧЕСКИ не может обеспечить своим многочисленным пользователям допуск к подлинной интерактивной виртуальной реальности в режиме реального времени — во всяком случае, не за те деньги, какие вы плотите. Отнюдь. Когда вы заруливаете в Байтбург, вам предлагается не что иное, как базовый сценарий, сгружаемый на вашу локальную машину. (А вы как думаете, почему вам устраивают этот дурацкий и занудный «торжественный прием»? Отвлекают от процедуры загрузки). Когда сценарий размещен, все, что вы реально имеете в реальном времени, — текст, примитивные команды по передвижению призраков и аудиосвязь телефонного качества.

То, что имею Я, — совсем другой коленкор. Но прежде чем мы углубимся в эту тему, еще один совет относительно Информационного Хойвэя: помните, что провело его правительство в целях ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. А означает это вот что — как и реальные шоссе, те транспортные артерии, которые связывают пригороды с инфомаркетами и официальными учреждениями, вполне чисты, с полицейскими и указателями на каждом шагу. Если вы довольствуетесь избитыми путями и уделом честного мелкого банала-потребителя, в Сети для вас не будет сюрпризов.

Но стоит забрести в сомнительные места — районы, построенные до прихода федералов — и вас кок пить дать ограбят.

Тем временем на виртуальном шоссе: какой-то безмозглый яппи на блестящей новенькой «Темпаре» болтал по телефону, забыв о клавиатуре. Дождавшись «окошка» в графике, я, показав ему кукиш, сорвал с его машины двери. Сменив полосы, я обогнал дядьку в соломенной шляпе и его одышливый «Ай-Би-Эм 4990», доверху груженный файлами с расширением «слм». И тут же,, с бьющимся сердцем, нажал на тормоз и рванул вправо — едва не подрезал какого-то старого лысого хипаря на «Маке-512». Дедуля обругал меня вслед по-черному. Я показал ему фигу и подбавил электронов — не забывая, однако, высматривать Сетепостовых.

***

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУПЕРХАЙВЭЙ

Имейте в виду — впрочем, это и ежику понятно — данное описание являет собой НАГЛЯДНУЮ метафору путешествий по Сети при помощи виртуально-реальных транспортных средств. Для тех читателей, которые увлекаются 1 ОБейсТ, обменом фиберпотических пакетов и сетью спутниковой сотовой связи «Моторола-Иридиум», я создал отдельный документ под названием: «Секреты старого хакера». Если вы из тех изврощенцев, которые торчат на чужих достижениях, можете смело заказать его по телефону 1-900-666-19-17.

***

Так, сколько там натикало? 10:51. Блин, блин, блин. Гуннар назначил мне встречу в 11.00, а стоять и ждать — не в его духе. Плохо дело. Может…

Я поднял глаза как раз вовремя — впереди был перекресток с МИКК-Сетью, и, как всегда, с эстакады швырялись кирпичами какие-то гремлины среднего школьного возраста. (Вот, кстати, и первое достоинство моего способа пользования виртуальной реальностью. На меня работают безумные алгоритмы уплотненного сжатия, усики автономных сканеров, новейшие стандарты фильтрации Сетесаморека. В общем, я воровато (уж извините за выражение) просачиваюсь через барьеры ширины канала — и вижу незримое, слышу неслышимое, знаю неведомое. Очень похоже на «Мясорубку» в ревизорском режиме).

***

САМОРЕК

«Самодвижущийся рекламный материал», он же «спам». Вначале это выражение обозначало рекламу, закамуфлированную под честные сетевые послания. Теперь сомореком именуется вся та фигня, которую провайдеры закачивают в ваш компьютер, пока вы болтаетесь в Сети. Стоит отсеять самореки, как рабочая ширина канала практически УДВАИВАЕТСЯ.

***

Короче говоря: я засек юных паршивцев раньше, чем они — меня, и успел увернуться. Глянув в свое зеркало заднего обзора, я

испытал мимолетную радость, увидев, как «Мак» с хипарем расплющился под градом из виртуальных бетонных плит и кегельбанных шаров. Полный крэш всех систем. Водитель отбыл на тот свет — понимай, в реальный мир. Бедный старомодный чайник, это ж надо было додуматься — сунуться на суперхайвэй в этом корыте…

10:52. Итак, с Инфострады до Университетского Суперкомпьютерного центра я добрался в рекордный срок. Теперь самое сложное: я притормозил в он-лайновой библиотеке ЮКУ, морфировал в студента и юркнул в административную структуру. Все ниже, и ниже, и ниже — ЮКУ ежегодно открывает тысячи счетов для студентов, так что охрана не бог весть какая — и еще ниже, пока я не вывалился из виртуальной реальности, перейдя на текстовые команды, набираемые с ручной клавиатуры. Отсюда — «телнетом», быстро-быстро — на кафедру высшей математики, и, нашарив первый же открытый внешний канал, я моментально оттелнетил назад в ЮКУ.

Voila. Джек Берроуз исчез. Поминай как звали. Затерялся в дебрях коммутатора. И след его простыл. А из глубин Университетского Суперкомпьютерного центра восстало нечто абсолютно новое, неописуемо прекрасное. Само совершенство.

Существо по имени МАК**ССУПЕР**.

Да, детки, теперь вы знаете, кто я такой на самом деле.

Выйдя из он-лайновой библиотеки, я оседлал свой виртуальный «Харли-Дэвидсон Ультра-Глайд» и нажал на стартер. Двигатель испустил звук, больше всего похожий на гром, обожравшийся мужских гормонов, и, сменив гнев на милость, принялся размеренно, басовито ворчать. Я натянул свои усыпанные заклепками черные инфоперчатки, пригладил перед зеркальцем на руле свои густые черные, вихрастые волосы (хотя чего их приглаживать — совершенство и есть совершенство), поднял воротник моей черной шелковой рубашки и отвернул рукав черной куртки-«косухи», чтобы взглянуть на мой (НЕ черный) виртуальный «Роллекс». 10:54.

Уйма времени.

Очки-консервы — на нос; сигарету — в зубы; наклонить «харлей» вправо, чтобы поднять подножку, затем я переключил моего двухколесного друга на первую передачу, резко газанул и отпустил сцепление. Задняя покрышка буквально ЗАСТОНАЛА от пылкого (аж дым пошел) удовольствия.

Так вновь встретились МАК**ССУПЕР** и Инфострада. Много куда надо заехать,

много кого повидать. Но прежде всего — на Ярмарку Идей, где в одиннадцать ноль-ноль ждет торговец оружием по имени

Гуннар.

Ярмарка Идей велика и обильна. Даже, пожалуй, слишком. Самый большой из миров Инфострады, если не считать Делмира или Федерал-Сети. Ярмарку видно за много виртуальных миль: колоссы-супермаркеты «Ничего без скидки» царят над всем окрестным инфоландшафтом, дерзкие схемы вертикального маркетинга рвутся ввысь, растворяясь в облаках высокомодной рекламы. А сколько баннеров, постеров, самокатов — и на каждом шагу красуется знаменитый на весь мир слоган:

«ЗАКРОЙ РОТ — ОТКРОЙ БУМАЖНИК»

Все подъезды к Ярмарке, как всегда, запрудили цивилы, нормалы, баналы и чайники. Приковыляли из своих Мухсрансетей провести ночь в раю он-лайнового потребления и массовых развлечений. Выключив свою доброжелательность, я промчался на «харлее» прямо по их головам. Это как пинать сетку, за которой пасутся индюки, — чайники единодушно вытянули шеи и принялись оглядываться по сторонам, обмениваясь гортанными вскриками, смутно сознавая: что-то вроде бы случилось, но что? Въехав на верхний ярус стоянки, я спрыгнул — а мотоцикл сам собой завернул за угол, откинул подножку и заглушил мотор.

Ну а я пригладил непокорные черные вихры, поправил темные очки и лениво направился к вратам «Рая».

Это имя носит виртуальный ночной клуб на четвертом ярусе. «Рай». Большинство баналов думает, будто на Ярмарке Идей всего три яруса: первый (торговля по оптовым ценам и бесплатные — в больших кавычках бесплатные — подарки), второй (торговля эксклюзивным барахлом и детские игрушки) и третий — всякие заведения для совершеннолетних чудиков, типа Сексуса и Шумильни. Впрочем, я мог бы поручиться, что даже сисопы Ярмарки по-прежнему считают свой инфомаркет безупречным образцом четко структурированных кодов и геометрически правильного пространства. Спорим, им и в страшных снах не снилось, что психи из edu могли забраться в их творение, взломать один из виртуальных чуланов и повернуть под углом в 90 градусов ВВЕРХ, в не-Эвклидово пространство. Где эти психи и выстроили свою личную, нелегальную МПВ (что значит «Многопользовательская Вселенная»).

***

МПВ

«Многопользовательская Вселенная» — участок виртуального пространства, где пользователи могут встречаться и взаимодействовать в режиме реального времени.

***

И в результате баналы ВИДЯТ врата в «Рай» — все равно как смутно чувствуют, что я обгоняю их в виртуальных коридорах нижних уровней, — но они не знают, что это врата, и тем более не умеют в них стучать.

Я умел. И постучал.

Из окошечка-глазка выглянул огромный самец гориллы — серьезно, здоровый такой обезьян в шляпе-котелке, мы его из одного старого фильма содрали.

— Пароль, однако?

Вскинув голову, я вынул сигарету изо рта и выдул ему в лицо облако дыма:

— Я от Кена.

Обезьян сердито фыркнул, но врата открыл. Я переступил порог и, оказавшись в антигравитационной трубе, воспарил.

В «РАЙ».

«Рай» был кайфовым — другого слова не подберешь — местечком. Весной 2005 года я истово верил, что только там и надо тусоваться — если ты в Сети фигура, а не просто погулять вышел.

Для меня «Рай» олицетворял лучшую из тех вечеринок, на которые меня не приглашали, самый офигительный ночной клуб из тех, куда я трусил зайти, самую безбашенную компанию из тех, какие почему-то не встречались на моем пути, — и все эти замечательные вещи вместе. Темнота, гомон, столпотворение, дым и прочий крышесбивающий угар — вот каков был «Рай». Островок упоительной анархии в море постного вещизма; апофеоз опасных идей среди безопасного, занудного мира.

«Рай» — лучшая музыка, лучшие умозамутняющие вещества и лучшие помраченные умы на всей планете. Там можно было веселиться до упаду — буквально — танцевать до зари (в «Раю» даже я — слышите. Я! — умел танцевать), заниматься виртуальным сексом на игорных столах или даже заключить сделку на поставки краденого плутония, если вдруг понадобится.

***

ДЫМ

Вообще-то всепроникающий туман, обволакивающий все и вся в «Раю», — это не просто атмосфера. Учитывая количество людей, которые могут там поместиться, и тот факт, что все они движутся (некоторые с транзитной задержкой не меньше 0,3 световой секунды), густой, задымленный «воздух» просто необходим, чтобы сдерживать объем поступающей к вам визуальной информации. Ее должно быть не больше, чем вы можете получить ее по Сети в режиме реального времени. Когда люди на вашем пути «входят в фокус», это не ваша заслуга. Просто-напросто это работает система виртуального зрения: чем ближе вы к человеку или предмету, тем более подробная зрительная информация к вам поступает.

Надо сказать, что в «Раю» принято еще более усиливать этот эффект, упиваясь в доску.

***

Теперь — задним умом — я удивляюсь, почему не задавал себе простого вопроса: «Отчего Сетевая полиция нас так и не прикрыла?»

Театрально-помпезные появления — удел несчастных робких душонок. Вынырнув из трубы антиграва, я неспешно вошел в зал клуба — спокойный и собранный, одним взглядом оценив ситуацию. Публика собралась продвинутая — во всяком случае, для понедельника. Ассортимент обычный: несколько эльфов, один-два гнома… За столиком почти у самой двери — компания киборгов. Хохоча каким-то жестяным смехом, они резались в покер (ставками служили детали их собственных тел). Парочка инопланетных инсектоидов и парочка дребезжащих боевых роботов что-то мирно праздновали вместе; рядом буйно веселилась целая толпа двумерных персонажей из стародавних мультфильмов (один так далеко ударился в прошлое, что стал весь черно-белый): били друг друга по голове огромными деревянными молотками и хихикали, как целый пансион для девочек. Учтиво кивая и элегантно, без патетики салютуя знакомым, я дал понять кому надо, что присутствую здесь. Переглянулся с завсегдатаями.

Например, с картинно-тучным доном Луиджи Вермишелли, царившим за своим постоянным столиком в дальнем левом углу. Его окружали корытца со спагетти и фрикадельками, нервные, гладко причесанные молодые люди в дорогих костюмах и с автоматами под полой, а также две суперпухлые близняшки, вся

одежда которых сводилась к золотым цепочкам и кольцам. (Надо сказать, что таких Марсианских Принцесс я лично обхожу стороной. Половина из них на поверку оказывается мужского пола.)

А вот другой постоянный обитатель «Рая» — бесчеловечный варвар Джесс Электропилорук — нес свои обязанности вышибалы на танцполе, где яблоку было некуда упасть и неистово наяривала пфанк-команда (парни с гвоздями вместо волос). Сквозь иллюзорно-прозрачную звуконепроницаемую стену просачивалась уютно-оглушительная музыка. По моим догадкам, реальный человек, стоявший за Джессом, был отставным военным. Я, как всегда, приветливо отдал Джессу честь — и, как всегда, он машинально козырнул мне в отпет, чуть не срубив при этом себе голову.

(Тут следует упомянуть, что раз уж ты попал в «Рай», так скрывай свое подлинное имя. Здесь в ходу лишь клички, и в этом соль игры: храня свое имя и подлинную природу в тайне, постарайся вычислить остальных. Говорят, этот обычай ввел ДО**НМАК**.)

Кстати, о ДО**НМАКе**. Вон он, в темном углу слева от Джесса: бедный,

одинокий ДОН МАК, последний из верборгов. Все, что ему осталось, — это сидеть,

киснуть, ржаветь, прихлебывая свой «пеннзойл с лимонной», и пялиться алыми,

фотоэлектрическими глазами то на столик слева, где четверо ниндзя-мутантов яростно размахивали своими «катанами», шумно делили кровавые останки какого-то

(надеюсь, неодухотворенного) существа, то на столик справа, где, зловеще бормоча под нос и полируя свои оправленные в серебро «Калашниковы», восседали какие-то ребята в бурнусах.

ДОН МАК может читать и передавать мысли — когда хочет. Перехватив его взгляд, я показал на арабов, потом постучал себя по лбу.

— Да, Макс? — подумал ДО**НМАК**.

— Столик около тебя, — субвокализировал я. — Новички в Сети?

— Да, держись от них подальше, Макс. С ними лучше не связываться.

— Да?

— Из нового узла МирСети: Кабул, Афганистан. Открыли портал только на этой неделе. Это несовершеннолетние моджахеды.

— Кто?

— Кхиберпанки. Ага. Завершив разговор с ДО**НМАКом**, я пошел дальше. Опять эльфы, опять супергерои, двое жалких малолетних думеров-огненных-черепхедов, сбежавших с обложки последнего альбома «Исчадий».

Ну и, как обычно, те, кто забрел из казино.

(Один совет. Не старайтесь вообразить, как все это выглядит визуально. Базовую геометрическую структуру «Рая» проектировал легендарный Болликс («Брет-Ковбой»).) С Эвклидом его замысел и рядом не лежал.

***

«БРЕТ-КОВБОЙ» БОЛЛИКС

Один из легендарных сетевиков, герой многочисленных сказаний. Недавно было подсчитано, что если Брет-Ковбой, Капитан Крэш и Диана фон Бэби действительно совершили все те подвиги, которые им приписываются, их совокупный возраст равен как минимум 640 годам.

***

Вон та стена кажется уходящей в бесконечный черный вакуум. Имейте в виду — она действительно в него уходит. Мерцающие озера света над столиками? Это действительно озера мононаправленного света, происходящего из неведомого источника. В «Раю» есть места, где гравитация — чисто локальный феномен; невидимые отдельные кабинеты, куда можно попасть, лишь выразительно посмотрев в конкретную точку, а затем совершив строго определенные телодвижения в строго определенном порядке; есть даже зал фазированного пространства, где то, что ты видишь, и те, с кем ты общаешься, обусловлены тем, через какую дверь ты туда попал. А в Мемориале Трудовой Славы смотрите под ноги: некоторые из этих черных плиток на полу являются виртуальными телепортами, которые зашвырнут вас в такие точки Ярмарки, что стыда не оберетесь.

Я бродил-бродил-бродил по залу. Гуннаром и не пахло. Худо дело. Пробравшись к островку света, где располагался большой бар, я обнаружил, что сегодня за стойкой трудится Сэм.

***

НЕ ГЛАДЬТЕ ПТЕРОДАКТИЛЕЙ

Делайте что хотите — но, ради всего святого, НЕ ГЛАДЬТЕ ПТЕРОДАКТИЛЕЙ, невзирая на их абсолютно одомашненный вид. Гнездо птеродактилей (оно венчает тающие ходики, украденные у Сальвадора Дали) буквально НАБИТО откушенными руками.

***

Наш черный бармен-пианист Сэм был не просто симулякром личности — а настоящим шедевром, плодом патологической любви к фильму «Касабланка». Не переставая настойчиво стирать воображаемое пятно со стойки черного дерева, Сэм поднял глаза, кивнул мне и произнес:

— Добрый вечер, мистер Супер. Приятно видеть, что вы нас не забываете.

— Добрый вечер, Сэм. — Я нашел свободный табурет и присел у стойки.

Сэм повесил полотенце на плечо, взял пустой стакан, кинул туда несколько кубиков звенящего льда:

— Вам как обычно, мистер Супер?

— Пожалуй, да, — кивнул я. Поставив стакан на стойку, Сэм налил мне кентуккского бурбона — ровно на два пальца. (Не надо мне ничего советовать — сам знаю. Да, в «Раю» мне были доступны любые напитки (в конце концов, я всего лишь выбирал фильтровальный алгоритм для легкого искажения моего зрительного восприятия), но почему-то мой выбор всегда останавливался на виртуальном бурбоне.)

Сэм подвинул мне стакан:

— Запишу на ваш счет. Что-нибудь еще, мистер Супер?

— Не-а, — покачал я головой, но тут же спохватился:

— Вы здесь сегодня Гуннара не видели? Сэм почесал подбородок, изображая задумчивость:

— Мистер Гуннар был здесь этак с час назад. Спрашивал о вас.

— Он и сейчас здесь? Сэм покачал головой:

— Не могу сказать.

Я понимающе кивнул. На языке Сэма эта фраза могла иметь шесть разных значений, но все они сводились к одному: вопрос о местонахождении Гуннара мне придется выяснять самому.

— Хорошо, Сэм. Спасибо.

Сэма позвали к другому концу стойки, и он ушел. Я глотнул на пробу бурбона — разумеется, никакого вкуса. Именно поэтому мне удается курить и пить в виртуальной реальности — ноль

вкуса, ноль физических ощущений. В реальной жизни от бурбона меня выворачивает, как в кино «Экзорцист».

— Макс Супер? — окликнули меня сзади. Я обернулся. Передо мной стоял какой-то малолетний парнишка. Оранжевый гребень на голове. Зеркальные очки, привитые к скулам, как ветка к дереву. Лоб усыпан прыщами — нет, не прыщами, а слотами для чипов и прочей мини-машинерии. Губы и уши украшены всем содержимым дешевой галантерейной лавчонки. Пасть — как у окуня, которого я как-то повстречал на Лейк-Милль-Лакс. В общем — хоть для красоты на стенку вешай.

— Это вы Макс Супер? — спросил он с нервным благоговением в голосе. — Это ведь вы создали «Силиконовые джунгли»?

Вздохнув, я взвесил возможные последствия всех возможных ответов на этот вопрос.

— Да, — сознался я наконец, — это я. МПВ-шку «Силиконовые джунгли» я сделал лет в восемнадцать, в качестве курсовой для универа.

— Я — Брякпойнт! — восторженно вскричал юнец. Угу, теперь, когда он представился, я обратил внимание на внешнее сходство. — И я хочу вам сказать, я в «СиДжу» играю с двенадцати лет. По-моему, это самая потрясная МПВ на свете!

Странно, когда я создавал образ Брякпойнта, у меня и в мыслях не было, что он окажется малолетним ботаником с проблемной кожей.

— Вы мне льстите, — заявил я, потянувшись к стакану.

— Да ни капельки! — ответил он. — Правда, я иногда тусуюсь на Звездодроме, ну и на Эльфотрек заглядываю — так, для смеха, но в «Силиконовых джунглях» я просто живу! Я бываю на «СиДжу» — Сетефоруме, и книжку Дафидда аб Хью я читал, и все выпуски комикса у меня есть — даже первый! А теперь и с вами познакомился… Это просто, ну, не знаю…

Я поднес стакан к губам и сделал долгий глоток, глядя на мальчика сквозь стекло. Что я мог сказать? Что с «Силиконовых Джунглей» я и цента не получил? Что авторские права принадлежали университету? Что университет их запродал коммерческой он-лайновой фирме, даже не известив меня? Что игру, которая стала для него жизнью, пять лет переписывали и расширяли разработчики, с которыми я сроду словом не перекинулся? Что в тот единственный раз, когда я сунулся на «СиДжу» Сетефорум, меня на смех подняли?

Или мне лучше ответить банальностью — объяснить мальчику, что не стоит моделировать свою жизнь по образцу игрушечного персонажа?

Я поставил стакан:

— Очень мило. Всегда приятно встретить поклонника. — Я пожал мальчику руку и расплылся в широкой виртуальной улыбке. — Я бы с вами подольше поговорил, но вон там, — я указал в неопределенном направлении, — мелькнул парень, которого я все выходные отлавливал.

Не успел юнец опомниться, как я спрыгнул с табурета, юркнул за угол и укрылся за каким-то огромным растением в горшке. Нет, это был не филодендрон. Скорее этакая пальма-лилипутка.

— Давно пора, — проворчало дерево. Я аж отпрыгнул:

— ГУННАР?

— Т-с-с, — дерево нервно огляделось по сторонам, после чего морфировало в Гуннара. Надо сказать, что разница была минимальной: Гуннар обычно предстает в облике закамуфлированного до зубов человекообразного десантника. Весь в черно-зеленую полоску, от кончиков остриженных под «полуноль» волос цвета хаки до носков крапинчато-болотных сапог.

— Провожу полевые испытания нового облика, — прошептал он. — Практикуюсь в искусстве быть невидимым.

— Ага. — Первый шок прошел, и я уже начинал на него злиться. — Получил я твою весточку. Что стряслось?

— Всему свое время. Макс. Всему свое время. — Гуннар опять огляделся по сторонам — и, прошагав к бару, повысил голос:

— Сэм! Мне холодный «кирин», а… что ты там пьешь. Макс? — Он заглянул в мой стакан. — Бурбон для моего друга!

Все, кто мог нас слышать, обернулись поглядеть, из-за чего сыр-бор.

— Только что новую игрушку взял, Максуля! — слишком громко заявил Гуннар. — «Кольт-Эйчбэр-Спортер», не ранее 94-го, как новенький! Из него в жизни не стреляли! Пятнадцать лет назад его купил какой-то психованный брокер и зарыл в подвале — конца света все дожидался! В прошлом месяце он помер от инфаркта, а вдова хотела сдать кольт, куда по закону следует — пока не узнала, сколько денег за него можно выручить.

Все, кто мог нас слышать, разочарованно отвернулись, разговоры возобновились, а до меня наконец-то дошло, чего добивался Гуннар. «А Гуннар с Максом все про оружие да про оружие», — донеслась до меня фраза хорошенькой, усыпанной самоцветами дамочки-рептилии.

— Искусство быть неслышным, — шепнул Гуннар мне на ухо, наклонившись к стойке за своей пивной кружкой. — Отнимите у них желание слушать.

Я почувствовал, что Гуннар вонзил в мою ладонь какой-то чип.

— Одна потрясная бэби, — продолжал Гуннар шепотом, — всю прошлую неделюшлялась по Воен-Сети, спрашивала, не сведет ли ее кто с МАКСО**МСУПЕРОМ**. Это еевизитка.

Гуннар вновь выпрямился, вылил в себя полкружки пива и рыгнул, аки норвежский бог.

— Только что на «Диллон» автопилот поставил! — продолжал он. — Вот накопим к субботе боеприпасов — повеселимся, идет? Ну как, приедешь по шапкам пострелять?

Сэм застыл как изваяние. Воцарилась тишина. Все взгляды вновь устремились на нас. Заметив, что Гуннар задорно мне подмигнул, я решил подыграть ему.

— Неплохая приманка, — пробурчал я, закуривая. — Значит, повидаемся в реальном времени? Откроешь мне свое подлинное имя в обмен на мое? — Глубоко затянувшись, я выпустил ему в лицо облако синего дыма. — Фиг тебе, сынок.

Гуннар набычился. Стиснул кулаки. Сощурил глаза. Выпятил скулы.

Истина в том (если вы до сих пор не догадались), что в реальном времени мы с Гуннаром были знакомы. И не далее как две недели назад обедали вместе. Но поскольку все остальные посетители «Рая» называли себя вымышленными именами, нам вовсе не хотелось уведомлять их о том, что Гуннар и Макс Супер живут в одном городе и вообще дружат в реальном времени. Вот что стояло за нашим маленьким спектаклем.

***

«ГУННАР ПИТЕКАНТР»

Подлинное имя — Джозеф Ле-Мат. Профессия — независимый консультант по программному обеспечению. Возраст — лет тридцать семь Особые приметы — ярко выраженная вмятина на левом плече (подарок бывшей жены)

***

Тем временем в зале началось черт-те что. Гуннар, рыча, полез на меня с кулаками (слишком широко размахиваясь). Легко увернувшись от удара, я молниеносно подставил ему под нос мономолекулярный складной нож, который носил в рукаве. Сердито покосившись на сверкающее лезвие, он опустил руки,

разжал кулаки, попятился.

— Ну, погоди, — прохрипел Гуннар. — Ну, погоди у меня, Супер, доиграешься. — Он сложил руку на манер пистолета. — Пиф-паф! Прямо в лоб!

Я лениво, одним мизинцем сложил нож и убрал на место:

— Разве что в твоих снах, тыквоголов.

Два часа спустя. Сыграв несколько раундов в ноль-болл, пересидев за стойкой великую свару ниндзя с кхиберпанками (победил Джесс Электропилорук), катапультировавшись из «Рая» и заткнув парочку ночных чэтов… Мы (я и «харлей»), отключив виртуальные фары, медленно бороздили пустынные закоулки Делмира.

Делмир был мне ненавистен.

«Ненавистен», — говорю я. И я имею это в виду. Мне было противно находиться на этих холодных, темных, бездушных улицах. Противно даже смотреть на эти серые, глухие громадины корпоративных инфоструктур, что тянулись на много миль.

Но больше всего я ненавидел то, что символизировали собой эти структуры.

Вероятно, именно поэтому раза два в месяц я с большим удовольствием отправлялся туда, чтобы заложить парочку виртуальных бомб-вонючек. Но сейчас меня интересовали не бомбы.

Странно. Оглядевшись по сторонам (никакой полиции, вообще никого — я один), я притормозил в темном уголке и заглушил двигатель. Если верить полученному от Гуннара чипу, место, которое я искал, находилось где-то здесь. Может, я сам что-то напутал?

Выдернув чип из ладони (моей инфоперчатки), я воткнул его в лоб и еще раз просмотрел голо-графическое послание. «Хочешь расслабиться? АМБЕР@ alt.XXX.sex.com». Текст прост до банальности.

Подтекст, напротив, был НЕВЕРОЯТНО интересный. Ибо текст послания струился по телу НЕВООБРАЗИМО красивой брюнетки, беззвучно танцующей под неслышную, но, бьюсь об заклад, глубоко РАСПУТНУЮ музыку. Длинные шелковистые волосы обвивали ее тело; изящное, но сильное тело изгибалось и кружилось, а руки ее порхали, точно… а губы ее были точно… а ее… и ее…

Выдернув чип из лба, я кое-как отдышался и пожалел, что не могу наколдовать себе виртуальный холодный душ. Гуннар назвал женщину из Воен-Сети «потрясной». Если это она сыграла роль бумаги для письма в послании — что ж, Гуннар впервые в жизни не преувеличил…

Воткнув чип назад в перчатку, я сверил свой путь с адресом. Угу, домен однозначно тот самый. Но alt.XXX. оказался глухой стеной. Безликой. Ни единой надписи. Фрагмент абсолютно пустого печального вакуума. Вылитое шоссе «Интерстейт-80» в западной Небраске.

Но, может, глаза мне лгут? Надо бы поглядеть поближе.

Опустив подставку, я спешился. Медленно, опасливо прошелся по тротуару. Под подошвами моих черных ботинок тихо похрустывали обломки потерянных инфобитов. Я остановился перед глухой стеной. Хм-м. На глаз — ни единого шва. Никаких там дверных ручек. Может, тайная щеколда? Я осторожно потянулся ощупать поверхность стены.

Моя рука исчезла.

От неожиданности я отпрянул — рука вернулась. Торопливо проверил пальцы: один, два, три… Ладно, вроде все на месте.

Набравшись храбрости, я сделал вторую попытку. Медленно, очень медленно протянул руку к стене. Пальцы утонули в ней. За ними — запястье. Затем скрылся локоть.

Ага. Хитро придумано. ВИРТУАЛЬНАЯ виртуальная стена. Набрав в грудь воздуха, я продолжал двигаться вперед. Та-ак, по самое плечо…

И тут за мое предплечье ухватилось НЕЧТО. Нечто БОЛЬШОЕ… Не успел я отреагировать, как оно с хлюпающим (точно вьетнамская лапша пролилась) звуком протащило меня СКВОЗЬ стену и швырнуло в полную тьму. Ни верха, ни низа, ни пола, ни стен — только ощущение, будто бултыхаешься в мокрой, плотной, вредной для нервов тьме под аккомпанемент медленного, хриплого дыхания какого-то неизмеримого зверя.

Но вот среди тьмы распахнулись глаза: пара огромных, красных, пылающих топок с углем. Их взгляд пронзил меня, как булавка — пойманного жука. Зверь заговорил, и голос его рокотал, как лава в жерле вулкана.

— Привет, Макс, — сказал он, — давно тебя разыскиваю.

Я сдержал дыхание ровно настолько, чтобы завопить: «АТАС»!

Спустя пятнадцать миллисекунд я был уже в реальном мире. Связь с Сетью разорвана, переключатели заблокированы, мосты взорваны, рубильники вырублены. Элемент виртуальной реальности по имени МАКС СУПЕР превратился в облачко беспорядочно пляшущих электронов в какой-то неведомой Сетевой БД, а все звенья гипотетической цепочки, связывающей Джека Берроуза с МАКСом и недавним происшествием в

Делмире, были стерты в порошок быстрее, чем я сам успел об этом подумать.

Я же вам говорил, что выхожу из Сети только паролем…

На этот раз, несмотря на все пароли, мог и не выйти…

Я снял видеоочки, содрал с головы шлемофон, скинул инфоперчатки. Между приступами животного страха я мучался от любопытства: кто же это там меня сцапал, черт подери? Волосы на голове и в подмышках слиплись от пота. Мочевой пузырь уже лопался по швам. Хромая, я слез с кресла и побрел в туалет, по дороге глянув на будильник.

1:27. Утра.

Ну что ж, тайну монстра придется отложить на завтра.

И молиться всем богам, чтобы он не отыскал дорогу к моему дому.

6. КАТАКЛИЗМ РАЗБУШЕВАЛСЯ

Я буквально изжарился на сковородке страха — хоть в «Макдоналдсе» подавай. Но при этом умудрился проснуться, умыться, побриться, одеться (в духе конформизма, заметьте!) и добраться до отдела к 7.29. Родное помещение встретило меня тишиной и безлюдьем.

Оказалось, в назначенный час пришел только я. Очевидно, собрание сотрудников под предводительством Мелинды в 7.30 несколько откладывалось. Но ПБ в БД маркетингового отдела ДИП все равно надо было как-то ликвидировать — да и дел других у меня не было, так что я нацепил видеоочки, натянул инфоперчатки и нырнул в БД. Я даже пропустил приезд Чарльза — имевший место быть, кажется, в восемь. И не счел нужным проверять, какие там у него наклейки на спинке инвалидной коляски.

Этак в 8:20 заявилась Т'Шомбе. Закутанная в офигительное черт-те что из пестрого батика, такую одежку типа покрывала, которая обтягивала все, что должно быть обтянуто, скрывала в изящных складках все, что лучше скрывать, и не оставляла никаких сомнений в том, что тело Т'Шомбе не сковано никаким бельем. Да-а, если Мелинду оскорбил даже понедельничный наряд Т'Шомбе, от ее вторничного костюма у нашей начальницы просто индекс Доу-Джонса лопнет…

Без четверти девять в дверях возникли Фрэнк и Бубу — похоже, они продолжали спор, затеянный еще вчера при уходе с работы. Фрэнк был в ковбойке и спортивных штанах. Бубу — в изъеденном молью свитере и ископаемых джинсах. Я обратил особое внимание на то, что галстуками оба пренебрегли.

И наконец, в 9:30 прибыла Мелинда. Она не столько вошла, сколько влетела: распахнулась дверь с лестницы, и впорхнула Мелинда, жонглируя сумочкой, портфелем, булочкой и пластиковым стаканчиком с кофе, пытаясь одновременно расчесать свои обильные светлые волосы и наложить на губы еще один слой алой помады. Турбулентная сила, созданная ее стремительным движением, вытащила наши головы в коридор, но Мелинда не сказала нам ни слова. Просто шмыгнула в Гассанов — пардон, в свой — кабинет и хлопнула дверью. Долгое время из кабинета доносились лишь яростное попискивание и постукивание (Мелинда избивала телефон) да случайные задненебные звуки, которым удавалось ускользнуть от шумопоглотительной системы нашего здания.

Без четверти одиннадцать мой Мульти-Модальный

Настольный

Аудио-Терминал «NEC 1400xm» (проще говоря, телефон) издал мелодичную трель. Я покосился на табло АОНа и, определив, что это звонит по местной Фрэнк, поднял трубку.

— Пайл, — сообщил он, — через пять минут планерка отдела в кабинете Мелинды. Свистни Т'Шомбе, если тебе не трудно…

Не трудно? Да я готов хоть десять раз… Но нет, я, как всегда, повел себя прилично, признал, что разнузданная, буйная сторона моей личности — порядочная трусиха, и учтиво оповестил мисс Райдер о планерке. Возвращаясь к себе, я заглянул к Чарльзу и предупредил его о том же самом.

Пять минут спустя мы входили в тесный кабинет Мелинды с энтузиазмом смертников, спорящих, кто первый сядет на электрический стул.

Должен признаться, я был потрясен. Похоже, интерьерщикам пришлось работать всю ночь. Глядя на новый кабинет Мелинды, никто бы не догадался, что всего двадцать четыре часа назад он был обставлен в стиле «Муж-Средне-Возр-Модерн». Рабочее место Гассана являло собой образец строго функционального беспорядка: исцарапанный черный железный стол, такой же шкаф с картотекой, вращающееся кресло (об одном подлокотнике), на полу произвольными грудами навалены книги и бумаги, на стене, в рамке — сувенирная коробка от каши «Уитиз», посвященная мировому чемпионату по футболу 1987 года, на полках — древние запчасти к древним компьютерам, призы, завоеванные на состязаниях по армрестлингу, фотографии детей Гасана и любимых пойманных рыб.

Напротив, кабинет Мелинды являл собой памятник сногсшибательного ШИКА. Стол красного дерева, обитый атласом, еще один — рабочий — стол на колесиках, такой же шкаф с картотекой. Вместо столешницы — плита из искусственно культивированного мрамора, на которую при необходимости можно было вертолеты сажать. И как минимум ТРИ огромных филодендрона в кадках. Массивное, роскошное кресло из черной кожи было, похоже, позаимствовано из кабинета генерального, а умопомрачительно уродская литография с серийным номером и автографом художника над головой Мелинды больше всего напоминала вещественное доказательство окончательного помешательства автора. Стена справа от стола была увешана табличками и дипломами в рамках. Выглядели они очень внушительно, но, пододвинувшись поближе, я обнаружил, что все это штучки вроде: «Самой старательной участнице благотворительной распродажи, «Маленькая Лига» г. Миннетонка, 2001». А еще — я даже и не догадывался, что,

заказав в дизайнерской фирме себе имидж, вы имеете право на диплом.

На бескрайних просторах стола располагались ровно три крохотных предмета: крохотная фигурка из черного дерева, замысловатая медная курильница для благовоний и Мелиндин Личный Органайзер-Менеджер.

(«Эфиопская богиня плодородия», — пояснила Т'Шомбе, указав на деревянную фигурку).

Мелинда тем временем, повернувшись к нам спиной, продолжала разговор по телефону. Конкретно, внимала чьему-то скользкому как резина басу, энергично кивая.

— Нет, — сказала она телефону, — пока нет. Я еще попробую.

В комнате имелось два стула для пеонов. Один заняла Т'Шомбе, другой — Бубу. Чарльзу стул не требовался, а мы с Фрэнком остались стоять. Из курильницы поднимался тонкий, перистый столбик дыма.

Рубин понюхал воздух. («Что это за запах?» — спросил он Т'Шомбе. «Мы что, сейчас «Пинк Флойд» будем слушать?»)

— Хорошо. Счастливо. — Мелинда опустила телефон в его гнездо и развернулась к нам в своем шикарном кресле. — Это шалфей, — обратилась она к Бубу. — Он разгоняет злых духов.

У Рубина отвисла челюсть — но Мелинда уже долбила по клавишам своего ЛОМа, точно по карманному «Нинтендо», и хмурила лоб, читая текст на экране.

Наконец она положила ЛОМ и подняла глаза от стола.

— Ну хорошо, детки, — сказала она, — я рассчитывала, что это будет непринужденная планерка-знакомство, но через полчаса у меня важная встреча в городе, а до того — еще масса дел. Так что, если вы не против, вернемся к нашим баранам немедленно.

***

ЛОМ

«Личный органайзер-менеджер»: карманное электронное устройство, совмещающее в себе функции пейджера, ежедневника, телефонной книги и сотового факса. Если соберетесь покупать себе ЛОМ, не пожалейте денег на поляризованный дисплей. Мелинда поскупилась — что позволило мне легко считать информацию с ее ЛОМа, хотя он был и вверх ногами. Текст был такой:

П.30 УЛД отель обед и УЛД+ МШ = любовь!!! Взять зап. кол-ки, 2 з.щ. и «Ментос».

***

— Чарльз? — Глянув на него, Мелинда тут же поспешила отвести глаза. — Как дела с проектом Сондерсона?

Чарльз пощелкал, пожужжал, нервно задергался и ответил:

— ВОЗМОЖНЫ НЕКОТОРЫЕ СЛОЖНОСТИ.

Чудненько. Он опять переключился в режим робота-убийцы.

Фрэнк поспешил вмешаться.

— Чарльз имеет в виду, — разъяснил он, покашливая, — что возникли серьезные проблемы с…

Мелинда пронзила Фрэнка остронаточенным взглядом.

— Я не сомневаюсь, что Чарльз в состоянии сказать все за себя.

Улыбалась она вежливо, но в голосе пылало горячее масло, сверкали когти, дымился яд.

— НЕТ, — произнес Чарльз. Мелинда попробовала было и на него глянуть, но Чарльз спокойно уставился на нее своим единственным здоровым, налитым кровью глазом, и через несколько секунд Мелинда заморгала. — ПУСТЬ ФРЭНК СКАЖЕТ.

Мелинда перевела взгляд на Фрэнка:

— Ну же?

— Проблемы чисто технические, — промямлил Фрэнк, надеясь, что она побоится лезть в эти дебри.

— Я попробую понять, — отпарировала Мелинда, стиснув зубы.

Фрэнк набрал в грудь воздуха, выплюнул его обратно, запустил руку в свои редеющие черные волосы.

— Это очень похоже на Уигмановский метод минимизации квадратов, — проговорил он наконец. — Сондерсону явно свойственна генетическая предрасположенность к субоптимальной когнитивности, и результирующая интенция…

Мелинда взмахнула рукой, прерывая его речь.

— То есть вы говорите, что, по вашему мнению, это нельзя сделать так, как задумал Сондерсон?

— Ну, видите ли, имеется достаточно широ… разрыв между идеацией и..

— Ваше МНЕНИЕ меня не интересует, — заявила она мертвым, ровным голосом. — НАЙДИТЕ способ. ВОПЛОТИТЕ замысел в жизнь.

Фрэнк попытался было еще что-то промямлить, но Мелинда, вновь уставившись на свой ЛОМ, переключилась на новую тему:

— Следующий. Рубин.

Подняв глаза, она положила ЛОМ на стол и сложила руки ладонями вместе.

— Авраам, — прощебетала она милым, светозарным голоском. — Вы сегодня ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ заняты?

Бубу нервно заерзал на стуле, прокашлялся:

— Ну, э-э-э, надо заняться анализом для МРП, и еще..

— Но это ведь МОЖЕТ ПОДОЖДАТЬ до завтра, верно?

— Да, да, наверно, может. А в чем дело? Есть какое-то…

Надув губки, Мелинда кивнула:

— О да, есть.

Покосившись на Фрэнка, она обрушила всю мощь своих гляделок на Бубу:

— Я хочу, чтобы сегодня вы все оставшееся время посвятили анализу всех ошибок ГП за прошлый месяц. Очевидно, система голосовой почты неисправна, поскольку ни вы, ни Фрэнк явно не получили послания, которое я оставила вчера.

— Но… — попытался взбунтоваться Бубу.

— Проанализируйте ВСЕ сообщения — и ошибочные, и нет, — подгорчила она пилюлю. — К концу сегодняшнего рабочего дня я жду от вас полного отчета в письменном виде.

— Но…

— СЛЕДУЮЩИЙ, — рявкнула она.

Воровато покосившись на экран ЛОМа, уставилась на меня и медленно, аккуратно смерила меня взглядом с ног до головы и обратно. Я слегка поежился, но постарался закутаться в ауру мнимой уверенности в себе. Блин, я ведь прочел эту треклятую книгу (ну, пропустил парочку глав, что такого…). Я выглядел КАК НАДО. Темно-синие брюки, черные остроносые ботинки, белая рубашка с воротничком на пуговичках, голубой, в диагональную красную полоску галстук.

— С учетом вашего уровня — не так плохо, Пайл, — сказала Мелинда наконец. — Но позвольте мне познакомить вас с новым подходом к одежде. Ее принято ГЛАДИТЬ. И, Бога ради, заправьте сзади рубашку в брюки. — Попятившись от сослуживцев, я попробовал тихонько запихнуть рубашку в штаны.

Мелинда вернулась к своему ЛОМу.

— Не спешите уходить после совещания, — отчеканила она, не отрываясь от экрана. — Для вас у меня специальное задание. о-хо-хо-нюшки.

— Но вначале… — Мелинда приосанилась, решительно плюхнула ЛОМ на стол и выпустила по Т'Шомбе очередь ледяных взглядов. — Уж не знаю, моя хорошая, что за балаган вы затеяли…

— Балаган? — искренне удивилась Т'Шомбе. Улыбнулась, откинулась на стуле, умудрилась так поиграть плечами и бедрами, что декольте моментально стало еще глубже. — Вы о

чем? Не пойму никак.

— Не придуривайтесь. Вы отлично знаете…

— Я всего лишь, — проворковала Т'Шомбе, — осуществляю свое право, предусмотренное шестым параграфом третьего раздела «Мультикультурного устава МДИ». Если память мне не изменяет, он гласит: «Все работники имеют право носить одежду и/или украшения, соответствующие их культурной, религиозной, этнической или сексуально-групповой принадлежности, при условии, если эта одежда и/или украшения не нарушают норм техники безопасности и не содержат текстуально-визуальной информации, которая оскорбляла бы интересы других работников МДИ, клиентов, продавцов, гостей или случайных встречных».

К тому моменту, когда Т'Шомбе закончила свою декламацию, Мелинда побагровела до корней своих белокурых волос:

— ВЫ…

— К примеру, эта одежда, — Т'Шомбе, подняв руки вверх, оглядела себя, — отражает мою этническую принадлежность и, очевидно, не нарушает норм техники безопасности при нахождении рядом с рабочими станциями и серверами.

Т'Шомбе встала, неспешно, на манер манекенщицы, повернулась на пятках, при этом умудрившись обнажить ножку до самого бедра. У Фрэнка глаза полезли на лоб, Бубу раскрыл рот. Даже Чарльз загудел и завибрировал, точно старая стиральная машина — от перегрузки. А у меня появилось подозрение, что Т'Шомбе умеет усилием воли задирать свои поразительно крупные соски кверху.

— Возможно, я ошибаюсь, — с тем же искренним изумлением протянула Т'Шомбе, — но мне кажется, что эта одежда не оскорбляет чувств моих сослуживцев. — Перестав кружиться, она уставилась наивными глазами на Фрэнка. — Или оскорбляет?

— О нет, — выдохнул Фрэнк.

— Ни в малейшей степени, — поддержал его Бубу. Т'Шомбе вновь обернулась к Мелинде:

— Конечно, я сама буду рада признать, что моя одежда НЕ СОВСЕМ соответствует культурным нормам. Среди моих предков — в племени тутси — подобный кусок ткани завязывали вокруг пояса наподобие обычной юбки. Приличия требовали, чтобы женщины летом полностью обнажали грудь. Как вы думаете, мои сослуживцы будут против, если…

— Что вы, что вы, — выпалил Фрэнк.

— Не стесняйтесь нас, — добавил Бубу. Мелинда, окончательно потеряв самообладание, вскочила на ноги:

— ХВАТИТ! — вскричала она. — ВОН! ВОН ОТСЮДА, ВЫ ВСЕ!

Мы ринулись к двери.

— ПАЙЛ, СТОЯТЬ!

Я застыл на пороге, потратил микросекунду на проклятия моей злой судьбе, после чего повернулся и вновь вошел в кабинет.

(— Тутси? — донесся до меня голос Рубина, удаляющегося по коридору. — Я и не знал, что ты из тутси.

— Отец был тутси, — ответила ему Т'Шомбе. — А мать — ватуси. Ну а я, вероятно, — тутси-вутси.

Бубу брызнул слюной. Фрэнк фыркнул. Даже Чарльз издал органический звук, подозрительно похожий на смех.)

Мелинда по-прежнему возвышалась над столом. Ее лицо было искривлено гримасой злобы, из ушей валил пар. Не знаю уж, делала она упражнения по глубокому дыханию или просто считала про себя до миллиона, но взять себя в руки ей кое-как удалось.

— Закройте дверь, Пайл. Я повиновался.

Она плюхнулась в свой кожаный начальственно-восседалищный модуль. Рассудив, что пользоваться стулом для пеонов не запрещено, я тоже сел.

— Джек? — окликнула она. Какая-то нотка в ее голосе вселила в меня желание вскочить с места. — Вы не против, если я буду называть вас Джеком?

Немного расслабившись, я опять сел:

— Не-а, не против.

— Два вопроса, — заявила она, торопливо покосившись на экран ЛОМа. — Во-первых, — оттолкнувшись каблучками, она совершила «полет босса» к рабочему столу и положила руку на компьютер. — Что это?

«Странный вопрос», — подумал я. Пожав плечами, я произнес:

— Персональная мультитронная система типа «Солярис», модель Ми-Пять…

— Спасибо, знаю, — рявкнула она. — Меня интересует другое — что эта вещь делает в моем кабинете?

Я почесал в затылке:

— Ну, мы предполагали, что вам, как заведующей МИСС, захочется…

— Предположения оставьте при себе, — оборвала меня Мелинда. — Мне нужна моя «Гуава 2000», ясно?

***

«ГУАВА 2000»

Один из последних «фруктовых» компьютеров. После успеха родоначальника — яблочного «Эппло» — на рынок хлынула продукция, которая пыталась выехать на новой концепции. «Апельсины», «Бананы», «Абрикосы» и разумеется, злосчастные «Пьяные вишни» со временем сгнили, и лишь «Гуава» осталась состязаться с «Эпплом» за обетованную экологическую нишу «техники для плодотворной работы».

***

Тут я не мог не выгнуть бровь:

— Эта ржавая развалина? Э-э-э, вы не обижайтесь, Мелинда, но ей же четыре года без малого. Конечно, и «Солярис» — не самый последний писк, но рядом с ней…

— Я вас прошу, — произнесла она таким голосом, точно обращалась к умственно отсталому пятилетнему мальчику, — сходить в мой прежний кабинет, взять мою прежнюю «Гуаву 2000» и принести ее СЮДА.

Я опасливо покачал головой:

— Мелинда, поверьте, «Солярис» на самом деле гораздо лучше. Если на локальном диске «Гуавы» остались какие-то нужные вам файлы или прикладные штучки, мы запросто сможем…

— А после этого, — продолжала она тем же голосом, — я прошу вас забрать эту рабочую станцию «Солярис», отправить ее на склад и никогда больше о ней не упоминать. Понятно?

Ни фига себе. Я кивнул и сказал:

— Да.

— А после ЭТОГО… — Она выдержала паузу, на ее губах появилась милая улыбочка, и буквально на несколько секунд я вспомнил, какой утонченно красивой она показалась мне в миг нашей первой встречи, до того, как я узнал ее по-настоящему.

Мелинда вновь въехала на кресле за стол, облокотилась о мраморную плиту, уперлась подбородком в сложенные «чашечкой» ладони, наклонилась вперед.

— Джек? — нежно выдохнула она. Я тоже наклонился ей навстречу:

— Да, Мелинда?

— Вы помните, как начали работать в МДИ? Как мы работали буквально в двух шагах друг от друга?

— Да?

— Бок о бок, день за днем?

— Да?

— Как иногда наши пальцы случайно соприкасались?

— Да?

— Помните, как вы исподтишка смотрели на меня, а когда я перехватывала ваш взгляд, вы пытались прикинуться, будто смотрите вовсе не на меня?

— ДА?

— Это было очень мило, — улыбнулась она. — Вы были так застенчивы.

— ДА?

— А потом — помните ту глупую историю с дискетами, сейфом и магнитами от холодильника?

— ДА!

— И как после этого вы рассказали всему отделу, что я типичная тупоголовая блондинка? Ой, мама.

— И как я поклялась себе, что при малейшей возможности отрежу вам яйца и брелок из них сделаю?

Уж чего-чего, а этого я как-то не запомнил. Мелинда улыбнулась мне нежной, кроткой, обворожительной улыбкой. Затем запустила руку в карман своего блейзера, достала оттуда связку ключей (БЕЗ брелка) и тихонько позвенела ими.

— Ты прозевал свой шанс, — сказала она тихо. — Еще одна оплошность — и ты мой. Просек?

Все, на что я был способен, — это медленно, испуганно кивнуть головой.

— Чудненько. — Улыбка выключилась и исчезла. — А теперь шевели своей никчемной задницей! Работай! Мне надо подготовиться к совещанию. — Ее левая рука машинально расстегнула верхнюю пуговку блузки. — Я рассчитываю, что к моему возвращению — примерно к двум часам — «Гуава» будет стоять в моем кабинете. В рабочем состоянии. — В очередной раз покосившись на ЛОМ, она уставилась на меня. — Вопросы будут?

Помотав головой, я встал и, пятясь, покинул кабинет:

— Нет, сэр.

— Отлично. Закройте дверь за собой с той стороны.

Я повиновался.

Очевидно, скоро меня попросят закрыть за собой дверь МДИ. С той стороны.

ОТСТУПЛЕНИЕ* ОТСТУПЛЕНИЕ* ОТСТУПЛЕНИЕ

Я предчувствую, что в этот момент у читателя наверняка возник ряд вопросов, например: «Неужто действительно такие сволочи бывают?» или: «Господи, парень, что ж ты эту работу не бросил?» и, разумеется, мой любимый: «Да ты совсем дурак, что ли?»

На вопросы ь 1 и ь 3 я отвечу соответственно «до» и «нет». На вопрос ь 2 ответить сложнее. Тут задействована целая куча факторов: что я располагал только дипломом бакалавра, что мой полный стаж работы в частном секторе составлял всего два года, а денег у меня было — всего 32.000 баксов задолженности по студенческому займу. Плюс всякие мистические причины типа позиции нашего местного комитета Гражданской Службы, который очень хотел помочь мне отработать мой долг перед обществом (долг, который мы все увеличиваем дважды в минуту благодаря тому факту, что все имеем право на услуги системы Национального Здравоохранения, даже если никогда не боле ем). И то совпадение, что я попал на временную (однодневную) работу в МДИ в день, когда открылась вакансия, которую я потом занял. И я увидел 299 человек, которые выстроились в очередь под дождем, чтобы пройти собеседование.

Короче, я терпел все, что вываливала на меня Мелинда, по той причине, что такова жизнь в XXI веке. Для малообразованных людей младше тридцати работы просто НЕТ — если вы не являетесь предприимчивым и рьяным многообещающим молодым специалистом, который сом себе открывает вакансии путем убийства. Говорят, в Нью-Йорке таких — хоть пруд пруди.

Мелинда отправилась на свое совещание/совокупление/сотрапезование. Дождавшись ее ухода, Т'Шомбе усвистала к нашим верхним соседям — ТОПР, — пробормотав что-то насчет новых противорадарных блесток для всех этих филодендронов в Мелиндином кабинете. Фрэнк с Бубу свалили в столовую. Мне есть как-то не хотелось, так что я вскарабкался по лестнице в вахтерскую, расписался в получении ключа от грузового лифта, схватил чемоданчик с инструментами и тележку и отправился в прежний кабинет Мелинды.

Мозг «Лапшинг-Наушинг Паблишинга» занимает левое крыло «МДИ-305», а его огузок — ряд симпатичных комнат с окнами на третьем этаже. Вся фирма занимала гораздо меньше места, чем можно было бы ожидать. В литературном мире основные объемы работ по-прежнему осуществляются в гостевых спальнях писателей и любимых ресторанах издателей (правда, литература для взрослых юных особ и книжные версии телесериалов штампуются на конвейере мрачными внештатниками на дне Третьего Мира — в Индиане и Верхнем Мичигане). На территории ЛНУП нередко встречаются высокопоставленные начальники, сами снимающие трубку своих собственных телефонов, и знаменитые писатели, требующие чашечку (бесплатного) кофе. Последние не в курсе, что бесплатный бар МДИ находится на бесплатной площадке для гольфа при клубе

для Высших Менеджеров МДИ.

***

ИНФОСГУСТКИ

А знаете, хотя эти фишки очень забавны, информативны и все такое, мне их приходится набивать через задний проход. Так что, если вы не против, я прекращаю их изготовление.

***

Большинство сотрудников ЛНУП уже отправилось пообедать. Полагаю, некоторые из них действительно хотели поесть. Я брел со своей тележкой по узким тропкам между горами пожелтевших, все-еще-не-прочитанных рукописей из самотека, закрывая рот и нос платком (зловоние бумаги на последней стадии превращения в целлюлозный компост — верная отрава). Шел и шел, но все-таки добрался живым до бывшего кабинета Мелинды.

Когда в комнату кто-то вошел, я уже был под столом — отсоединял провода. То был — впрочем, его имени я не знал — просто какой-то светловолосый, коротко подстриженный толстяк с лицом младенца. Ношение именного бэджа явно противоречило его принципам.

— Вы из МИСС? — спросил он. Я задумался, что ему ответить.

— Да, — признался я.

— И что вы тут делаете?

Я вытащил из розетки последнюю вилку, выполз из-под стола, встал, вспомнил, что надо бы заправить рубашку в штаны.

— Мне нужно отнести эту рабочую станцию в МИСС. Г-жа Шарп хочет иметь ее в своем новом кабинете. — Перегнувшись через монитор, я занялся соединительными кабелями.

— А-а, — протянул толстяк. — Тогда все нормально. Я уж боялся, что вы мебельный стервятник.

Замешкавшись, я задумался о том, что, собственно, делаю.

— Кто? — переспросил я машинально. Ага, это просто шуруп, а не шуруп стандарта «Филлипс». Неудивительно, что он не поддается.

— Мебельный стервятник, — повторил он. — Ну знаете, стоит человеку уволиться, так его кресло остыть не успевает — а из его кабинета моментально улетучивается все, что не прибито гвоздями. Мебельные стервятники не дремлют.

— Ага. — Подобрав нужную отвертку, я вернулся к своему разъему. «Дзинь!» — он оторвался от кабеля и полетел в дальний угол комнаты. Ну и фиг с ним. На складе у нас их сотни.

— Ну-с? — не унимался толстяк, — Как вам живется под началом нашего Чучела для Учебных Аварий?

Это было уже интересно.

— Чего-чего?

— Не чего, а кого. Я имею в-в-в-в-в-ввду М-М-Мелинду Шарп.

— Чучело для Учебных Аварий?

— Здесь ее все так зовут. Стоило ей только ДОТРОНУТЬСЯ до компьютера — дотронуться, даже не включая, — и вся локальная сеть падала в тар-тарары.

— Это вы шутите?

— Не-а. К счастью, мы умеем делать перезагрузку. — Покачав головой, он потер подбородок и решил сменить тему. — Знаете что, вы лучше эту бандуру, — он кивнул на «Гуаву 2000», — ни к чему ценному не подключайте, пока внутрь не заглянете. Там ей такого наинсталлировали — по ее приказу, само собой — век не отмоешься.

— Да?

Толстяк внезапно насторожился, обернулся, высунулся в коридор:

— ЛОРИ-И? ТЫ ВЕРНУЛАСЬ С ОБЕДА-А-А?

— Да, Рич! — отозвался издали женский голос. — Тебе чего?

— ИДИ СЮДА-А-А! ТУТ, В МЕЛИНДИНОМ КАБИНЕТЕ-Е-Е, МИССОВЕЦ ПРИШЕ-Е-ЕЛ!

Спустя несколько секунд в комнату вбежала молодая женщина: невысокая, с хрупкой эльфийской фигуркой и подстриженными «под пажа» прямыми каштановыми волосами. На носу у нее лихо восседали очки раза в четыре больше ее лица.

— Заходи, — сказал толстяк. — Этот парень мне не верит. Расскажи ему свою любимую историю из жизни Мелинды Шарп.

Лори поглядела на Рича, перевела взгляд на меня, улыбнулась, не разжимая губ, — и эта улыбка мгновенно преобразила ее в чертовски привлекательную красавицу эльфийского типа.

— Вы знаете, что делает «Гуава 2000», когда ее пытаешься загрузить с несистемной дискетой в дисководе? Ну, рожу такую на экране показывает: «Плачущий компьютер»?

— Помню, — кивнул я.

— Однажды Мелинда заработалась до ночи и забыла в дисководе дискету. Когда на следующее утро она пришла на работу… — Лори замолкла, огляделась, не подслушивает ли нас кто.

— Рассказывай, — подбодрил ее Рич.

Лори вновь одарила меня эльфийской улыбкой:

— Ну, сижу я у себя — и вдруг слышу душераздирающий вопль, а потом в коридор выскакивает Мелинда. В паническом ужасе. Я ее спрашиваю, что случилось, а она говорит: «У МЕНЯ НА КОМПЬЮТЕРЕ ЛИК САТАНЫ!»

Рич весь — особенно живот — затрясся от хохота и чуть не сполз на пол. Лори деликатно хихикнула, прикрыв рот ладошкой.

— Лик САТАНЫ? — переспросил я.

Рич махал рукой, аки дирижер, взывая к Лори:

— Скажи ему, что ты сделала! Скажи! Оглянувшись по сторонам. Лори сообщила:

— Ну, я зашла в ее кабинет, вынула дискету из дисковода, перегрузила компьютер… Рич не выдержал:

— И ПОСОВЕТОВАЛА ЕЙ ЖЕЧЬ ШАЛФЕЙ, ЧТОБЫ РАЗГОНЯТЬ ЗЛЫХ ДУХОВ! — Сраженный очередным припадком хохота, Рич, обливаясь слезами, привалился к двери.

— Вы чего тут? — — Из-за угла коридора показалась еще одна женщина: блондинка шестифутового роста, с льдисто-голубыми глазами, упрямым подбородком и редкими, но заметными усиками над верхней губой. Судя по ее сложению, со своим телом она обращалась, как скульптор — с глиной. Я смутно помнил ее по дням своей временной работы в ЛНУПе. Криа? Кила? Скорее всего, Кира.

Лори отозвалась на вопрос Киры с таким энтузиазмом, что я понял — просто так мне не уйти…

— Да мы тут рассказываем, — оглянувшись. Лори сверилась с моим бэджем, — Джеку наши любимые истории про Чучело.

— А-а, — кивнула Кира. Голос у нее оказался странно сильный, пронзительный. — Ну ладно, не забудьте ему рассказать, как эта милая африканка из его отдела — как ее зовут?

— Т'Шомбе? — подсказал я. Кира покачала головой:

— Нет, как-то по-другому. Ну хорошо, я сама расскажу, раз начала. У Мелинды были проблемы с компьютером. Пришла эта оча-а-ровательная африканка из МИСС, они с Мелиндой вместе повторили всю процедуру, и выяснилось, что в определенный момент Мелинде надо было ответить «да», если она сделала резервную копию. А Мелинда никаких резервных копий не делала, но все равно отвечала: «да». Ну а женщина из МИСС — Господи, как же ее зовут?

— Т'Шомбе, — попытался я настоять на своей правоте.

Кира еще энергичнее покачала головой:

— Нет, ее точно не так зовут. Ладно, в общем, женщина из

МИСС сказала Мелинде, что все проблемы вышли из-за того, что Мелинда СОЛГАЛА компьютеру, и компьютер ее — Мелинду — за это возненавидел. После этого Мелинда стала разговаривать с компьютером ласково-ласково, обещать ему всякие вещи и всем нашим новым сотрудникам объясняла, что лгать компьютерам никак нельзя.

Тут Кира хихикнула — точнее, хрюкнула через нос. Звук вышел такой, точно у омара, пытающегося профыркать теннисный мячик через пылесос.

— Отличная история, — сказал я, демонстративно покосившись на часы. — Но вы меня извините, мне нужно забрать эту штуку, — я положил руку на «Гуаву 2000», — и установить ее в Мелиндином кабинете до того, как она вернется с обеда, так что…

И я вернулся к работе. Уже при зрителях. Кира ушла первой, за ней — Лори, ну а Рич выкатился в общий офис и, разгуливая между рядами ячеек, заливался безумным хохотом и всем про меня рассказывал. Пока я трудился, не меньше дюжины человек заглянуло в кабинет, выразило мне свои соболезнования, рассказало мне новую историю про Мелинду или (что еще хуже) пересказало мне истории, которые я уже слышал. Кошмар.

Из общего ряда выделялась лишь молоденькая, с химически облагороженными светлыми волосами, разодетая в стиле «карьеристка многообещающая» девица, которая поздравила меня с тем, что Фортуна послала МИСС Мелинду, и поведала, что весь ЛНУП будет по ней ужасно тосковать. Я сначала думал, это сарказм такой, но тут она начала декламировать сонет собственного сочинения, в котором оплакивала разлуку с Мелиндой…

Такую патологическую искренность подделать сложно.

И даже когда я смотал провода «Гуавы», запер ее, чтобы лучше перенесла путешествие, и водрузил на тележку, балаган продолжался. По коридору меня провожала целая толпа людей, которые говорили о Мелинде и сообщали, что их отделы переходят обратно на пишущие машинки и арифмометры. Один парень шел со мной до самого лифта.

То был Кристиансен из отдела новых разработок ЛАФАС. Дождавшись, пока все разбредутся, он сунул мне в карман СО-КОМ без обложки.

— Маленький подарок от ребят — в знак сочувствия, — шепнул он. — Двое программистов вчера вечером сели и слепили специально для вас одну игрушку. Развлекайтесь — только не при вашей новой начальнице.

Лифт мелодично зазвенел. Двери открылись.

Когда я обернулся, Кристиансена и след простыл.

К моему возвращению в отдел все уже были на своих местах. Фрэнк с Бубу придумали (дай Бог им не ошибиться) способ разделаться с хроникой голосовой почты, так что мы вместе изъяли «Солярис» из кабинета Мелинды и поставили вместо него «Гуаву 2000», попутно осуществив диагностически-хирургическую операцию. И действительно, в верном компьютере Мелинды обнаружилась масса каких-то тарабарских файлов, а также куча дополнительных интерфейсовых портов, которые непонятно зачем были нужны, но мы лишь пожали плечами, закрыли все файлы и подключили «Гуаву» к сети. К часу все было готово.

Фрэнк постановил, что можно и передохнуть. Я дал Бубу диск Кристиансена, ненадолго заглянул в туалет и сгонял в наше «Кафе-Адомат», где разжился банкой «кока-колы» и маленьким треугольным сэндвичем, завернутым во вкусовытеснительный целлофан. Вернувшись, я обнаружил, что вся компания сидит по уши в виртуальной реальности и, очевидно, занимается чем-то увлекательным. Я попробовал спросить Бубу, в чем суть игры, но он только бубнил: «Надень акваланг и дуй к нам, сынок! Тебе понра… тьфу! Куда черт несет… Фрэнк? ОБЕРНИСЬ!» — левым кулаком Бубу истово молотил воздух. Указательный палец правой у него так и ходил, торопливо нажимая на невидимый спуск.

Стандартная «стрелялка-убегалка», решил я. Побежал в свою ячейку, натянул очки, шлемофон и перчатки, нырнул в игру. Реальность растаяла, потекла струйками по стенкам… Ее сменила…

РЕАЛЬНОСТЬ?

Экипированный для виртуальных игр, я сидел в своей ячейке и играл в игру, где, экипированный для виртуальных игр, сидел в своей ячейке?

Зазвонил телефон. Это была Т'Шомбе.

— Пайл, — проговорила она, запыхавшись, — я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Не сомневайся, загрузка прошла нормально. Наши друзья из ЛАФАС создали виртуальный мир…

В трубке послышались выстрелы. Раздался голос Бубу: «Ага-а! Одна отпрыгалась!»

— Пайл? — К телефону вновь подошла Т'Шомбе. — Слушай меня: ты не в «МДИ-305», ты в виртуальной модели «МДИ-305». Загляни в свой стол — в верхнем ящике должно быть оружие. Хватай его и сматывайся к чертовой матери! Мы засели в столовой и…

Голос Т'Шомбе оборвали автоматные очереди и кто-то, кажется, незнакомый, дико завизжал.

— СКОРЕЕ! — На этом связь прервалась. Класс. Либо у

реальности крыша поехала, либо Т'Шомбе сказала мне правду посредством виртуальной копии моего телефона, либо это ВИРТУАЛЬНАЯ КОПИЯ Т'Шомбе познакомила меня с сюжетом игры по виртуальному телефону, а может…

И еще раз, с чувством: «Класс!» Ребята из ЛАФАС сами себя превзошли. Эта игрушка определенно сбивала игроку всю башню. Уронив трубку на стол, я выдвинул верхний ящик. Там обычно обитали скрепки, пластырь и полупустая коробочка таблеток от кашля.

Однако вместо всего этого в ящике возлежал большой черный автоматический пистолет. Я замешкался, гадая, стоит ли до него виртуально дотрагиваться…

И тут же услышал из соседней ячейки характерное сопение свинодемона гигантского. Выхватив пистолет из ящика, я вскочил с кресла и пустился наутек. Свинодемон встретил меня в коридоре.

Правда, это был не свинодемон. Это был гигантский Мелиндо-демон. Клыкастое, рогатое, разодетое в пух и прах белокурое чудище, с пылающими глазами и титьками величиной с ракетные боеголовки. С визгом гарпии она рванулась ко мне. С ее растопыренных когтистых пальцев брызгала свежая кровь.

Подняв пистолет, я всадил в нее пол-обоймы. Похоже, сработало. Но проверять, встанет ли она после этого на ноги (со свинодемонами такое бывает), я не стал. Просто развернулся и удрал по коридору в противоположную сторону.

Из машинного зала высунулась парочка зомби-охранников. Я скосил их прежде, чем они успели поднять оружие, и, пробегая мимо, забрал их боеприпасы. Виртуальная реальность хороша тем, что любые боеприпасы подходят к любому оружию, да и на перезарядку тратить времени не надо. Я выяснил свое состояние: «Боепр. 42 Здоровье 100% броня О».

Не бог весть что, но выбора нет. Я проскочил через мультиплекс-серпентарий и пулей помчался к лестнице.

В двери, ведущей на лестницу, показалась чья-то фигура. Я чуть не пристрелил ее, пока не сообразил, что это Фрэнк.

— Ты НАСТОЯЩИЙ? — крикнул я ему.

— Нет, ЛУЧШЕ! — заорал Фрэнк в ответ. — По лестнице всхожу спокойно, и никакой одышки!

Симулякр личности явно не мог такого сказать — и я перебежал к Фрэнку.

— БЕРЕГИСЬ! — завопил он и, подняв дробовик величиной с базуку, прицелился прямо в меня. Пригнувшись, я отпрыгнул к стене; дробовик оглушительно выстрелил и сверху посыпался град из крупных кусков Мелиндо-демона.

— Их только этим и остановишь, — заметил Фрэнк, озирая кровавые ошметки и поглаживая дуло своего дробовика. — Надо будет и тебе достать такой. Из пистолета стрелять. — только зря их злить.

Резко повернувшись на каблуках, он выстрелил еще раз — и дальняя стена украсилась клочками зомби-охранника.

— Пошли-ка отсюда, — и Фрэнк начал подниматься по лестнице. Я поспешил за ним.

— Какая диспозиция? — завопил я, когда мы благополучно миновали второй этаж.

— Бубу с Т'Шомбе забаррикадировались в столовке! — ответил Фрэнк. — Я вызвался найти тебя и привести! Вообще-то все хреново, по-моему… — Тут Фрэнк упал на колени, выстрелил — и по ступенькам скатилось безжизненное тело существа, похожего на мутанта-маркетолога.

— По-моему, Бубу вытащил нас на пятый уровень! — пожаловался Фрэнк. — От зомби-охранников плюнуть некуда, а Мелиндо-демонов считать некогда!

Дверь на площадке третьего этажа распахнулась, из нее-вырвалась троица ТВАРЕЙ цвета хаки. Мы с Фрэнком изметелили их в порошок, после чего Фрэнк швырнул в открытую дверь плазменную гранату и захлопнул ее (дверь, само собой). Сладкое «г-р-х-х!» взрыва. Очень правдоподобные нечеловеческие вопли.

Мы поднимались все выше и выше.

— Чарльз воплотился здесь в виде небольшого танка «Шерман», — пояснил Бубу. — Ушел один в разведку в восточное крыло и был атакован плотоядными книжными червями. Рапортовал, что наткнулся на какого-то слизнякообразного монстра, который вылез из горы рукописей — и все. Наверное, монстр оказался сильнее. — Фрэнк замер, жестом приказал мне посторониться и сделал несколько выстрелов по лестничным маршам под нами. — Хоть спесь с них сбить, с сукиных детей, — пробурчал он.

— В столовке гнездились какие-то жуткие гибриды-мутанты, — продолжал Фрэнк свой рассказ. — Помесь птиц со свиньями. Бубу думает, это индюшачьи окорочка.

На площадке Фрэнк остановился, опасливо, держа оружие на изготовку, заглянул за угол и вновь устремился вверх по лестнице. — Т'Шомбе выбросило на третьем этаже. Говорит, там продыхнуть нельзя от гигантских филодендроновых лиан. Ползают и людей едят.

Мы добрались до пожарного выхода на верхней площадке лестницы.

— А за этой дверью Юбермэн, — шепнул мне Фрэнк. —

Похоже, он — бессмертный великан, но, слава богам, почти все время дрыхнет. Давай — ноги в руки и молись, чтоб он и сейчас спал. — Проверив количество зарядов в своем дробовике, Фрэнк улыбнулся мне. — Готов?

Я кивнул. Фрэнк распахнул дверь ударом ноги.

Юбермэн не спал.

Не успел Фрэнк сделать и двух шагов, как колоссальный, архиострый канцелярский нож перерубил ему ноги у колен. Я выпустил в Юбермэна всю обойму своего пистолета, но он и ухом не повел. Наклонился к воющему Фрэнку, зажал его голову своими массивными ладонями и… Фу-у. Такое я уже видел и даже сам пару раз испытывал. Сейчас великан превратит его мозг в пюре для младенцев… Нет, хуже.

— Какая удача, что я вас нашел, — произнес великан голосом настоящего Скотта Юбермэна, пониженным на одну октаву. — Посудите сами, мой персональный компьютер не желает…

Волоча Фрэнка за волосы, великан пошлепал назад к своему кабинету.

— ПРИСТРЕЛИ МЕНЯ! — возопил Фрэнк. — Пристрели, ради всего святого!

Несколько раз щелкнув курком моего разряженного пистолета, я беспомощно пожал плечами.

Фрэнк нашел в себе мужество расстегнуть свой патронташ и швырнуть в мою сторону.

— Возьми мой дробовик! — вскричал он, скрываясь за дверью. — Спаси Бубу и Т'Шомбе! — И дверь в кабинет Юбермэна захлопнулась с грохотом Адских Врат.

Я подобрал Фрэнков дробовик, повесил на плечо патронташ и направился к столовой.

Прогулка вышла довольно невеселой. Я перебил немало зомби-охранников и мутантов-маркетологов, раздобыл еще двадцать единиц боезапаса и что-то вроде противотанковой ракеты (но без установки, с которой ее можно было бы запустить) и раздолбил в пух и прах штук шесть Мелинд. Как выяснилось опытным путем, хитрость в том, чтобы подойти как можно ближе и выстрелить почти в упор. Но смотрите, чтобы они не вонзили в вас свои наточенные ногти и не присосались своей миножьей пастью к вашему… — не важно, к чему, но, поверьте мне на слово, коэффициент здоровья падал НА ГЛАЗАХ. После одной такой схватки я забрел в «Кафе-Адомат» — и обнаружил, что поедание маленьких треугольных сэндвичей тоже подрывает здоровье.

К тому времени, когда я добрался до столовой, битва — если таковая была — давно завершилась. Ни Т'Шомбе, ни Бубу; правда,

все помещение было завалено трупами, точно дровами, но все они были изувечены до неузнаваемости. Опасливо осматривая кухню, я наткнулся на самого страшного монстра. Колоссальный, зловещий ПРИЗРАК…

— Пайл, — произнес он голосом Мелинды. — Тебе конец.

Я обернулся, держа наготове дробовик.

— Пайл, ты меня слышишь? — Звук явно исходил откуда-то справа, но… о боже, невидимка. Терпеть не могу невидимых врагов. — Сними свой дурацкий шлемофон, Пайл!

Отскочив влево, я выстрелил вслепую.

Выстрел откликнулся тихим, металлическим, слегка даже мелодичным эхом. Оно мне что-то смутно напоминало. Так звенят… так звенят КЛЮЧИ.

Я сорвал с головы наушники. Рядом стояла Мелинда. РЕАЛЬНАЯ. И трясла связкой ключей.

— Ох ты, — выдохнул я.

7. КАТАКЛИЗМ УВЯЗЫВАЕТСЯ ЗА НАШИМ ГЕРОЕМ ДОМОЙ

Мне всегда хотелось работать в настоящей комнате — и чтоб дверь запиралась.

Но одно окно стоит двух дверей.

Да и мебель тоже не помешала бы. Но в комнате, где я находился, был только встроенный в стену видеомонитор, закрытый листом плексигласа, да потайной динамик, укрытый где-то в потолке. На экране монитора шел учебный фильм-презентация: бодрая музыка, мультипликационные герои, безупречно выстроенный сюжет, шапкозакидательская основная идея. Фильм назывался «Если вас попросили с работы…».

Он был сделан, очевидно, теми же ребятами, с чьей продукцией я уже познакомился, когда устраивался сюда на работу — тогда мне тоже пришлось просматривать всякие тупые видеофильмы. Наверно, МДИ заказывает их оптом, чтоб дешевле выходило.

— Вот и все, что вам нужно знать об этикете прощания с должностью, — радостно возгласил диктор. — Если вы поведете себя благоразумно, эта церемония пройдет гладко и почти безболезненно. Удачно и для вас, и для нас. Помните, это ваш ПЕРВЫЙ шаг на пути к светлому завтра.

На экране возник благостный, выдержанный— в пастельных тонах образ нашего маленького мультипликационного героя (что за зверь такой? Вроде на собаку похож…), который уверенной поступью шагал к горизонту, постепенно растворяясь в розовой дымке нового дня. Оркестр, окончательно сорвавшись с цепи, взорвался ликующей кодой.

«Дзынь!» На экране вновь возникло название фильма и самодовольный голос диктора проговорил:

— Если вы хотите повторить любой фрагмент этого фильма, пожалуйста, скажите «да».

— Ну вас на хер, — сказал я.

— Ответ ложный, — ответил диктор. Немного выждав, он повторил:

— Если вы хотите повторить любой фрагмент этого фил..

— Нет, — заявил я. Новая пауза.

— В таком случае конец фильма. Если у вас остались вопросы, вскоре с вами встретится инспектор-консультант по вопросам перераспределения трудовых ресурсов. Он или она будет счастлив-счастлива лично ответить на все ваши вопросы.

Спасибо, что нашли время посмотреть наш фильм, и ну вас тоже на хер.

ЧТО-О? У меня глюки или он действительно так сказал?

Свет в комнате потускнел, экран потемнел, электрозамок на двери щелкнул, сигнализируя о своем переходе в режим открытости. В дверь вежливо, деликатно постучали:

— Мистер Берроуз?

О нет. Опять Катэ. В программе была одна ошибка — по рангу мне полагался не инспектор-консультант по вопросам перераспределения и т.д., а просто помощник ассистента младшего референта инспектора-консультанта по этому самому. Да еще и второй категории. Но вот насчет счастья программа ничуть не покривила своей гипотетической душой. Для человека, который зарабатывает деньги таким вот способом, Катэ была необъяснимо счастлива. Строго говоря, ПАТОЛОГИЧЕСКИ счастлива. Должно быть, какая-то психиатрическая клиника ее до сих пор разыскивает, чтобы насильно посадить на антиликованты.

Еще одно вежливое «тук-тук»:

— Мистер Берроуз?

Ох, будь у меня при себе кусок мыла! Я вырезал бы из него муляж пистолета и попытался сбежать — будь у меня при себе нож.

Она вновь постучалась.

— Войдите, — смирился я.

Помощница-ассистента-какая-разница-кем-там-она-числится приоткрыла дверь, просунула в комнату свою лучезарную круглую кудрявую головку и беззаботно улыбнулась мне:

— Итак, мистер Берроуз. Помог ли вам этот фильм в осознании всех аспектов вашего положения?

— К сожалению, да.

Ее задорная улыбка не сузилась ни на миллиметр:

— Хорошо. Если вы предполагаете, что захотите вновь посмотреть его позже, мы можем выдать его вам на дом, на CD-ROMe. — Полностью войдя в комнату, она глянула в электронную амбарную книгу, которую держала в руках. — Вам только нужно будет внести залог в разм…

— Спасибо, нет. Обойдусь.

Она кивнула, встряхнув кудряшками, и дотронулась электронной ручкой до какой-то точки в книге:

— Отлично. В таком случае, прежде чем продолжить процедуру, я должна у вас кое-что уточнить. Вы понимаете, что вас не увольняют?

Я вздохнул:

— Да.

— МДИ никого не «увольняет». Вы просто уходите в административный отпуск за свой счет вплоть до того момента, когда Посреднический комитет по делам трудовых ресурсов примет решение относительно вашего дела.

Я кивнул:

— И когда мне ждать этого решения?

— Через месяц-полтора. Вас уведомят о дате разбирательства и дадут возможность изложить вашу точку зрения на произошедшее.

— ТОГДА-ТО меня и уволят. Покачав кудряшками, Катэ осуждающе цокнула языком:

— Это необоснованно пессимистический подход, — отчитала она меня. — Вполне возможно, что комитет решит, что ваш начальник ошибся, и восстановит вас в должности с выплатой зарплаты за время административного отпуска.

— Такое действительно бывало? Оказалось, вопрос этот очень даже стоило задать. На пару секунд задорная улыбка поблекла, а по круглому, как солнце, личику скользнула тень замешательства.

— Ну, наверняка бывало, — произнесла она наконец. — Иначе в учебнике для сотрудников не было бы написано, что это возможно.

Ага. Что и требовалось доказать.

Разрешив эту проблему, она вновь прикрылась задорной улыбкой:

— Итак, если ваши вопросы исчерпаны… Я покачал головой.

— Хорошо. В таком случае мне нужно еще кое-что у вас спросить, и мы все оформим.

(И мне наконец-то вернут ремень и шнурки от ботинок?)

— Прежде всего, — она постучала по своей амбарной книге, выудив из нее список, — имеете ли вы в собственности какое-либо автоматическое либо полуавтоматическое оружие?

— Нет.

— Служили ли вы в армии?

— Нет.

— Доступ к взрывчатым веществам имеете?

— Нет.

— Вас когда-нибудь признавали человеком с ограниченными психическими возможностями или направляли на лечение в психиатрические клиники?

— Нет.

— Работали ли вы когда-либо в системе почтовой службы США?

— Нет.

Медленно кивнув, она улыбнулась:

— Великолепно. Вы, безусловно, в курсе, что в течение вашего отпуска МДИ будет продолжать вносить за вас деньги в фонд Национального Здравоохранения и что сумма этих взносов будет вычтена из пособия по частичной занятости, которое вам полагается? Остаток приблизительно в сумме… — она пощелкала кнопками своей амбарной книги, — трех долларов пятидесяти трех центов в неделю будет напрямую переводиться на ваш банковский счет.

— Три доллара пятьдесят три цента В НЕДЕЛЮ?

— Э-э-э, — нахмурилась она и еще пощелкала клавишами. Ее лицо просияло. — О, здесь сказано, что вы не воспользовались выгодами программы о скидке для прошедших стерилизацию. Знаете, вы могли бы уменьшить взносы за здравоохранение вдвое, если бы…

— Нет уж, спасибо, — пробурчал я, поежившись.

— Ваше право… — пожав плечами, она что-то черкнула на экране. — И наконец, я обязана вас уведомить, что в течение разбирательства вашего дела вы и МДИ еще связаны договором о взаимообороне против конкурентов. Вам, разумеется, понятен смысл этой фразы?

— Разумеется, — передернул я плечами. — Она означает, что я не имею права даже ИСКАТЬ работу, пока Посреднический комитет не примет решения.

Катэ вновь цокнула языком, неодобрительно покачивая головой:

— Какой пессимизм, мистер Берроуз! Вы имеете ПОЛНОЕ право искать применение своим силам в отраслях… — она полистала электрокнигу, — быстрого питания, ведения домашнего хозяйства и мытья автомобилей.

— Ах вот как, — произнес я со всем сарказмом, на какой был способен. — Мне уже полегчало.

Мое замечание отскочило от нее, как горох от стенки.

— Как мило, что вы наконец оценили вашу ситуацию по достоинству, — молвила она. — Это не проблема. Это ШАНС.

Крыть мне было нечем. И я просто тупо стоял, пока она листала электронные страницы своей электрокниги. Наконец Катэ удовлетворенно вздохнула.

— Ну что ж, все готово, — сообщила она. — Итак, прошу вас следовать за мной. — Она вышла из камеры пыток, я поплелся следом. Пройдя по коридору, мы оказались перед огромной железной дверью запасного выхода. — В эту дверь, пожалуйста.

Я вошел в дверь.

«Б-БАМ!» Дверь за мной захлопнулась, лязгнув

автоматическими засовами. В слепой панике я обернулся к двери — и сообразив, где я нахожусь, поспешил вновь показать ей спину.

Я был снаружи. На восточной автостоянке. Перед лицом всего подразделения АО. Сто двадцать человек, выстроившись стройными рядами — по отделам, — застыли по стойке «смирно». Я отсканировал публику в поисках Чарльза, Фрэнка, Бубу или Т'Шомбе, но если они и были там, то где-нибудь сзади.

Два охранника МДИ при полной форме, с черными повязками на рукавах, начали выбивать дробь на своих задрапированных черным крепом тамтамах охотников за буйволами. Уолтер Дафф, выйдя вперед, подошел ко мне близко-близко. Не проронив ни слова, он сорвал с моей груди именной бэдж МДИ, швырнул его на землю и растоптал. Затем он принялся вытаскивать из моего кармана все карандаши и ручки, один за другим, подносить их к моему носу и разламывать надвое. Затем он выдернул мою рубашку из брюк, наступил на носки моих ботинок и отбил на них чечетку. И наконец, в порядке красивого финала, он достал оправленные в слоновую кость ножницы и обрезал мне галстук чуть ниже узла.

После этого из общего строя вышли еще два охранника, ухватили меня за локти и за щиколотки и оттащили через всю автостоянку к границе территории МДИ, куда уже была отбуксирована моя машина. Поглаживая рукоятки револьверов, охранники сурово глядели, как я отпираю дверь и залезаю в «тойоту».

Со второй попытки она завелась. Я выехал на Западное Пятое шоссе, повернул направо и двинулся домой.

***

МАТЕМАТИКА, ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ

Дано:

Расстояние от «МДИ-305» до дома Джека — 12 миль. Расстояние от дома Джека до ломбарда «Берем без вопросов» — 1,75 мили. Средняя скорость автомобиля на Западном Пятом шоссе — 32 мили в час. Средняя скорость пешехода, здоровье которого ослаблено быто-химическими факторами, а руки отягощены телевизором — 3,7 мили в час. Чтобы добраться по каналам голосовой почты до местного полицейского участка, требуется 19 минут.

Допустим, что Джек выезжает с работы домой в тот же самый момент, когда некий слабосовестливый индивидуум выходит из

дома Джека, унося с собой телевизор его матери.

Вопрос: удастся ли Джеку заявить в полицию об этом неожиданном акте перераспределения материальных благ до того, как телевизор окажется в ломбарде, о наркоман — вновь в норколожке?

Проверьте свои математические способности.

***

— Привет, ма. Я вернулся. Нет ответа. Я поднялся по лестнице — тьфу, лоток Истеркиски уже ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ срочно надо поменять — и потерял ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы удостовериться: мама куда-то вышла. Возможно, в продуктовый. А вероятнее, в винный.

***

И Н Ф О С ГУ

Да-до, я передумал! Делайте со мной что хотите.

***

Отлично. Гениальная мысль, кстати. Я и сам сейчас напился бы в доску — если б мог заглотить хотя бы две бутылки «лайта» без того, чтобы меня не разморило или не затошнило. Я потерял минуту в поисках почты — пока не вспомнил, что сегодня вторник (наш почтальон работал по графику «понедельник-среда-пятница») и пока не сообразил, что ВЫХОД ЕСТЬ.

Пятнадцать минут спустя МАК**ССУПЕР** уже неспешно входил в «Рай». В такое время дня там тусовалась несколько иная публика — толпы восточноеврочайников да несколько стойких японцев, со вчерашнего вечера совершающих ритуал немаваси.

***

НЕМАВАСИ

Древнее восточное искусство поить начальника за свой счет после работы. См. «Лизоблюдство».

***

(А может, с завтрашнего? Линия перемены дат всегда была для меня загадкой.) Как бы то ни было, залы кишели людьми, а музыка гремела. Чего и следовало ожидать от виртуального ночного клуба в Повсеместно Протянутой Паутине. На планете всегда найдется хоть одно местечко, где в данный момент полночь.

***

ПОЛНОЧЬ

Точнее, в «Раю» всегда без четверти двенадцать ночи. Таков один из неоспоримых законов данной МПВ. Почему так положено, не спрашивайте.

***

Вынырнув из антиграва, я прошел прямиком к бару. Какой-то слабоумный юнец с сиреневым гребнем на голове и целым рядом слотов для микросхем на лбу опрометчиво попытался встать между мной и напитками. Также он попытался представиться:

***

ВОСТОЧНЫЙ БЛОК

Восточноевропов распознать легко — достаточно знать особенности их внешности. Поскольку они существуют в видеостандарте PAL, а мы — североамериканцы — в NTSC, вид у них всегда какой-то облезлый и при каждом движении они потрескивают (говорят, из-за асинхрона при конвертации из одного стандарта в другой).

***

— Здрасте, мистер Супер, я Хард-Винт из Силиконовых Джу — у-у-АЙ!

Я повернул мой нож в ране, чтобы прикончить его наверняка. Затем вытащил лезвие из его гортани и пинком отшвырнул обмякший труп с дороги.

Когда я взгромоздился на табурет, Сэм уже наливал мне двойную порцию.

— Добрый вечер, мистер Супер.

Пододвинув мне стакан, он покосился на труп:

— Неудачный денек?

— Ты даже вообразить себе не можешь, Сэм. — Я схватил стакан, осушил его одним глотком и вновь подвинул Сэму. Тот, ничего у меня не спрашивая, вновь наполнил его.

— Может быть, поделитесь вашими горестями со старым негром, мистер Супер? Я замер, не донеся стакан до губ:

— Надо же, Сэм, я и не думал, что вы так за меня переживаете.

Бурбон проследовал положенным ему курсом. Сэм пожал плечами, взял тряпку и начал оттирать воображаемое пятно на стойке:

— Не знаю уж, как тут сказать, — проговорил он наконец. — Но зато я знаю, что мисс Элиза здесь была и вас спрашивала.

Я чуть не поперхнулся:

— ЭЛИЗА? Говорили, она умерла.

— Выздоровела. — Сэм перестал вытирать стойку и перекинул тряпку через плечо. Переваливаясь, ко мне приблизился вышибала — какой-то незнакомый тучный киберборец-киберсумо.

— Что за дела? — спросил вышибала, давя труп ногой.

***

ЭЛИЗА

Я что, должен вам все разжевывать и ложечкой в рот совать?

***

— Юный ламер рассердил этого джентльмена, — пояснил Сэм, медленно кивая. — Полагаю, он не повторит этой ошибки.

— А то, — протянул вышибала. — Но почему ЭТО, — он пнул труп, — здесь валяется?

— При жизни оно было кретином, — пояснил я, поставив стакан и обернувшись к вышибале. — Не знаю уж, каких чайников вы сюда сегодня пускаете, но это вообще финиш…

Пусть я не был знаком с вышибалой — но он со мной явно был знаком.

— О-о! Мистер Супер, уж вы простите нас, неученых… Простите покорно, не соблаговолите ли-с убрать-с мальца? Он гостей, так сказать-с, нервирует, извините за выраженьице.

Я состроил хмурую физиономию, набрал в грудь воздуха и выдохнул его так, чтобы получился скорбный вздох:

— Ну ладно. Но только в порядке исключения. Небрежно подняв левую руку, я щелкнул пальцами.

Труп улетучился, распавшись на облако случайных электронов. Именно это и должно было случиться, как только я прикончил мальчишку — в том случае, если б покойный смыслил хоть ухом (если не рылом) в законах виртуальной реальности.

— Благодарствуем-с, мистер Супер, — возгласил вышибала, кланяясь и пятясь от меня. Цапнув мой стакан со стойки, я подмигнул Сэму.

— Хотите, поищу для вас мисс Элизу? — спросил Сэм.

— Ни в коем случае, — ответил я. — Мне еще нужно сходить пуговки на трусах переформатировать. Однако если меня будет спрашивать кто угодно, КРОМЕ Элизы…

— Вы сегодня здесь, мистер Супер?

— Угу. Похоже на то.

Сэм поспешил на зов посетителей к тому концу стойки. Отхлебнув виски, я прошелся по бару, завернул за угол и нырнул в закуток, где стояла Гуннар-пальма.

— Гуннар?

— Здорово, — отозвалась пальма Гуннаровым голосом.

— Меня сегодня с работы выгнали, — сказал я с яростью, которой даже сам от себя не ожидал. — Ты мне не одолжишь твой АК-47, чтобы…

— Сейчас меня здесь нет, — продолжала пальма, — но если вы оставите ваше имя и краткое толковое сообщение, я постараюсь связаться с вами как можно быстрее. Пока!

МАМОЧКИ. Блин, надеюсь, Гуннаров файл голосовой почты надежно заперт.

— Макс Супер? — вопросил мужской голос у меня за спиной.

Я обернулся, скалясь по-волчьи, ожидая увидеть очередного придурка из «Силиконовых джунглей».

— Какого черт…

Но вокруг никого не было.

— Макс Супер? — повторил голос. С его пространственной локализацией творилось что-то странное. В чем фокус, я сообразил лишь через несколько секунд.

И опустил глаза к полу. Чуть ли не у меня под ногами стоял гном. Но ничуть не похожий на всех этих стандартных псевдосредневековых толкиеноидов. Гном был в хорошо пошитом костюме-тройке и коричневой велюровой шляпе.

— Макс Супер — это вы? — спросил он.

— А кто хочет это узнать? — ответил я. После чего

наколдовал себе сигарету, раскурил и выплюнул в него струей дыма.

Приподняв шляпу, гномик слегка поклонился:

— Я — Торвольд, сын Освольда, из Твердыни Горного Короля!

— Плевать мне на тебя, даже если ты — сын суки из Твердыни Горного Бодуна, — пробурчал я между затяжками. — Чего к людям лезешь?

— С тех времен, когда миновали дни грядущие, — не унимался гном, — мои сородичи служат послами, сисопами и генераторами отчетов при властелинах и императорах! — Вновь надев шляпу, он потянулся ко мне — точно хотел пожать мою руку. Я машинально протянул ему свою.

Следует признать, с проворством у этой мелкой твари все было в порядке. Не успел я и глазом моргнуть, как гном сунул мне в руку какой-то чип и отпрыгнул аж на целый ярд назад.

— К счастью для ТЕБЯ, вскричал он, — я — всего лишь посыльный!

Трижды щелкнув каблуками, он превратился в клуб дыма и исчез.

Да, это я подставился, ничего не скажешь. Я оглянулся по сторонам — не заметил ли кто-то из серьезных людей, как гном купил меня за фунт изюму. Надо бы посчитать, сколько народу мне придется убить, чтобы спасти свою честь и славу… Но похоже, честь моя не особо пострадала — никто из посетителей бара не хихикал в кулак — так что я решил подарить им жизнь (лень возиться!) и сунул чип в нужное гнездо на лбу.

Из мерцающего облака передо мной вновь возникла моя прелестная черноволосая плясунья. Правда, на сей раз она стояла смирно (только бедрами слегка поигрывала по-кошачьи) и была снабжена звуковой дорожкой.

— Привет, Макс, — протянула она нежно. Сексуальный и медовый, зовущий к любви до гроба и разврату до зари — вот какой у нее был голос. — Я — Амбер… Прости, пожалуйста, что вчера мой приятель тебя напугал… Это все мое нетерпение — так хотелось поскорее тебя увидеть… — Она умолкла, чтобы улыбнуться и подмигнуть мне. — Я хочу тебя видеть. Макс. Пожалуйста, приходи сегодня вечером, в 03.00 по Гринвичу, на alt.alt.bezshuto**kalt**.sex.com.

Клянусь тебе, в этот раз я буду одна и свет будет гореть. — Вновь улыбнувшись,

она послала мне воздушный поцелуй. — Жду-жду-жду, милый. Обещаю, что сегодня я сделаю тебе предложение, от которого ты не ЗАХОЧЕШЬ отказаться, это точно. —

Улыбнувшись в последний раз, она неспешно, красиво, ПОТРЯСАЮЩЕ облизнулась розовым язычком. Изображение растаяло.

Я внезапно вспомнил, где нахожусь, и нервно отсканировал бар. Блин, остается надеяться, что это была телепатическая проекция в мой мозг, а не виртуальная голограмма, которую мог видеть всякий.

— БУДЬ СПОК, — подумал мне ДО**НМАК**, — ЭТО БЫЛА НЕ ГОЛОГРАММА. НО ИЗ

УВАЖЕНИЯ К НАМ, ТЕЛЕПАТАМ, НЕ БУДЕШЬ ЛИ ТЫ ЛЮБЕЗЕН УНЕСТИ СВОЕ ЛИБИДО НА УЛИЦУ?

Слушать ТЕБЯ — И ТО ПРОСТАТА НОЕТ.

— Прости, пожалуйста, — произнес я одними губами. Воткнул чип в инфоперчатку, вернулся к стойке и вновь предался общению с бутылкой.

ВРЕМЯ, ПОЯСНОЕ

К сведению тех шестерых идиотов, которые собираются проверить поясное время по корте — вы не забыли сделать поправку но переход к летнему времени?

***

0300 по Гринвичу, 10.00 по местному. Я бороздил на своем «харлее-ультраглайде» закоулки Делмира, разыскивая адрес, который продиктовала мне Амбер. Во-внутреннем кармане моей виртуальной черной «косухи» я чувствовал приятную тяжесть виртуального «кольта» 45-го калибра.

В то же самое время тяжесть парных виртуальных кинжалов, которые я запихнул в голенища своих ботинок на шнуровке, несколько сковывала движения. А тяжесть виртуального пулемета М-62, который я нес на своем горбу, просто все силы вытягивала. Но хуже всего, на мой взгляд, была тяжесть виртуального зенитного ракетомета, притороченного к рулю моего мотоцикла.

Меня одолевали дурные предчувствия. Да, конечно, Амбер подцепила меня своим крючком за гонады (о-ох!) и теперь сматывала катушку спиннинга. Всякое бывает. Но ее послание привело меня в тот район Делмира, где я не особенно был склонен появляться. Как и все города в известной нам Вселенной, Делмир имел свои полюса, свои иерархические лестницы. Инь и ян, добро и зло, свет и тьма, сладость и горечь… Если вчерашние монотонные серые корпоративные блоки были поверхностью Делмира, то сегодня я оказался на его усеянном ракушками и

слизнями дне.

В Токси-Тауне.

О Токси-Таун! Черное сердце оголтелой, стародавней, дофедеральной Сети, где все пути идут в обход, все дела левые, финансовые карточные домики трепещут над бездной, гнусно насмехаясь над законом фискальной тяжести, а массивные «пирамиды», как выясняется в один несчастливый день, упираются фундаментом в абсолютную пустоту. Это район, где инфопотоки переплетаются и слипаются, как разваренные спагетти. Из этих белых чащ уродливыми неудобоваримыми фрикадельками торчат несовместимые системы. Ну а улицы слишком часто окрашиваются кровавыми пятнами соуса «маринара». Жизнь здесь стоит дешево, а солнечный свет — дорог, в самый неожиданный момент суперхайвеи ныряют в зону деконструкции, и ты застреваешь на узкой стародавней улочке с пропускаемостью на 2400, и вокруг бродят голодные волки, подозрительно посматривая на тебя и жадно облизывая свои лапы, гениталии и прочие части тела, которые любят вылизывать представители отряда собачьих. Кстати, по этой привычке легко вычислить вервольфа в публичном месте — типа, в автобусе.

Вообще-то Токси-Таун мне нравился. Я охотно бывал бы там почаще — но поскольку я сам на себя взял миссию наделать в Сети побольше шума и вони, то волей-неволей должен был посещать другие ее районы — те, где вонь чувствуется сразу.

В Токси-Тауне вонь проходит незамеченной. Что ты замечаешь, так это трехбаксовую шушеру, дежурящую на виртуальных панелях: Инфосутенеров, Б(Д)леди, Рожен-Крейцеров. Замечаешь — и с интересом читаешь — виртуальные граффити, начертанные при помощи пульверизатора на каждом миллиметре всех плоских поверхностей (текущий хит — «Гаси невежливых!»). Ибо это теневой мир беспрерывной ночи, вотчина скользких дельцов, ночных бабочек, частных детективов и налоговых инспекторов.

Как и следовало ожидать, я обнаружил Амбер на виртуальной панели. Прислонившись к фонарному столбу, она курила сигарету «Собрани» в длинном мундштуке черного дерева. Багровый свет виртуально-натриевого светофора выразительно подчеркивал ее высокие скулы.

***

ОТРЯД СОБАЧЬИХ

Тузик хочет потрахаться. Помоги ему отыскать подружку.

***

— Привет, матросик, — проговорила она, когда я притормозил «харлея». — У тебя в кармане пушка, или ты просто рад меня видеть?

Я опустил подножку и слез с мотоцикла. Амбер испытующе оглядела меня с головы до пят. — Курносенький, — заключила она. — Задавака.

Я постарался изобразить Джеймса Дина — для чего даже подцепил большими пальцами ремень своих штанов:

— Я слышал, вы меня искали, леди.

— Правильно слышал, — затянувшись сигаретой, она кивнула на темный подъезд без двери. — Пойдем ко мне, дело обговорим. — Она выдернула окурок из мундштука и отшвырнула не глядя (окурок упал на спящего новостемана, и тот мигом превратился в сгусток оранжевого пламени).

Амбер направилась к двери. Ее высокие каблуки-шпильки выстукивали по асфальту соблазнительные обещания (азбукой Морзе) — идеально синкопируя сокращениям ее атлетических ягодичных мышц под невероятно узкой миди-юбкой. Как она умудрялась передвигаться в этом наряде, я не знаю — и не узнаю, видимо, никогда.

Войдя в подъезд, Амбер остановилась, оглянулась на меня через левое плечо.

— Оставь все железо внизу, если хочешь, — подмигнула она мне, — или возьми с собой, если с ним ты себя крупнее чувствуешь. И начала подниматься по лестнице. Бросив все, кроме «кольта», я поспешил за ней.

Квартира Амбер находилась на верхнем уровне инфоструктуры. То было самое натуральное, высочайшей пробы гнездышко соблазна. Куца ни плюнь — всюду сплошной атлас, кружева и таинственный сумрак. Из виртуальных кранов подачи музона лился шепот Фрэнка Синатры. Кровать была величиной с олимпийский плавательный бассейн. Когда я вошел, Амбер стояла у дальних окон. Как только я закрыл дверь, она раздернула шторы и еще больше притушила свет, чтобы ее силуэт отчетливо вырисовывался на фоне виртуальных огней Токси-Тауна.

***

КОМНАТА, УБРАНСТВО

Все рядом перечисленное плюс целый ряд вделанных в стену

кандалов, но о них мне как-то не хотелось спрашивать.

***

Медленно и осторожно, отлично сознавая, что делает с людьми ее кокетство, Амбер стянула с себя блузку.

— Амбер, — выдохнул я, глотая пересохшим ртом воздух. — Что тебе от меня нужно?

— Чтобы ты проник в одно заветное местечко, Макс, — шепнула она. УХТЫ!

— Про тебя говорят, — продолжала она, — что ты ЛУЧШЕ всех.

Что она сделала после этого, я не разглядел, но отчетливо услышал, как покатилась оторванная пуговица и затрещала, расстегиваясь, «молния». Юбка Амбер упала к ее ногам. У-У-У-У-Х ТЫ!

— И если ты хотя бы наполовину оправдываешь свою репутацию, — сделав маленький шажок, она отшвырнула юбку в угол, — тогда ты — то, что доктор прописал.

О-О-О-О-О БО-О-О-О-ОЖЕ! Выскочив из своей «косухи», я вступил в схватку со всеми пряжками, ремнями, «молниями» и прочими фигняциями моих черных кожаных штанов. Блин! На кой черт я избрал такой замысловатый ретро-техностиль? Последняя — решающая — «молния» стоически отказалась расстегиваться.

— Макс? — озадаченно позвала Амбер. — Свет! Освещение вернулось к норме. Как выяснилось, я стоял посреди комнаты в полурасшнурованных ботинках, в спущенных до колен штанах и в трусах с узором из «смайликов"». Трусы, надо сказать, бесповоротно зацепились за мой пуленепробиваемый жилет.

А вот Амбер — как ей это удалось? — была одета в черный комбинезон-скафандр.

— Макс? — изумленно вопросила она. Затем, с легким упреком: — Ох, Ма-а-а-акс… Я сказала: «говорят», а не пишут на стенах в туалете. А теперь, если ты будешь так добр приструнить свои шальные гормоны, поговорим о ДЕЛЕ!

— Все очень просто. Макс, — сообщила она, когда я вновь оделся и перестал пыхтеть. — У тебя плохая репутация.

— Это плохо.

— Нет, хорошо. Мне определенно нужен кто-то вроде тебя.

— Хорошо.

— Нет, плохо. Хорошо было бы, если б ты мне не был нужен.

— Плохо.

— Ну и что, что плохо? Это моя проблема, и я должна ее решить.

— Наняв плохого человека?

— Вернув мое добро. Буквально.

— Ничего не понимаю.

— Да тут нечего понимать. Дело вот в чем. Про тебя говорят, что передМаксом**Суперо**м падет любая система Делмира — дай ему только время. — Это хорошо?

— Брось издеваться. Проблема в том, что мой начальник…

— Тот вчерашний монстр из тьмы?

— Если он тебя во тьме напугал, посмотрим, как он тебе понравится при дневном свете. Короче, у моего начальника были очень важные файлы, но они попали в нехорошие руки. Хуже того, это была единственная копия.

— И никаких резервных? Это плохо.

— Да перестань же, наконец! Суть в том, что я хочу нанять тебя, чтобы ты их нам вернул.

Я задумался, почесывая подбородок. Пришел к выводу, что к моему Сетевому облику следует добавить длинную вечернюю тень.

— И что я с этого поимею? Она и глазом не моргнула:

— Один миллион долларов, наличными. Сто тысяч авансом, окончательный расчет по факту. Я поперхнулся воздухом:

— Крутые, должно быть, файлы.

— Только для моего начальника и человека, у которого они сейчас. Для любого другого, — она испытующе глянула на меня, — они будут абсолютно бесполезны.

— Мне понадобится время на подготовку, — выдал я фразу, весьма уместную в устах парня по имени Макс Супер.

— И не только, — возразила Амбер. — Система, которую ты должен взломать, защищена по последнему слову техники. Хай-энд.

— Никаких военных, — сказал я быстро. — Военные не по моей части.

Гуннар Ле-Мат постоянно тусовался в Воен-Сети и приносил оттуда всякие истории о военных системах, от которых, без преувеличений, кровь стыла в жилах.

— Военные тут ни при чем, — успокоила меня Амбер. — Но все равно тебе понадобятся новейшие инструменты.

Плоды технического прогресса: экспериментальные интерфейсы, радикальные изобретения. Устройства, на сотни световых лет опережающие фигню из обычных магазинов. Если ты согласишься выполнить наше задание, мы тебя снабдим всем, что надо.

— Хм-м, — задумался я. — Похоже, вы попутно хотите подопытного кролика из меня сделать. Прорваться в систему, забрать ваши файлы — та еще задачка. Но на кой черт я должен рисковать своей шкурой ради экспериментального интерфейса?

— А потому, милый, — проворковала она, пододвинувшись ко мне и засунув свой виртуальный язычок в мое виртуальное ухо, — что я пользуюсь этим интерфейсом прямо сейчас. Поверь, виртуальный секс с ним — просто фантастика!

Каким-то чудесным образом ее скафандр испарился. Груди у нее были маленькие и упругие — словно созданные по мерке моих ладоней. Плотные, темные соски оказались между моими пальцами. Она толкнула меня на кровать и впилась своими губами в мои, а я, обхватив руками ее ягодицы, медленно инспектировал ее мускулы, пока не дошел до упругих атлетических бедер. Господи Иисусе, если стоит верить тактильным ощущениям, которые она транслирует на мои перчатки, этот ее новейший интерфейс — просто…

Затемнение.

И очень скоро — засветление. Далекий голос, словно доносящийся из сна, звал меня:

— ДЖЕ-Е-Е-К!

Амбер почувствовала неладное:

— Что такое, милый?

«ДЖЕ-Е-Е-К!» О нет. Быть не может. Только не она. Только не СЕЙЧАС.

Я сел на кровати. Амбер тоже села, укусила меня за ухо:

— В чем дело. Макс?

— ДЖЕ-Е-Е-К!

— Мне пора, крошка. Долго объяснять.

— Но… задание. Ты?..

— Я с тобой свяжусь. — Я поцеловал Амбер на прощанье и, окутанный сияющим нимбом, покинул виртуальную реальность.

— ДЖЕ-Е-ЕК! ОТ ТВОЕГО КОМПЬЮТЕРА У МЕНЯ ОПЯТЬ ВСЕ НА ЭКРАНЕ ПЛЫВЕТ!

8. СРЕДА. 7 УТРА.

Я проснулся оттого, что рядом с моей головой раздался щебет. Щебетал телефон на тумбочке. Перекатившись к нему, я схватил трубку, приложил к уху и был вознагражден за труд оглушительным писком — кто-то пытался послать мне факс.

Эффективное средство, надо сказать. Я бесповоротно перешел в режим бодрствования.

Но чем больше я размышлял над этим фактом, тем больше мучился простым вопросом: «Зачем?» Зачем просыпаться? Зачем даже думать о процессе вставания с постели? Почему бы просто не забраться назад под одеяло и подождать тепловой смерти Вселенной?

Телефон вновь защебетал. Я вновь снял трубку.

Не знаю уж, кто пытался послать тот факс, но одно ясно — упорства ему было не занимать.

Я положил трубку, укрылся одеялом с головой и попытался вновь заснуть. Не вышло. Тогда я попробовал настропалить мое буйное утреннее воображение на талантливую эротическую фантазию.

Спустя несколько минут кое-что стало вырисовываться. Перед моим мысленным взором предстала женщина (для начала — уже хорошо) с длинными шелковистыми черными волосами и красивым узким лицом. Оливковая кожа; фигура, как у балерины: высокая, стройная и в то же время мускулистая, атлетически сложенная. Губы — тонкие, выразительные; глаза — смолисто-черные омуты. Бедра — изящные, но приятно-округлые. Груди — маленькие, твердые, высокие, точно созданные по размеру моей сложенной чашечкой ладони…

Ох ты Боже мой. Я мысленно дрочил на образ Амбер. Вслед за этой догадкой в моем мозгу возникла вторая. Догадка номер два окончательно меня разбудила и выпихнула из-под одеяла. Состояла она вот в чем:

Предложение Амбер НЕ БЫЛО ШУТКОЙ.

Телефон вновь защебетал. Из инстинктивного идиотизма я снял трубку — и, сообразив, что натворил, заранее сморщился от боли в ушах.

Но никакого писка на сей раз не было. Из динамика раздались гудки машин и шуршание шин, а спустя несколько секунд — одно робкое слово:

— Пайл?

Чтобы узнать голос, мне понадобилось как следует протереть глаза:

— Т'Шомбе?

Прозвучал внятный вздох облегчения, и Т'Шомбе затараторила как сумасшедшая:

— Ох, Пайл, слава Богу, я за тебя вся испереживалась! После вчерашнего у меня прямо сердце оборвалось, и такое у тебя было лицо, когда ты уезжал, я даже боялась…

— Т'ШОМБЕ? — Мне как-то даже не очень верилось, что это не сон. Каюсь, меня посетила мысль попробовать нажать «Control-Option-E» — так, для очистки совести.

— Да, Пайл, — выдохнула она, — это я. Послушай, я сейчас не могу говорить — я звоню из автомата на стоянке перед одним магазином. Скорее всего, компания меня вычислить не сможет, но все равно боюсь звонок затягивать. Мне только одну вещь надо узнать. КАК ТЫ, НОРМАЛЬНО?

Я задумался над этим вопросом:

— Ну-у, да, вообще-то. Насколько я могу судить.

— Ты уверен?

Один мой глаз полез на лоб — странный вопрос какой-то.

— Да вроде.

— Отлично. — Т'Шомбе замялась. Я отчетливо представил себе, как она, по своему обыкновению, закусила нижнюю губу, чтобы собраться с духом и задать трудный вопрос.

— Пайл, — сказала она, — пожалуйста, обещай мне две — нет, три — обещай мне три вещи, ладно? Обещай мне, что ты не сделаешь ничего… безрассудного, хорошо?

Что она имела в виду, я так и не понял.

— Конечно, — согласился я.

— Отлично, — обрадовалась Т'Шомбе. — Второе: знаешь такой мексиканский ресторанчик на углу Уорнерской и Шестьдесят Первого шоссе?

Я издал утвердительное мычание.

— Обещай, что будешь меня там ждать сегодня в семь вечера.

Мне потребовалась секунда на переваривание этого сообщения:

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Я хочу — нет, мне ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ НУЖНО, — чтобы ты там со мной встретился сегодня в семь вечера. Ну как, обещаешь? Появишься?

Сто мегов чертей меня подери.

— Да! — вскричал я с энтузиазмом, превышающим физически возможный для меня уровень.

— Отлично. И последнее. — Помолчав, она глубоко вздохнула и перешла на тихий, ласковый шепот. — Джек? Я знаю, что у тебя сейчас в жизни черная полоса. Но не забывай, что бы

ни случилось, на свете есть люди, которые тебя ЛЮБЯТ, Джек. Ты мне обещаешь не забывать об этом?

У меня перехватило дух. Если Т'Шомбе имеет в виду то, что я подумал…

— Да, Т'Шомбе, — ответил я самым искренним, глубоко чувствующим, мужественным и в то же самое время небезразличным к ближним тоном, на какой был способен. — Обещаю, я…

— Отлично. — Она хрипло вздохнула. — Только что… сюда въехала полицейская машина! Мне пора. Не звони мне домой. Не звони мне на работу. Но помни: сегодня в семь вечера. Придешь?

— Да, Т'Шомбе, конечно, я…

— Отлично. Пока. — Щелчок и короткие гудки. Я повесил трубку.

Ну и ну. Ого-го. Есть вероятность, что это просто послесвечение моих грез об Амбер. Есть и другая вероятность — что я абсолютно неправильно понял слова Т'Шомбе. Однако, восстановив в памяти ее слова, я пришел к выводу, что недоразумения тут быть не может. «ДЖЕК, СТАРЫЙ ХРЕН, — сказал я себе, — А У ЭТОГО ДЕНЬКА определенно МНОГООБЕЩАЮЩЕЕ НАЧАЛО».

Очередной звонок застал меня на седьмом небе.

— Алло? — мечтательно произнес я.

— Добр-утро, Джек! — взревел Гуннар. — Получил твое сообщение! Прими мои соболезнования, а насчет железки, которую ты у меня хотел занять, — лучше забудь! Но есть и светлая сторона — мы ведь свободно можем сегодня вместе позавтракать, верно?

— Верно? — эхом откликнулся я, все еще пытаясь постичь смысл фразы «Добр-утро».

— Ладно, заметано! Застегни ширинку и дуй сюда! Жду тебя в ноль-девять-ноль-ноль, на месте все мне расскажешь. Ясно?

Когда Гуннар в маниакальном состоянии, остается лишь плыть по течению его бурной деятельности.

— Ясно.

— Тады чао! — Он повесил трубку. Я тоже. Но постарался побриться и одеться, не отходя далеко от телефона и гадая, кто еще мне позвонит в это необыкновенное утро. Бубу? Амбер? Эд Макмэон? Папа Римский?

Нет. Позвонил только пресловутый кретин, все еще пытавшийся послать мне факс.

Джозеф Ле-Мат (он же Гуннар) одним виртуозным движением сковородки подбросил бекон к потолку и, когда продукт совершил в воздухе сальто, вновь поймал его. Затем переключил

свое внимание на тостер, где подогревались английские булочки.

— Ладно, разберемся по порядку, — сказал он, голой рукой подняв рычаг, чтобы добраться до булочек. — Значится, эта потрясная бэби…

— Амбер, — уточнил я.

— Которая всю прошлую неделю шлялась по Воен-Сети, — он выудил горячие булочки из тостера — вновь голой рукой — и молниеносно уронил на блюдо, — хочет нанять МАКСА СУПЕРА. чтобы он взломал какой-то компьютер и украл файлы?

Забрав у него блюдо, я начал намазывать булочки маслом.

— Не украл, а вернул, — уточнил я. — Она утверждает, что их у нее самой украли. Загрунтовав булочки маслом, я приступил к накладыванию верхнего красочного слоя из вишневого варенья «Швартау».

В последний раз потыкав бекон вилкой, Джозеф перевалил его со сковородки на бумажное полотенце, чтобы промокнуть жир.

— И сколько она желает тебе заплатить?

— Один миллион долларов, — сообщил я, перемещая булочки и кофейник на террасу, которая служила «столовой для завтрака». Ле-Мату хорошо платили за консультации — либо его бывшая жена происходила из семьи потомственных богачей и отвалила ему хороший куш за то, чтобы он с ней развелся (в разное время суток Ле-Мат объяснял свое благосостояние разными причинами). Факт тот, что он жил в уютном особняке, затерянном на лесистом участке площадью в 20 акров на западном берегу озера Миннетонка. По утрам с террасы открывался потрясающий вид. — Сто штук авансом, остальное — по факту.

Графин с томатным соком и блюдо с яичницей пришлось подвинуть — но вообще-то все на столе уместилось.

Джозеф выключил горелку, отправил сковородку в мойку и принес бекон.

— Миллион баксов, — пробурчал он себе под нос, покачивая головой и накладывая бекон мне на тарелку. — Как ты думаешь, Джек? У нее, что, не все дома?

Я налил себе томатного сока, сделал глоток и задумался над этим вопросом.

— Не думаю, — сказал я наконец. — Интерфейс, о котором она говорила, вправду существует. Я до него дотрагивался. — Это конкретное воспоминание ввергло меня в задумчиво-мечтательное настроение, которое продлилось до того самого момента, когда Ле-Мат недоверчиво откашлялся:

— Все равно, миллион?..

Пожав плечами, я положил себе яичницы.

— По-моему, она большая шишка в какой-нибудь большой корпорации, но хорошо погуляла в виртуальной реальности и в Сети. В Делмире, похоже, прилично ориентируется. И в Токси-Тауне соорудила себе красивую МПВ-шку — очень секси.

— Или кто-то соорудил эту МПВ-шку для нее, — возразил Джозеф.

***

МПВ-ШКА
«Мульти-Пользовательской Вселенная», помните?

***

— Тоже может быть, — кивнул я. Ле-Мат налил себе кофе. Я подставил ему свою чашку и получил вторую порцию. — М-м-м, — промычал я, смакуя горьковатый, земной аромат. — Лесные орехи? Джозеф кивнул.

— Мы празднуем текущую секунду твоей жизни, — пояснил он.

Я поставил чашку и потянулся за булочкой:

— Как бы то ни было, я полагаю, что файлы действительно сперли, и насчет их ценности Амбер не врет, так что ее начальник обернулся к ней и сказал: «Ты ведь знаешь Сеть. Так иди и принеси их назад». Расслабуха кончилась, началась жизнь.

Амбер пришлось взяться за хакинг всерьез. — Я глубокомысленно уставился на яичницу, сообразил, что какого-то ингредиента не хватает, взял перечницу. — Ну, она почитала всякую литературу, надыбала новый интерфейс и пошла бродить по тем районам Сети, куда раньше и сунуться боялась — надеясь найти настоящего киберпанка-чудотворца…

— Так она и вышла на МАКС**АСУПЕРА**, — дополнил Ле-Мат.

— Ага. — Сознаюсь, тут я горделиво задрал нос.

— Но, будучи, в сущности, ЧАЙНИЦЕЙ, — продолжал Ле-Мат, — она никак не подозревала, что тусуется со сплошными лохами и ламерами, а репутация МАКСА — на девяносто пять процентов брехня…

Мой задранный нос резко загнулся книзу.

— ПОЛЕГЧЕ!

— …что НАСТОЯЩИЕ скользкие дельцы, компьютерные уголовники и кибертеррористы ни за что не станут терять время

на виртуальную реальность…

— А НУ ПОВТОРИ, ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?

— …и что, в любом случае, на свете полным-полно школьников, которые добудут ей файлы ЗА БЕСПЛАТНО.

Моя гордость окончательно сколлапсировала в черную дыру и бесследно исчезла.

— В принципе ты прав, — смирился я наконец. — Серьезным хакингом я уже с год не занимался. Да и вообще хакинг для меня всегда был развлечением. А чужие компьютеры за деньги взламывать… — Я поежился. — Слушай, а ведь это вроде бы уголовщина?

Отхлебнув кофе на пробу, Джозеф вальяжно развалился в кресле:

— Ты ж сам сказал, что никакое это не воровство.

— Если только Амбер мне не врет. Большое такое «если».

Ле-Мат вновь заинтересовался столом и принялся за булочку:

— А знаешь, Джек, по-моему, ты на все это не с того боку смотришь. Тебя послушать, такое ощущение, будто ты собрался дом грабить. А я бы рекомендовал тебе воспринимать это задание как… консультацию по системам защиты информации. — Откусив здоровенный фрагмент булки, он с удовольствием разжевал и проглотил его, после чего одним махом осушил свою чашку кофе. — Полагаю, эта работа достойна МАКС**АСУПЕРА**.

Обернувшись к Джозефу, я вылупился на него во все глаза.

— Более того, его старый кореш Гуннар достоин пятидесятипроцентной доли гонорара. У меня глаза полезли на лоб.

— Ты же сам мне уже много лет толкуешь, как тебе хочется пробиться в консультанты. И вот, судя по всему, ты нашел идеального первого клиента. Богатую дурочку, которой нужно срочно выпутаться из беды — не важно как, ибо она все равно ни хрена ни в чем не понимает. В худшем случае — если возьмешься, но не получится — тебе гарантирован аванс и ноль пятен на репутации. Наврешь ей с три короба — все равно поверит. А уж если получится — в глазах клиентки ты станешь гением. Плюс денежки.

— Да, но миллион все-таки…

— Никогда не перечьте тем, кто хочет вам переплатить, — заявил Ле-Мат. — Никогда не оценивай свои услуги слишком низко — вот все, чему меня научили долгие годы моего консультантства. Если эта Амбер уверена, что дело стоит миллиона — елки, откуда только она это число взяла, из комиксов или из кабельного телесериала… — печально помотав головой, Джозеф выхлебал еще одну чашку кофе, — а ты ей

скажешь, что возьмешь всего десять штук, она решит, что связалась с поцем, который ни черта не смыслит, и подыщет другого. А тот ее обдерет как липку.

Мне оставалось лишь баловаться вилкой и качать башкой.

— Ну, Джек, добро пожаловать в дивный мир консультантов. Доверься моему опыту. Это РАБОТА, а РАБОТА — это ДЕРЬМОВОЕ ЗАНЯТИЕ. Не будь она такой дерьмовой, она бы называлась ОТДЫХ.

Я заглянул Джозефу в глаза, надеясь угадать по какому-то признаку, что он шутит. Какая-нибудь складочка в уголке глаза или легкий намек на скрытую усмешку.

Ле-Мат в ответ уставился на меня трезво и серьезно:

— Если бы мне предложили миллион, я бы сделал работу, забрал деньги и свалил за границу так быстро, что ты и зубом бы цыкнуть не успел. Да, свалил бы куда-нибудь, где о ежеквартальных налоговых декларациях ожидаемых доходов даже и не слышали… Типа, на Каймановы острова…

Я вопросительно выгнул бровь.

— Джек, я серьезно. Соглашайся. Если денежный аспект тебя смущает, скажи себе, что делаешь это ради прелестной Амбер — она ведь просто спит и видит, чтоб ты ее трахнул.

— Но…

— Хватит «нокать»! И ДАВАЙ, ЖРИ СВОЙ ХРЕНОВ ЗАВТРАК! КАКАЯ ТЕБЯ МУХА УКУСИЛА! УЖЕ ДЕСЯТЬ МИНУТ СИДИТ — ВОЗИТ ЕДУ ПО ТАРЕЛКЕ, А ЕЩЕ НИ КУСОЧКА НИ СОЖРАЛ! БУЛОЧКА ОСТЫЛА, ЯИЧНИЦА СМЕРЗЛАСЬ, А ОН…

После этого взрыва эмоций мы успокоились и приятно позавтракали, а потом мило поболтали. Безумные идеи о побеге за границу вскоре были забыты; Ле-Мат пообещал найти мне подходящую роль в своей консультационной фирме, как только истечет мой договор с МДИ о взаимообороне против конкурентов («Мне давно кажется, что в фирму «Дж. Ле-Мат и компаньоны» недурно было бы взять хотя бы одного реального компаньона»). Как следствие Ле-Мат устроил мне краткую экскурсию по своей столово-компьютерной и показал, каким новым фокусам научил «СЕКРЕТа» — свой персональный СуперВэкс. Ле-Мат — единственный на свете владелец (про других я не слышал) персонального СуперВэкса, а также специально укрепленных балок и половиц, которые выдерживают его тяжесть,, резервуара с жидким азотом для его охлаждения и целого Ле-Маттовского музея устаревших систем, занимающего большую часть того, что принято называть цокольным этажом.

Как обычно, экскурсия завершилась осмотром его оружейного сейфа (точнее, оружейной комнаты-сейфа), где Ле-Мат

похвалился мне своим новейшим приобретением для коллекции наступательного вооружения — камнеметом «СР-25». Я, как диктуют приличия, в нужных местах вставлял ликующие вопли и ахи, хотя, по моему разумению, все эти железки делятся на три основные категории: высокотехнологические (черные, с пластмассовым прикладом), «нормальные» (коричневые с деревянными прикладами) и всевозможные подвиды «АК-СТ-47» («СТ», насколько мне помнится, означает «спецтеррористический»).

Потаскав стволы автоматов, мы принялись за легкий второй завтрак. Все это время Ле-Мат меня уговаривал принять предложение Амбер. И к концу трапезы почти уговорил.

— А для начала нам надо офис снять, — говорил он, провожая меня до машины. — Электричество, заблокированные телефоны, инфолиния ОС1…

— Чего-о? — остолбенел я. — Офис? Я думал, мы открываем лавочку только ради одного задания.

— Все равно офис нужен, — пробурчал Ле-Мат. Остановился, обернулся, смерил меня испытующим взглядом. — Ты что, решил все это делать из мамочкиного дома? Воображаю!

При желании Ле-Мат мог до ужаса виртуозно сымитировать голос моей матери:

— ДЖЕ-Е-ЕК! ДЖЕ-Е-ЕК! Я ЗНАЮ, ЧТО У ТЕБЯ МИЛЛИОННЫЙ КОНТРАКТ, НО ОТ ТВОЕГО КОМПЬЮТЕРА У МЕНЯ ОПЯТЬ ВСЕ НА ЭКРАНЕ ПЛЫВЕТ!

Я зашагал к машине:

— Ладно, согласен. Мне нужен офис. Что еще? Ле-Мат начал загибать пальцы, составляя в уме список:

— Ну, телефонный номер, конечно. Коммерческий канал Сетедоступа, чем шире, тем лучше: ОС1 как минимум, ОС3 — самое оно. Спутниковая антенна тоже не помешает. Но прежде всего надо тебе подыскать фирму-ширму.

Мы дошли до моей машины. Я потянул за ручку, и дверца отворилась, издав ржавый скрежет.

— Ширму? Зачем? Ты же вроде говорил… Ле-Мат перешел на вкрадчивый, заговорщический шепот:

— Ну, это просто на тот случай, если красотка Амбер не так чиста, как изсебя строит. Ей не стоит знать, как на самом деле зовут МАКС**АСУПЕРА**. А потомуи нельзя позволять, чтобы она вышла на него, выследив свои денежки.

Выгнув бровь, я в очередной раз подверг сомнению целесообразность моего участия во всем этом безобразии.

Но Ле-Мат сокрушил меня своей обезоруживающей улыбкой:

— Поверь мне, Джек, в консультационном бизнесе такое — в

порядке вещей. Клиенты хотят сохранить анонимность; консультанты оберегают своих субподрядчиков и конфиденциальные источники. Пока мы честно составляем отчеты для налоговой инспекции и вовремя подаем декларации, ничего такого противозаконного в нашей деятельности нет.

— Да, но…

Ле-Мат вновь улыбнулся, дружески хлопнул меня по спине:

— Предоставь все детали мне, Джек. Сегодня я кое-кого обзвоню, и к вечеру фундамент будет готов. В клубе встретимся и все обсудим. Часов в семь нормально?

— Конечно…

Стоп, минуточку… Т'ШОМБЕ. Проницательные глаза Джозефа уставились на меня:

— Что такое? На сей раз пришла моя очередь улыбаться:

— Да так, ничего. Просто… я сегодня не могу. У меня вечером свидание.

И в этот миг наконец-то, после долгих лет знакомства, я узнал, как вызвать у Ле-Мата гримасу изумления.

— Ай да Джек! Ай да кобель хитрожопый! — вскричал он и, широко ухмыльнувшись, хлопнул меня по спине — я чуть не растянулся плашмя на асфальте. — Значит, сорвешься сегодня с резьбы, да! На метро да в рай небесный! Под подолом соловей о две половиночки! — Схватив меня за правую руку, он так крепко ее встряхнул, что чуть часы не слетели. — Забудь про клуб, сынок! Иди погуляй и найди свое счастье — это приказ, рядовой Берроуз! Все сегодняшние дела беру на себя — но завтра чтоб мне представил полный рапорт о встрече! — Отвесив еще одну оплеуху моей спине, Ле-Мат буквально впихнул меня в машину. Я запустил мотор, развернулся, поехал к воротам. В зеркало заднего вида мне было видно, как Ле-Мат, не в силах успокоиться, ухмыляется, машет, вопит и потрясает кулаками. Но вот я повернул, и мой друг исчез из поля зрения.

А знаете, я должен сознаться, что вначале мои мысли были заняты одним-единственным аспектом грядущего свидания с Т'Шомбе — а именно, даст она мне или нет. Но после всех этих суперменских, кобелиных и прочих подначек Ле-Мата я почувствовал себя… мягко говоря, дешевым мошенником. Меня мучило ощущение, что своими планами и грезами я заочно оскорбляю Т'Шомбе.

***

Она же «Феноменальный ходячий банк спермы». В свою бытность учеником выпускного класса средней школы я имел с г-жой Франецки бурный роман, который начался после того, как она завалила контрольную по алгебре за полугодие, и завершился, когда она наконец осознала, что математические познания НИ В МАЛЕЙШЕЙ СТЕПЕНИ не передаются при интимном контакте. Разочаровавшись в точных науках, она увлеклась хоккеем и подружилась с командой — со всей командой — а в итоге сделалась президентом Маунт-Паркского отделения организации «Будущие многодетные матери-одиночки Америки».

***

«КЛАССИЧЕСКИЙ ОБРАЗЧИК ТВОЕГО ОБЫЧНОГО ХАНЖЕСКОГО ПОДХОДА К ЖЕНЩИНАМ, — саркастически заметил мой внутренний голос. — ВОТ ПОЧЕМУ В ШКОЛЕ И УНИВЕРЕ ТЫ НЕ ПРОДВИНУЛСЯ ДАЛЬШЕ ХОЛОДНЫХ РУКОПОЖАТИЙ, ЗАТО СПОРТ-МАНЬЯКИ ИМЕЛИ ВСЕХ И КАЖДУЮ. ВОТ ПОЧЕМУ, ЕСЛИ Б НЕ ДАРЛЕНА ФРАНЕЦКИ, ТЫ БЫ ТАК И ОСТАЛСЯ ДЕВСТВЕННИКОМ. ВОТ ПОЧЕМУ У ЭТОГО НАГЛОГО ВИРТУАЛЬНОГО МЕРЗАВЦА МАКС**АСУПЕРА** ЕСТЬ ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ — А ТЕБЕ ОНА И НЕ СВЕТИТ. НЕ ВЕРЬ БАБСКОМУ ВРАНЬЮ — НА САМОМ ДЕЛЕ ВСЕ ОНИ ВТАЙНЕ МЛЕЮТ ОТ САМОВЛЮБЛЕННЫХ ПОДЛЕЦОВ, КОТОРЫЕ ИЗ НИХ РАБЫНЬ ДЕЛАЮТ».

Угу, похоже на правду — но это их, бабское, дело. Я все равно не такой. Посоветовав моему саркастическому внутреннему голосу заткнуться грязным носком, я принялся вычислять, успею ли сбегать с моей спортивной курткой в химчистку.

Среда, 7 часов вечера. Я находился на автостоянке у ресторана на углу Уорнерской и Шестьдесят Первого. Непринужденно прислонившись к капоту моей «тойоты», я любовался величественным закатом, распростершим свои алые крылья над островом Гарриет и мусорообогатительным комбинатом, а также смаковал плодородные, плотские запахи прекрасного теплого весеннего вечера.

Естественно, ветер дул с востока.

Стая перелетных «харли-дэвидсонов» пронеслась по Шестьдесят Первому шоссе на юг, и эхо от урчания их выхлопных труб еще долго разносилось по окрестностям, пока не исчезло где-то за горизонтом. Я отошел от машины, отряхнул одежду пониже спины и в очередной раз глянул на часы.

7:17.

Такие долгие опоздания — не в духе Т'Шомбе. Правда, за то время, пока мы работали вместе, она сто раз меня всячески разыгрывала, и есть определенная вероятность, что и сейчас я пал жертвой какой-то дикой, финальной, унизительной шутки…

Не требовалось особо напрягать воображение, чтобы представить себе, как Бубу, Фрэнк и Т'Шомбе сидят сейчас в парке за рекой и, наблюдая за мной в бинокли, заливаются идиотским смехом, черт бы их побрал. От предположения, что Т'Шомбе способна обмануть меня ради смеха, мне стало как-то дурно.

Вновь проверив время, я обдернул свою свежевычищенную и отутюженную куртку, поправил молодецки расстегнутый воротник аккуратно отглаженной белой рубашки и решил дать ей еще десять минут. Ну, максимум пятнадцать.

Тут мое внимание привлек внезапный взвизг шин. Резко вскинув голову — так дергаются марионетки на веревочках, — я увидел, что из-за угла прямо на меня несется новый «шевроле-назем-каноэ» Т'Шомбе. Въехав на автостоянку, он без малейшего ущерба для скорости перемахнул через искусственный ухаб «спящий полицейский». Не щадя своих воющих шин, Т'Шомбе внезапно затормозила, чуть не отдавив носы моих (свеженачищенных) ботинок, распахнула пассажирскую дверцу и вскричала:

— Дуй сюда!

Я повиновался. Не успел я захлопнуть дверцу, как Т'Шомбе дала задний ход, добыла огонь путем трения шин об асфальт и вновь преодолела (вызвав у меня зуботрясение) ухаб. Мы пулей вылетели со стоянки на улицу, Т'Шомбе развернула машину, точно круг карусели, дала переднюю скорость и помчалась по Уорнерской, как тот черт из поговорки — от ладана. Нельзя было не заметить, что ее «шевви» отличался неожиданной мощью; величественностью и шумливостью, а также верткостью тридцатифутового «крайслера».

— Извини, что опоздала! — сообщила Т'Шомбе, перекричав рев мотора, пока я разыскивал конец своего ремня безопасности с неменьшим рвением, чем моя мама — затерявшийся в складках дивана горящий окурок. — За мной следил какой-то хрен в белой «мазде», пришлось попетлять, чтобы от него сбежать!

Она заложила смертельный вираж вокруг доверху нагруженной мусором грузовика и, вырвавшись вперед, чуть ли не с помощью мыла протащила «шевви» через узкую щель между пикапом на левой полосе и летящим навстречу двухприцепным тягачом. Я торопливо покосился на Т'Шомбе — мне хотелось в последний раз увидеть ее перед смертью.

Она пригнулась к рулю, крепко вцепившись в него обеими руками, нервно приоткрыв алый рот. Ее темно-карие глаза, точно шоколадные пули, так и стреляли по сторонам — то в зеркало бокового вида, то в зеркало заднего, то на ветровое стекло…

Вероятно, ее паранойя была заразной. Ценой больших усилий локализовав и пристегнув ремень, я извернулся на сиденье, чтобы глянуть в заднее окно. Не считая мусорщика и пикапа, шофер которого делал нам красноречивые, изобличающие богатую фантазию жесты непристойного содержания, там не было видно ни единой машины.

Т'Шомбе с умопомрачительной скоростью обогнала машину, которая вздумала остановиться на красный свет у перекрестка с Сибли и свернула на Джексоновскую прямо перед радиаторами трогающихся с места машин.

— Т'Шомбе! — завопил я. — Сзади — никого!

— ЧТО-О? — возопила она в ответ.

— Белая «мазда»! Ты от нее ушла! Можно помедленнее!

— Я НИ ОТ КОГО НЕ УХОЖУ! — Поставив машину на два колеса, Т'Шомбе свернула на Каштановую и чуть не взлетела, пересекая железнодорожные пути. — Я ПРОСТО СПЕШУ, А ТО В ЦЕРКОВЬ ОПОЗДАЕМ!

Четверг, утро, 0300 по Гринвичу. Гуннар вдарил своей бутылкой «Кирина» по стойке и уставился на меня, вылупив глаза:

— В ЦЕРКОВЬ? Мак**сСупер** (я) сунул окурок в ухо подоспевшего фаната «СиликоновыхДжунглей», наколдовал себе другую сигарету из виртуального ничто и закурил. Его

(да и мои тоже) глаза полыхнули нехорошим огнем:

— Да. Вечерняя служба — вот какое это было страстное свидание.

Помотав головой, Гуннар засосал с полбутылки пива и опять помотал головой:

— Быть не может. Ты мне про эту бабу уже полгода толкуешь, а мне и в голову не приходило, что она — Христова невеста.

— Ох, — вздохнул я. — Ладно бы Христос. С Христом я бы еще как-нибудь разобрался.

Бармен — не Сэм, а другой (Сэма отправили на апгрейд) принес мне бутылку бурбона и мини-капельницу. Швырнув трубочку с шприцем ему назад, я потребовал нормальный стакан.

— Не Христос? — вопросил Гуннар. — А кто? Кришна? Магомет? — Он задумался. — Неужто ЭЛВИС?

— Хуже, — пробурчал я. Бармен принес стакан для виски и налил мне сам. Осушив сосуд одним глотком, я предоставил бармену честь налить мне новый. — Моя прелестная подруга, —

сообщил я Гуннару, глубоко затягиваясь своей виртуальной сигаретой, — истово верующая, с пеной из рта проповедующая, теоретически подкованная прихожанка Церкви Вегентологии.

— Ве… какой?

— А вот такой. Это компания репоголовых идиотов, которые считают растения высшими существами, поскольку они появились на Земле раньше всей остальной жизни. Собственно, основная идея в том, что растения сотворили животных, поскольку нуждались в ходячих слугах.

Приложившись к своему пиву, Гуннар кивнул:

— Отлично понимаю, почему растениям захотелось создать животных. В особенности — овец.

Моя сигарета тем временем превратилась в крохотный тлеющий окурок фильтра. Раздавив его двумя пальцами в порошок, я подавил в себе желание закурить новую:

— Ну, одно махонькое разумное зерно в этом есть. Если б ты знал мою тетю Беатрис, так сразу согласился бы, что она — настоящая рабыня африканских фиалок.

Но в-в-вегентологистическая космология посложнее будет. Перманентные войны добра и зла; бесконечные циклы самосева и роста; жизнь в нашем, земном мире — что-то вроде духовного отпуска в тылу между сражениями на космических фронтах противоборства фруктов. Вершинная задача, насколько я понял, вспомнить все свои предыдущие воплощения и выяснить, каким растением ты был в докембрийский период.

Гуннар вновь приложился к бутылке — и обнаружил, что она пуста:

— Это что же — они все хотят па-по-рот-ни-ка-ми стать?

Меня осенила грешная мысль:

— А знаешь что, Гуннар, если тебя так заинтересовала эта церковь, у меня в машине случайно завалялось фунтов тридцать брошюр и монографий. Если ты меня хорошо попросишь, я тебе их дам почитать и даже без возврата.

— Ишь что вздумал! — с этими словами Гуннар разбил свою пустую бутылку о голову подоспевшего гнома и сделал бармену знак, чтобы тот кинул ему новую. Очередная бутылка для Гуннара пролетела через участок пространства, несколько микросекунд назад занятый моей головой (не волнуйтесь, я успел пригнуться) и опустилась откупоренным горлышком вверх на жаждущую ладонь моего приятеля.

Да, когда Сэм отсутствовал, в «Раю» все шло совсем не так, как при нем. Однозначно.

— Спорим, в День Деревьев твоя подружка просто писает от удовольствия, — заметил Гуннар. Я только вздохнул:

— В этом году они устраивали заутреню на рассвете в дендрарии парка Комо. Во время ужина видеозапись показывали.

— У-жи-на?

Улыбнувшись, я пожал плечами:

— Ну, один плюс у них есть — они не вегетарианцы. На ужин подавали копченые ребрышки, курятина и бифштекс форматом тридцать на сорок. Откормили меня, как поросенка. Хрю-хрю. — Откинувшись на табурете, я похлопал себя по животу и шумно отхлебнул виски.

Гуннар кивнул:

— Ну ладно, это уже пол-удачного вечера. Вернемся к твоей подружке. Дала ли она тебе шанс… э-э-э… вспахать поле? Разбросать твои семена? — Сдвинув брови, он почесал подбородок. — Ну, как это могут метафорически назвать вегентологи?

Вновь припав к стакану, я выиграл несколько секунд для финальной полировки Гениальной Лжи. «А-а, пошло оно все кой-куда, — решил я, — скажу правду».

— Нет, — сознался я.

Гуннар, похоже, ничуть не удивился.

— Часов в девять возвращаемся мы на стоянку у ресторана, где я запарковал машину. За рулем была она. Затормозила. Остановилась не заглушая мотора. Явно ждала, пока я уберусь из ее машины. Ну, я набрался храбрости по максимуму, перегнулся к ней и поцеловал прямо в губы.

Гуннар выгнул бровь:

— Тогда-то она и начистила тебе фары? Я покачал головой:

— По-моему, лучше бы начистила. Нет, она просто уставилась на меня с невероятно недоумевающим видом, словно говоря: «А это еще зачем?» Ну я, это самое, ну, знаешь, стал мучительно подыскивать слова…

— Это ты великолепно умеешь, — вставил Гуннар.

— А она сказала: «Не пойми меня неправильно, Па… э-э-э. Макс. Серьезно, я польщена, что ты так ко мне относишься. И знаешь, развлечься с тобой в постели было бы довольно забавно. У меня сто лет не было мужчин, которые так остро нуждались бы в наставнице. Но, Макс, секс без эмоциональных коннотаций — всего лишь коллективная мастурбация, а мне, честно говоря, уже надоело коллекционировать скальпы».

Гуннар плюхнул свою освобожденную от пива бутылку на стойку:

— Тогда-то она и пожала тебе руку на прощанье? Я поставил свой пустой стакан рядом с Гуннаровой пустой бутылкой:

— Угу.

Мы оба уставились на отблески виртуального света в виртуальном стекле.

— Гуннар? — раздалось за нашей спиной. — Макс Супер?

Мы единодушно оглянулись. Перед нами стоял один из прилизанных мальчиков-автоматчиков дона Вермишелли, заложив правую руку за лацкан дорогого, но безвкусного пиджака в мелкую полоску. Он больше походил на Наполеона с рекламного плаката бутика, чем на парня с револьвером за пазухой.

— Дон сейчас вас повидает. Переглянувшись, мы с Гуннаром синхронно спрыгнули с табуретов.

— Как удачно, что мы сегодня в видимом состоянии, — заметил я.

— Заткнись, Макс, — прошипел Гуннар. — И ради Бога, учти — говорить буду я. Твой язычок нас обоих на тот свет отправит.

9. ПЕТРУШКА. ШАЛФЕЙ. РОЗМАРИН. «ПОЛИПО ВЕРАЧИ»

Дон Луиджи Вермишелли имел личный столик в дальнем левом углу «Рая». В «Раю» преобладали круглые столики. Но столик дона имел форму полумесяца — чтобы удобнее было его эффектному брюху.

Я уже упоминал, что в виртуальной реальности детали становятся видны по мере приближения к человеку или предмету. Дон Луиджи умело пользовался этим фактором. Взгляните на него из противоположного угла зала — и вам покажется, будто это белый метеорологический аэростат в шляпе и с руками. Но приблизьтесь к его столику, и вы убедитесь, что это человек — хотя и невероятно тучный — в белом льняном костюме-тройке, белой рубашке, с белым галстуком и в белой шляпе-панаме. Подойдите еще ближе, и вы откроете для себя, что багровый, бесформенный ком между полями его шляпы и воротником рубашки — вовсе не колоссальный помидор-мутант, а просто-напросто его голова. Сделайте несколько финальных шагов, проникнув в зону беспредельного влияния (не говоря уже о гравитационном притяжении) дона Луиджи, и вы услышите жалобные переборы мандолины, узрите мерцающие огоньки свечей (подсвечниками служат бутылки от кьянти) и подивитесь, что, несмотря на невероятное множество деликатесов на столике перед ним, белый костюм дона Вермишелли не осквернен ни единым жирным пятнышком или капелькой соуса.

Обычно примерно в этот момент несколько из мальчиков-автоматчиков дона засовывают свои револьверы вам в ноздри и спрашивают своего босса, не желает ли он отправить вас на тот свет.

— Мальчики, мальчики, — произнес дон Вермишелли. — Что с вами такое? Расслабьтесь.

Голос у него был удивительно грубый и негромкий, а акцент такой сильный, что его правдивое воспроизведение средствами орфографии подпадало бы под закон о высмеивании этнических групп. Так что я этот акцент воспроизводить не буду. — Гуннар и Макс — мои дру-зь-я.

Мальчики-автоматчики, попятившись, пропустили нас к столику.

— Прошу, — заявил дон Луиджи, похлопывая по дугообразной скамье справа от себя. — Посидим. Поговорим.

Я попытался уступить Гуннару честь восседать рядом с

доном, но Гуннар столь же рьяно пытался уступить эту честь мне, так что мы оба суетились вокруг скамьи, как клоуны, пока я не плюнул и не уселся на спорное место сам. Гуннар, кряхтя, примостился около.

— Итак, Макс, — проговорил дон, — Гуннар сказал мне, что у тебя маленькая проблема и что, как ему кажется, я смогу ее решить.

Я покосился на Гуннара, который, очевидно, набирался смелости, чтобы ответить вежливо и осторожно, потом вновь обернулся к дону Луиджи и решил не тянуть кота за хвост.

— Точно, — сказал я. — А вы можете?

Гуннар весь побелел.

Дон Луиджи отсканировал меня пристальным, леденящим кровь взглядом, после чего неспешно кивнул.

— Да, Макс, я могу решить твою маленькую проблему вместо тебя. — Тут Гуннар облегченно вздохнул. — Вопрос в том, — продолжал дон, — готов ли ты заплатить мою цену?

Гуннар вновь раскрыл рот, но я вновь ринулся в схватку вперед него:

— Сколько?

Дон цокнул языком, покачивая своей великаньей, распухшей головой:

— Какой нетерпеливый мальчик! Погоди, вначале мы будем «манджиаре» . Еда — это жизнь, Макс. Если вести деловые разговоры на пустой желудок, сердце заболит. — Поднатужившись, он вытянул вперед руки и, соединив их над своим животом-горой, один раз хлопнул в ладоши.

В зону видимости, трепеща и звеня, вплыли две ультрапухлые блондинки в чем их мать родила (не считая, конечно, ювелирных украшений, грима и туфель на шпильках).

— Друзья мои, — произнес дон Вермишелли, — позвольте вам представить сестер Силикконе: Бэмби и Слонни.

Насколько я понял, Бэмби звалась та, что слева, хотя, на мой взгляд, ни малейшей разницы между ними не было. Гуннар, впрочем, эту разницу явно просек.

— Милые мои «гноччи», — сказал им дон, — мои друзья голодны. Принесите им покушать. Хм-м, — он задумчиво потер часть своих подбородков (первый и второй сверху), — для начала — немножко «полипи верачи аль-аглио» и «дуппа ди каппеллетти». Потом, может быть, тарелочку «тальятеллле верди алла маринара», еще тарелочку «старне аль вино россо» и буквально парочку «фонди ди карчиофи трифолари». Теперь закуски. Я хочу… — Он прервался, нахмурился и взмахнул рукой, отсылая девиц. — Не важно, это я решу, когда вы вернетесь. Ну-с,

«андьямо», «андьямо»! — И он поторопил Слонни ласковым шлепком по «куло». Хихикая и позвякивая, сестры Силикконе исчезли.

Дон Вермишелли вновь обернулся к нам с Гуннаром.

— А теперь, друзья мои, — он поднял бокал, — за дело.

«Давно пора, черт возьми, — подумал я. — Ага. Мы о чем будем го…»

Гуннар больно ткнул меня локтем под ребра, привлекая мое внимание к полному бокалу, который возник передо мной на столе.

— Это тост такой. Макс.

Подняв свой бокал, Гуннар чокнулся с доном:

— ЗА ДЕЛО!

В конце концов еду нам принесли. Смотреть на эти кушанья было очень интересно, а есть их — не очень, ибо у виртуальной еды нет ни вкуса, ни питательной ценности. Бэмби и Слонни остались у столика нас обслуживать — что тоже было абсолютно безвкусно, но порой довольно забавно: мне очень понравилось, как Гуннар, пытаясь проиллюстрировать анекдот о летчиках с авианосца, использовал пупок Бэмби вместо бокала для вина. После этого Слонни разлеглась на моем участке стола и пригласила меня повторить этот фокус с ней, но к тому времени я вычислил по странной тональности ее голоса, что она пользуется устройством сдвига частот. А это с девяностопроцентной надежностью свидетельствует, что перед вами человек, которому, хоть тресни, никак не удается разобраться со своей сексуальной ориентацией.

В положенное время со стола убрали, сестры Силикконе испарились, и пришел момент, когда прихлебывая «вино россо» и доедая остатки «полили верачи», мы приступили к деловому разговору.

Гуннар облизывал свои виртуальные пальчики.

— Это было истинное наслаждение, — сказал он дону. — Знаете, я даже и не предполагал, что еда — это так увлекательно. Например, вот это, — он встряхнул в воздухе «полили», — что за зверь такой?

— «Полипи верачи алль-аглио», — сообщил дон.

— Нет, я хочу сказать, из чего это? Что мне заказать, когда я в следующий раз пойду в «Бон Джорно»?

***

«ПОЛИПИ ВЕРАЧИ АЛЛЬ-АГЛИО»

Возьмите одного осьминога. Вырежьте глаза, пасть и чернильный мешок. Остальное положите на доску и отбейте деревянным молотком до изнеженного состояния. Поместите осьминога в керамическую миску и заправьте оливковым мослом. Добавьте чеснок, лавровый лист и тмин. Плотно закрыв миску, продержите ее на слабом огне один-два часа; чем крупнее осьминог, тем дольше выдержка. Когда осьминог разварится, добавьте по вкусу соль, перец, розмарин и петрушку. На стол подавайте в супнице.

***

— Это из осьминога, — пояснил дон. — Цельный осьминог. Его бьют, пока он не превращается в нежное-нежное месиво, а потом два часа вываривают в кипящем чесночном соусе.

— А-а… — Гуннар выждал, пока дон на минуту отвлечется, положил «полипи» на стол и брезгливо прикрыл салфеткой.

— Итак! — бодро вскричал я. — Я понимаю, что время еще детское, но не могли бы мы потратить минуту-другую на дела? Ну, просто чтобы убить время до десерта.

— Десерт? — простонал дон Вермишелли. — Так рано? Ох, какие же вы нетерпеливые, ребятишки — но все же, понимаю, время пришло. — Кивнув, он сделал еще глоток из бокала и вытер верхнюю губу салфеткой размером с простыню. Я уже собирался попросить его не тянуть, когда он заговорил сам: — Макс? Гуннар описал мне твое положение. Тебе нужна… как это по-английски? — ПРАЧЕЧНАЯ, где деньги делаются чистыми. Я могу это устроить.

Ну-у, вообще-то это и требуется.

— НО, — он погрозил нам пальцем, — я не буду играть в кошки-мышки с вашей налоговкой. Это она упекла беднягу Альфонса в каталажку. — По его лицу скользнула тень печали. Лицо было большое, путешествие печали — медленное, так что я успел обернуться к Гуннару:

(— «Альфонс»?

— Капоне. Иногда дон путается, в каком веке живет.)

Печальная гримаса Вермишелли закончила свое путешествие в исходной точке.

— Итак, это будет не самая идеальная отмывальня. Но она не позволит твоей приятельнице Амбер узнать, кто ты на самом деле. Этого хватит?

Я покосился на Гуннара. Тот кивнул. Кивнул и я.

Дон тоже кивнул:

— Чудесно. Ну а взамен я прошу всего лишь небольшой гонорар за уход за вашими деньгами — чисто символический. Так, пшик какой-то.

Очевидно, он ждал нашей реакции.

— И сколько?

— Десять процентов. Мелочь.

Гуннар чуть к потолку не подпрыгнул:

— ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВ?

— Тише-тише, — пожал плечами Вермишелли. — Почти все другие доны слупят с вас пятнадцать. Но я с вас всего десять возьму — как с друзей.

— ЧУШЬ СОБАЧЬЯ!

— Двенадцать процентов.

— ТОГДА ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ ЗАПЛАТИМ!

— Четырнадцать процентов.

Схватив Гуннара за верхнюю переднюю часть его камуфляжного комбинезона, я силой усадил его назад на скамью и, мило улыбаясь, обернулся к дону Луиджи:

— Я по-прежнему ваш друг, — произнес я с невинным видом, — и вы окажете мне большую честь, если поможете мне всего за десять процентов.

Дон Вермишелли заулыбался, кивнул и жестом отослал мальчиков-автоматчиков, которые подползли к Гуннару сзади и уже направили свое оружие на его затылок.

— Значит, по рукам. Ты знаешь, как связаться с этой так называемой Амбер?

Покопавшись в памяти, я вспомнил адрес одной очень секси-квартирки в Токси-Тауне:

— Я знаю, как ее найти.

— Чудесно. Раз так, — отвернувшись от нас, он обвел взглядом своих мальчиков-автоматчиков, выбрал одного: — Бруно, поедешь с Максом.

Дон вновь повернулся ко мне:

— Макс, отвези к Амбер моего мальчика Бруно и оставь его там. Он скажет Амбер, как переправить деньги мне.

Я поглядел на Бруно — одного из множества гладко зачесанных клонов в костюме в мелкую полоску, — подумал об Амбер, и, сознаюсь, моя правая бровь слегка выгнулась.

— О, не бойся, Макс, — утешил меня дон Вермишелли. — Если не доверять «фамилье», кому вообще остается доверять?

Четверг, утро, 0530 по Гринвичу. Гуннар ушел из клуба с Бэмби — не то спать, не то отсыпаться, он не уточнил. Ну а я ехал по темным, узким улочкам-ходам, что образовывали лабиринт Токси-Тауна. Подо мной был мой верный виртуальный «харлей-

ультраглайд», ко мне, крепко уцепившись пальцами за мои ребра, всем телом приник Бруно-мальчик-Вермишелли. Тяжесть виртуального револьвера модели «Орел пустыни», который он носил за поясом, явно согревала его душу — но нехорошо давила на мою левую почку.

Найти квартиру Амбер удалось относительно просто. Конечно, парочка крупных достопримечательностей уже успела испариться со времен моего последнего визита (то есть за двадцать шесть часов с центами), но для Токси-Тауна это нормально. Топографическая стабильность этого нас. пункта — не выше, чем у скульптуры из мороженого в жаркий июльский день, но уцелевшие урлпойнты без проблем вывели меня на примерно подходящий домен, а там уж я прошел по инфоследу до узлового перекрестка, где Амбер ждала меня в прошлый раз.

Вот только никого на этом перекрестке не было. Кроме моего знакомого гнома. Будь он неладен. Прислонившись к основанию фонарного столба, гном подбрасывал и ловил монетку — механически-ловко, точно машина. Я остановил мотоцикл, и мы с Бруно спешились.

— Торвольд? — окликнул я гнома. — Сын Орвольда, из Твердыни Горного Короля?

Гном изловил монетку, зажал в кулаке и отошел от фонарного столба.

***

ЗАСТРЯЛА

Услышав слово «застряла», я немедленно вообразил себе ряды колодок и кандалов но стене в спальне Амбер, но решил, что это неподходящее время и место для высокой иронии. А ведь как мог блеснуть!

***

— Здорово, Макс, — процедил он. — Амбер сегодня не смогла прийти — застряла в реальном времени. Она мне перепоручила тебя подождать.

***

ИНФОСГУСТКИ

Честно, этот последний. Больше не буду.

***

Торвольд оценивающе оглядел Бруно с головы до пят и обратно, после чего поинтересовался у меня:

— Ну, Макс, а дружок твой кто будет? Мальчики Вермишелли не ждут, пока их представят честь по чести.

— Бруно, сын Рокко, из фамильи Таталья. — С этими словами мой «дружок» выступил вперед и протянул гному руку. Гном взял его руку в свою. Пожал. Переглянувшись, они улыбнулись друг другу, точно старые друзья, нашедшие друг друга после долгой разлуки.

Я решил тоже вставить словечко:

— Вы что, знакомы?

Бруно покосился на Торвольда, Торвольд — на Бруно. И они явно пришли к какому-то общему решению без помощи слов.

— Скорее дальние двоюродные братья, типа, — сообщил Бруно.

— Хорош костюмчик, — произнес Торвольд, поглаживая штанину Бруно и абсолютно игнорируя меня. — «Форпост-Софтшелк»?

— «Корво Новус», — ответил Бруно. Гном кивнул с видом знатока.

Прокашлявшись, я вновь вмешался в разговор:

— Слушайте, мне жаль прерывать ваше семейное воссоединение, но мы вроде как должны обговорить важное дело?

Торвольд покосился на Бруно. Между ними вновь сверкнула почти зримая дуга из непроизнесенных слов.

— Да нет вообще-то, — возразил Бруно. Гном кивнул:

— Ты сюда приехал и привез Бруно. Само собой ясно, что ты согласен работать, и все пойдет через дона Вермишелли. Правильно?

— Именно, — отозвался Бруно. Они оба посмотрели на меня.

— Так что спасибо, и спокойной ночи, а Амбер с тобой свяжется в ближайшие двадцать четыре часа. Можешь идти. — Честно говоря, я даже не сообразил, кто из них двоих это сказал.

Что верно, то верно — мне там больше нечего было делать. Я вернулся к «харлею», оседлал его и пинком вернул двигатель к жизни. Подняв подножку, я выжал первую скорость, грохнул сцеплением, газанул, как сам дьявол, и унесся в облаке ревущих выхлопных газов, под визг горящих покрышек.

И тут произошло совсем уж черт-те что. Перед тем, как

свернуть за угол, я глянул в зеркало заднего вида, и мне показалось, будто Бруно с Торвольдом буквально сли-па-ют-ся вместе, превращаясь в бесформенный ком. Но когда я оглянулся, чтобы посмотреть повнимательнее, то был уже за углом — ничего больше не было видно.

Списав это видение на усталость, я направился к своей точке выхода.

К СВЕДЕНИЮ ШИРОКИХ МАСС

Тут возникает естественный вопрос: зачем напрягаться и пилить по Сети до конечного пункта? Макс уже продемонстрировал нам свое умение катапультироваться из виртуальности с помощью одного-единственного слова и даже выходить из нее таким первобытным способом, как физическое снятие наушников с головы и отключение компьютера. Ведь, что бы ни случалось в виртуальной реальности, это лишь приключения информации, а реальный Джек Берроуз сидит себе спокойно в доме своей матери, в комнатке напротив кладовки — и хоть бы хны! Единственная опасность, которой он подвластен, — риск атрофировать ягодичные мышцы от постоянного сидения на одном месте. (Тем читателям, которые верят, будто сознание Джека возможно каким-то чудодейственным электронным образом изъять из его черепной коробки и смонтировать заново где-то вне его органического мозга, я бы очень посоветовал немедленно завязать с изучением основ компьютерной теории и записаться на курсы «Черная магия за десять уроков».)

Итак, повторим вопрос: зачем напрягаться и обязательно плыть по Сети до виртуального выхода?

А затем, что так поаккуратнее будет. Во-первых, сам стиль приятнее. Во-вторых, ты не разбрасываешь по всей округе осиротевшие процессы и обрывки мусорных файлов. Кому охота, чтобы его называли кибергрязнулей? Не плюй на чистоту. Не надо мусорить.

Я без проблем выбрался из худшей части Токси-Тауна, нашел вполне прилично сохранившийся отросток ейи-лианы и, газуя, пулей помчался к Инфостраде. Отросток взмыл над чащей местных инфосорняков, превратившись в виртуальный виадук. Впереди уже показалась величественная громада инфокомплекса корпорации УНИСИС… и вдруг дорога передо мной взорвалась. Над асфальтом расцвели гроздья оранжевых шаровых молний, взметнулся ревущий, ярко-синий огненный гейзер.

Ой, бли-и-ин. Я узнал оружие по почерку. ПЛАЗМО-ПУШКА. Нажав на тормоз, я попытался заложить вираж и развернуться на 180 градусов. Получилось.

Залп мини-артиллерийских орудий прошил асфальт справа

от меня. Дорога позади взлетела на воздух, сгорела в оранжево-голубом пламени уже знакомых мне молний и гейзеров.

Вот так, нежданно-негаданно, мне пришел каюк. Я завяз, как в ловушке, на стоярдовом отрезке свободно парящего в пространстве виртуального виадука. С обеих сторон от дороги остались лишь дымящиеся руины. Единственный выход — прыгать. Прислонив мотоцикл к ближайшим перилам, я поглядел вниз. Далеко-далеко подо мной мелькнула стая птеродактилей, гнавшихся за эскадрильей крохотных одномоторных самолетов-истребителей. Токси-Таун остался на дне пропасти — на глубине в милю с лишним. К тому же мне было кристально ясно, что раз я нахожусь на виадуке, а виадук парит себе в воздухе безо всякой видимой опоры и ни фига не падает, гравитация тут с бо-ольшими причудами.

Достав из кармана свой виртуальный кольт 45-го калибра, я проверил боезапас. Семь патронов. Не бог весть какая защита от неизвестного злодея с плазмопушкой, но черт возьми, я хотел заглянуть в лицо моему противнику ДО ТОГО, как меня выпрут в реальное время коленкой под зад.

И неизвестный противник пошел навстречу моим желаниям. Я еще подыскивал себе удачную оборонительную позицию, когда воздух над дальними перилами засветился, бронированное поле сверхневидимости постепенно отключилось и колоссальный боевой робот крайне страхолюдного вида, фракталируя, обрел зримые очертания. Я дал по нему несколько выстрелов — так, наудачу. Виртуальные пули отскочили рикошетом от блестящего, хромированного корпуса робота — и все дела.

Подождав, пока я отстреляюсь и опущу кольт, робот опустил дуло своей плазмопушки, втянул разгоряченную мини-артиллерию обратно в корпус и морфировал в…

В ЭЛИЗУ.

Ей-богу, я предпочел бы робота.

— Привет, Макс, — проговорила она, ступая по дымящемуся, выщербленному, изуродованному пулями и снарядами виртуальному асфальту. — Давно не виделись.

— Можно было и дольше, — брякнул я. И задумался о двух последних патронах в обойме моего кольта: успею ли я поднять револьвер и выстрелить до того, как она морфирует обратно в робота или кого похуже. Остановившись футах в шести от меня, Элиза уставилась на меня с гримасой, какие обычно приберегают для рассматривания отвратительных насекомых, насаженных на булавки.

Я отплатил ей тем же. Сейчас Элиза опять была в режиме «Арийская принцесса» — тоненькая, худенькая эльфийка-

тростинка… ох, блин, тощая, аж жуть. Рост — пять футов с кепкой. Фигура, которая не пошла бы даже десятилетнему мальчишке. Колорит — совсем альбиноска, если б не голубые льдинки глаз. Белые волосы были еще короче, чем мне запомнилось: просто тычинки какие-то на голове.

По шкале от одного до десяти она заслуживала оценку «минус три».

Я решил нарушить тишину:

— Говорили, ты умерла.

— Выздоровела.

Безмолвное противостояние сил продлилось еще минуту.

— Вчера я была в «Раю», — сообщила она. — Искала тебя. Разве Сэм тебе не сказал?

— Сказал. У меня были другие планы. Элиза исчезла.

— Знаю я про твои планы, — проговорила она у меня за спиной. Я крутанулся на каблуках. Ее там не было — точнее, не было видно. — Я тебя выследила.

Опять за спиной! Я вновь обернулся. Медленно-медленно Элиза вновь вернулась в зримый режим. Если она меня выследила, то как минимум знает, что я был с Амбер. А раз уж ей удалось перехватить меня здесь, это значит, что она вчера прогулялась вместе со мной до квартиры Амбер и подглядывала в замочную скважину. И слушала под дверью. До меня наконец-то дошло, чего это она так разозлилась.

И все же МАКС**УСУПЕРУ** надо позаботиться об имидже.

— Ну и как? Рада?

Закусив нижнюю губу, она сощурила свои ледяные глаза и взмахнула в воздухе костлявым кулачком. И все же, сделав над собой усилие, медленно разжала кулак, отдышалась:

— Ты дерьмо, Макс. Вы с Амбер друг друга стоите. — Элиза плотно сжала губы, в глазах блеснула звериная ненависть. — Но… — постепенно из-под льда проступили проталинки. — Но когда-то, давным-давно я тебя любила, и потому — переступив через себя — хочу тебя предупредить. Макс, ты сам не понимаешь, во что ввязался. Эта сука Амбер тебе не по зубам.

Похоже, Элиза сочла, что это сообщение все объясняет. А потому скрестила на груди руки, презрительно фыркнула и замерла, ожидая, что я отвечу.

Я ответил — точнее, ответил Макс:

— Это, что, ваши бабские штучки? Ревнуешь?

— Р-Р-Р-Р-Р! — Не знаю уж, в кого Элиза начала морфировать, но когти и клыки у этой твари были ого-го. Слава Богу, тут Элиза совладала с собой и морфировала обратно. — С-с-с-волочь! — прошипела она, когда ее внешность вновь

стабилизировалась. — Я только начинала! Ты был моим первым виртуальным любовником! Я тебе верила!

— Ну-у, — пожал я плечами, — в виртуальной реальности и любви все средства хороши.

— АХ ТЫ… — Она вновь исчезла, на сей раз — взметнувшись к небесам огненным столбом. Огонь превратился в дым, дым — в облако, а облако просыпалось вниз медленным, каким-то пыльным снегопадом. — Какая же ты скотина. Макс Супер, — лепетал снег, падая на асфальт. — Я тебе кое-что скажу, потому что сама себе поклялась, что это тебе скажу. Но надеюсь от всего сердца, что ты меня не послушаешь. Макс, Амбер — пользовательница. Она использует тебя на полную катушку, она высосет из тебя все соки, а потом вырвет твое сердце и скормит стервятникам. Макс, она служит злу. И она гораздо могущественнее, чем делает вид перед тобой. Побереги свою шкуру, Макс. ДЕРЖИСЬ ОТ НЕЕ ПОДАЛЬШЕ. — Снегопад прекратился. Внезапный порыв холодного ветра вновь поднял ледяные кристаллики в воздух.

— Зачем ты мне это говоришь? — крикнул я ветру. — Я тебя трахнул и бросил! Ты меня ненавидишь! С чего вдруг я тебе должен верить?

Ветер слепил в воздухе причудливый снежный смерч, из которого на миг проступили туманные контуры женского тела.

— Потому что ОНА меня тоже трахнула и бросила, — шепнул холодный ветер, — и ЕЕ я ненавижу еще сильнее.

Тут снежная женщина, распавшись на части, обернулась снежным ураганом, который умчался в виртуальное небо. Ветер утих. Вновь выглянуло виртуальное солнце.

Интересно. Определенно — очень интересно. Для существа, которое два года назад было зеленой ламерицей, Элиза сделала весьма впечатляющие успехи в искусстве морфирования. Восторженно покрутив головой, я вернулся к проблеме: «Как покинуть этот летучий обломок виртуального моста?» Оглянулся на мой «харлей».

«Харлея» больше не было. На его месте громоздилась куча деконструктивированного механического мусора. Рядом, начертанное автоматными очередями на виртуальном асфальте, красовалось послание:

«УДАЧНОЙ ПЕШЕЙ ПРОГУЛКИ, МАКС».

10. ТОЧНО МОСТ НАД ЗАТХЛОЙ ВОДОЙ.

Четверг, время местное. За утро мне позвонили трое. Во-первых, все тот же долбаный факс. Во-вторых, Катэ из отдела перераспределения трудовых ресурсов МДИ, которая напомнила, что у меня на руках осталась собственность компании в виде диска «Конформизм в одежде» и что вопрос обо мне не будет решен, пока я эту собственность не верну. В-третьих, Джозеф Ле-Мат (Гуннар) пригласил меня на ленч в одном ливанском ресторанчике в Нижнем городе.

Я избрал опцию номер три. Ленч с Ле-Матом.

Нижний город не следует путать с Токси-Тауном, хотя определенное сходство имеется. Нижний город существует в реальном пространстве, а большую часть времени и в реальном времени (правда, это не касается официантов в некоторых ресторанах и телефонных линий в некоторых муниципальных службах). В то же самое время, к чести Токси-Тауна, муниципальные власти Сент-Пола никогда не пытались «вновь вдохнуть в него жизнь».

А вот несчастному Нижнему городу искусственное дыхание делали. Неоднократно.

Район, прозванный Нижним городом, представляет собой былую восточную часть центра деловой активности города Сент-Пол. Его история уходит корнями в начало XIX века, когда остров Гарриет все еще был островом, река Миссисипи — границей между владениями племен оджибве (чиппева) и лакота (сиу), а некий нечистоплотный внутри и снаружи тип по имени Паррант-Свиноглаз поднялся вверх по реке, выискивая тихое местечко, чтобы устроить факторию и всю жизнь продавать коренным американцам третьесортное барахло и некондиционное виски.

Если вы посмотрите на топографическую карту нашей местности, то заметите, что река Миссисипи описывает громадную кривую в форме латинской буквы «S», которая рассекает самое сердце супермегаполиса Миннеаполис-Сент-Пол. Эта кривая ужасно похожа на колоссальный гидравлический затвор — ровно такой же, как на водоотводной трубе в вашей ванной. И функционирует она точно так же, как этот затвор. А именно: весь мусор, детрит и отходы, плывущие по Миссисипи, естественным путем оседают на северном берегу нижней петли, как раз там, где, будь это канализация, находилось бы отверстие для чистки. Запах замечательный — особенно в середине лета,

когда дни длинные и жаркие.

И разумеется, именно в этой точке Паррант-Свиноглаз соблаговолил возвести свою факторию и тем самым основать населенный пункт, который в итоге превратился в город Сент-Пол. Поселенцы второй волны, отличавшиеся более щепетильным обонянием, чем Паррант, а также осознававшие риск строительства на пологих берегах реки и законы рынка недвижимости, мудро предпочли перенести город на холмы выше Нижнего города и переименовать свой населенный пункт по первой церковной миссии в этой области.

Но факт остается фактом: Нижний город — изначальное коммерческое ядро города Сент-Пол. Изобилие старинных зданий и постоянно, но безуспешно ремонтируемые мостовые помогают ему во многом сохранить тот же облик, что и в начале XIX века: во времена охотников-трапперов, лодок-плоскодонок и транспорта на конной тяге.

В длинные жаркие летние дни к историческому облику присоединяется исторический запах.

Кофе был крепкий, сладкий и почти неудобоваримый. Поставив чашку, я взял вилку и начал возить ей в тарелке с фалафелью. Ле-Мат вновь попытался сразить меня своей нетерпеливой, нервной улыбкой.

Я решил помариновать его еще немножко:

— «Дом-Гора», говоришь?

— Джек, давай без предубеждений, а? Сощурившись, я уставился на Ле-Мата:

— Этому склепу как минимум сто пятьдесят лет.

— Точняк! — подтвердил он с энтузиазмом. — Крепко сработано! Нынче так разве строят?

— У меня для тебя новость, дружище. «ТАК» не строили со времен потопления «Мейна».

Ле-Мат нырнул в пучину отчаяния, но тут же отыскал на дне спасательный круг:

— Ну а какая разница? Ты все равно будешь безвылазно сидеть в виртуальной реальности.

— Ага, — кивнул я, — в ней самой. Доверху набью углем топки моей замечательной Машины Бэббиджа, а если вдруг понадобятся дополнительные вычислительные возможности, открою еще на четверть оборота газовый клапан — и готово! О, чудеса науки!

— Джек, — прошипел Ле-Мат. — Джек, на нас люди смотрят.

— Художники! — провозгласил я на весь зал. — Мы — художники-концептуалисты и устраиваем свою выставку в июне в…

С похвальным проворством все окружающие либо потребовали принести им счет, либо завели бурные, эмоциональные и громкие споры между собой.

— Искусство быть неслышным, — шепнул я Ле-Мату.

— Искусство не быть кретином, — парировал он. Сделав еще глоток кофе, я обнаружил, что его неудобоваримость как-то понизилась. — Ладно, давай серьезно, — резюмировал я вполголоса. — Нам понадобится масса энергии — и это как минимум. Проводка в этой халупе не подведет?

— Проводка была полностью заменена на современную в конце 80-х. ДВАДЦАТОГО ВЕКА.

— Хорошо, — кивнул я. — Ну а доступ к Сети?

— Установлен в 2003-м. Федеральный грант. Помнишь программу президента Гора по возрождению трущобных районов путем всеобщего выхода в Интернет? Сент-Пол потратил эти деньги на Интернетизацию Нижнего города.

Я вновь кивнул:

— Значит, мы, по сути, будем на пустом отростке. Нормально. А тарелка нам светит? Ле-Мат довольно ухмыльнулся:

— Я подобрал офис на верхнем этаже. Хозяин говорит: «Ставьте на крыше что угодно — хоть голубятню».

— Тоже может пригодиться, — я замолчал, пытаясь обдумать полученную от Ле-Мата информацию и найти в желудке место для остатков баклавы.

— У меня вопрос, — произнес я наконец. — Насколько я понимаю, мы потому офис тут и ищем, чтобы снять дешево, без промедления, без предоплаты и без любопытных хозяев. Если ты нашел такое клевое помещение, чего это владелец согласился на наши условия?

Ле-Мат подсыпал в кофе еще сахара, лениво размешал его и только после этого поднял на меня глаза:

— Потому что здание на девяносто процентов пустует. Разве нормальный человек захочет жить или работать в Нижнем городе?

Так я, собственно, и предполагал:

— Из-за бессмысленной, кровавой, ни своих ни чужих не разбирающей уличной преступности? Ле-Мат покачал головой:

— Нет, просто с автостоянками туго.

После ленча мы пошли в «Дом-Гору» и познакомились с владельцем: толстым лысым коротышкой по имени Джерри. Он устроил нам экскурсию по нашему потенциальному офису. Помещение это занимало, по сути, весь девятый этаж здания, и было оно огромное, пустое и похожее скорее на старый склад, чем

на офисы МДИ. Это последнее обстоятельство окончательно покорило мое сердце. Мы сказали Джерри, что, вероятно, часто будем работать по ночам и хотели бы отгородить одну-две спальни; он объяснил нам, что проживание в офисе — серьезное преступление против правил аренды, после чего показал нам кухню и прочие удобства, а также поведал, как замечательно обустроила свою площадь арендаторша — бухгалтерша одна — с пятого. На северной стороне мы обнаружили разбитое окно, что объясняло изобилие голубиных перьев и экскрементов на полу. Джерри пообещал немедленно навести порядок, после чего проводил нас к грузовому лифту и отвез в Подвал, Куда Уходит Умирать Офисная Мебель. Как выяснилось, многие прежние съемщики свалили, расплатившись за аренду мебелью вместо денег, и Джерри был готов одолжить нам все, что мы не поленимся волочь на девятый. Чисто случайно мы встретили на лестнице Инге Андерсон — ту самую бухгалтершу с пятого (кстати сказать, кроме нее, в здании арендаторов не было). Это оказалась одна из тех невысоких, пузатеньких, напрочь лишенных чувства юмора немолодых пепельных блондинок, которыми столь богата Миннесота. Стиль одежды традиционный: прабабушкино платье-мешок и белые кроссовки, волосы забраны в пучок. Правда, г-жа Андерсон имела одно весьма оригинальное свойство: не знаю уж, почему, но ее появление не поколебало уровень тестостерона в крови Ле-Мата. Доселе мне казалось, что это происходит при его встрече с любым двуногим женского пола, еще не потревоженным ножом паталогоанатома.

Экскурсия завершилась у нас на девятом — мы послушали, как воркуют на чердаке голуби. Потирая руки, Джерри глянул на меня:

— Ну и что вы надумали?

Пожав плечами, я поглядел на Ле-Мата.

Между нами пролетел голубь.

— Э-э-э, кстати об этих птичках, — протянул Ле-Мат.

— Я звонил в мэрию, — пробурчал Джерри, — и в отделе животных мне сказали, что это голуби городские подкрышные. Подлежат защите по закону о перелетных певчих птицах. — Покосившись на меня, он наклонился к коленям Ле-Мата и прошипел заговорщическим шепотом: — Но по мне, это просто долбаные крысы с крыльями, и я не буду плакать, если они безвременно подохнут.

Выпрямившись, он ухмыльнулся:

— Конечно, я ничего такого не говорил.

— Разумеется, — кивнул Ле-Мат. — Капканы? Яд? Джерри пожал плечами:

— По мне, блин, хоть тир здесь организуйте. Ле-Мат широко заулыбался. О нет. Эта улыбка была мне хорошо знакома. И означала она только одно: «СТВОЛЫ». Такую улыбку Ле-Мат берег лишь для тех случаев, когда ему представлялся шанс пострелять из своей коллекции.

Он обернулся ко мне, весь сияя от своей идиотской улыбки:

— Мне тут нравится, Джек. А как тебе? Я вздохнул, в очередной раз задумавшись, в какое безобразие ввязываюсь:

— Наверно, арендуем, — сказал я Джерри. Спустившись вниз, мы расстались. Ле-Мат оставил свой городской мини-танк на охраняемой стоянке у ресторана, а моя «тойота» стояла в переулке у парка Мерза. Местечко это было относительно опасное. Даже в будни, средь бела дня, несмотря на отлично видимые наряды полиции, патрулировавшие по парку, новые наркоманы то и дело выползали из автовокзала и, заблудившись, шлепали по улице Огайо в парк Мерза. А надо им было — по улице Отто в Дом Облагораживания, где бы их встретили с распростертыми объятиями и немедленно бы приняли в партию демократов.

Издали моя машина выглядела невредимой. Но подойдя поближе, я обнаружил, что дверца распахнута, и ускорил шаг. Последние несколько ярдов, разглядев следы взлома, я пробежал во весь опор.

Обнаружив на сиденье новый радиоприемник и написанную каракулями записку, из которой следовало, что взломщик с одного взгляда на мою машину понял: новый приемник мне нужнее, чем ему, я… Собственно, я всего лишь философски пожал плечами. И поехал домой..

В тот же вечер Ле-Мат возник в дверях матушкиного дома — через тридцать секунд после того, как мне принесли пиццу.

— Все ништяк, — сообщил он, когда мы вдвоем пронесли пиццу сорта «Пепперони-пока-не-лопнешь» мимо окончательно перезревшего лотка Истеркиски в мою комнату, где нас ждали две заиндевевшие банки имбирного пива. — Я создал нашу фирму и открыл счет в «Мидвест-Федерал». Учредителями числимся мы оба. Сходишь как-нибудь потом, распишешься, ладно?

Я откусил кусок горячей, жирной пиццы и проглотил, не прожевывая:

— Ну, и как ты в итоге обозвал нашу фирму? Ле-Мат воровато покосился на меня, точно вычисляя, как уйти от этой темы.

— «Компьютек», — признался он наконец.

— Гадость, — сказал я.

— Знаю. — Ле-Мат отщипнул новый сегмент от плато

расплавленной моцареллы и отправил в рот.

— Пустышка, а не название, — продолжал я. — Чем может заниматься фирма с именем «Компьютек»? Да чем угодно!

Давясь пиццей, Ле-Мат выхлестнул полбанкй пива, после чего промычал:

— Того я и хотел, Джек.

— Вот «Семерка смелых-Энтерпрайз» — это я понимаю, имя.

— Имя — только дурацкое, — рявкнул Ле-Мат. — Зачем я вообще фирму создал? Чтобы Вермишелли переводил деньги, не зная наших фамилий. Нам нужно серое название, которое просто растворится в шумовом фоне.

— И все равно гадость это, а не название.

— Прими мои соболезнования. — Тут с его куска пиццы начал облезать верхний слой, но Ле-Мат ловко сложил пиццу вдвое и торопливо запихал в рот. — Я это название и на счет поставил, и дону Вермишелли сообщил.

Я чуть не поперхнулся.

— Ты… ты его уже видел?

— Лучше! Он уже получил от Амбер деньги. Завтра их переведут на наш счет.

— Быстро работают, — восхищенно вымолвил я.

— Быстро, говоришь? Я тебе еще лучше скажу — железо для нового интерфейса Амбер уже в пути. Завтра около полудня должны доставить.

Что-то во всем этом меня сильно смутило. Я откусил еще пиццы и, жуя, принялся переваривать новую информацию.

— Прощенья просим, — процедил я, сообразив, что к чему. — На кой черт весь этот финансовый балаган, если ты дал Амбер наш АДРЕС?

Ле-Мат ухмыльнулся. Полная пасть сыра с помидорами — жуткое, надо вам сказать, зрелище.

— Не-ет, Амбер я дал адрес абонентского ящика. Она послала туда свои железки; а один из вермишелльевских мальчиков их забрал и переслал нам. Чтобы проследить путь посылки, Амбер придется организовать перемирие между почтой и «Федерал экспресс», а это дело дохлое. Палестинцев с «Моссадом» объединить — и то легче.

Прикончив свой ломоть пиццы, я облизал с пальцев соус и вытер руки об штаны.

— Значит… — произнес я после долгой паузы. — —Значит, началось, да?

Ле-Мат аккуратно поставил свою банку с пивом и рыгнул от всего сердца:

— И еще как началось, сукин ты сын! Я поглядел на него,

вздохнул и решился сказать правду:

— Что-то мне страшно, Джозеф. А тебе? Ле-Мат опять рыгнул:

— И еще как страшно! Б-р-р-ры!

— Слушай, мы тут так можем влипнуть — как в дерьмо динозавра. Ты об этом не думал?

На рыгание у Ле-Мата уже не хватало газов, и он просто проговорил:

— Думал-думал. Отличное средство от нарколепсии. Вчера я всю ночь прокуковал — и никакой сонливости. И пропотел славно.

— Ага, понятно, — кивнул я.

Мы оба замолчали. В этот миг беспомощности ко мне сзади подкралась еще одна мыслишка — и все мелкие рудиментарные шерстинки на моем затылке ошалело вскочили по стойке «смирно».

— Слышь, Гуннар. Ты ведь в «Раю» с доном Вермишелли встречался, верно?

Ле-Мат кивнул.

— Вот что… э-э-э… Когда ты там был, ты не заметил в толпе… э-э-э… Элизы? Ле-Мат побелел:

— Элиза? Я думал, она умерла.

— Выздоровела.

Ле-Мат уронил пиццу, над которой трудился, уперся подбородком в свою сальную ладонь и уставился на меня, как олень, играющий в «гляделки» с летящими на него фарами.

— Что, и ОНА в этом деле замешана? Я кивнул.

Ле-Мат безжизненно осел, точно мешок с гнилой картошкой.

— Ой, Боженька миленький, — вздохнул он. — Мамочка всегда говорила, что грехи мои выйдут мне боком.

Вначале мы планировали сразу после ужина перебросить кой-какую мебель из моего дома в офис. Однако весть о воскресении Элизы так расстроила Ле-Мата, что переезд был отложен до завтрашнего утра. Ле-Мат отправился к себе — палить по тарелкам. Я глянул на мой компьютер (разобранный в связи с переездом), пришел к выводу, что мне ужасно не хочется собирать его всего на один вечер, и отправился наверх — провести вечер в приятном обществе мамы.

Когда эта затея доказала свою несостоятельность, я вернулся к себе, зарядил «рид-мэн» «Конформизмом в одежде» и перепрыгнул на…

Глава 9: Киберпанковская модальность

Слово «киберпанк» впервые появилось не ранее 1980 года. Поскольку сейчас у нас на дворе год 2005, давно пора признать,

что киберпанк больше не является радикальным мировоззрением будущего. Он давно превратился в торговую марку и — что более важно — в ОБЩЕПРИЗНАННЫЙ СТИЛЬ, в своем роде не менее строгий, чем ИБМ-овский кодекс «синий-костюм-черные-ботинки».

Имея это в виду, легко выделить основные параметры стиля «киберпанк». А именно:

1/ СОЦИАЛЬНЫЙ НОНКОНФОРМИЗМ, выражающийся в необычных прическах.

2/ УСТРЕМЛЕННОСТЬ В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ, выражающееся в пирсинге и вживленных протезах.

3/ УГРЮМАЯ ТУПОСТЬ, о чем свидетельствует второе пришествие моды на психоделические наркотики.

4/ ОСКОРБЛЕНИЕ И ПОДРЫВАНИЕ УСТОЕВ ОБЩЕСТВА, выражающееся в областях поп-музыки и индивидуального аудиосамовыражения

Отвлечемся на время от очевидных недостатков параметра номер 3 (история давно доказала, что наркотики не прибавляют ни ума, ни сексуальности, зато увеличивают глупость и бедность), о также от полного краха параметра номер 4 (когда песня Простохера Серфера «Древнетехасская тоска» становится главной темой рекламной кампании фирмы «Нойк», как-то сложно считать музыку социальной диверсией) и рассмотрим параметры номер 1 и 2.

Правда, что необычная прическа — все равно что татуировка «чудик» на лбу. Но в наше время люди стали вежливые, пальцем показывать и хихикать не будут, так что, черт возьми, валяйте.

Что до пирсинга, то медицина давно уже доказала вредные последствия внедрения инородных предметов в человеческое тело. К счастью, сейчас легко купить самые разные «серьги» и «протезы» на клею и магнитах, созданные специально для тех, кто не хочет отставать от технократической моды на работе, но наслаждаться нормальной жизнью по вечерам и в выходные. Если же вам все же хочется сделать настоящий пирсинг, но вы живете в северных штатах, где зимой поднимается уровень статического электричества, имейте в виду: если, покатавшись по шерстяному ковру, случайно соприкоснуться вашей окольцованной бровью с полом, ощущение будет неописуемое и незабываемое.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ: Если же вы желаете дополнить стиль «киберпанк» аксессуарами других течений, будьте осторожны вдвойне. К примеру, пирсинг сосков ну никак не сочетается с железными кольчугами. Доказано на многолетнем опыте.

11. ЖЕЛЕЗНЫЙ ДЖЕК

Мой знакомый факс меня, как всегда, не подвел — разбудил ровно в семь. Часов в восемь появился Ле-Мат с пикапом и мешком пончиков. К одиннадцати мы успешно осуществили и перевозку первой партии имущества в центральный офис всемирной компании «Компьютек», и первую археологическую экспедицию в Подвал, Забытый Временем. Добытые сокровища: три одинаковых синих пластиковых стула, стол компьютерный, стол письменный, кофеварка говорящая (оповещающая песенкой «Dont't worry, be happy» о том, что жидкость сварена). Географические открытия: когда яркие лучи солнца высветили пол в восточном конце нашего офиса, оказалось, что он покрыт не венецианской мозаикой (как нам обоим показалось вчера), а многолетними наслоениями голубиного гуано. Мы решили проигнорировать этот факт — места и так много, но Ле-Мат достал из укромного места свой пятимиллиметровый пневматический пистолет и минут тридцать палил по потолку, как только слышал «гули-гули». Тридцать восемь кафельных плиток были расстреляны в упор.

Примерно в 11.30 мы устроили перерыв, снизошли до улицы и разжились сэндвичами в ближайшем кафе. На обратном пути мы опять встретили Инге Андерсон, тетку с пятого этажа. Она, видимо, спешила на архиважное деловое свидание (узкая юбка, колготки с лайкрой, белые кроссовки) и сделала вид, что нас не узнала.

Как и было обещано, курьерша с железом для суперновейшего интерфейса Амбер явилась точно в полдень. Коробка была большая, как от микроволновой печи, но довольно легкая — судя по тому, как курьерша ей непринужденно размахивала. Пока курьерша не ушла, мы держали себя в руках, но как только…

— ЗДРАВСТВУЙ, ДЕДУШКА МОРОЗ! — возопил Ле-Мат. Мы набросились на коробку, как восьмилетние мальчишки. — Погляди! Погляди! — выудив из пенопластовых «козьих горошков» нечто таинственное, Ле-Мат помахал им в воздухе: — Новейшие видеоочки с повышенным разрешением типа «паутинка»!

Запустив обе руки в коробку, я нащупал еще одно «нечто»:

— Нет, ты погляди! Новые лайковые пьезоэлектрические перчатки до локтя!

Смахнув на пол груду пенопласто-лапши, Ле-Мат дернул за кончик пластикового пакета, который покоился под ней.

— Нет, ты погляди! — Тут он замялся, пригляделся к пакету поближе. — Это же полная ЭКГ-сбруя и головная сетка с электродами!

— Нет, ты погляди, — не уступал я, вытаскивая штуковину, которая оказалась первым звеном гирлянды из пяти разнообразных штуковин. — Стереошлемофон с шестиосными ртутными датчиками положения головы и мультиплексным устройством близкодистанционного радиодоступа к Сети?

— Нет, ты гляди! — Ле-Мат брезгливо держал двумя пальцами следующий объект. — Противогрибковые пьезоэлектрические инфогольфы.

За гольфами тянулся шлейф материи.

— А-а, и подобранное под цвет инфобелье. Спасибо, давно мечтал такое надеть.

— Нет, ты гляди, — протянул я устало, отловив на дне коробки какой-то большой, тяжелый, цилиндрический предмет. — Это же… это… что это за хрень, а?

— Слышь, Джек, — обратился ко мне Ле-Мат, — а ты не видел чего-нибудь, хоть смутно похожего на инструкцию?

Я показал на коричневый, плотно набитый конверт с надписью: «Прочти меня скорей», валявшийся там, куда я его швырнул — в мусорной корзине. — Извини. Это я инстинктивно.

Ле-Мат достал конверт, надорвал его. И, вновь посерьезнев, мы принялись за дело и все мысленно разложили по полочкам (а физически — по плоским поверхностям стола и пола), после чего уселись и принялись за еще более серьезное дело — размышление о том, что же мы, собственно, тут разложили.

— Хм-м-м, — заявил Ле-Мат. После чего поудобнее развалился на своем пластиковом стуле, поднял глаза от документации и погладил подбородок. — Ты знал, что эта фигня родилась в биомедицинском подразделении МДИ?

— Я даже не знал, что в МДИ вообще есть биомедицинское подразделение. — С этими словами я решил не тратить время зря на три непонятные интерфейс-карты, отрытые со дна коробки, положил их на пол (не без труда, ибо я сидел на стуле, закинув ноги на стол) и переключился на мультимедийную продукцию.

— Но гляди, какая фишка, — Ле-Мат ткнул пальцем в одну из строчек, — никаких официальных тестов интерфейс не проходил. Судя по всему, его даже не представляли на испытательную комиссию.

Я покрутил диск на пальце, наблюдая, как солнечные лучи, встречаясь с его поверхностью, превращаются в маленькие радуги. Разумеется, я уже разобрался бы с этим софтом, если бы Ле-Мат мне позволил засунуть его в машину и

проинсталлировать, но он строго-настрого запретил мне даже класть диск рядом с компьютером, пока он не дочитает инструкции. Я пытался объяснить, что у меня стояли лучшие вирусоловки и просмотрщики, какие только удалось вскрыть светлейшим умам человечества, но не-е-е-ет…

— В применении к нам это означает, — продолжал Ле-Мат, отвечая на НЕ заданный мной вопрос, — что этот интерфейс — нелегальный в квадрате. Мало того что краденый — а что он краденый, я теперь не сомневаюсь… — так создатели еще и не имеют никакого юридического права допускать к нему людей. Значит, он опасен.

Я положил диск назад в футляр, поглядел на Ле-Мата, пожал плечами:

— Ну и? Мы что, спасуем перед такой мелочью? Ле-Мат захлопнул инструкцию, на минуту задумался. Приосанился, расправил плечи.

— Нетушки, — процедил он и указал на пакетики из пузырчатой пленки, валяющиеся на полу. — Передай мне эти карточки, будь так добр.

Работа отняла весь день: мы установили интерфейсы в мой компьютер, прогнали софт через мои вирусоочистители, все инсталлировали, все отконфигурировали… А потом еще час подвергали конфигурированный софт всем тестам на разрушение, какие только смогли найти, — проверяли, не прячутся ли под рабочей программой логические бомбы или агрессивные модели поведения. И лишь удовлетворившись, что все функционирует как надо, начали баловаться с биологической стороной интерфейса. Разумеется, тут же разгорелся пятиминутный спор о том, кто будет первым испытателем, но мы в итоге решили вопрос при помощи бинарного металлического устройства принятия решений. Другими словами, подбросили монетку. Я выиграл.

Как оказалось, пьезоэлектрические перчатки были изготовлены из какого-то умопомрачительного по всем параметрам материала (НО НЕ ИЗ ЛАЙКИ). Черные, легкие, на ощупь они представляли собой гибрид «спандекса» и мелкозернистой наждачной бумаги. Впрочем, они прилипали к коже и облегали ее так ловко, что через несколько минут я и сам забыл, что на мне перчатки — только руки у меня теперь были черные и блестящие. На пробу Ле-Мат уронил на пол монетку. Я поднял ее безо всякого труда.

— Это тебе не старые драные хоккейные инфорукавички, верно? — расхохотался Ле-Мат. Я улыбнулся в ответ:

— Как там у тебя с деньгами? Может, еще уронишь, типа, двадцатку? Чисто для пробы, сам понимаешь.

— А то, — ухмыльнулся Ле-Мат, но за бумажником не полез.

Затем, сняв свои красные кроссовки и белые носки, я примерил инфогольфы. Как и инфоперчатки, спустя несколько минут они прилипли ко мне, как вторая кожа.

Оторвавшись от инструкции, Ле-Мат заявил:

— Ты чего не обуваешься? По идее, это ни на что не повлияет.

— Не-ет, — замотал я головой, — что-то неохота. Не знаю, в чем тут штука, но эти гольфы… В них очень приятно. Обувь все испортит.

— Я тебя понимаю, — кивнул Ле-Мат. — Я то же самое почувствовал, когда впервые примерил антицеллюлитные рейтузы.

Я опасливо попрыгал по деревянным половицам. Что-что, а сила сцепления у инфогольфов была отличная.

— Ладно, что у нас там дальше?

Покопавшись в кучке аксессуаров на столе, Ле-Мат выбрал еще один полиэтиленовый пакет с чем-то черным и матерчатым.

— Снимай майку, — и надорвал пакет.

— Ох ты господи, — пробурчал я, но повиновался. — Это что, инфовласяница?

— Нет, больше похоже на… — Ле-Мат осекся.

— Гуннар? — окончательно освободившись от майки, я швырнул ее на стол. — Гуннар, что случилось?

— Джек, — тихо отозвался он. — Иди лучше сам посмотри.

Заглянув через его плечо, я воззрился на сверкающий черный предмет, который он достал из пакета. То была не инфомайка.

А вовсе даже ИНФОЛИФЧИК.

— А знаешь, — промолвил я, — по-моему, право на твоей стороне. Ты мой старший, более опытный партнер. Полагаю, ты должен его примерить первым.

Ле-Мат торжественно покачал головой:

— Не ерунди, Джек. Ты честно выиграл в жеребьевке. Разве я вправе отнять у тебя такое увлекательное приключение? — и протянул черный лифчик мне.

Я прибег к своей лучшей обезоруживающей:

— Но ты мой друг и окажешь мне огромную честь, если примешь этот маленький знак моей признательности за то, что столько лет со мной дружишь. Ну пожалуйста! Ты это заслужил в отличие от меня. — С этими словами я попытался силой всучить лифчик назад Гуннару.

Но тот, стоически скрестив на груди руки, отказывался наотрез.

— Носи свою честь, пока рак на горе свистнет, — заявил он,

— но я этого на себя не напялю. Так что либо надевай сам, либо позвони прямо сейчас Амбер и скажи ей, что сделка отменяется.

Я поглядел на Гуннара. Он не шутил. Я поглядел на инфолифчик. Он был похож скорее на вещичку из каталога «Секрет Виктории», чем на электронное устройство. Я скользнул взглядом по темным окнам на девятом этаже дома напротив — там помещалась Дровяная Биржа. День недели — пятница, время — полседьмого…

— Так и быть, — решился я. — Только дверь запри. И поклянись, что завтра же мы повесим шторы.

— Клянусь, — чопорно кивнул Ле-Мат. Клятвами его участие не ограничилось. Ему пришлось помогать мне с крючками. Снимать лифчики мне уже доводилось (не с себя, разумеется), а вот НАДЕВАТЬ…

— Спасибо, — сказал я с чувством, когда все было застегнуто и прилажено. — Знай — только настоящий друг может подвергнуть тебя такому унижению. Надеюсь, в один прекрасный день мне удастся отплатить тебе услугой за услугу. Ладно, что там на очереди?

Вприпрыжку я добрался до стола, где мы все сложили, и принялся облачаться. Ле-Мат раскрыл инструкцию на списке снаряжения.

— Шлемофон? — вопрошал он.

— Есть.

— Датчики положения черепа?

— Есть.

— Датчики валового коэффициента движения?

— Есть.

— Видеоочки?

— Есть.

— Волоконно-оптическая дорсальная сетка?

— Погоди. — Я все еще возился с видеоочками. Действительно, весили они не больше паутинки, но я в них просто ни черта не видел. И только слышал, как Ле-Мат яростно листает страницы.

— Регулятор прозрачности, — сообщил он, — справа, прямо у твоего виска. Чем ниже, тем яснее.

Найдя регулятор, я сдвинул его загогулину вниз. И вновь прозрел.

— Ништяк. — Ле-Мат вновь вернулся к списку. — Ну, как там с волоконной сбруей?

Я пощупал локти, ребра, коленки и уши. Части интерфейса были связаны между собой тоненькими оптическими волоконцами, которые при всей своей мнимой хлипкости явно

работали как надо.

— Есть.

— Сетевой пояс-рация?

— Есть.

— Инфотрусы?

— ЧЕ-ГО-0-0?

Ле-Мат опустил книгу, поглядел на меня, потом опять в список, потом опять на меня. Это повторилось несколько раз.

— О Боже, — протянул он наконец. — Одну вещь проглядели.

Он прошлепал к коробке на полу и, порывшись в пенопластовой лапше, швырнул мне еще один полиэтиленовый пакет:

— Валяй. Снимай штаны и надевай. Я надорвал пакет, хотя и так прекрасно видел, что в нем: черные блестящие трусики-бикини из двух шнурочков.

— Блин, чего только не сделаешь ради карьеры, — пробормотал я. Повернулся спиной к Ле-Мату. Снял джинсы и трусы. Влез в бикини. Как ни странно, ткань растянулась, и мой срам оказался прикрыт. Одновременно я обнаружил, что гольфы провисли, и подтянул их — до половины бедра. Вновь подключив оптические волокна к поясу-рации, я развернулся:

— Ну как я выгляжу?

Ле-Мат воззрился на меня с серьезным видом — но через десять секунд не выдержал.

— К-кх-к-как самый высоко-ой-не-могу-тех-технологический тра-а-ха-ха — трансвестит н-на свете! — Ле-Мат один раз брызнул на меня слюной, дважды схватился за живот, уронил инструкцию и мешком повалился на пол. Слезы текли по его лицу широкими струями, лицо побагровело, точно его удар хватил.

— Спасибо тебе огромное, — произнес я, подойдя на цыпочках к его поверженному телу и победив нечеловечески сильное искушение пнуть его под ребра. — Знай: если это сердечный приступ, ты точно помрешь.

Ле-Мат вытер слезы с глаз, не без труда овладел собой и, покосившись на меня, вновь покатился по полу, обливаясь слюной и фыркая.

— Прости, Джек, — выдохнул он, отсмеявшись, похоже, на всю оставшуюся жизнь. — Но теперь я понимаю, почему Амбер — а-ха-ха-ха! — решила заплатить тебе миллион. Надо было два просить!

Выждав, пока Ле-Мат выведет все смешинки из своего организма, я помог ему встать. — Ладно, еще что-нибудь осталось?

— Только об-во-ро-жи-тель-ны-е красненькие туфельки на

шпильке. Тебе о…

— ЧЕ-ГО-0?

— Шутка. — Ле-Мат взял со стола ремни с ЭКГ-датчиками. — Теперь напялим на тебя вот это и еще электроды на голову. К интерфейсу они не относятся — просто я буду следить за твоей жизнедеятельностью, так, на всякий пожарный.

Поразмыслив над подтекстом его слов, я заглянул Ле-Мату в глаза:

— Давай начистоту, Гуннар. Ты прочел все инструкции. Может случиться так, что эта хрень меня прикончит?

— ТОЛЬКО ЕСЛИ ТЫ В НЕЙ НА ЛЮДИ ВЫЙДЕШЬ! — вновь заржал Ле-Мат, но, споткнувшись об мой смертоносный взгляд, осекся.

— Серьезно, — произнес я спокойно, хоть и сквозь стиснутые зубы. — Ведь есть опасность, что какая-нибудь охранная программа, к примеру, изжарит мне мозги? Ну знаешь, летальный фидбэк?

— Вообще-то, Джек, — ответил Ле-Мат с не меньшим спокойствием, — если на минуту отвлечься от того факта, что конечное звено связи между тобой и твоим компьютером беспроводное, а потому опасно не больше, чем телевизионный пульт твоей мамаши, то следует заметить, что конструкторы учли вероятность выброса летального напряжения. Чтобы защититься от него, они снабдили свое детище удивительным миниатюрным встроенным устройством антиперенапряжения. Возможно, ты о нем даже слышал. Оно называется «пробка».

Докопавшись до глубинного смысла его слов, я захлопал глазами. Потом набрал в грудь воздуху и вздохнул:

— А-а-а…

— А теперь, если ты больше не хочешь проявлять невежество, — проговорил Ле-Мат, помахивая ЭКГ-ремнями и тюбиком с гелем-проводником, — пора и дело закончить.

Подняв руки кверху, я подставил Ле-Мату свое тело:

— Лепите ваши липучки. Док.

Спустя пятнадцать минут мой скальп и грудь были оклеены электродами, кабель монитора подключен к запасному каналу пояса-рации, и в окошечке на экране моего компьютера плясали четко видимые кривые моей сердечной и головно-мозговой деятельности.

— Вот видишь, Джек, — гордо указал на кривые Ле-Мат, — твоя биотелеметрия все время будет у меня на глазах. Я взял на себя вольность добавить кнопку тревоги: если вдруг хоть что-то задурит, просто нажму эту клавишу, — он ткнул в «F12», — программа вырубается, и ты опять в реальности.

Я кивнул:

— Ну а моя катапульта?

— «АТАС», что ли? Тоже работает. Только не забудь проорать это дело во всю глотку. Я подправил параметры, чтобы оно действовало лишь при громкости в сто три децибелы и выше. Твое счастье, что никто до сих пор не додумался виртуально замочить МАКС**АСУПЕРА** одним этим словечком.

М-да, в таком разрезе я об этом как-то не думал, но не мог не признать, что Ле-Мат прав. Слава Богу, признаваться в этом вслух было не обязательно.

Наклонившись к экрану, я ткнул в другое окошечко:

— Ну а это?

— Эхо-видеосвязь. Буду видеть все, что ты видишь.

— А это?

— Датчик сетевого графика. На тот случай, если эта лапочка, — он хлопнул по рации у меня за спиной, — запрограммирована на какую-нибудь гадость типа трансляции твоих координат.

Я обратил внимание на микровидеокамеру,, сидящую на левом боку монитора и нацеленную на кресло Ле-Мата:

— Значит, мне тебя будет видно?

— В верхнем правом углу твоего поля зрения будет окошечко со ставнями. Сможешь накладывать это дело, — Ле-Мат постучал по видеокамере, — на любую сцену.

Ле-Мат надел шлемофон.

— Слышно тоже будет — правда, не уверен, что сигнал шифруется.

— Значит, остерегаться телепатов?

— Именно.

В последний раз окинув взглядом экран, я обернулся к Ле-Мату:

— Ну что, пора, наверное…

— Нет еще, — помотал тот головой. — Последнюю часть подключить надо. — Улыбнувшись мне с самодовольным и снисходительным видом, гласившим, что с самого начала он держал джокера в рукаве, он отвесил изящный поклон и поднес к моим глазам…

— А, опять этот цилиндрик. Ты вообще разобрался, что это такое?

— А ТО! — гордо возгласил Ле-Мат. — Вашему вниманию предлагается тот единственный компонент, который и делает этот интерфейс революционной новинкой! Все, что вы видели до того, — лишь слегка улучшенные копии хорошо известных вам приборов, но это, сынок, нечто уникальное!

Я бестрепетно стоял, уперев руки в свои голые бока и

разглядывая Ле-Матов козырь:

— Да неужели? Ну и что это такое?

— Джек Берроуз, — торжественно протянул Ле-Мат, — позвольте познакомить вас с… — он что-то открутил и стало ясно, что цилиндрик — всего лишь футляр, — познакомить вас с Мондиальским устройством дигитальной индукции! — Вынув пресловутое устройство из футляра, он помахал им у меня перед носом.

— Похоже на огурец, — заметил я, попятившись. — Большой розовый огурец, и пупырышки есть, и стебель.

— Ага! — отозвался Ле-Мат. — Сознаюсь, вид у него несколько… э-э-э… фаллический. Но это устройство разрабатывалось два года на средства от мультимиллионнодолларового гранта Общества поощрения искусств! Отныне вам будет недостаточно просто видеть и слышать виртуальную реальность! Это устройство при помощи технологии дигитальной нейроиндукции позволит вам ощущать, обонять и вкушать ее!

— Ну ладно, — пробурчал я. — Ты это все к чему?

— Я это все к тому, Джек, что перед тобой не просто заурядная виртуальная указка-стрелялка. Мондиальское устройство дигитальной индукции, — он снова помахал огурцом перед моим носом, а я отпихнул его руку, — это первый полностью отлаженный аналитически-танцевальный интерфейс! А-а.

— Звучит красиво, — заявил я. — Думаю, клубная тусовка его с руками оторвет. Еще круче, чем экстази.

Ле-Мат покачал головой — но, к счастью, воздержался от лекции на тему «Врожденная узость кругозора».

— Ох, Джек, — сказал он вместо этого. — Боюсь, единственный способ тебя убедить — это подключить его, чтоб ты сам опробовал. Повернись.

Я замешкался. Ле-Мат покрутил в воздухе пальцем.

— ПО-ВЕР-НИСЬ, Джек. Я повернулся к Ле-Мату спиной, и он начал возиться с моей рацией.

— «Стебелек», как ты изволил выразиться, просто подключается во-о-от сюда, а устройство индукции просто вставляется в… в… — Тут он сунул розовый огурец мне в руку. — Подержи минутку, ладно?

Пробежав к рабочему столу, он зарылся в инструкции.

— Ага! — донеслось до меня.

Очень скоро раздалось новое междометие:

— Ого…

Прошла еще минута. — Охо-хо-хо-хо…

Я обернулся. Ле-Мат, выпучив глаза, пялился в инструкцию и потирал лоб с таким видом, точно у него дико болела голова.

— Пардон? — окликнул я его. Ле-Мат поднял глаза.

— Ась? Что, Джек? — и попытался улыбнуться, Улыбка вышла страхолюдная.

— Ты мне не соизволишь объяснить, что случилось?

Ле-Мат покосился на инструкцию, хлюпнул носом и вновь попытался улыбнуться. — Ну-у… Понимаешь, Джек, я тут, кажется, как бы это…

— Ну, что ты такого сделал?

— Ну-у… Я, знаешь, упустил из виду одну мелкую деталь…

Мое терпение истощалось. А чего еще ждать, когда ты одет под кибернетического трансвестита и держишь в руках тринадцатидюймовый электронный огурец?!

— И что это за момент?

— Я тебе сказал, что эту штуку разработали по гранту ОПИ?

— Ну?

— Я… э-э-э… не сразу сообразил, какая именно балетная труппа этот грант получила.

Слова у меня иссякли. Я начал стучать об пол ногой.

— Склероз, понимаешь. А они были очень знамениты в свое время. ТУК. ТУК. ТУК.

— Точнее, «скандально известны». И с учетом этого обстоятельства нельзя удивляться, что устройство получилось вот такое.

ТУК.ТУК.ТУК.

— Я мог бы и раньше догадаться — там же сказано, что оно создано в биомедицинском подразделении ВНУТРЕННЕГО протезирования МДИ.

ТУК.ТУК.ТУК.

— Черным по белому написано. — Ле-Мат нервно помахал инструкцией. — Циркуляр из юридического отдела торговых марок МДИ. Они решили, что «Мондиальское устройство дигитальной индукции» — слишком длинно, а МУДИ — слишком смелая аббревиатура. — Он попытался еще раз улыбнуться (неубедительно). ТУК. ТУК. ТУК.

— Ну, вот они и решили придумать новое название. Группы мозгового штурма, все дела. И наконец выбрали самое, на их взгляд, подходящее.

ТУК!!!!! ТУИ!!!! ТУК!!!!!

— Джек, они нарекли его «Проктопрод». Моя нога окаменела в воздухе:

— Ка-а-ак?

— В соответствии с принципом работы. — Ле-Мат сглотнул

подступивший к горлу комок, отдышался, осмотрел пресловутое устройство со всех сторон и лишь затем, взглянув мне прямо в глаза, кивнул.

— Засовываешь его в задницу и пляшешь — вот и вся премудрость, Джек?

Точно бронзовая фигурка-автомат из тех, что украшают квазиантикварные часы, фигурка на ржавых шарнирах, я остолбенело, обмирая от ужаса повернул голову — и уставился на эту… эту розовую ГАДОСТЬ в моей правой руке.

— Хоть я и твой лучший друг, Джек, — произнес Ле-Мат, — но эту проблему, будь так добр, решай САМ.

12. ВВЕРХ ПО ЗАЗЕРКАЛЬЮ

Альтернативы, альтернативы. Миллион долларов. Интерфейс. Миллион долларов. Интерфейс.

Я поступил решительно. Обильно намазал «Проктопрод» гелем-проводником, нагнулся, обхватил свою правую щиколотку левой рукой и… о дальнейшем и вспомнить противно, не то что рассказывать.

Когда мы с Ле-Матом вновь встретились глазами, он был бледен как смерть. — Ты… э-э-э…

— Готов, — отрезал я. — Поехали.

Ле-Мат повернулся к компьютеру (как мне показалось, с чувством облегчения) и начал инициализацию.

— Интерфейс разблокирован, — бубнил он. — Видео в синхроне. Инфоперчатки… э-э-э, инфобе… ин-фо-о-деж-да разблокирована. Переходим на радиоуправление. — Он включил свой шлемофон в гнездо A/V. Я отрегулировал прозрачность своих очков до состояния «дымчатость».

— Загрузка виртуальной реальности по моей команде, — произнес Ле-Мат. — Три, два, один…

И я оказался ЧЕРТ-ТЕ ГДЕ.

Вообще-то я по-прежнему находился в нашем бескрайнем и пустынном офисе на девятом этаже «Дома-Горы» и стоял футах в двадцати от Ле-Мата, но мои чувства сообщали мне совсем иное. Если верить моим глазам и ушам, я стоял в огромном виртуальном «пространстве» (другого слова не подберешь) кубической формы (длина одной стороны — приблизительно сто метров). Стены, пол, потолок — все было черное. Правда, и стены, и пол были расчерчены решеткой из белых линий (клеточки ровно метр на метр). Пространство было абсолютно пустым, за исключением беспорядочной груды многогранников в дальнем левом углу.

Да, кстати — в мое тело был воткнут «Проктопрод». Не думайте, будто об этом факте органы чувств меня не информировали.

— Дже-ек? — шепнул мне в ухо Ле-Мат посредством шлемофона.

— От Джека слышу, — осадил я его.

— Ась?

— Макс, — прошипел я. — Теперь я — Макс Супер. Помнишь, ГУН-НАР?

— А-а. Ах да. Прости. — Гуннар на несколько секунд умолк. — Итак, Макс. Это вроде как наша тренировочная МПВшка?

— Ага.

— И как она? Откалибрована?

Я поглядел на пол, потом на правую стену.

— Да вроде. Метровая решетка похожа на метровую. Верх, низ, право, лево — все на месте.

— Потише шевели башкой. У меня уже морская болезнь начинается.

Я задумался, не предложить ли ему махнуться местами, но ограничился лишь лаконичным:

— Тады страдай.

— Ты прав, — смирился Гуннар. — Извини, больше не буду жаловаться. Ладно, следующий тест. На что похожа твоя внешность?

Я дотошно изучил свои руки и ноги, сделал несколько гимнастических упражнений, растрепал себе волосы и вообще предпринял все, что можно было сделать без зеркала. Похоже, все было в норме: черная куртка, черная рубашка, черные кожаные штаны, черные ботинки на шнуровке, сальный кок на голове, длинные бакенбарды.

— Я — Макс Супер, однозначно, — заключил я наконец, — но такое ощущение, будто все реальное во мне — голова да руки. Остальное какое-то мультяшное. Жидкое. В смысле, иллюзорное. Ни плотности, ни жесткости.

— Ладно, потом подправим, — буркнул Гуннар. — Начнем с самого главного. Попробуй сделать шаг.

Я сделал шаг. Шаг получился великолепно откалиброванный — ровно на один метр вперед.

— НИ ФИГА-А! — завопил в моей голове Гуннар. Я замер:

— Что такое?

— Ты правда движешься. Я хочу сказать — здесь. В реальности.

— Я ни обо что не споткнусь?

— В ближайшее время — нет. Но через двадцать футов врежешься в южную стену. Если все твои виртуальные передвижения будут совпадать с реальными, нам хана.

— И что ты предлагаешь? Гуннар похмыкал. Откашлялся:

— Попробуй пантомиму.

Повозиться пришлось немало, но наконец я придумал, как ходить по виртуальной реальности, не сходя с реального места. Я преодолел метров двадцать, до самой середины нашей виртуальной комнаты. — Ну как?

— Если не считать того, что ты вылитый Марсель Марсо из кабаре трансвеститов, — нормально. Попробуй походить навстречу ветру.

— Чего?

— Или покататься на велике. Нет, знаешь как давай: вообрази, что тебя заточили в огромной стеклянной банке и ты на ощупь пробираешься вдоль стенки.

— Гуннар?

— Да, Макс?

— Заткнись, Гуннар. Заткнись, и все, ладно? Несколько минут я прохаживался по комнате, поворачивался, вертелся — словом, осваивался в своем виртуальном теле. Спустя некоторое время «Проктопрод» перестал быть источником неисцелимых страданий, превратившись просто в досадное неудобство. Когда моя уверенность в себе достигла пристойного уровня, я взял курс на самую отдаленную от меня виртуальную стену и перешел к следующему этапу намеченных испытаний.

— Ладно, Гуннар, перехожу к бегу на месте. Набрав в грудь воздуха, я встал на цыпочки и попробовал перейти на стариковскую трусцу.

БАМ-М-М! Я вмазался в дальнюю стену с такой силой, что искры бы из глаз полетели — будь это в реальности. А так я ничего особенного не почувствовал, кроме легкого сотрясения в области э-э-э… грудной…

— Фьють! — присвистнул Гуннар. — Придержи коней, парень! Ну, как, получил кинетическую отдачу от лифчика?

— Угу. — Черт, зря мы не переименовали эту хреновину как-нибудь попристойнее… — Кстати, это я просто трусцой пробежался. Ты случаем не можешь засечь время на моем следующим забеге?

— Минутку, — раздалось клацанье клавиш. — Все, таймер включен. Стометровка сойдет?

— Ага. Иду на рекорд. Скажи, когда будешь готов.

— На старт, внимание… МАРШ!

Будь дальняя стена изготовлена не из самого виртуально-твердого материала в виртуальной вселенной — а, к примеру, из обычного цельного слитка закаленной стали в шесть футов толщиной, — я прошиб бы ее насквозь.

— Неслабо! — У Гуннара аж дух перехватило. — Ноль-запятая-два-пять-один-семь… — Макс, ты вышел за звуковой барьер! (Пауза). Ма-акс, ау?

— Все нормально. Просто… понимаешь, когда я о стену стукнулся, неприятные ощущения были — но не такие уж и сильные. Похоже, тут стоит какой-то хитрый амортизатор. — Я дотошно отсканировал свое виртуальное тело на предмет возможных разрушений. Ничегошеньки — даже рубашка не помялась. — Ладно, теперь многогранники, — Осторожно ступая,

я прошел в виртуальный угол, к подножию нашей горы многогранников и погрузился в размышления о том, с чего бы начать.

Тест с многогранниками мы придумали в последний момент, дабы проверить новый интерфейс в плане манипуляций с предметами. Смонтировали штук триста многогранников разной величины — от бейсбольного мяча до «фольксвагена» — и свалили их в углу нашего виртуального полигона. Буквально в последнюю секунду мы сообразили, что осязание интерфейса тоже неплохо опробовать. Надергали из библиотеки с десяток первых попавшихся текстур и налепили на все объекты, до которых смогли дотянуться.

И потому теперь я стоял перед горой из сучковатых сосновых кубиков, отполированных мраморных тетраэдронов, футбольных мячей из змеиной кожи и как минимум одного додекаэдрона из сырого мяса. Коэффициенты плотности и массы мы тоже раскидали, как бог на душу положил. К примеру, вот эта маленькая хромированная пирамидка у моих ног весила столько, что в реальности мигом прорвала бы ткань пространства-времени и вывалилась незнамо куда.

Я пнул пирамидку ногой. Она отлетела футов на тридцать.

— Макс? — раздался в моем ухе оклик Гуннара. — Ты что, вправду…

— Вправду. — Я нагнулся, схватил гранитный шар для кегельбана и зашвырнул его в дальний конец нашего стометрового зала. Шар вмазался в стену и разбился вдребезги. — Либо мы с калибровкой начудили, либо… тогда вообще ни фига не понимаю. — Я взобрался на гигантский куб из меха енота и начал ощупывать все, что мне попадалось под руку. — Осязательные ощущения очень четкие. Любую текстуру на ощупь узнаю.

Тут у меня в мозгу что-то щелкнуло, и я с особым тщанием пошевелил пальцами ног, ощупывая мех.

— Я даже ногами все чувствую — очень странно, если учесть, что подошва у моих ботинок толстая.

Заприметив десятью футами выше еще одну интересную текстуру, я забрался на икозаэдрон из молочного шоколада, чтобы до нее достать.

— Я могу… — Ой блин, нескольких дюймов не хватает. — Я могу… — Ухватившись за вершину некого невесть-сколько-гранника, я подтянулся повыше. — Я могу…

— ОСТОРОЖНО! — заорал Гуннар. Вершина обломилась. Что-то оторвалось и покатилось под горку. Вдогонку устремилось другое «что-то», и вся куча многогранников начала разваливаться.

Я спрыгнул с нее.

И рикошетом отскочил от потолка. Я ударился о пол в дальнем углу комнаты, бильярдным шаром отскочил от двух бортов и вновь поцеловался с потолком. Заметив, что меня несет обратно в самую гущу многогранного оползня, я взбунтовался и решил остановиться. В воздухе.

— Э-э-э, Хьюстон? — вопросил я. — Как видимость?

— Видимость отличная, дружок, — ответил Гуннар. — Вы… э-э-э… оказались в эпицентре локальной гравитационной аномалии… э-э-э… — Тут Гуннару надоело копировать глас НАСА. — Ох, Макс, сукин ты сын. Ты же… летаешь!

— Ага. Мне так тоже кажется. — На секунду-другую я задумался о своем местоположении. И испугался, что случится, как в мультике: как только до меня дойдет, что мои ноги ни на что не опираются, я свалюсь на пыльное дно каньона. Выбрав точку на почтительном расстоянии от беспокойных многогранников, я тихо-мирно совершил мягкую посадку — с грациозностью Барышникова в длинном прыжке. Мне мучительно захотелось раскланяться перед публикой.

Публика — в лице Гуннара — обалдело пыхтела.

— Ты взлетел, парень!

— Ну да. — Я угробил еще пару секунд на любование своим виртуальным телом, продумал до конца свою новую идею и распахнул виртуальное окошко, из которого выглядывало лицо Гуннара. — Слушай, помоги мне проверить на практике одну фишку. Можно сказать, что я преодолел стометровку… э-э-э… быстрее, чем пуля?

Блин. Я и забыл, что тема оружия всегда вгоняла Гуннара в режим буквализма. Почесав подбородок, он принялся вычислять:

— Ну, если стреляли из обычного ружья или пистолета, тогда да, — сообщил он. — А вот если 357-й «магнум» взять или там…

— Не важно. Следующий вопрос. Судя по результатам испытаний, с чем ты мог бы сравнить мою мощь?

— Гм-м-м-м, — загудел Гуннар. — Щас посчитаем: одна лошадиная сила равняется пятистам пятидесяти футо-фунтам в секунду…

— Оставь арифметику, — помотал я головой. — Скажи мне одно — как ты думаешь, меня можно поставить на одну доску с локомотивом? В плане мощи?

— А локомотив — это что? — обалдел Гуннар. Ой мама, как горох об стенку.

— Последний вопрос. Ты не мог бы мне здесь отзеркалить какое-нибудь высокое здание? Я хочу проверить, смогу ли через него перепрыгнуть одним махом.

— Погоди. — Отвернувшись, Гуннар начал долбить по клавишам. — Ага. Есть Белый дом, пирамида Хеопса и «Крайслер-Билдинг». Все должны поместиться. Какое выбираешь?

Бывали моменты, когда я не мог понять — дурак Гуннар или просто прикидывается.

— Ладно, давай сначала. Быстрее пули? Мощнее локомотива? Одним махом перепрыгивает через небоскребы? У тебя это совсем ни с чем не ассоциируется?

— Ассоциируется, — пробурчал Гуннар. — С уголовным делом. А теперь, если тебе уже надоело

— Правильный ответ «Супермен». — Примеч. пер. невесть с кем хренами меряться, не соизволит ли твое высочество перейти к финальному этапу испытаний? М-да, скучный он тип, этот Гуннар.

— Да, мамочка.

— За «мамочку» ответишь, — ухмыльнувшись, Гуннар вновь занялся клавиатурой. Я пришел к выводу, что его ухмылка в левом правом углу поля зрения действует мне на нервы, и закрыл окно. С полминуты слышалось только «тук-тук-тук» клавиш…

— Есть связь с Сетью. Надо бы… — Поправка, есть коннект (пауза). Ноль нестандартных сигналов от интерфейса — и еще одна долгая, напряженная, ни вдоха ни выдоха, пауза. Мы рассудили, что, если интерфейс запрограммирован на функцию тайного маяка, он выдаст мое местоположение либо в первые тридцать секунд работы он-лайн, либо в особых, неведомых нам условиях.

Тридцать секунд истекли. Сирены так и не взвыли.

— Ништяк, — произнес Гуннар, — вроде стабильно себя ведет. Сейчас открою тебе канал… три-два… один… — В дальней стене, чуть выше пола распахнулось круглое светящееся отверстие. Два метра в диаметре.

— Вижу, — отозвался я. — Портал открыт. Что делать?

— А ты как думаешь? — пробурчал Гуннар. — Иди на свет. Макс.

Первые несколько метров я прошел пешком, осторожно переставляя ноги. Затем решил зря дурака не валять — буду летать, пока сил мне это не выматывает… Подпрыгнув над виртуальным полом, я раскинул руки и тихо поплыл к свету, совсем как…

Ну да, ну да, совсем как тот парень в плаще… Признавайтесь — вам ведь тоже втайне хотелось уметь вот так летать?

Кстати, дельный совет: если вдруг научитесь летать, остерегайтесь всасывающего эффекта в районе сетевых порталов. Я лично пережил несколько минут непреходящего ужаса, когда

сообразил, что стремительно мчусь к порталу, беспомощный, как мыльный пузырь в сливном отверстии ванной. Я Проделал несколько «мертвых петель» и «бочек», начал биться, как бабочка на радиаторной решетке автомобиля… и уже был готов прокричать свой аварийный пароль, когда…

БЭМС! Все вернулось к норме. Я парил футах в десяти над вершиной идиллической пустынной горы. Далеко внизу, в долине ревел Информационный Суперхайвей.

— Ну что ж, — заметил Гуннар, — сим доказано, что ты и в Сети летать умеешь.

Оглядевшись, я выбрал удобное местечко и совершил посадку. Не дождавшись моего ответа, Гуннар постучал по микрофону:

— Ма-акс? Ты на месте? Скривившись, я схватился за уши:

— Да, и больше, черт тебя задери, так не делай! А-а-ай!

— Извини, — неискренне вздохнул Гуннар. Потом добавил: — Если тебе интересно, я предлагаю провести испытания по первоначальному плану. Летай себе на здоровье, двигай горы — но только СНАЧАЛА задавим в интерфейсе всех клопов. А пока веди себя чуть поскромнее, ладно? Не лезь из кожи вон, чтобы внимание к себе привлечь.

— Да, мамочка. — Тяжело вздохнув, я щелкнул моими до мозга костей реалистическими пальцами, вызывая из небытия мой виртуальный «харлей-ультраглайд».

Он оказался плоским. Мультяшным. Жидким. Слишком много простых плоскостей, слишком много основных цветов. Зато фрактальных деталей текстуры и рефлекции — кот наплакал, а ведь лишь они придают виртуальному объекту сходство с реальным, хотя и усложняют его трансляцию по Сети в реальном времени. Медленно обойдя вокруг мотоцикла, я понял, что передо мной не столько предмет, сколько трехмерный анимированный чертеж.

— Садись на свой долбаный мотоцикл. Макс, — прошипел мне в ухо Гуннар. — Текстуру поверхности потом перефигачим.

— Да, мамочка. — Я оседлал мотоцикл, покатил под гору, включил первую скорость. Двухцилиндровый, объемом в 1100 куб.см. двигатель возгласил о своем пробуждении неистовым… ну-у, честно говоря, каким-то жестяным, дешевым звуком, как и положено 11-килогерцевому аудио. Не отпуская акселератора, я съехал с горы, преодолел кювет и, перепрыгнув через три запруженные машинами полосы движения, приземлился на экспресс-полосе, ведущей к Ярмарке Идей.

— Прелестно, Макс, — пробурчал Гуннар. — Скромность просто сногсшибательная.

Я постучался в двери «Рая» положенным стуком. Из глазка выглянул обезьян.

— Пароль, однако? НИ ФИГА СЕБЕ.

— Видишь? — поинтересовался я у Гуннара.

— Это не пароль, макака, — процедил обезьян и захлопнул глазок.

— Нет, — отозвался Гуннар, — что-то я… Дай нарастить увеличение и еще раз попробуем. («Тук-тук-тук!!!») Валяй.

Я постучался положенным стуком. Обезьян распахнул глазок:

— Пароль, однако?

Не буду вас томить — с нашей последней встречи обезьян сильно изменился. Раньше он стабильно походил на заурядную мультяшную гориллу; шляпа-котелок, галстук-бабочка, лопающийся под мышками смокинг. Теперь же передо мной было загадочное неведомое существо, все из углов и трещин. На одной грани, плоскими двумерными мазками была намалевана его прежняя внешность, на другой — беспокойно трепетали рычаги, шестеренки и алгоритмы. Третья грань напоминала осколок старинного дисплея: быстро-быстро по ней ползли светящиеся, зеленые, неразборчивые фразы.

— Офигительно, — сообщил мне в ухо Гуннар. — Либо нашего мохнатого швейцара переделал какой-то чокнутый эпигон Пикассо, либо…

— Либо что? — переспросил я.

— Это не пароль, макака, — процедил обезьян и захлопнул глазок.

— Макс, — поинтересовался Гуннар, — ты хорошо разбираешься в кубизме?

Я напряг память:

Да-а, это вроде такое слово, которое я подчеркнул в тесте, чтобы получить три с плюсом на госэкзамене по искусстволюбию.

***

ИНФОСГУСТКИ

Нет, нет, я владею собой, я могу удержаться от соблазн… А-а-а-пчхи!

***

— Кубизмом, — сообщил Гуннар, — художественные критики назвали новый стиль, который выработал Пабло Пикассо в 10-х

годах XX века, творчески преобразовав традиции постимпрессионистов и парижских фовистов. В творчестве Пикассо период К. непосредственно следует за так называемым «голубым периодом». Основная идея К. — отрицание как классического идеала красоты, так и интерпретации эвклидова пространства по традиционным законам перспективы.

***

ПИКАССО

Побло, испанский живописец и скульптор, 1881-1973. Лишь в XXI веке был по достоинству оценен его выдающийся вклад в искусство розыгрыша. К примеру, ему удалось убедить власти города Чикаго, что груда металлолома, которую он поместил на Дейли-Плазе, является «статуей».

***

В картине Пикассо «Барышни из Авиньона» (1906 год), а также коллажах Жоржа Брака и пейзажах Жозефа Стеллы запечатлено стремление кубистов изобразить двумерными выразительными средствами трех-, четырех— и даже полимерное… Тут-то я и заорал:

— ХВАТИТ!

— Макс, ты что? — удивился Гуннар. — Я только пытался объяснить, как художник путем уплотнения пространства и абстрактизации объемов создает полупрозрачные структурные элементы…

— ХВАТИТ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ! Нечего втыкать в историю моей жизни неуместные лекции о Современном Искусстве!

Гуннар цокнул языком:

— Я бы не назвал их «неуместными». Макс. Способность непринужденно, время от времени вставлять сведения из области искусствознания в обычные разговоры является фундаментом умения симулировать эрудицию или, не побоюсь этого слова, претенциозность, которая, в свою очередь, является фундаментом подлинного литературного…

***

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ПИСТОЛЕТ 45-го КАЛИБРА

А именно, модель «кольта», разработанная в 19П году Джоном Мозесом Браунингом, тем самым инженером, который также создал ружье системы «винчестер» и множество других бессмертных творений. Я бы сообщил вам его биографические данные, но в БД «Великие американцы» его нет. Нудный джазовый саксофонист Зутти Сингльтон есть — но ни одного инженера-механика. Что вообще-то неудивительно…

***

— Гуннар? — оборвал я его. — У меня в руке заряженный «кольт» 45-го калибра и если ты немедленно не заткнешь фонтан своей художественной болтологии и не вернешься к сюжету, я сейчас вернусь и все яйца тебе отстрелю. Ясно?

— Гм-м, — произнес Гуннар. Откашлялся. — Пока я готов лишь сказать, что полученный нами от Амбер новый интерфейс наделил тебя… э-э-э… умением видеть с разных сторон и насквозь такие продукты кодирования, как этот человекообразный швейцар. — Он сглотнул слюну. — М-м-м… На одной из граней ты видишь «общепринятый» наружный вид объекта, но другая грань обнажает его внутреннюю жизнь, примерно так, как «Город» Фернана Леже — утопическую власть иде…

Я лязгнул затвором своего виртуального «кольта».

— Правильно! — бодро поддакнул Гуннар. — Итак, ближе к делу. Проведем испытание. Вызови-ка мне гориллу.

Я постучался в двери «Рая» положенным стуком. Из глазка выглянул обезьян:

— Пароль, однако?

— Гляди на ЦЕНТРАЛЬНУЮ грань, — шепнул Гуннар. — По-моему, тот синенький стержень — программа-замок. Можешь посмотреть, где она соединяется с алгоритмом распознавания аудио-форм?

Я проявил смекалку — кивнул, но ничего не сказал.

— Отлично, — продолжал Гуннар. — А теперь попробуй залезть рукой ему в нутро и отключить замок.

Я попробовал. Проткнул своей виртуальной правой рукой виртуальную кожу гориллы. Мои пальцы соприкоснулись с программой-замком. Я набрал в грудь воздуха, собрал в кулак всю храбрость, осторожно надавил…

ЩЕЛК!

Обезьян оскалил зубы — но дверь открыл. Я переступил порог, вошел в антиграв, поднялся.

— Гуннар? — прошептал я, возносясь вверх по трубе антиграва. — Что я сейчас сделал, черт подери?

— Подтвердил гипотезу, Макс. По-моему, я понял, как работает этот интерфейс.

Спустя несколько секунд стало ясно, что уточнения из Гуннара придется тянуть клещами.

— Ну и как он работает?

— По древнему принципу, на котором держалась система «Юникс». Пользоваться им очень опасно — вот его и решили позабыть от греха подальше. Макс, ты там осторожнее, понял?! Один твой небрежный жест, одно непродуманное слово — и вся коллективная Сетевая виртуальность полетит к чертовой бабушке. Безвозвратно.

Вынырнув из антиграва, я немедленно удалился в укромный уголок «Рая» и переварил новую информацию:

— Ладно, Гуннар, ты меня напугал. Интерфейс — вещь опасная. А теперь объясни, что же я конкретно сделал?

— Ты преобразился. Макс, — прошептал Гуннар. — По силе и способностям ты теперь намного превосходишь и простых пользователей, и хакеров… кого угодно. Ты можешь видеть то, чего никто не видит, делать то, на что никто не способен, пробраться туда, где не ступала нога человека…

Мое терпение истощалось со сверхчеловеческой быстротой:

— Кончай трепаться, Шерлок. ЧТО? Я? СЕЙЧАС? СДЕЛАЛ?

— Макс, — патетически возгласил Гуннар. — Крепко держи себя в руках. Мой юный друг, вы превратились в…

В СУПЕРПОЛЬЗОВАТЕЛЯ.

В смысл этого сообщения я врубился не сразу. А врубившись, расправил плечи, повернулся лицом к залу и покинул свой темный угол.

— Дурацкий термин, — пробормотал я так, чтобы слышал только Гуннар.

— Еще бы не дурацкий, — бестрепетно ответил Гуннар. — Это ж «Юникс», там все дурацкое. Это та самая ОС с командами типа «chavk», «ekh» и «avoss», где надо периодически отстреливать демонов — иначе система идет вразнос. А «вдоль пути мертвые со слэшами стоят» — официальный симптом системной ошибки. Блин, само название «Юникс» — и то шутка. Ее так назвали, потому что она считается «упрощенной» версией операционки МУЛЬТИКС. Такой же упрощенной, как евнух — «упрощенная версия» нормального мужика… — Внезапно Гуннар смолк.

И правильно сделал, потому что я внезапно перестал его слушать.

Помните «Рай»? Помните исполненные любви и нежности

описания из пятой главы, где я рассказывал о его декоре и обитателях? Можете выкинуть эту чушь из головы. Ибо ныне, моими новыми, суперпользовательскими, кодоревизорскими глазами я увидел истинную природу «Рая».

И оказалось — увы и ах! — что это всего лишь кошмар пьяного кубиста. Все интерьеры, все детальки, все предметы — мятые комки рваных, вспоротых плоскостей с пульсирующими кишками алгоритмов. А люди? Все эти навороченные тусовочные денди? Половина из них оказалась просто синтетическими призраками. Остальные — ох, лучше не вспоминать. Куча ботаников на Хэллоуине. Крикливые, пестрые, дешевые костюмы; застывшие пластмассовые маски на резиночках. Ковыляя от столика к столику, они хохотали и буйствовали, точно пьяные деревенские балбесы, играющие в пиратов. Некоторые даже не замечали, что у них сползают маски, и мне достаточно было пристального взгляда, чтобы выйти по инфопотокам к ним — реальным. Например, диджей с танцпола — Рэпмастер-Пасть-Порву. В реальном мире он был тощим, прыщавым, семнадцатилетним, никому на фиг не нужным Дэвидом Берковицем, а музыку свою ставил из задрипанной общаги в засиженном мухами колледже где-то в Нью-Джерси.

— Какое ужасное разочарование, — пробасил Гуннар мне в ухо. — МАКС? — раздался в моей голове голос ДО**НМАКА**. — ЭТО ТЫ? Смахнув с глаз осколки разбитых иллюзий, я отсканировал зал в поисках ДОН

МАКА. А найдя его, подивился, почему не увидел его сразу же. Среди толп намалеванных левой рукой мультяшных персонажей, слабосоциализированных изгоев в дешевых масках и жидких, недоделанных электронных призраков сияющее хромированное тело ДОН МАКА одно только выглядело четким. Реальным. И кстати,

гораздо реальнее, чем мне казалось раньше. — ДО**НМАК**? — подумал я. — А он определенно похорошел, — заметил Гуннар.

— МАКС? — вновь протелепатировал ДО**НМАК**. — И ГУННАР? СТРАННО.

— 0-хо-хо, — пробурчал Гуннар.

— ГУННАР? ТЫ ЧТО, НАКОНЕЦ-ТО ОСВОИЛ ИСКУССТВО КАМУФЛЯЖА? Слышу я тебя, а вижу Макса.

— Открой мне окно. Макс. — С этими словами Гуннар прервал аудиосвязь. Спустя несколько секунд я сообразил, чего от меня хотят, и распахнул окошко, которое позволяло мне видеть «внешний» мир в объективе микровидеокамеры, прикрепленной к монитору Гуннара.

Гуннар отключил микрофон и что-то торопливо писал на

клочке бумаги.Дописав, он поднес бумажку к объективу. «ДО**НМАК** МЕНЯ СЛЫШИТ?» — гласила она. Я кивнул.

— МАКС? — опять подумал мне ДОН МАК. — НЕ ЗНАЮ, ЧТО ЗА ЖМУРКИ ВЫ С ГУННАРОМ ЗАТЕЯЛИ, НО СТАРАЕТЕСЬ ВЫ ЗРЯ. Я ЕГО БОЛЬШЕ НЕ СЛЫШУ, ЗАТО У ТЕБЯ ПОЯВИЛОСЬ ВИДЕОЭХО. ЗА ТОБОЙ ТЯНЕТСЯ ДЫМНЫЙ ХВОСТ; БУДЬ У МЕНЯ НАСТРОЕНИЕ, Я БЫ ВЫЧИСЛИЛ ПО ЕГО ДЛИНЕ, НА КАКОМ РАССТОЯНИИ ТЫ НАХОДИШЬСЯ.

Я закрыл окошечко, позволявшее мне видеть реального Гуннара.

— ЛУЧШЕ, — протелепатировал ДОН МАК. — НО ЭХО ВСЕ РАВНО ОСТАЛОСЬ.

— Выруби аудио и видео, — приказал я одними губами.

Вновь подключив микрофон, Гуннар вышел на связь:

— Но… — СДАВАЙСЯ, ГУННАР, — подумал ДО**Н** МАК. — НЕ СТАВЬ МАКС**АСУПЕРА** ВПОЛОЖЕНИЕ ЗЕЛЕНОГО ЧАЙНИКА,

— Ну ладно, — протянул Гуннар. — Но в таком разе, Макс, ты теперь один. Я буду только за твоей биотелеметрией следить.

Раздался последний, сердитый щелчок — Гуннар сорвал с головы шлемофон. Впервые с тех пор, как я начал пользоваться новым интерфейсом, в моей голове воцарилась странная — и сладостная — тишина.

Хромированное механическое тело ДОНА МАКА покинуло свое обычное кресло и с неожиданной грациозностью пробралось ко мне через запруженный народом зал.

— Здравствуй, Макс, — произнес ДО**НМАК**, приблизившись ко мне. Его акустический голос ничем не отличался от своей телепатической версии.

Остановившись в ярде от меня, он поднял свою массивную правую клешню и, под вой сервомоторов, протянул ее мне для… э-э-э… рукопожатия: — Добро пожаловать на следующий уровень.

13. ВНИЗ. НА ДНО ТЕМНИЦЫ

ДО**НМАК** и я сидели рядом с доном Вермишелли, наблюдая за парадомкубистских уродов и уплетая абсолютно восхитительную «цервеллу аль бурро».

***

ТЕМНИЦЫ

Бывают разные. В данной главе описывается темница-яма с единственным отверстием — в потолке. По-французски такие темницы называются «oubliette», от глагола «oublier» — «забывать».

***

— Просто не верится, — промычал я, блаженно жуя… скажем так, то, что я жевал. Из чего состояло это кушанье, я не знал, не знаю дотоле и предпочитаю не узнавать. — Просто не верится, что такое вправду бывает.

Осушив свой бокал с «вино», дон Вермишелли осторожно поставил его на стол — но бокал мигом перехватила Бэмби и вновь наполнила. Теперь я ясно видел, что в реальном времени Бэмби и Слонни — безусловно мужского пола, но хоть плачь, никак не могут разобраться со своей сексуальной ориентацией

— Просто не верится, — тупо повторил я.

— Во что «не верится»? — переспросил дон Луиджи. — Что я — суперпользователь с таким же интерфейсом? Неужели ты всерьез поверил, будто я позволю Максу Суперу иметь то, чего у меня нет?

— Нет, я о другом. — Покачав головой, я запихнул в рот еще порцию «цервеллы». — Мне не верится, что я вправду чувствую вкус этой виртуальной еды! Невероятно! Пальчики оближешь!

— Жуй с закрытым ртом, — посоветовал ДО**НМАК**.

Дон Вермишелли осушил очередной бокал и поставил его на стол.

— Ах, Макс, Макс. Возможно, теперь-то ты понимаешь, почему я стал тем, чем стал. — Он откинулся на спинку кресла (заскрипели и застонали гидравлические опорные механизмы), похлопал ладонями по своему невообразимо громадному животу и расхохотался добродушным смехом Санта-Клауса. — В

реальном мире я каждый день пробегаю три мили, питаюсь одними овощами и все равно, стоит чуть расслабиться — мой вес переваливает за сто семьдесят кило! Но здесь — о-о! В «Раю» нет холестерина!

В этот момент к столику подбежала Слонни, неся на вытянутых руках огромную, источающую божественный аромат супницу.

— «Гранко ди маре ин цуппьера», — объявил дон Луиджи, подложил под свой четвертый подбородок салфетку размером с простыню и вооружился двумя вилками. — Маринованные клешни голубого краба! «Манджe»!

Не зазевавшись, я успел ухватить две-три клешни до того, как дон нырнул всупницу с головой. Заметив, что ДО**НМАКУ** ничего не досталось, я подцепил одноклешню вилкой и попытался переместить на его тарелку.

ДО**НМАК** загородил тарелку своей блестящей хромированной рукой, блокируй крабопередачу:

— Нет-нет, Макс. Ешь сам.

— Объелся? — поинтересовался я. Затем смерил взглядом его металлический панцирь и ярко выраженные клешни. — Или слишком похоже на каннибализм?

Вынырнув из супницы, дон Луиджи сообщил: — ДО**НМАК** ест не так, как мы. Он не чувствует вкуса этой еды, — и вновьпогрузился.

Положив крабовую клешню к себе на тарелку, я уставился на ДО**НМАКА**. —

По-моему, слишком глубоко ты в свою роль вошел.

— В суперпользователи выходят самыми разными путями, — тихо проговорилДО**НМАК**. — Я, к сожалению, сделал это по старинке, Проглотив последнюю клешню, дон Луиджи громко рыгнул и утерся салфеткой.

— Скромность ДО**НМАКА** безмерна, — пояснил он мне. — Он был одним из первых, одним из лучших. Во многих аспектах он нам всем приходится отцом.

Находиться в его обществе — высокая честь.

ДОН МАК пожал плечами — странный жест для звякающего при каждом движении робота в хромированном панцире.

— Причины тому не столь безобидны, как… Конец его фразы потонул в негодующих воплях. В наш уголок «Рая» ворвалась целая толпа народу.

— БОСС! — вскричал один из мальчиков-автоматчиков дона Вермишелли. — БЕРЕГИТЕСЬ! МЫ ПЫТАЛИСЬ ЕЕ ОСТАНОВИТЬ, НО… — Тут какая-то ужасная тварь ухватила мальчика за шкирку и, точно куклу, швырнула через весь зал.

Его безжизненное тело размазалось о бетонную колонну.

Тварь звали Элизой.

Еще пара мальчиков Вермишелли попыталась преградить ей путь. Им удалось дотронуться до нее — и немедленно сгореть в огне, вспыхнувшем от этого прикосновения. Третий, прокричав бессвязное предупреждение, поднял пистолет и выстрелил в ее поросший светлым пушком затылок. Пуля остановилась на лету — и, задымившись, упала на ковер.

Стрелявший был убит и превращен в случайное скопище электронов раньше, чем пуля долетела до пола.

Дон Вермишелли поднял руку, приказывая двоим уцелевшим мальчикам сдаться.

— Здравствуй, Элиза, «ма белла», — почтительно произнес он. — Что привело сюда столь обворожительную особу?

— Этот засранец, — ответила она, однозначно указав в мою сторону. И немедленно обрушила на меня свой — увы, столь хорошо знакомый мне — гнев. Сверкнули злые льдинки голубых глаз. — Значит, Макс, меня слушаться — ниже твоего достоинства? Я тебе ска-за-ла человеческим языком — не связывайся с этой сукой Амбер. Но нет, ты наверняка членом думаешь, а мозг атрофировался уже!

Пожав плечами, я улыбнулся. Похоже, моя улыбка была единственным оружием, против которого Элиза ничего не могла сделать:

— Милая моя, лапочка, ты сама всегда говорила, что все мужики — динозавры. Между ног у меня вторичный мозг.

— Г-р-р-р…! — Она начала было морфировать в свою клыкасто-когтистую ипостась, но — клянусь

Богом, я увидел, как по ее коже голубыми, трескучими электрозмеюками бегут волны преобразования текстуры, увидел — и одним касанием своих виртуальных пальцев остановил трансформацию ее правой руки! Почувствовав мое прикосновение, Элиза испуганно отпрянула — то ли я сделал ей больно, то ли она наши интимные отношения вспомнила — и вернулась к своему нормальному облику.

— Ну-ну, — процедила она, когда из ее ледяных глаз ушла тревога. — Ты еще и суперпользователем заделался, скотина.

Уперев руки в свои костлявые бедра, она надула губы и презрительно (но с глубоким отчаянием) фыркнула.

На ее следующую трансформацию действительно стоило поглядеть. Приоткрыв рот, она УЛЫБНУЛАСЬ мне, и айсберги ярости в ее глазах растаяли и растеклись, и она морфировала в существо, которое абсолютно не изменилось внешне, но уже не пыталось играть в гляделки с каким-то гнусным Антихристом.

Она морфировала в существо, которому я НРАВИЛСЯ.

— Макс, милый? — нежно окликнула она. — Я знаю, что в прошлом мы не всегда ладили, но… — Передернув плечами, она сцепила руки за спиной, опустила глазки долу, поворошила носком ботинка ковер, подарила мне еще одну смущенную улыбку…

Сработало. Я улыбнулся в ответ.

Ее лицо засияло, как заря над только что выпавшим снегом.

Она достала почтовый чип, положила на стол, перекинула мне.

— Я.-э-э-э, — она вновь смущенно замолкла, — мне нужно сделать кое-что важное в реальном времени, как можно быстрее. Но если ты сможешь со мной встретиться, — она постучала по чипу своим ноготком цвета голубого льда, — через час… э-э-э… мне кажется, ты не пожалеешь. Обещай, что будешь ждать меня там?

Блин, когда женщины смотрят на меня такими-и-ми глазами, я на все готов согласиться.

— Конечно, милая. — Я взял чип и воткнул в перчатку.

— Здорово! — Она захихикала, захлопала в ладоши, буквально затрепетала от радости. А потом, к моему вящему, все более глубокому изумлению, обежала столик, припарковала свою маленькую костлявую задницу у меня на коленях и, крепко обняв меня за шею, забралась язычком в мое правое ухо. Ледяные мурашки устроили массовый забег у меня на спине.

— Хорошо быть суперпользователем, — прошептала она, пока ее тело превращалось в снежный вихрь, постепенно выскальзывало из моих объятий, — виртуальный секс — просто фантастика!

Я попытался быстренько ее пощупать — но по залу пронесся порыв холодного, хрустального, арктического ветра, и ее стройное тело унеслось, буквально проскочив у меня между пальцами. Но мои губы запомнили ее ледяной поцелуй, а уши расслышали сквозь вой ветра слабое эхо ее прощальных слов:

— Но на сей раз чайником будешь ты… ты… ты… И она скрылась из виду.

Я протер глаза. Очнулся. Начал думать тем мозгом, который в голове. Закрыл свой раскрытый рот и не без усилий попытался припомнить, где именно нахожусь. Дон Вермишелли игнорировал меня, рассматривая обгорелые ботинки (все, что осталось от его испепеленных мальчиков), и — не забывая отправлять в рот кусочки «сеппие рипьене» — скорбно покачивал головой. **ДОНМАК**, развалившись в своем кресле, прихлебывал свой «пеннзойл с лимонной» и пялился на меня красными,

непроницаемыми, фотоэлектрическими глазами.

Я ухмыльнулся роботу:

— Ну как? Что ты обо всем этом думаешь? — Я думаю, — неспешно проговорил ДО**НМАК**, опустив бокал, — что дотоле невидел такого слепого раба гонад, как ты.

Неожиданно он встал, отодвинул кресло к стене.

— Давай-ка прогуляемся. Макс. — Он развернулся, сделал прощальный жест в сторону дона Луиджи (который, едва подняв глаза от своих «гамберони альо ольо», вяло помахал в ответ) и решительной быстрой походкой удалился. Сорвав с себя салфетку, я швырнул ее на стол и побежал вслед.

ДО**НМАК** ждал меня у антиграва, выходящего из «Рая». Мы вместе спустились по трубе.

— Макс? — обратился он ко мне, пока мы двигались вниз. — Сколько лет ты тусуешься в «Раю»? Я задумался.

— В единицах реального времени? — ДО**НМАК** кивнул. — Тогда года три.

— Ты даже был дизайнером некоторых частей «Рая», верно?

Я пожал плечами:

— Не самых крутых. Зал фазированного пространства и полдюжины ловушек в Мемориале Трудовой Славы.

— И все? Я думал, гнездо птеродактилей — тоже твоя работа.

— Я его доводил. Изначальный код написал Брет-Ковбой. — Ах да, — медленно кивнул ДО**НМАК**. — Легендарный Брет-Ковбой. Это онпоказал тебе дорогу в «Рай»?

— Не-а, — помотал я головой. — Я его вообще ни разу не видел. А дорогу мне самому пришлось вычислять.

— Ну а до этого — сколько времени ты провел в Сети? Три года? Четыре?

Я порылся в своей памяти, обнаружил всякие неприятные воспоминания о периоде среднего школьного возраста — и выдал оригинальный ответ:

— Около шести. Мы оказались на дне трубы антиграва. ДО**Н** МАК вышел наружу, на галереюЯрмарки Идей. Я последовал за ним. Покосившись напоследок на обезьяна — да, он по-прежнему оставался кубистским уродом, но в этом безобразии я начал видеть определенную гармонию, — мы быстрым шагом направились по Восточной линии

Третьего уровня. — Скажи-ка, — произнес ДО**НМАК**, не оглядываясь на меня, — ты многихсуперпользователей встречал? Ты теперь знаешь, как они выглядят, и можешь распознать…

Думать тут было нечего.

— Ну-у, вы с доном Вермишелли — это два. Элиза, очевидно, тоже суперпользователь. — Тут меня посетила еще одна догадка.

— И, наверно, Амбер, скорее всего, тоже.

— Ну а еще кто-то тебе встречался? — допытывался ДО**НМАК**. — Те, для кого не существуют законы виртуальной реальности? Те, от чьих фокусов ты хватался за голову и спрашивал себя:

«Черт, как он это делает?»

Я глубоко задумался — так глубоко, что даже замер посреди дороги, а потом,спохватившись, пустился догонять ДО**НМАКА** бегом. — Что-то не припоминаю, — сообщил я ему. — Правда, рассказывают про таких… избранных… ДО**НМАК** резко остановился перед какой-то виртуальной дверью. Я чуть нерасшибся о его корпус.

— А-а, — протянул он. — Шумильня. Ты бываешь в Шумильне, Макс?

Мое лицо перекосилось от отвращения. Облизав пересохшие губы, я попытался изложить свое мнение об этом месте, не выходя из границ приличия:

— Ну, я…как бы выр… — Это эпицентр идиотизма. Макс, — провозгласил ДО**НМАК**. — Садок, гдепроизрастают самые дикие, сиво-кобылье-бредовые, стрекозино-безрассудные идеи на нашей планете. К примеру, сегодня. — Он включил висящую у дверей доску-меню:

— Церковь Вегентологии устраивает панихиду по австралийскому урожаю пшеницы. В 0100 по Гринвичу — акция ФОКЛ. — Он озадаченно побарабанил по доске, вытряхивая из нее разъяснения. — Ага, Фронт Освобождения Крупных Людей призывает всех любителей террористической деятельности присоединиться к его кампании за радикальное расширение дверных проемов. В программе собрания: митинг, художественная часть, банкет. По окончании — аж два мероприятия сразу. Собрание БНША — Будущих Нахлебников на Шее Америки — и заседание комитета Мужчин Против Мужской

Стерилизации. И наконец, лекция президента Анонимных Копрофилов: «Великие люди в зеркале их унитазов».

Заинтересованно перечитав последнюю фразу,

***

КОПРОФИЛЫ
Люди, живущие по принципу
«Говно не тонет».

***

ДО**НМАК** скривил свое механическое лицо и выпустил документ из рук. Онавновь потемнела.

— А знаешь. Макс, почему сисопы Ярмарки до сих пор не закрыли Шумильню? — обратился он ко мне.

— Бесплатная комедия? — предположил я, пожав плечами.

***

ИНФОСГУСТКИ

Клянусь — больше их не будет! Честно-честно.

***

ДО**НМАК** задумчиво покачал своей металлической головой: — Шумильня, Макс — это ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫЙ КЛАПАН. Любое открытое общество должно предоставлять такой клапан своим гражданам, чтобы те, не опасаясь наказания, могли выпускать на волю свои самые безумные идеи. Уберите этот клапан, и вы в итоге придете к полицейскому государству, где все идеи предписываются сверху.

Покамест мне было понятно, о чем говорит ДОН МАК, — но только причем тут суперпользователи?

— Я ЖЕ ТЕЛЕПАТ, ПОМНИШЬ, — подумал мне ДО**НМАК**. — А ЕЩЕ Я

СУПЕРПОЛЬЗОВАТЕЛЬ — УЖЕ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ БЕЗ МАЛОГО. И ВСЕ ВРЕМЯ, ПОКА ТЫ МЕНЯ

ЗНАЕШЬ, Я БЕЗВЫЛАЗНО СИЖУ В «РАЮ». НЕУЖЕЛИ ТЕБЕ НЕ ИНТЕРЕСНО, ЗАЧЕМ «РАЙ»

СУПЕРПОЛЬЗОВАТЕЛЮ?

— Ладно, — произнес я вслух, не утруждая себя субвокализацией. — Считай, я попался на крючок. И зачем он тебе?

— Затем, — тихо проговорил ДОН МАК, — что общество суперпользователей — это не открытое общество. С такой силой, как у тебя, некоторые идеи даже высказывать вслух — и то опасно. Один-единственный безрассудный суперпользователь способен полностью разломать архитектуру Информационного Суперхайвэя и даже испепелить саму ткань виртуальной реальности. Кучка злонамеренных суперпользователей, объединив силы, заставит всю западную цивилизацию ноги себе целовать.

Кстати, соблазнительная идейка. Ой, мама. Минуточку, я же с

телепатомпрогуливаюсь. Э-э-э-х, я же так… в шутку… Внезапно ДО**НМАК** развернулся изашагал обратно по восточному коридору.

— СМОТРИ НА ЛЕВУЮ СТЕНУ, МАКС, — распорядился он.

Следуя за ним, я пялился на стену, сам не понимая, зачем. Как-никак, я уже сто раз проходил по этому коридору и ничего такого в области левой стены не видел, кроме…

Блин, это же потайная дверь. Такая же, как секретный вход в «Рай».

— ДОН МАК? — произнес я одними губами.

— НЕ ХОДИ ТУДА, МАКС, — ответил он. —ПОМНИШЬ НАШИХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ МОДЖАХЕДОВ? КХИБЕРПАНКОВ? ПРИ

ШЛОСЬ ВЫДЕЛИТЬ ИМ ОТДЕЛЬНУЮ КОМНАТУ, ОТ ГРЕХА ПОДАЛЬШЕ.

Отпрыгнув от двери, точно через нее был пропущен электроток, я бегом догнал ДОН МАКА, Слева от меня возникла еще одна дверь.

— Эта? — произнесли мои губы.

— НЕ ТРАТЬ ВРЕМЯ ЗРЯ. В ЭТОЙ КОМНАТЕ СОБИРАЮТСЯ ДЕТИ. ИХ ЛЮБИМАЯ ИГРУШКА — ЖИДКИЙ ВОДОРОД.

— В смысле?

— КРИОПАНКИ.

Распрощавшись с кусочком собственной кожи, который примерз к дверной ручке, я вновь побежал за ДО**НМАКОМ**. Мы миновали еще одну дверь. —Эта?

— ТУТ ЕЩЕ ХУЖЕ, — подумал ДО**НМАК**. —В ЭТОЙ КОМНАТЕ ПОЛНО АУТИСТОВ, ЧЬЯ

ЕДИНСТВЕННАЯ РАДОСТЬ — ВЗЛАМЫВАТЬ КОДЫ И РАЗГАДЫВАТЬ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ

ГОЛОВОЛОМКИ.

— И кто это? — ШИФРОПАНКИ. ФУ-У-У! Едва сдержав болезненный вскрик, я догнал ДО**НМАКА** уочередной двери. И прикусил язык, чтобы промолчать.

Зря я старался.

— ЭТО СЕКТА, КОТОРАЯ ОТКОЛОЛАСЬ ОТ ПАРТИИ КРОВЕЛЬЩИКОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ, —сообщилДО**НМАК**. — ЭТИ РЕБЯТА ПОКЛЯЛИСЬ НЕ ОТДЫХАТЬ, ПОКА НЕ ПОКРОЮТ ВСЕ КРЫШИМАТЕРИАЛАМИ ИЗ СЛАНЦА И АСБЕСТОЦЕМЕНТА.

— Та-ак, дай я сам угадаю..

— ШИФЕРПАНКИ.

Я свалился на пол, суча ногами и держась за живот, но для истерики временине было — ДО**НМАК** преспокойно пошел дальше. Я вскочил на ноги — и мыприблизились к очередной

потайной двери.

Вид у нее был довольно-таки многообещающий. Я остановился приглядеться. — О НЕТ, МАКС, — предостерег меня ДОН МАК, — ЧТО УГОДНО, ТОЛЬКО НЕ ЭТАДВЕРЬ. В ЭТОЙ КОМНАТЕ ПОЛНО МОЛОДЫХ РЕБЯТ, КОТОРЫЕ НЕ ЖИВУТ НИ ИНТИМНОЙ ЖИЗНЬЮ,

НИ СОЦИАЛЬНОЙ. ОНИ ПРИГОВОРЕНЫ ВЕЧНО ЖИТЬ У СВОИХ МАТЕРЕЙ, В КОМНАТКАХ НАПРОТИВ

КЛАДОВОК. ЭТИ РЕБЯТА ЛАДЯТ С ЖЕЛЕЗОМ ЛУЧШЕ, ЧЕМ С ЛЮДЬМИ, ВСЕ ЕЩЕ СТРОЯТ И

ЗАПУСКАЮТ МОДЕЛИ РАКЕТ И НЕЛЕГАЛЬНО ПРОБИРАЮТСЯ НА ПРОСМОТРЫ ДЛЯ ПРЕССЫ, КОГДА

ПОКАЗЫВАЮТ НОВЫЙ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ. ЭТО ЗАКОНЧЕННЫЕ НЕУДАЧНИКИ И

ИЗГОИ, УТЕШАЮЩИЕ СЕБЯ МЕССИАНИСТИЧЕСКИМИ ФАНТАЗИЯМИ О ТОМ, КАК ОДНАЖДЫ

ПОСЧИТАЮТСЯ С МИРОМ ПРИ ПОМОЩИ СВОЕЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ МАГИИ, А ПОКАМЕСТ ВЫХОДЯТ В

СЕТЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАГЛЯДЫВАТЬ НА СТРАНИЧКИ КОПРОФИЛОВ И ПЕРЕКАЧИВАТЬ К СЕБЕ

ВСЯКИЕ ГАДОСТНЫЕ ГИФЫ. ТЫ ИХ ЗНАЕШЬ — ЭТО КИБЕРПАНКИ.

— Ой, блин, только не это, — торопливо пробормотал я. — С этими придурками я ни за что тусоваться не стану.

Наконец, в поле нашего зрения показался угловой зал, где Восточная линиясоединялась с Южной. Я уже направился было туда — но ДОНМАК остановился переддверью, которая была спрятана искуснее, чем остальные.

— Макс, — сказал он, — я хочу сообщить тебе нечто важное. Помнишь, я говорил тебе, что общество суперпользователей — закрытое общество?

— Ну да…

— И насколько я понимаю, до тебя уже дошло, что это мы, суперпользователи, создали базовую версию «Рая» и прочие виртуальные активные ловушки?

Гм. Нет, ничего такого до меня как-то не дошло, но ДОН МАКУ об этом знать было необязательно. Кроме того, меня насторожило выражение «активные ловушки».

— Новые суперпользователи выплывают постоянно, — продолжал ДОНМАК свою лекцию. — Спасибо Мондиальскому устройству дигитальной индукции. Но даже когда его еще не было, на арену то и дело вырывались всякие самородки. Вот почему мы строим и патрулируем ловушки, и вот почему ты еще не видел ни одного дикого суперпользователя. Моя задача —

распознавать, инспектировать и забирать к себе новорожденных суперпользователей ДО ТОГО, как они вполне осознают свойпотенциал. — С этими словами ДО**НМАК** легко прикоснулся к стене, и потайнаядверь распахнулась. За ней зияла черная пустота.

— А-а, — протянул я, наконец-то постигнув суть его слов. — Значит, ты, как повитуха, помогаешь новым суперпользователям появиться на свет?

Массивные хромированные пальцы ДО**НМАКА** впились в мой загривок. Массивныехромированные пальцы другой руки ДО**НМАКА** впились в мои ягодицы. Я оказался ввоздухе.

— Ты ошибаешься, — проговорил ДО**НМАК**. — Я скорее егерь, определяющий, не следует ли тебя уничтожить как бешеного зверя. — Отойдя назад, он широко размахнулся и швырнул меня в распахнутую дверь, в бездонную черную пустоту.

— ЕСЛИ ЭТО ТЕБЯ УТЕШИТ, — донесся до меня его голос, — Я ЛИЧНО ПРОТИВ ТЕБЯ НИЧЕГО НЕ ИМЕЮ!

Целую вечность я падал и падал к темному центру Земли, вопя и кувыркаясь. Пока не ударился о дно.

14. МАКС_СУПЕР В АДУ

Тьма. Вокруг меня был только безмолвный, бесформенный, пустой хаос, аннулированное пространство, отмененное время…

— Алло-у! — пропел приятный женский голос. — Добро пожаловать в Ад! Хотите выпить?

Я открыл глаза. Я сидел в большом, чертовски уродливом, красном кожаном и, в общем, довольно-таки удобном кресле в…

Попросту говоря, в комнате. Очень симпатичной, кстати. Такие элегантные, обитые дубовыми панелями гостиные бывают в некоторых английских телефильмах (у Би-би-си, знаете ли, нет лишних денег на декорации).

Я моргнул. Все окружающие предметы упрямо остались на своих местах. Ни следа кубизма. Я еще раз моргнул — для верности. Обратил внимание, что мои сведенные судорогой пальцы пытаются прорвать кожаную обшивку кресла. Медленно овладел собой, расслабился.

— Алло-у? — вновь произнесла женщина. Отвлекшись от комнаты и кресла, я поглядел на нее.

Она выглядела — НОРМАЛЬНО. Подозрительно нормально. Милая улыбка, серые с голубым отливом глаза, заурядное — ни ослепительной красоты, ни откровенного уродства — лицо. Длинные, прямые, расчесанные на прямой пробор каштановые волосы с легкой проседью, подвитые у висков. Все ее украшения сводились к незамысловатым золотым сережкам-колечкам в ушах. Никакого там лицевого пирсинга, электронных имплантов, экзотического макияжа или неподвластных гравитации причесок. Я перевел взгляд на ее тело. Простой бурый свитер, мешковатые серые брюки, бурые туфли на плоской подошве. Не худая, не толстая; что до возраста, то не старше пятидесяти и не моложе тридцати — точнее на глаз не определишь.

Но тут я обратил внимание на одну поразительную деталь. От нее пахло духами. Пусть то был невинный цветочный аромат, но ощущался он отчетливо.

— Алло-у? — еще раз повторила она. — Э-э-э, вы ведь тот новый юноша, которого ДОН МАК прислал СВЕРХУ, я не ошиблась? — Она говорила с приятным аристократическим английским акцентом, свидетельствовавшим, что она получила хорошее образование.

Я сглотнул подступивший к горлу ком, облизал пересохшие губы, растолкал свой голос, севший от беспрерывных воплей.

— Ага, — с трудом выговорил я. — Макс Супер. Я… — С этими словами я оторвал мою правую руку от подлокотника

кресла, протянул было ей для рукопожатия, заметил, что рука моя слишком уж трясется, и предпочел вновь уцепиться за подлокотник. — Вы не скажете еще раз, где мы находимся?

— Разумеется, в Аду. — С нежной улыбкой она взяла мою руку и ласково погладила ее, точно нервного хомячка. — Тихо, тихо. Не беспокойтесь. Ничего страшного не происходит. Видите ли, попасть в Ад — удел всех интересных людей.

Я сглотнул рыдание:

— Если можно, налейте мне выпить прямо сейчас. Отпустив мою руку, она прошла изящной походкой к маленькому столику в дальнем углу комнаты, вынула пробку из горлышка вычурного хрустального графина.

— Знаю-знаю, следовало бы вам предоставить выбор, — сказала она, обернувшись ко мне через плечо, — но мне кажется, вы остро нуждаетесь в коньяке.

Она перелила из графина в высокий бокал какую-то жидкость чайного цвета, заткнула графин пробкой, вернулась ко мне.

— Прошу, — проговорила она и, взяв мою правую руку, осторожно обвила мои пальцы вокруг замысловатой выпуклой ножки бокала.

— Спасибо. — Я поднес бокал к губам, запрокинул голову и выпил его содержимое одним глотком.

И чуть не выплюнул все это содержимое обратно с той же скоростью.

— Что случилось? — С ужасом воззрившись на мое искаженное лицо, леди крепко похлопала меня по спине. — Макс! Скажите мне, что случилось!

— З-з-забыл, — выдавил я из себя, отчаянно Хлебая ртом воздух. — Я же т-теперь вкус чувствую.

Подавив позывы к рвоте, я кое-как отдышался и отморгался, стряхивая слезы с ресниц.

— В реальном времени я пью не так часто, — сконфуженно пояснил я.

Газета в соседнем кресле (странно, сперва я его не заметил) сама собой сложилась и упала на пол, открыв взорам мрачного старикана в синем костюме и с унылым галстуком.

— Прелестно, — проскрипел старикан. — ДО**НМАК** прислал нам еще одного

МУДИ-фицированного молокососа. Не трать на него время, Диана.

Женщина с длинными волосами — очевидно, Диана — сердито обернулась к нему. — Девон, я бы тебя попросила!.. Ты сам был не лучше, когда впервые сюда попал.

Старый хрыч — Девон — злобно фыркнул, зашуршал газетой:

— Мне хотя бы пришлось попотеть, чтобы сюда попасть.

Диана надула губы, испепелила его коротким взглядом и, обернувшись ко мне, вновь заулыбалась:

— Не обращайте на него внимания. Макс. Этот старый ящер сделался суперпользователем без дигитальной нервной индукции и считает, будто все остальные должны пройти через те же самые страдания.

— Страдания закаляют характер! — рявкнул Девон, демонстративно увлекшись своей газетой.

— Суперпользователем? — Я вновь захлопал глазами, соображая, правильно ли расслышал. — Я думал, ДОН МАК швырнул меня…

— В Ад? — докончила Диана. Тихо рассмеявшись, она деликатно прикрыла рот пальчиками. — Верно. Видите ли, он это проделал со всеми нами. Что-то типа инициации. Ну знаете, чтобы можно было со всей ответственностью сказать: «Я был изгнан из «Рая». — Она вновь рассмеялась своим очаровательным смехом, взяла у меня пустой бокал, поставила его на стол.

— Нет, мой юный друг, — продолжала Диана. — Вам не о чем тревожиться. Это не тюрьма, а следующий шаг НАВЕРХ.

В этот миг в другом красном кожаном кресле, напротив Девона, затрепетав, возник некто. Новоприбывший был одет, как техасский богач XIX века: хорошо сшитый пиджак из натуральной кожи, черный галстук-боло с изысканной серебряной пряжкой, инкрустированной бирюзой, дико широкая, но явно подлинная и дорогая ковбойская шляпа из фетра, украшенная серебряными раковинками. Он сосредоточенно водил своим классическим ковбойским ножом (так называемым «ножом Боуи») по точильному камню: сверкающий клинок описывал медленные, ровные круги, издавая вкрадчивое «вжик-вжик». У меня мурашки поползли по спине.

И тут меня осенило.

— Брет-Ковбой! — выдохнул я с нервным благоговением. — Тот самый Брет-Ковбой?! — Вытаращив глаза, я обернулся к Диане. — И Диана? ДИАНА ФОН БЭБИ?

— Киньте мальчику рыбку, — пробурчал Девон из-за газеты.

Хлопая глазами, я тряхнул головой, громко засопел, пытаясь придумать какую-нибудь блестящую фразу. Брет-Ковбой и Диана фон Бэби сразу, в одной комнате со мной! Просто не верилось…

— Я — Макс Супер! — выпалил я. — И, должен вам сказать, я тусуюсь в «Раю» с двадцати лет, и это буквально самое клевое…

— Польщен, — отозвался Брет-Ковбой, продолжая точить свой нож. — Но если ты, сынок, не заткнешься прямо сейчас, я тебя так пну, что ты взлетишь обратно в «Рай» и никогда уже не

найдешь дороги назад.

Я заткнулся. Без промедления.

— Так-то лучше, — пробурчал Брет. — А теперь, сынок, я дам тебе всего один совет. Можешь слушать Диану, пока уши не отсохнут, но не слишком уж расслабляйся. Помни, ты на свободе лишь условно.

— Условно? — Я поглядел на Диану. Она приоткрыла рот, точно собираясь что-то сказать. Но Брет вновь перехватил инициативу:

— Правила у нас простые, сынок. Чего тебе захочется, то и делай. Мы — народ горячий, буйный — некоторые даже говорят «разбойники».

Девон, хмыкнув, громко зашуршал газетой.

— Делай что хочешь, — повторил Брет, — но если тронешь сетевую архитектуру или понаделаешь стабильных дырок в виртуальной реальности или еще как-нибудь ввяжешь нас в драку с сетевой полицией… — Тут он перестал точить нож, подцепил кончиком клинка поля своей шляпы и сдвинул ее на затылок, демонстрируя мне свое лицо. Его усы, очевидно, совмещали в себе функции украшения и цедилки для супа, но больше всего меня поразили глаза Брета. Клянусь, они были голубыми, как сталь, совсем как блестящие кобальтовые инкрустации на некоторых старинных револьверах из коллекции Ле-Мата.

— Навлечешь на нас неприятности, — продолжал Брет, — и мы сдадим в Федеральное Информационное Управление твое расчлененное тело. Красиво-аккуратно разложенное по белым бумажным пакетикам. Заруби себе на носу: не виртуальное тело — РЕАЛЬНОЕ, — и он поставил точку, метнув в меня свой нож. Клинок вонзился в кресло в нескольких дюймах от моего виска. — УСЕК, СЫНОК?

Час назад МАК**ССУПЕР** объяснил бы, что именно «усек», при помощи своего мономолекулярного складного ножа. О да, его клинок уже трепетал бы в единогласном резонансе с ковбойским ножом, вонзившись в кресло Брета. Однако в данных обстоятельствах подобный стиль поведения был неуместен. Так что я начал мучительно подбирать слова для ответа. Меня спасла Диана:

— О, Брет, держи себя в руках! Я уверена: этот юноша поведет себяпрекрасно. В противном случае Д**ОНМАК** не прислал бы его сюда. Брет-Ковбой только сдвинул свою шляпу еще дальше на затылок и подозрительно уставился на Диану.

— Хм-м! — Повернувшись ко мне, Диана схватила мою руку и вытащила меня из кресла. — Пойдемте, Макс! Мы отгородим вас от влияния этих неандертальцев и поможем вам сделать

первый шаг в вашей новой жизни!

Шагая так быстро, что мне пришлось перейти на рысь, Диана вывела меня из гостиной, провела по коридору через какой-то освещенный висячими канделябрами холл… Ужасно жалею, что не было времени помедлить и рассмотреть все подробности. Общее впечатление — гибрид элитарного частного клуба с четырехзвездочным отелем.

Резко повернув направо, мы пронеслись по соблазнительно пахнущей столовой, взбежали по широкой мраморной лестнице, оказались в другом длинном коридоре со множеством дверей темного дерева. Диана внезапно остановилась перед одной из них, притронулась к замку — он мимолетно сверкнул — распахнула дверь и пригласила меня войти.

— Мои личные инфопокои, — пояснила она, захлопнув дверь и закрыв ее на замок. — Надеюсь, ничто не нарушит нашего уединения.

Она щелкнула пальцами — и шторы сами собой раздвинулись, впустив в комнату свет. Оказалось, что это…

Вообще-то, у меня и слов таких нет, чтобы это описать. «Императорский номер-люкс», что-то в этом роде. Огромная комната, всюду изящная антикварная мебель. Стены внизу обшиты светлым деревом, а сверху выложены такими синими на белом непонятными штуками… Будь это брошки, они назывались бы «камеями». В общем, вы меня понимаете. А еще — канделябры, люстры, стеклянные окна-двери до потолка, а в геометрическом центре комнаты — бескрайняя кровать под балдахином.

Отступив назад, Диана подперла подбородок рукой, окинула меня испытующим взглядом.

— Итак, в первую очередь, — произнесла она, — мы должны покончить со всей этой карикатурной черной одеждой. В «Раю», возможно, она еще сходила вам с рук. Но здесь, в Аду, требования намного выше.

Она повернулась к вычурному старинному гардеробу, слегка нажала на шишечку, и двери распахнулись, открыв взорам огромный стенной шкаф, который явно не мог существовать в трехмерном пространстве.

— Думаю, смокинг подойдет, — пробормотала она, перебирая висящие в шкафу вещи. Оглянувшись через плечо, она попыталась угадать мой размер:

— Длина — сорок два?

Я не знал, что ответить. Последний раз я покупал себе одежду на распродаже в «К-марте».

Скорбно цокнув языком, Диана вынула из шкафа целую охапку смокингов.

— Что ж, придется экспериментировать, пока не уточним размер.

Подлетев ко мне, она швырнула одежду на кровать и потянула за рукав моей «косухи».

— Ну давайте же. Снимайте! Быстро-быстро! Я скинул с себя куртку, задумался, куда бы ее повесить, и просто кинул ее на пол.

— Рубашку — тоже.

Я расстегнул свою черную шелковую рубашку, подивился тому факту, что в виртуальной реальности у меня была волосатая грудь (и вообще более или менее пристойное тело), отшвырнул рубашку.

Глянув на мои ноги, Диана покачала головой:

— Боже, эти ботинки! Определенно — долой! Балансируя на одной ноге, я расшнуровал оба ботинка, сбросил их с ног. Мягкий ковер нестерпимо щекотал мои босые ноги — а-ах, кайф-то какой!

— И брюки, — распорядилась Диана, кивая. Я расстегнул свой ремень со стопудовой хромированной пряжкой, затем — соответствующую пуговицу, затем — соответствующую молнию. Стащил свои черные штаны. И только в этот момент до меня дошло, что я стою перед абсолютно незнакомой женщиной абсолютно голый, если не считать «Роллекса» и трусов со «смайликами».

Отступив на шаг, Диана вновь подперла подбородок рукой, окинула меня еще одним испытующим взглядом. Кивнула.

— А знаете, — произнесла она, оглянувшись через плечо на кровать с грудой смокингов и дорогих костюмов, — мне кажется, нам следует опустить прелиминарии и сразу перейти к оральному сексу.

И, не успел я и слова сказать, как она опустилась передо мной на колени, спустила мои трусы до щиколоток и широко раскрыла…

«БАМ-М!» Дверь в коридор буквально взорвалась.

— НЕ ТРОЖЬ ЕГО, СУКА! — завизжал женский голос. — ОН МОЙ!

Вскочив на ноги. Диана оскалила клыки, скрючила пальцы наподобие когтей и испустила звериное шипение. Что до меня, то я чуть не утратил контроль над своим сфинктером.

— Элиза? — выдохнул я. К счастью, слишком тихо, чтобы быть услышанным.

Новоприбывшая дамочка вошла в комнату, точно звезда кикбоксинга: шествуя уверенно, но осторожно, на цыпочках, с почти кошачьим изяществом. Диана, шипя, отодвинулась от меня. Новенькая принялась ходить вокруг Дианы кругами. По дороге ей попалось бесценное («Луи Четырнадцатый»!) кресло. Одним

пинком она превратила его в щепки. Я стоял между ними, не в силах сдвинуться с места. Вспомнилось, как я однажды попытался разнять Истеркиску и соседскую кошку… Короче, я предвидел самое неблагоприятное развитие событий. На миг силуэт незнакомки четко обрисовался на фоне окна, и стало ясно, что у нее безупречная фигура.

Значит, Элиза исключается.

Дамы практически поменялись позициями вокруг меня. Новенькая застыла у стеклянных дверей. Диана стояла спиной к распахнутой двери. Она выгнула спину дугой. Полоснула по воздуху своими когтями. Зашипела, брызгая слюной…

И, развернувшись, выбежала в коридор. Дверь за ней захлопнулась.

НИ ФИГА СЕБЕ.

И тут я услышал за своей спиной нежное цоканье туфель на шпильке. Острые ногти впились в мое левое плечо, медленно проползли по моему хребту до низа спины. Тяжело дыша, я скрипнул зубами, изобразил на губах улыбку и обернулся.

— Здравствуй, миленький, — проворковала Амбер. — Извини, что раньше не подоспела. Торвольд немало потрудился, чтобы отыскать меня и сказать, что ты вышел в суперы.

Ее длинные пальцы принялись гладить и ласкать мою щеку, тихо скользнули в волосы на затылке. Затем она крепко обняла меня, яростно поцеловала в губы, засунула свой настырный язычок мне в рот — до самых миндалин.

— Не-е… — беспомощно прошептал я, когда она позволила мне сделать вдох, — …надо.

Она поцеловала меня еще раз — долгим, яростным поцелуем.

— Не… Надо…Ради… Она поцеловала меня в третий раз — медленным, ласковым, бесконечным поцелуем, от которого у меня подогнулись ноги, а перед глазами заплясали синие точки — симптом кислородного голодания.

— Ради Бога, не надо останавливаться, — тихо взмолился я. — Возьми меня сейчас.

Она вновь поцеловала меня. Я превратился в масло, тающее в ее сильных, но изящных и чутких руках.

— Прости, что по моему недосмотру ты оказался здесь один, — шепнула она мне на ухо, деликатно покусывая и полизывая ушную раковину. — Я должна была предвидеть, что эта старая ведьма Диана захочет подцепить тебя на свой крючок. Ты такой невинный, такой беззащитненький… — Она обвила меня руками, крепко прижала к себе и внезапно заставила меня осознать с мучительной ясностью, что я стою в чем мать родила, стреноженный собственными трусами. Мне оставалось лишь

трепетать и стонать от удовольствия.

— Бедненький мой мальчик, — шептала мне на ухо Амбер. — Давай-ка я проверю, не сделала ли эта гнусная старуха тебе бо-бо.

Она надолго впилась губами мне в шею. В этот момент я понял, почему вампиризм считается в некоторых кругах эротичным.

— Тут все в порядке, — выдохнула она и, перехватив меня поудобнее, покрыла поцелуями мою волосатую грудь. Красивым финалом стал нежный укус моего невероятно эрогенного правого соска. — Это тоже работает, как надо, — чуть пригнувшись, она прошлась языком по моим плоским, красиво очерченным брюшным мышцам. Я весь корчился от наслаждения. — И здесь нет проблем.

Опустившись на колени, она разметила поцелуями мой аппендикс, спустилась по правому бедру к коленной чашечке, а потом — медленно-медленно — поднялась обратно, постепенно сворачивая к внутренней стороне бедра…

— А теперь, — проворковала Амбер, — главный тест. Обвив левую руку вокруг моих ягодиц, чтобы я не мог вывернуться, крепко держа мои семейные алмазы и основание моего Сами-знаете-чего, она неспешно, сладострастно, тщательно облизала этот орган от основания до кончика, потом принялась все быстрее и быстрее очерчивать круги языком вокруг рабочего конца, на миг прервалась, чтобы торопливо отдышаться и…

О ГОСПОДИ!

Пятнадцать миллисекунд спустя я вернулся назад в реальность. Сообразив, что произошло, я сорвал с головы видеоочки, швырнул их на пол и завопил что было мочи:

— ЛЕ-МА-А-АТ!

Он пулей подскочил ко мне:

— Джек! Джек! Что там с тобой делали, черт тебя задери?!

— ЧТО-0? — Я сам не знал, то ли задушить его, то ли неутешно разрыдаться, то ли сделать и то и другое сразу.

— Мы отключили аудио— и видеосвязь, ты что, не помнишь? Я мог следить только за твоей биотелеметрией!

«А-А-А-А!» — грохнувшись на колени, я заревел в голос.

Ле-Мат, опустившись рядом со мной, начал торопливо выдергивать оптические кабели из моей сетерации.

— Парень, твои биоиндикаторы зашкалило выше крыши! Пульс, дыхание, кровяное давление — блин, я уж думал, ты сейчас взорвешься! Отключив пояс-рацию, он снял ее с меня. Из моих уст вырывался лишь бессвязный младенческий лепет.

— Ну а когда ты завопил, — проговорил Ле-Мат, мотая головой, — я рассудил, что пора нажать аварийную кнопку и тебя

выручить.

Я поднял на него свои покрасневшие глаза и вообразил, как красиво будет смотреться его голова на окровавленной пике.

— Ну, рассказывай, — сказал Ле-Мат. — Что там с тобой было?

— Дружок, — произнес я, стараясь не сорваться на крик. — Боюсь, что сейчас тебе будет очень-очень больно.

15. ВСЕ БЛИЖЕ К СУТИ ДЕЛА

В тот же вечер Ле-Мат отправился в «Рай». Почему Ле-Мат? Потому что после всего произошедшего у меня на нейро-интерфейс даже глаза не глядели. Правда, Ле-Мат слишком дорожил своим целомудрием, чтобы пользоваться «Проктопродом», так что, нацепив обычное виртуальное снаряжение, он прибег к старому методу. Пока он гулял, я лежал ничком (задницей вверх) на матрасе и проклинал судьбу.

Ах, Амбер, АМБЕР…

Без четверти полночь Ле-Мат всплыл. Содрал с себя видеоочки.

— Джек? — сказал он. Нет, не сказал, а прохрипел.

Растолкав сам себя, я приподнялся на локтях:

— Чего?

— Пива, — проскрипел Ле-Мат. — Скорее пива.

— Ладно, — шатаясь, я встал на ноги, проковылял к своему старому мини-холодильнику, распахнул дверцу. Лампочки холодильника озарили комнату светом. — Выбирай, — уведомил я. — «Саммит», «Джеймс Пейдж», «Сэм Адамс» или «Свиноглаз».

Тут я должен подчеркнуть, что за снабжение холодильника припасами отвечал сам Ле-Мат.

Обработав полученную от меня информацию, Ле-Мат решил:

— Помоев. Скорее — помоев.

Я схватил банку «Пилснера-Свиноглаза» и отнес к компьютеру.

Ле-Мат никак не мог снять свои громоздкие инфоперчатки, так что я открыл ему банку.

— Ну, как сходил? — спросил я.

— Хорошо. — Отняв у меня банку, он запрокинул голову и вылил в себя целый ручей. Я даже испугался, что он захлебнется. — Лучше, чем я ожидал, — уточнил он, когда решил подышать. И рыгнул. — Из-звини.

— Ты нашел дверь в Ад? Или Амбер?

— Ни ту, ни другую. — Он вновь чуть не захлебнулся пивом, затем потер себя по лбу заиндевевшей банкой. — Не знаю уж, как они свою дверь прячут, но ЭТИМ, — он выразительно постучал по своим видеоочкам, — ее не возьмешь. Я даже не смог найти дверей других активных ловушек, о которых ты рассказывал.

— А в квартиру в Токси-Тауне ты не совался? Ле-Мат сделал медленный, скрупулезный глоток и поставил банку на монитор.

— Не понадобилось, — сообщил он. — Я вернулся в «Рай» отловить либоД**ОНМАКА**, либо дона Вермишелли. — Тут он

улыбнулся (как-то криво) и вновьпостучал по своим старым видеоочкам. — Чисто для информации — если смотреть моими глазами, «Рай» с виду ничуть не изменился. Правда, воспринимаешь все совсем по-другому — после твоих рассказов о том, что там на самом деле… —

Вздохнув, он вновь переключился на пиво. — ДО**НМАК**? — напомнил я. — ДО**НМАКА** ты нашел? — Не-а, — помотал головой Ле-Мат. — Зато этот гребаный гном — как там его?..

— Торвольд.

— Во-во. Торвольд нашел МЕНЯ. Наколол как последнего чайника. Сунул мне в руку почтовый чип и слинял в облаке дыма — я даже «здрасте» не успел сказать. Я уж думал, мне придется весь бар из пулемета перестрелять — иначе позора не оберешься, — и Ле-Мат вновь припал к банке.

— Правда? — переспросил я, прикинувшись невинной овечкой. — Даже не верится, что Торвольд мог тебя надуть. Стареешь, наверное.

— Типа того. — Банка была опустошена. Ле-Мат смял ее и жестом приказал мне принести новую. На этот раз я прихватил банку имбирного для себя.

— Значит, ты получил послание, — сказал я, вернувшись с пивом. — И что там написано?

— Не знаю. Оно зашифровано под тебя. — Ле-Мат отодвинул стул от компьютерного стола, встал, побрел в глубь офиса. — Будь любезен, — жестом он указал мне на свой стул. — Оно в папке.

Я сел на стул, пододвинул его к столу и перешел в электронную папку. На экране монитора распахнулось окошко, из него, сверкнув карими глазами, выглянуло прелестное лицо Амбер.

— Секретное послание только для Макса Супера, — произнесла она. — Чтобы его услышать, ты должен ответить на один вопрос. У тебя в кармане пушка, или ты просто рад меня видеть?

Я набрал на клавиатуре ответ: «ЭТО КУРНОСЕНЬКИЙ ЗАДАВАКА».

— Значит, помнишь… — просияла Амбер. — Привет, Макс.

Ее лицо на мониторе застыло. Зажужжал и заскрипел винчестер — автодешифраторы принялись работать над посланием. Экран потемнел, картинка на нем обновилась.

Но в центре нее вновь находилась Амбер.

— Здравствуй, милый, — томно и страстно выдохнула она. — Я знаю, что стобой сегодня случилось. ДО**НМАК** сказал мне, что Гуннар прикрывал тебе хвост. —Она улыбнулась, очень

сексапильно, и подмигнула мне. — Между нами — будь с ним поосторожнее. Мне он кажется каким-то… левым. (Ле-Мат, стоявший за моей спиной, отскочил в сторону.) Конечно, дело житейское. Очень-очень многие мужчины увлекаются большими пушками, чтобы компенсировать ощущение своей…

малости. (Ле-Мат громко клацнул зубами и откусил кусок от своей пивной банки.)

Амбер вновь улыбнулась, послала мне воздушный поцелуй и так встряхнула своей черной гривой, что у меня дух перехватило.

— Мне ужасно не хотелось бы думать, что у тебя никогда уже не будет шанса узнать, ЧТО ИМЕННО ты сегодня упустил. (На сей раз пришел мой черед клацать зубами. По адресу Ле-Мата.) Вот что я предлагаю. К этому посланию приложены файлы с полной информацией о моей маленькой проблеме. Давай ты их просмотришь, проведешь кое-какую разведку и встретишься со мной через пару дней — чтобы обсудить наши дальнейшие действия. Давай в 0300 по Гринвичу, во вторник, у меня? — Пауза. — НАЕДИНЕ? — Она медленно облизала кончиком языка свои тонкие, но страстные губы.

В тот миг я ненавидел Ле-Мата всеми фибрами души.

— До скорого, милый. — В последний раз улыбнувшись и подмигнув, она схватила окно за краешек и свернула его вместе с собой.

— Джек? — окликнул меня Ле-Мат. — ДЖЕ-Е-ЕК? — Он помахал у меня перед носом рукой. — Джек, Джек, я — Земля. Спустись с облаков, Джек. Как слышимость?

Схватив его за запястье, я ужасно пожалел, что у меня не хватит силы оторвать ему руку и отхлестать его этой рукой по щекам.

— Чего?

Глаза у Ле-Мата были круглые от изумления.

— Слушай, она всегда такая? Всегда — честно? — Я мог только скрипнуть зубами и кивнуть.

— Мама родная, — заметил Ле-Мат. — А ты храбрее, чем я думал.

В тот же вечер мы расшифровали и разархивировали остальные файлы Амбер. Правда, где-то в час ночи я спекся и рухнул на матрас. Ле-Мат остался за компьютером — попивать «Пилснер-Свиноглаз» и просматривать файлы. Я и сам не помню, в котором часу отрубился.

Зато я точно помню, когда именно проснулся.

— Джек! — Ле-Мат теребил мое плечо. — Вставай! Я перекатился на ту сторону матраса, нашел на полу свои часы и слипающимися со сна глазами уставился на циферблат.

— Ась? — зевнул я. — Джозеф, сейчас… — я вновь уставился на часы, — три тридцать семь. Я сплю.

— Плевать! Это надо видеть! — последний раз я видел Ле-Мата таким восторженным, когда он отыскал идеально сохранившийся «Хенель-М42», Жизнь научила меня, что, когда он такой, ему надо подыгрывать и поддакивать, иначе, худо будет…

— Ладно. Минуточку, хорошо, — сделав кувырок, я сел на матрасе, протер глаза, отзевался, потом, обшарив пол, нашел, во что засунуть свои босые ноги. Кажется, эти устройства называются обувью. — Смотри, чтоб я не разочаровался.

— Поверь, — отозвался Ле-Мат, — тебе точно понравится.

Он помог мне принять относительно вертикальное положение, провел меня через комнату к рабочему углу и припарковал на стул перед ярко сияющим монитором.

— Вот, — сообщил он, постучав по экрану. — Читай.

С минуту я регулировал экран монитора, доводя ослепительные буквы до удобочитаемого уровня, а также фокусируя и синхронизируя взгляд обоих моих глаз. Еще минута ушла на то, чтобы мой мозг загрузился и начал обрабатывать прочитанное. Но как только он начал это делать…

Блин, нафаршируйте меня густой карамелью и нежной мякотью кокосовых орехов. Задание Амбер было слишком красивым, чтобы оказаться правдой.

Как выяснилось, моя таинственная клиентка была одновременно ученым-диетологом и инженером тахопитательных систем — другими словами, дизайнером блюд быстрого питания. Но она была не просто ученым-инженером, а — с ее слов — тем самым Гением-одиночкой, на котором лежала ответственность за последний, федерального значения писк в области сетей быстрого питания — «Жареные кальмары боцмана Комары».

— Ну и прекрасно, — скажете вы. Но у моей клиентки возникла серьезная проблема. Примерно год назад она начала переговоры с крупной международной корпорацией на предмет получения патента и распространения ее продукта. Однако переговоры каким-то образом вышли из-под контроля, и не успела моя клиентка и глазом моргнуть, как корпорация прикарманила все ее достояние. Рецепты, стратегию расположения торговых точек, лук, секретный соус, перец-халапеньо — все подчистую.

Поскольку дело происходило в Америке, она, само собой, немедленно подала в суд. Но процесс затянулся на много месяцев — точнее, завис.

***

ИНФОСГУСТКИ

До, я не удержался. Раз пошла такая пьянка, позвольте мне еще один вставить.

***

И если в последний момент не вмешается божественное провидение, иск будет отклонен.

***

ВОПРОС

Сколько программистов нужно, чтобы сменить лампочку?

Ответ: ни одного. Лампочка — дело специалистов по железу.

***

И потому, отчаявшись, она обратилась ко мне. Моя миссия — если я соглашусь — будет проста: проникнуть в компьютерную систему этой нехорошей международной корпорации, найти улики, которые помогут клиентке выиграть дело, восстановить порядок и законность во вселенной быстрого питания и — что немаловажно — закрепить за клиенткой авторские права на кальмаров (приблизительный совокупный доход — 25 миллионов долл. в год).

Но не кальмары привлекли мое внимание. Нет, мой взгляд неотрывно прилип к маленькому дополнительному файлу-наклейке, в котором моя клиентка излагала предположения о местонахождении улик. Разумеется, она привела соответствующий адрес Сетевого сервера и урл-код, но могла бы и не напрягаться, между прочим. Этот адрес я знал наизусть.

«МДИ — «Этногрэфикэл Хаусгудз Мануфактуринг» Центральный офис. МДИ-305».

Ле-Мат вывел меня из блаженного транса, хлопнув по спине.

— Ну, что скажешь, Джек? Миллион баксов за взлом системы, которую ты сам разрабатывал, и удовольствие наказать МДИ во все дырки? Везет же людям!

Я подумал. Тихо захихикал. Еще немного подумал, отчаянно пытаясь отыскать в этом задании какой-нибудь микроскопический подвох. Не нашел и захихикал еще пуще. Значит, Амбер — или ее начальник-инкогнито — наняла меня

нагадить МДИ? За миллион баксов? БЛИН, ДА ЗА ЭТО И ДЕНЬГИ БРАТЬ СОВЕСТНО! Тут меня разобрал такой смех, что я уткнулся лицом в клавиатуру, довел компьютер до припадка дикого кваканья и попискивания и вновь откинулся на спинку стула, не переставая ржать.

— Гуннар, друг ты мой силиконовый! — возгласил я, когда отдышался и вновь смог изъясняться связными словами. — Еще немного — и я поверю в божественное провидение! Слава, слава, аллилуйя!

Час спустя. Мы трижды перечитали файлы с начала до конца и обратно. Кофеварка распевала во всю мочь своих синтетических легких. Мы с Ле-Матом вновь обрели здравомыслие. Каждый — в своем стиле. Как мы поняли довольно быстро, весь фокус был в том, чтобы взломать систему МДИ, прикинувшись злоумышленником СО СТОРОНЫ. Ибо я являлся озлобленным экс-служащим (или потенциальным экс-служащим, или… блин, у Катэ из отдела перераспределения трудресурсов наверняка нашелся бы благопристойный термин-обманка)… Несомненно, служба безопасности уже не сводила с меня своих всевозможных органических и электронных глаз. Итак, МАК**ССУПЕР** должен пролезть в систему, НЕ ИСПОЛЬЗУЯ знаний, которые могут указать на Джека Берроуза. (Тут мы с Ле-Матом, как и следовало ожидать, затеяли продолжительный диспут, достойный второкурсников на занятиях по «Философии для продолжающих».) Имеются три области знаний: 1/ то, что мне положено знать для выполнения моих обязанностей; 2/ то, что мне реально нужно знать для выполнения моих обязанностей; 3/ то, что я реально знаю. Эти три области, сами понимаете, пересекаются между собой весьма редко. Так вот: какую область знаний мы принимаем за базис для наших планов? То, что я действительно знаю? То, что мне положено знать? Предположения МДИ о моих знаниях? Наши предположения о предположениях МДИ относительно моих знаний? А может, наши предположения о всех возможных предположениях МДИ относительно моих предположений о предположениях МДИ о моих предположениях… В общем, может ли человек точно узнать, что он знает то, что знает? Короче, сами знаете…

(— Ох, эпистемиология, — заметил Ле-Мат, — это от нее все философы становятся старыми пердунами.)

Прорубив себе сносную дорогу через этот темный лес из трех сосен, мы немедленно влипли в роскошный спор о том, когда именно следует приступить к делу. Ле-Мат голосовал обеими руками за то, чтобы начать немедленно. Если не раньше. (— Первое правило консультанта, — заявил он, задрав нос, —

скромные обещания и эффектные результаты. Если Амбер надеется в понедельник получить от тебя план боевых действий, прикинь, как она растает, когда ты выдашь ей результат!) (Почесав в затылке, я нехорошо прищурился.

— Минутку-минутку. Вчера ты говорил, что первое правило консультанта: «Ничего не делай наудачу».)

К счастью, когда мы несколько минут поупирались друг в друга своими бараньими лбами, сами собой вырисовались некоторые реальные обстоятельства, и вопрос был закрыт. Важнейшее из этих обстоятельств состояло в том, что считанные минуты оставались до пяти часов утра — субботнего утра. Хотя интерфейс превратил меня в виртуального бога киберпространства, даже у моих невероятных способностей был свой предел. К примеру:

«Мой капитан, над законами бухгалтерии я не властен!» Начиная с пяти утра каждую третью субботу месяца почти все вычислительные возможности МДИ используются на полную катушку для выполнения таких увлекательных операций по пакетной обработке данных, как распределение по отделам затрат на грузовые перевозки и планирование ожидаемых производственно-сырьевых расходов. Единственными нормальными составляющими входящих инфопотоков были в этот день и час еженедельные рапорты «Дебет/Кредит» из наших филиалов в Тихоокеанском бассейне; а единственной нормальной компонентой исходящих инфопотоков — суммарный рапорт «Дебет/Кредит», посылаемый в воскресенье после обеда в Высочайшее Святилище Менеджмента в Париж.

— А по-моему, нам это только на руку, — проворчал Ле-Мат, после того как довольно грубо зевнул посреди моей лекции о методологии прироста затрат на снабжение. — В системе никого не будет — вот нас и не заметят, верно?

— Неверно, собачий хвост, — ответил я. (Учтите, дело было в пять утра, и мы оба несли, что на ум взбредет.) — Они обрабатывают эти пакеты дерьма по выходным именно потому, что оно здорово тормозит систему. И если Макс Супер прямо сейчас прыгнет в сеть МДИ, то окажется по пояс в виртуальном горячем сиропе, из которого ириски делают.

Ле-Мат нахмурил лоб:

— Спорим, Амбер от этого заторчит.

— Если мы сейчас туда сунемся, — продолжал я, пропустив последнее замечание мимо ушей, — нас будет видно издали — это как в ювелирный магазин ломиться в полночь. Нет, наш час пробьет в понедельник утром. Где-то в восемь пять.

— Это почему же? — вопросил Ле-Мат, недоверчиво выгнув

бровь.

— Потому что после выходных система вернется в нормальное состояние, — пояснил я. — Локальные сети будут работать на максимальной скорости — все Восточное Побережье попытается одновременно войти в систему. И каждый второй абонент с похмелья перевpет свой пароль, так что ложных команд будет до фига.

— Ага, — произнес Ле-Мат. Первые проблески понимания забрезжили на налитом кровью небосклоне его усталых глаз. — И наши копания отмычкой в замке…

— Благополучно потеряются на фоне обычного понедельничного графика.

Поразмыслив над моей идеей, Ле-Мат кивнул. Потом еще раз кивнул. И еще раз, и еще… Тут до меня дошло, что это не редкостный припадок благожелательного на-все-соглашательства, а просто дремота. Ле-Мат заснул на ногах. Схватив его за плечо, я отвел Ле-Мата к военторговской раскладушке, которую он привез из дома, и позволил ему рухнуть ничком. Потом выключил из сети кофеварку, усыпил компьютер, добрался до своего матраса и — если не ошибаюсь — умудрился сперва лечь, а уж потом отрубиться.

Часов в семь утра через восточные окна в офис проникли первые лучи светлого завтра. Немедленно на чердаке зашумели голуби. Два этих факта, взятые вместе, напомнили мне, что без штор нам точно будет каюк.

Незадолго до полудня я вернулся в Страну Почти Живых. Ле-Мат уже смылся — даже записки не оставил — так что я почистил зубы, причесался собственной пятерней и решил съездить к маме — за второй партией барахла. Выйдя на улицу, я обнаружил, что неизвестный благодетель приподнял мою «тойоту» домкратом, подложил под днище кирпичи, снял мои лысые и непарные покрышки «Монтгомери-Уорд» и заменил их новенькими «Мишленами».

Пожав плечами, я поехал к матушке.

Дверь черного хода была распахнута настежь. Лоток Истеркиски вонял на весь квартал.

— Привет, ма, это я!

— ДЖЕ-ЕК? — Из гостиной послышались стоны диванных пружин и скрип половиц. Она мужественно попыталась… Еще раз попыталась…

И с тяжким вздохом изнеможения вновь провалилась в диванные подушки.

— Я в гостиной! — вскричала она.

Я в нерешительности замер на лестнице, потом, передумав,

побрел наверх. Услышав мои шаги, мама приглушила звук телевизора. По дому разносились слабые, какие-то дребезжащие «ох!» и «бах!» — ага, «Профессиональные бои без правил».

— Ты всего на минуту опоздал, — сообщила она, когда я вошел в зону уверенного приема аудиосообщений.

— К чему, ма? К потрясному нокауту? — Мельком удостоверившись, что она не превратилась в зловонную лужу видеослизи, я подошел к буфету и начал копаться в накопившейся за это время почте. Счета, реклама, счета…

***

СРОЧНОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ

Отправитель: Центр обслуживания студенческих займов им. Дж. Гатти Адресат:

Джон Ф. Берроуз 1783,ул. Липовая Сент-Пол, MN 55103

Уважаемый м-р Берроуз:

Мы только что узнали об изменениях в вашем трудовом статусе. Поверьте, мы понимаем, как сложно жить, когда на тебе висит груз колоссальной задолженности, а впереди — неясное в финансовом плане будущее. Несомненно, порой вас одолевает желание позвонить нам, чтобы обсудить с гуманно настроенным консультантом возможности пересмотра графика погашения.

В связи с этим мы имеем вам сообщить всего два слова:

ТОЛЬКО ПОПРОБУЙТЕ!

Вам дается две недели на то, чтобы вы представили нам доказательства вашего перехода на новую работу. Иначе — м-м-м, красивые у вас коленные чашечки. Вот досада, если с ними что-нибудь произойдет.

***

— Нет, — сообщила мама. — Полчаса прошло, как сюда заходили двое мужчин. Тебя спрашивали. Приличные люди. Очень вежливые. Очень много вопросов насчет тебя задавали.

Я замер, судорожно сминая в руках недочитанный рекламный буклет.

***

ИНФОСГУСТКИ

Это был не инфосгусток, а сопроводительная документация.

***

Есть старый штамп «кровь застыла в его жилах». Я и не подозревал, как точно он описывает реальность…

— Д-да? — Мой голос сорвался на панические рулады. Я попытался овладеть собой. Безуспешно. — Они… они представились? Ма?

Мама задумалась, зачмокала губами, почесала телепультом в затылке:

— Ох, Джек, что-то я позабыла. Но одеты они были очень прилично — в костюмах. Это я точно помню. Носил бы и ты такой костюм, что ли. Авось за человека будут считать.

Медленно, опасливо я продвинулся к арке, отделявшей гостиную от столовой, и выглянул в окно. На улице все выглядело, как обычно. Ни чужих машин, ни чужих людей с биноклями — если не считать миссис Лунгрен, дамы, которая шпионила за соседями и наговаривала на пленку свои еженедельные рапорты разведке Венерианской Империи столько лет, сколько я себя помнил.

— Мама, — сказал я, как бы невзначай, — это важно. Ты никакой детали не запомнила, по которой я мог бы догадаться, кто такие были эти двое?

Мама разразилась еще энным количеством странных, глубокомысленных звуков, принялась чесать свою покрытую латунными кудряшками голову (я уже заподозрил, что у нее блохи) — и отвлеклась на экран, где произошло нечто занимательное: Грязный Бобби (также известный как Брэдфорд) вышвырнул Теда Терстона (также известного как Попка-либерал) с ринга на трибуны, и болельщики, сгрудившись, принялись лупить его своими складными стульями.

— Ох, — заявила мама, цокая языком, — какая же я дура иногда бываю!

(— Правда? — пробормотал я себе под нос. — А я и не заметил.)

— Один из них оставил свою визитку и сказал, чтобы я позвонила, если ты появишься. Она на кухне у телефона.

Уронив конверты, я побежал на кухню и зарылся в многолетние наслоения записок и газетных вырезок, прикнопленных к доске.

— Погоди! — окликнула меня мама. — Я все напутала! Вот она!

Я промчался назад в гостиную и чуть не оторвал ей пальцы вместе с визиткой.

Визитка была… весьма благопристойная. Высококачественная печать, тисненый двуцветный узор из цветочков. И текст:

Тодд Беккер.

Выездной проповедник.

Церковь Вегентологии.

— Спасибо, ма, — выдохнул я. Мое кровяное давление нормализовалось. Я задумался, скольких лет жизни мне стоила эта легкая истерика. — Ладно, если что, я внизу. — Я направился к лестнице.

— ПОДОЖДИ, — крикнула вслед мама, задержав меня на пороге кухни. — Джек? Я вчера ходила вниз белье стирать и заметила, что у тебя кое-что пропало. Ты заметил?

Откашлявшись, я уставился на пол:

— Ма? Я же переехал дня два назад, ты не помнишь? Снял себе квартиру?

— А-а, — кивнула она, — точно-точно. Я забыла.

Тут на телеэкране что-то произошло, и, завопив: «Так его!», она врубила звук до упора и, очевидно, немедленно выкинула из головы тот факт, что я стоял рядом и мы разговаривали. Я в последний раз обвел взглядом верхние комнаты — м-да, отсюда мне явно ничего не требовалось — и отправился к себе.

На моем автоответчике накопилось больше дюжины посланий. Сперва я пришел в восторг. Потом прослушал их и обнаружил, что только одно из них — НЕ от Т'Шомбе. Это счастливое исключение исходило от Катэ из Перераспределения: похоже, диск «Конформизм в одежде» требовался ей позарез. Ну а послания Т'Шомбе охладили мой энтузиазм еще пуще. Судя по всему, Т'Шомбе дико разозлилась, что я ее подвел в пятницу вечером. (Блин, ничего уже не помню. Я что, обещал сходить с ней на какую-то идиотскую церковную службу?)

Так что я переключился на мой шкаф и начал паковать следующую партию пожитков для переброски в офис. В основном это была одежда. И всего одна — ну ладно, возьму две, — ну хорошо, ПЯТЬ штук и ни одной больше, моих любимых ракетомоделей. И, само собой, полное собрание комиксов про Судью Дредда. Но железную дорогу я скрепя сердце оставил.

Я уже практически погрузил все в багажник, когда голос мамы, отдавшись эхом во всем доме, отыскал меня у гаража.

— ДЖЕ-Е-К! НЕ ЗНАЮ, КАК ТЫ ЭТО ДЕЛАЕШЬ, НО ОТ ТВОЕГО КОМПЬЮТЕРА У МЕНЯ ОПЯТЬ ВСЕ НА ЭКРАНЕ ПЛЫВЕТ!

М-да, давно пора было убираться отсюда.

16. ЗАЧЕМ ДУРАКИ ВЛЮБЛЯЮТСЯ

Вернувшись в родной офис, я обнаружил, что Ле-Мат, судя по всему, уже тут побывал. На улице стоял его пикап; ведущая к грузовому лифту дверь была незаперта; на полу в самом офисе тут и там громоздились раскупоренные ящики с его барахлом. К его чести, он даже где-то надыбал шторы для восточных окон — правда, при ближайшем рассмотрении шторы оказались пластиковыми чехлами цвета хаки, склеенными между собой при помощи скотча. Сам Ле-Мат как в воду канул. Сперва я не особенно беспокоился. Вздыхая, принялся разгружать «тойоту». Разгрузил. Ле-Мат не появлялся. Заволновавшись всерьез, я пошел его разыскивать.

И нашел друга на крыше: в руках — пневматический пистолет, у ног, на сером толе — куча убитых голубей. На лице — блуждающая, блаженная улыбка, от которой меня пробил озноб.

— Джозеф? — тихо окликнул я. Нет ответа. Я осторожно вынул из его пальцев пистолет и помахал рукой перед его носом. — Джозеф? Ты меня слышишь?

Он обернулся, ослепив меня столь благостной улыбкой, что я глубоко задумался — кому звонить: в неотложную психовозку или в Ватикан, в комиссию по прижизненной канонизации?

— Привет, Джек, — произнес он. Когда стало ясно, что других коммуникативных актов ждать нечего, я взял инициативу на себя.

— Ты себя нормально чувствуешь?

— Лучше не бывает, — ответил он. Ослепил меня еще одной улыбкой и вновь уставился в какую-то завлекательную точку по ту сторону горизонта. — По-моему, я влюбился, — пробормотал он наконец.

Окинув взглядом крышу, я не обнаружил под рукой ни одного потенциального объекта симпатий и инстинктивно попятился к люку.

— Э-э-э… это, в общем, классно. А кто счастливая э-э-э…

— Инге, — молвил он. — Прислушайся: даже ветер шепчет ее имя. «ИНГЕ-А-А-НДЕРС-С-С-С-0-Н-Н-Н…»

Если честно, я услышал только одно — как, отвиснув, ударила о толь моя нижняя челюсть.

— ИНГЕ АНДЕРСОН? — переспросил я, невольно сморщив нос хуже мандрила. — Эта, с пятого? Эта жирная с шиньоном и в кроссовках, и…?

— В кроссовках, — мечтательно протянул Ле-Мат. — О да. Я спускался вынести мусор на помойку — и случайно увидел ее в

дверь. Дверь была приоткрыта, понимаешь. Она стояла ко мне спиной и гладила шнурки своих кроссовок.

Тут я вообще не знал, что и думать.

— ШНУРКИ? ГЛАДИЛА?

— Да! — ликующе вскричал он. — Она сияла! Какая сосредоточенность! Какое стремление к совершенству! — Я пощупал Ле-Матов лоб. Странно — жара вроде нет. — Но, — он перешел на вкрадчивый, заговорщический шепот, — знаешь самый лучший момент? — Я помотал головой. — Я чуть с ума не сошел, — пояснил он. — Меня словно околдовали. Руки-ноги отнялись. И язык отнялся. Я прижался лицом к косяку и глаз от нее не мог отвести. И знаешь, что в этот момент произошло?

Ну, тут особого воображения не требовалось. Одинокая, незамужняя женщина обнаруживает, что за ней подглядывает какой-то маньяк…

— Я ее вспугнул, — продолжал Ле-Мат. — Выдал свое присутствие то ли шумом каким, то ли движением. И знаешь, что она сделала?

Я уже догадывался.

— Заорала и вызвала полицию?

— Взяла меня на мушку! — сообщил Ле-Мат с круглыми от приятного изумления глазами. — Я и не подозревал, что у нее может быть оружие! И все же, когда она поняла, что за ней наблюдают… — о, ни капли страха, ни секунды замешательства! Одним грациозным движением она уронила утюг, повернулась, как орудийная башня, и, выдернув из своей набедренной кобуры пистолет, застыла в классической стойке! А знаешь, что она… СКАЗАЛА?

Мне пришло в голову несколько красноречивых, обусловленных ситуацией вариантов — все непечатные.

— Она сказала: «Я в «911» не нуждаюсь». Я мог лишь тряхнуть головой:

— Блин, тебе еще повезло, что она не сказала:

«Ой, извините, кажется, моя пуля продырявила вам грудь».

— О нет, — блаженно ухмыльнулся Ле-Мат. — Я был в полной безопасности. Я же тебе говорю, моя милая Инге — само хладнокровие. В ее очаровательных ручках кольт марки «Золотой Кубок» работает четко, как аптечные вес…

— Ни фига себе, — прервал я его, взмахнув рукой. — Погоди минутку. Ты что, был так близко, что смог узнать ее пушку?

Ле-Мат несколько опешил:

— Ну да, естественно. Кольт марки «Золотой Кубок Национального Чемпиона», девяностой серии, ударно-спусковой механизм Уилсона, дуло и втулка Кинга, прицел Бо-Мара,

рукоятка Бакоте…

Я вновь показал руками «тайм-аут».

— Ты вроде бы сказал, что был на лестнице. Ты что, в ее квартиру забрался?

Ле-Мат вылупился на меня как на идиота:

— Конечно нет! Я дождался, пока она меня сама пригласит.

— Она тебя ПРИГЛАСИЛА?

— А то. Когда я объяснил, кто я такой, и спросил, какой мастер ей курки делал…

Моя голова оказалась в плену бесконечного вращения. Я плюхнулся на какую-то удобную коробкообразную штуку.

— Вы, значит, оружейные разговоры вели?

— ДА! — просиял Ле-Мат. — Это было что-то! Я испустил тяжелый вздох. Сделал глубокий вдох. Примерно с минуту чесал в затылке. И, скажу вам честно, хотя ситуация была довольно странная, ничего предосудительного в союзе Ле-Мата и Инге я не нашел.

— Ну, раз так, — сказал я, — ты, наверно, хочешь пригласить ее на пиццу или… это самое?.. В смысле, когда мы закончим с переездом?

Донельзя благостная улыбка Ле-Мата наконец-то погасла.

— Вообще-то, Джек, я… — он уставился на свои ботинки, сцепил руки за спиной, нервно пнул подвернувшийся камешек, — я вообще-то надеялся, что сегодня ты поработаешь один. Мы с Инге… — он умолк, передернул плечами.

— Ну?

— Она сейчас переодевается, — сообщил Ле-Мат. — Я ей как бы обещал свозить ее на стрельбище и дать опробовать мой «AP-15», а она мне даст свою «FN-FAL».

Я все еще гадал, как меня сегодня утром угораздило сбиться с дороги и куда сворачивать, чтобы вернуться в мою родную вселенную, когда лязгнул чердачный люк и на крышу выбралась Инге. Под ее высокими ботфортами громко скрипел гравий.

— Салют, Гуннар! — радостно вскрикнула она. Пришла моя очередь косо поглядеть на Ле-Мата.

— Ты? Ей? СКАЗАЛ?

— Я ей сказал, что по документам я — Джозеф, — быстро шепнул он мне сквозь зубы, не переставая улыбаться Инге, — но все друзья зовут меня Гуннаром. Больше она ничего не знает.

Скрипя, она приблизилась к нам.

— Инге! — возопил Ле-Мат, синхронно разинув рот и распахнув руки. — Ты чудесно выглядишь!

Бросившись друг к другу, они обнялись. Нет, хуже — что называется «слились в объятиях». Нормальные люди обошлись бы

обычным глаголом «обняться», но этим непременно понадобилось устроить что-то типа брачного танца канадских журавлей.

Кстати, о птичках: в этот самый момент я пришел к выводу, что мне непременно следует апгрейдить мои представления о значении словосочетания «чудесно выглядеть» в личном словаре Ле-Мата. На мой вкус, Инге выглядела не «чудесно», а как малорослая, квадратно-плечистая, перекормленная, тридцатипяти-с-гаком-летняя, веснушчатая пепельная блондинка, которая только что сошла с обложки каталога «Эберкромби и Фитч для дам с пышной фигурой» и направляется на фотопробы для журнала «Солдат фортуны». Ее сапоги-ботфорты я уже упомянул. Но сказал ли я хоть слово о ее галифе цвета хаки или о ее сшитом на заказ рыжем охотничьем жилете, на котором выделялось контрастное цветовое пятно — подушечка для амортизации отдачи? А эти длинные пепельно-светлые волосы, заплетенные в тугую косу, которая временно создавала эффект подтяжки кожи на лице? И огромные пуленепробиваемые солнечные очки из желтого пластика? Короче, среди местных клубных тусовщиков она могла бы произвести сенсацию.

Завершив операцию слияния, Инге и Ле-Мат неохотно расцепились. Она обернулась ко мне.

— Вы, наверно, Джек, — произнесла она, загадочно улыбаясь. — Гуннар мне столько о вас рассказывал.

Она протянула мне руку. Я пожал ее. М-да, эта дамочка могла бы колоть орехи двумя пальцами.

Ясно было одно — их отношения куда глубже, чем мне показалось с первого, второго и даже третьего взгляда.

— Послушай, Джек, — проговорил Ле-Мат, нервно дергая пальцами и глядя куда-то вбок. — Тебя точно не напряжет, если мы с Инге на пару часов смотаемся на стрельбище?

Если честно, это меня очень напрягало, но я отлично понимал — противоречить Ле-Мату сейчас бессмысленно. Я покачал головой.

— Нисколечко, — соврал я на голубом глазу. — Езжайте, ребята, расслабьтесь немного. Я управлюсь.

— Отлично! — захлопал Ле-Мат в ладоши. — Раз так…

Схватив Ле-Мата за руку, Инге увлекла его за собой.

— Раз так, мы зря теряем светлое время суток, дружище. ШЕВЕЛИСЬ. — И, подарив мне еще одну загадочную улыбку, она буквально впихнула Ле-Мата в чердачный люк. Последнее, что я услышал, — эхо голоса Инге, прокатившееся по лестничным маршам:

— Нет, за руль сяду я.

После их ухода я несколько минут просидел на крыше,

ничего не делая, а просто вслушиваясь в воркование голубей в конденсаторе вентиляционной системы и шум машин на улицах, внизу. Спустя некоторое время мне пришло в голову, что неплохо бы взглянуть на Ле-Матов пневматический пистолет, который я все еще держал в левой руке. Тут-то я и обнаружил, что эта гадость была заряжена и снята с предохранителя и взведена, или как там оно называется, и что все это время мой палец задумчиво поглаживал спусковой крючок.

Тут приблизительно в двадцати футах от меня на крышу спланировал голубь. Я старательно прицелился, медленно-медленно, как меня учил Ле-Мат, нажал на спусковой крючок и был вознагражден тихим «пиф-паф!» со стороны пистолета, обиженным воркованием голубя, который взлетел ввысь, совершенно невредимый, и веселым звяканьем разбитого стекла в здании напротив. М-да, из реальных стволов я всегда палил в белый свет, как в копеечку.

Данное обстоятельство навело меня на мысль, что пора потренироваться в виртуальной реальности. Я спустился в офис, захлопнул и запер двери к лифту и на лестницу, швырнул пневматический пистолет Ле-Мата туда, куда он соизволил брякнуться, и взялся за дело.

В этот субботний день больше ничего интересного не произошло. Я убрал всю Ле-Матову фигню из зоны моих передвижений — спасибо за честь, но свою ерунду пусть сам распаковывает — затем нацепил дигитально-индуктивный интерфейс и на несколько часов удалился в нашу локальную тренировочную МПВ-шку — отрабатывать движения, осваиваться в теле. Во второй раз «проктопрод» оказалось немного легче… э-э-э…инсталлировать, но все равно больше трех часов я не вытерпел — мне уж казалось, что если я не вытащу эту штуку из себя, то умру.

Пробило семь часов вечера. Ле-Мат с Инге все не появлялись. Я изучил широчайший ассортимент плодов криогенных технологий в нашем холодильнике и остановился на полуфабрикате: «Яблочный пирог для микроволновой печи» и банке имбирного пива. Пиццу в Нижнем городе заказать невозможно — даже сумасшедший не согласится ее доставить, а в местные кабаки мне заглядывать не хотелось — я боялся, что моя кавалерийская походка в стиле «мозоль между ног» покорит сердца местных официантов. То есть совсем не те сердца, которые мне хотелось бы покорить. В восемь часов Ле-Мат с Инге тоже не вернулись, так что я нацепил обычное снаряжение, нырнул в резервуар и потратил несколько часов на модернизацию внешности МАКС**АСУПЕРА**. чтобы чуть реалистичнее выглядеть в

глазах других суперпользователей. Потом — чисто со скуки — я прошвырнулся по «Раю», но ни ДОН МАКА, ни дона Вермишелли нигде не нашел. И почти не удивился, открыв для себя, что без них мне в «Раю» совсем неинтересно.

Где-то в 10.30 по «Раю» прошел слух, что кто-то видел, будто к главному входу приближается Элиза. Глаза у нее налиты кровью, в руках — электропила. Я счел это известие знаком, что мне пора слинять через мусоропровод Мемориала Трудовой Славы и вообще покинуть виртуальную реальность.

***

ОФИЦИЖДАНТЫ

Таинственные, но вполне официальные представители инопланетной цивилизации с планеты Жданки. Большинство астрономов предполагает, что эта планета обращается вокруг черной дыры — ибо время на ней ползет еще медленнее, чем рабочие дни у нас на Земле.

***

Я вынырнул в теплый, влажный, душный вечер раннего лета. Ле-Мат с Инге, очевидно, вернулись со стрельбища. Их «стволы» были прислонены к холодильнику; а вся кухня — замусорена

***

ИНФОСГУСТКИ

Какой еще инфосгусток? Где? Я лично ни одного не вижу. Проверьте зрение. В четвертой главе вы найдете купон на визит к Сестре Бертрилье.

***

вещественными доказательствами их любви к блюдам, которые продаются на вынос в китайских ресторанчиках. Также Ле-Мат распотрошил одну из огромных коробок, которые сегодня привез из дома. След из просыпанных пенопластовых мини-макаронин привел меня на западную сторону крыши.

***

ПРИБОРЫ НОЧНОГО ВИДЕНИЯ

Еще одна КЛАССНАЯ КРАСНАЯ ФИШКА!

Не бойтесь ночи! Станьте ее ХОЗЯИНОМ, с этими невероятными очками ночного видения «Око КГБ»! Созданные под личным контролем Иосифа В. Сталина, подогнанные для использования элитным подразделением «Совмедведь», эти игрушечки основаны на сверхнадежных электроламповых технологиях (забудьте о транзисторах с их склонностью ломаться, теряться и много о себе понимать!). Массивный стальной (24 унции!) каркас. Удобный съемный наносник, совмещающий функции противогаза и аутентичной маски КГБ-шника! И самый лучший сюрприз — они такие легкие и удобные, что вы и думать о них забудете!

Работают исключительно от портативного батарейного источника питания СБП-10034 (напряжение 13,7 вольт).

СНВ-10033 «ОЧКИ НОЧНОГО ВИДЕНИЯ» (нетто — 30 унций). Всего $ 24.95!!!

СБП-10034 Портативный батарейный источник питания 13,7, вольт-$399.95

(Нетто — 247 фунтов, приезжайте со своим грузовиком или товарным вагоном).

***

Ого-го, какая сладкая парочка. Они сидели по-турецки на крыше, осмотрительно не давая воли рукам, но эротично соприкасаясь плечами. Их лица были скрыты приборами ночного видения, украденными со складов Советской Армии. На головах — наушники, соединенные с целым лесом параболических микрофонов, которые были нацелены на парк Мерза в трех кварталах отсюда. В алых отблесках костра, на котором сгорал угнанный «БМВ», я увидел, что парк кишит обычными вечерними посетителями: наркоманами, группен-насильниками и заблудившимися в поисках модных ресторанов яппи.

— Ах, дети ночи, — тихо произнес Ле-Мат.

— Их голоса сливаются в восхитительную музыку, — отозвалась Инге.

Подавляя внезапные рвотные позывы (блин, этот тошнотворно-сладкий запах влюбленных олухов), я оставил парочку сидеть на крыше, а сам вернулся вниз, успешно поборол соблазн запереть за собой чердачный люк и рухнул на свой

матрас. Не знаю уж, что еще произошло той ночью — если что и было, я все проспал.

Воскресное утро. Неспешно вернувшись из сонного царства, я немало удивился, увидев Ле-Мата на его раскладушке и спящим — спящим в одиночестве. Правда, его пробуждение долго себя ждать не заставило: ровно в восемь зазвенел его будильник и Ле-Мат вскочил с койки, точно она была утыкана гвоздями.

— Ну, Гуннар, — промямлил я, отзевываясь, — как ты…

— Некогда! — отрезал он. — Сегодня у Инге состязания, в девять мы должны быть в клубе! — С этими словами он скрылся в ванной. Зажурчал душ.

Я скатился с матраса, встал, дошлепал до кухни и запустил кофеварку. Высыпав в нее остатки наших скудных запасов так называемого «эксклюзивного кофе». Надо будет при первом же случае купить канистру обычного кофе в зернах. Как только кофеварка завела свою песенку, Ле-Мат выскочил из ванной.

Ох, много бы я отдал за его секрет. Этот тип умудрился принять душ, побриться и полностью одеться меньше чем за десять минут.

— Успеешь кофе выпить? — спросил я вслед его улетающей фигуре.

Он затормозил (взвизгнув горящими подметками), принюхался, развернулся.

— Классная идея, Джек! Спасибо! — Запустив руку в одну из своих коробок с загадочными кухонными принадлежностями, он выудил громадный термос в красно-коричневую клетку и опорожнил в него всю кофеварку. — Инге понравится! — Сунув мне пустой сосуд, чтобы мне было что держать в левой руке (кофеварка чудесно сочеталась с пустой чашкой, которую я держал в правой, и моим обалдело разинутым ртом). — Пока! — крикнул он уже с лестницы. — К ужину наверняка вернусь!

И был таков.

Увы, вместе с кофе.

Как минимум час я проклинал свою судьбу и Ле-Мата. Дулся, злился, бродил по офису, обливаясь потом и методично пиная все картонные коробки, которые этот эгоистичный козел Ле-Мат нарочно оставил на моем пути. Я бы поныл в свое удовольствие — будь у меня хоть один слушатель — но во всем здании я был один. Кроме того, я слишком упивался своей истерикой, чтобы прерываться на поиски свежих жертв.

Потом я еще немного поскрипел зубами. Но в итоге, стоя под душем, подставляя лицо горячим водяным иголочкам и вновь разыгрывая у себя в голове сцену с кофеваркой (то была обновленная версия с радикально подправленным

саркастическим диалогом, где я сообщал Ле-Мату все, что он заслужил своим поведением), я наконец понял, в чем собака зарыта. Я просто-напросто завидовал. Нет, не Инге, которой Ле-Мат уделял так много внимания. И не Ле-Мату, к которому она относилась со столь глубоко запрятанной симпатией. А им обоим — потому что у них была своя жизнь вне виртуальной реальности. А у меня такой жизни не было.

Разобравшись с этой проблемой, я домылся, оделся и решил временно плюнуть на работу. Запер офис, спустился на уровень мостовой, прошелся до соседнего квартала и взял в кофейне круассан, большую чашку кофе и воскресную газету. И до самого обеда просидел на скамейке, в парке на набережной, тупо наслаждаясь отличной весенней погодой и наблюдая за смертельными трюками роллеров на дорожке для велосипедистов. Ровно три часа я делал вид, будто читаю газету — хотя на самом деле одолел только юмор и телепрограмму.

И был всем этим необъяснимо горд.

К тому времени, когда я вернулся в офис, мое отношение к жизни резко улучшилось, а неизвестные доброжелатели покрасили правое переднее крыло моей «тойоты» яркой, царственной, блестящей синей краской.

17. ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА: СТРАТЕГИЯ

Остаток воскресенья я посвятил работе — изучал файлы Амбер и составлял алгоритм моих действий по осуществлению ее задания. Ближе к вечеру я рассудил, что парочка разумных сборщиков информации мне не помешает, и слепил двоих торопливых, нескладных, не блистающих особой красотой автономных демонов. Я избрал для них облик мелких, мне по колено протогуманоидов с вихрастыми волосами, маниакальными ухмылками и трехпалыми перчатками вместо кистей рук. Закончив, я попятился на шаг, критически оглядел свои творения и нарек их «Тварек-1» и «Тварек-2».

Примерно в шесть воротился Ле-Мат. У него хватило совестливости завернуть к «Боцману Комаре» и купить «Бочонок капитанский» (жареные кальмары, десять порций). Он извинился за то, что увильнул от работы, а я извинился за свое хреновое настроение, а он извинился, что позволил гормонам взять верх над мозгом, а я извинился, что позавидовал его приятному времяпровождению с новой приятельницей, а он… Словом, после нескольких раундов до нас дошло, что дальнейшие состязания в самобичевательских извинениях вскоре кончатся уже НАСТОЯЩЕЙ дракой. Пришлось переключиться на кальмаров. После ужина мы доделали инфосборщиков. Потом Ле-Мат уехал домой — проверить, чем особняк занимался в его отсутствие, и выспаться на нормальной кровати.

На следующее утро, ровно в семь, меня разбудил мой верный друг факс. Значит, телефонная сеть исправно выполняла мое поручение по переадресовке звонков на офис.

22 мая, понедельник, 08.05 по местному времени. Я подключился, пристегнулся, нарядился под Маниакального Нонконформиста и теперь очень радовался, что мы не поленились заделать скотчем все щелки в шторах на восточных окнах. Ле-Мат восседал в кресле перед рабочей станцией интерфейса, прихлебывая кофе, жуя булочку, следя за моей жизнедеятельностью и осуществляя предстартовый контроль.

— Торакальные датчики? (Правда, звучит получше, чем «инфолифчик»?)

— Есть.

— Тазовые датчики? (Аналогично.)

— Есть.

— Аудиошлемофон?

— Есть.

— Датчики положения черепа?

— Есть.

— «Проктопрод»… э-э-э… в гнезде?

— «Проктопрод» где надо. И — чисто для информации — не беспокойся, я к нему ни за что не привыкну.

— Отлично. — Ле-Мат захлопнул руководство и уронил его на пол. — Представление начинается. Пошла загрузка. Три, два, один…

Я затемнил стекла видеоочков. Ле-Мат распахнул Портал Сети. На миг — ужасное, катастрофическое ощущение, будто меня всасывает колоссальная, абсолютно черная труба канализации, а потом…

ЧМОК! Я стоял на симпатичном зелененьком склоне в Виртуальной Реальности, где все мужчины сильны, все женщины — красивы, а все дети находятся в розыске за уголовные преступления.

— Лады, — проскрипел мне в ухо Гуннар, — проскочил. Тут вроде тихо-мирно, так что я пока отключу аудио и видео. Обойдемся биотелеметрией. Но прежде всего… Макс?

— Да, Гуннар?

— Ни пуха ни пера, старина. Я показал ему большой палец:

— К черту. Оставь на мою долю пару булочек. (За завтраком мы имели бурную дискуссию по этому вопросу и сошлись на том, что булочки с пророщенной пшеницей и интерфейс данной конструкции — не лучшее сочетание.) В моем ухе раздался щелчок — Гуннар вырубил аудио. Спустя секунду я ощутил затылком что-то вроде «одиночества» — следовательно, Гуннар перестал смотреть на мир моими глазами.

Я набрал в грудь воздуха, собрал нервы в кулак и сказал себе: «Ну ладно, Макс, раз взялся — давай!» Щелкнув пальцами, я вызвал мой новый виртуальный «харлей-ультраглайд».

Мой новый, модернизированный до последнего винтика «харлей-ультраглайд».

Хорошо-хорошо, я сам первый признаюсь, что переделывать его было глупо и бессмысленно. Но примерно в три утра я проснулся, обливаясь холодным потом, и глаз сомкнуть уже не смог. Оставалось лишь включить компьютер, надеть очки и чем-нибудь заняться: вот я и потрудился над своим виртуальным мотоциклом. И теперь, благодаря моим новым суперпользовательским талантам и врожденной патологической скрупулезности, железный конь выглядел не менее реальным, чем я. А может, и еще реальнее. Все было при нем: включая монотонное «кап-кап-кап» смазочного масла,

Я медленно обошел вокруг мотоцикла, любуясь своим творением. Потом вскочил в седло, натянул свои черные перчатки

с заклепками, поправил черные очки, поглядел на свои сальные черные волосы в зеркальце. Одним мановением правой руки сотворил горящую сигарету. Сунул в рот. Глубоко затянулся — и, поперхнувшись, чуть не выкашлял все легкие. Наклонил мотоцикл вправо, чтобы подножка поднялась. Выжал сцепление и поехал вниз по виртуальному склону. Разогнавшись до нужной скорости, включил первую передачу, включил зажигание и дал газ.

Разразившись зловещим, достойным газонокосилки самого бога Тора ревом, 1100 куб. см закаленной милуокской стали, рыча, рыгая и плюясь огнем, ОЖИЛИ! Выпрямившись в седле, я газанул на полную катушку. Со скоростью 100 миль/час мой железный конь переехал кювет у подножия горы, перепрыгнул через четыре полосы запруженного машинами Суперхайвэя и плюхнулся в крайней левой. И как оглашенный помчался в Делмир.

Джек Берроуз, честно говоря, испуганно грыз ногти — только маленькие кровавые объедки оставались. Зато Макс Супер испытывал полный кайф.

Суперхайвэй, 8.12 утра. Эх, ребятки, как же я был рад, что Ле-Мат не нашептывает мне на ухо и не видит того, что вижу я! Теперь, немного попрактиковавшись, я уже взял хренов кубизм под контроль, научился по желанию включать его и отключать, и все же правда была на стороне Ле-Мата. Делмир с точки зрения суперпользователя действительно походил на картину Фернана Леже.

***

ФЕРНАН ЛЕЖЕ
Французский художник (1881-1955).

***

Конечно, он оставался все той же тесной тюрьмой из серых инфогромадин, но теперь я видел, что эти громады — не безликие, однотонные монолиты, а удивительно сложные, плотные переплетения трубопроводов, балок, проводов. Этакая помесь нефтеперерабатывающего завода с Центром Помпиду, которую оккупировали и заселили гигантские радиоактивные гусеницы тутового шелкопряда. Я даже сбавил скорость, чтобы полюбоваться этим живым памятником информационной анархии

и энтропии и припомнить статью о какой-то теории хаоса из журнала «Ридерз-дайджест» (я ее просмотрел по диагонали в приемной у зубного). «Люди не могут без общения», называлась она. Правило на распространяется на отношения между супругами — но это уже тема для другой статьи.

И тут я увидел огоньки.

Еще больше сбавил скорость, чтобы разглядеть детали. М-да, каждая из этих крепостей большого бизнеса просто кишела крохотными, стремительными, яркими и пестрыми огоньками — так роятся светлячки в сказочных ледяных замках. Квазилазерные лучи ослепительно-зеленого цвета то и дело протягивались от одной части структуры к другой, или даже из одной корпорации — в другую. И надо сказать, смотрелось неплохо — если вы любите фейерверки на Четвертое июля и световые шоу. «Что же это за огоньки?» — гадал я. «Искры творческого вдохновения? Очаровательные символы свободного обмена информацией?» — Я перевел двигатель на холостой ход, подкатился к самой стене инфоквартала компании «Пищепрогресс» и попытался приглядеться к проскакивающим мимо виртуальным светлячкам. На стене рядом со мной затеплился крохотный голубой огонек, и я изловил его.

Это оказалась непристойная, неумело намалеванная карикатура на тему дележа имущества после развода, которую скучающая торговая представительница «Пищепрогресса» послала по факсу бывшей однокурснице в «Диету Лимитед».

Я потратил попусту еще пару минут, хватая все огоньки, какие попадались под руку. Потом отпустил их на волю и пожалел, что негде вымыть мои виртуальные руки. Я в точности установил, что огни были факс-модемами и что их ужасающее большинство использовалось для передачи таких сверхважных материалов, как новейшие анекдоты о блондинках. Чуть поинтереснее — но именно что «чуть» — оказались зеленые лазерные лучи. То были резюме сотрудников, которые хотели обменять коммерческие тайны своей фирмы на хорошую должность у конкурентов.

Сокрушаясь о плачевном конце информационно-компьютерной революции (неужели за это дерьмо боролись?), я вновь включил первую передачу и дал газу.

Делмир, 8.22 утра. Из-за горизонта показался инфоквартал корпорации МДИ — странно-плоский, полностью лишенный перспективы, как здания из малобюджетных японских мультиков. Притормозив, я съехал на обочину и достал из седельной сумки виртуальный бинокль. Испытующе оглядел МДИ — проверяя, много ли информации можно получить при взгляде извне.

Как выяснилось, немного. Инфоздание МДИ выглядело так, как я, в общем, и ожидал: колоссальное, высокое, широкое, рваное: целые отделы висели безо всякой опоры, держась лишь упорством одного-единственного менеджера, который мертвой хваткой цеплялся за фалды вице-президента. Где-то посреди структурной схемы корпорации в воздухе бессмысленно болтались точки высокооплачиваемых, но ровно ни к чему не привязанных должностей, похожие на слабоумных шмелей. Вначале они меня озадачили — но, присмотревшись к одной из них, я узнал виртуальный символ Скотта Юбермэна.

В общем и целом инфоздание МДИ походило на этакую мобильную скульптуру — насмешку над гравитацией, сварганенную от нечего делать из первых попавшихся обломков каким-нибудь склонным к сарказму художником. И лишь с четвертого или пятого взгляда я заметил, что у него все-таки есть прочное ядро. Только оно и не позволяло всему безобразию превратиться в бизнес-компост. «Все держится на одном, неуклонно приносящим прибыль подразделении», — догадался я. Поставил бинокль на максимальное увеличение и попытался рассмотреть эту единственную опору.

А-а. ТОПР. Кто б сомневался…

Вернув коэффициент увеличения к норме, я завершил рекогносцировку МДИ издалека. Будь у меня неделя, я с большим удовольствием потратил бы ее на картографирование инфопотоков. К примеру, что стоит за этой сияющей паутиной в левом боку «Дайнэмик-Инфотайнмент»? А пульсирующие лазерные лучи? Их же до фига и больше! Ну, самый толстый и зеленый, исходящий из ядра успехов МДИ — прямой канал между кабинетом генерального и Высочайшим Святилищем Менеджмента в Париже, это понятно. Но все эти тоненькие и тихие, снующие между вице-президентским ярусом МДИ и высшими эшелонами наших конкурентов? В чьи окна я загляну, если выслежу эти лучики? «И, — подумал я, вспомнив Катэ из Перераспределения, — какую власть даст мне эта информация?»

Внезапно структура МДИ показалась мне безумно интересной.

Тут зазвонили мои виртуальные часы. Отвернув рукав «косухи», я взглянул на циферблат. Блин, уже 8.30. Мысленно завязав узелок на память, я убрал бинокль в сумку и запустил двигатель. «Эх, будь у меня неделя…» — пробормотал я про себя. Но недели у меня не было. А был всего лишь ограниченный во времени шанс — окошко, которое захлопнется, в лучшем случае, через пятнадцать минут.

Разогнав мотоцикл, я дал газу и поехал разыскивать въезд на

стоянку.

Автостоянка МДИ, 8.32. Медленно, с невинным видом я проехал по Фронтально-регистрационной линии, тщательно удостоверился, что никто за мной не наблюдает, нырнул за инфомусорный бак и морфировал в… В безликого (понимайте это буквально) типа, одетого в серый костюм и черную шляпу-котелок.

(Если бы я по-прежнему делал инфосгустки, то воткнул бы тут краткое критическое эссе о жизни и творчестве Рене Франсуа Гислена Магритта (1898-1967), бельгийского художника, который, черт бы его побрал, насоздавал всех этих тупо-серых бизнесменов с зелеными яблоками вместо лиц. Но с инфосгустками я завязал, так что — pheeg vam.)

По завершении трансформации я позволил себе еще миг, чтобы проинспектировать себя и убедить свой разум в высоком качестве камуфляжа. И еще две лишние секунды — выкрутить регулятор храбрости до упора. Затем я достал из одной седельной сумки портфель, а из другой — зонт и беззаботной походкой (кажется, я даже напевал веселую эстрадную песенку и крутил в такт зонтиком) направился за угол. Где и влился в неуклонно растущую толпу безликих бизнес-винтиков, которые выстроились в очередь к главной проходной. На меня никто даже не поглядел.

Посчитав это добрым предзнаменованием, я решил блефовать дальше.

8.37. Очередь подвигалась медленно, медленно, м-е-д-л-е-н-н-о. Причину я понял, лишь оказавшись в ее голове. Ну конечно же, в дверях проходной стоял старый Карл — да-да, тот самый охранник Карл, сотрудник номер 00000002. Естественно, не настоящий — тот, по всей видимости, так и стоял на посту в вестибюле МДИ-305. Просто когда мы с Бубу проводили капитальный ремонт основной охранной программы, нам показалось, что человеческое лицо ей не помешает — вот мы и выдрали из личного дела Карла его портрет.

Впрочем, после нас с главной охранной программой явно еще кто-то побаловался. Лицо Карла у нее осталось, зато тело теперь было высокое, блестящее, жутковатое. Собственно, даже не тело, а корпус робота. И вооружен он был целой коллекцией кошмарных остроконечных предметов, позаимствованных из голливудской версии средневекового застенка. Кроме того. Карла научили зловеще хохотать — не хуже Винсента Прайса. По-моему, Бубу его хохотать не учил. Охранная программа схватила какого-то беднягу, чья очередь подошла, швырнула его в «железную деву» и наклонилась к ее распахнутой дверце.

— ВАШЕ ИМЯ? — вопросила она громовым голосом. —

ЭНД**ИР**! — пропищал испуганный голосок из недр «железной девы». Охранная программа, ухмыльнувшись, слегка надавила на дверцу.

— ВАШ ПАРОЛЬ? — потребовала она.

— КЛМ005!

Охранная программа отошла на шаг от «железной девы», повернулась на своих хромированных каблуках и выдала третий вопрос.

— ВАШ ЛЮБИМЫЙ ЦВЕТ? — завопила она под стать демону.

— Э-э-э… что? — донеслось из железного ящика. — Разве охранники такое спрашивают?

— Ответ ложный! — злорадно взревела охранная программа и налегла всем телом на дверцу «железной девы», захлопнув ее. Изнутри раздался короткий предсмертный вскрик. Из отверстий во дне хлынула свежая кровь.

Охранная программа вновь занялась очередью.

— СЛЕДУЮЩИЙ! — Она потянулась ко мне, но в последний миг я отпрыгнул, и громадные хромированные пальцы — пальцы скелета — уцепились за женщину рядом со мной. Спустя миг над ее шеей навис нож гильотины.

Ее звали МЭР**ИУ**. Ее пароль гласил ВНТ417. Она не знала имени вице-президента компании «Милльярд-Филлмор». Ее голова покатилась по автостоянке, подпрыгивая, как футбольный мяч.

— СЛЕДУЮЩИЙ! — Я вновь попытался отскочить. На сей раз шесть — восемь человек, стоявших позади меня, схватили меня за пиджак и штаны. Пихнули вперед. Охранная программа схватила меня своими клешнями и швырнула в тесную железную клетку, которая качалась на ржавой цепи, в трех метрах над холодным каменным полом.

— ВАШЕ ИМЯ? — вопросила она.

— Админ, — ответил я спокойно. Это родовое учетное имя администраторов. Редкая система без них обходится.

Охранная система, замешкавшись, косо поглядела на меня.

— О-о-о, — процедила она, причмокивая своими тонкими, жестокими виртуальными губами. — Значит, мы себя сисопом возомнили… Ну, для сисопов у нас припасено кое-что особенное… — резко выпрямившись, «Карл» хлопнул в свои металлические ладоши. — Каспар! — взревел он. — Кабель!

На сцену, прихрамывая, вышел противный сморщенный гном-калека.

— Так точно, господин!

Приволакивая ногу, он удалился, чтобы спустя несколько минут притащить комплект навесных кабелей-джамперов —

таких огромных, какие и во сне не приснятся. И подключил их к прутьям моей клетки.

Охранная программа прислонилась к моей клетке — та закачалась.

— Эти провода, — произнесла она звучным, медовым голосом, — подключены к линии с напряжением в пятьдесят тысяч вольт. Вот как сейчас нажму на этот рубильничек, — отойдя от клетки, «Карл» погладил своими стальными пальцами гигантский трехполюсный рубильник, явно сворованный из тренажерного зала доктора Франкенштейна, — и сгоришь синим пламенем. Один пепел останется. В реальности сгоришь — про летальный фидбэк слыхал? Так что скажи мне, Ад-мин… — тут он злорадно хихикнул, — если тебя правда Админом зовут…

И прыгнул ко мне:

— ВАШ ПАРОЛЬ? Быстро! А ну, говори! Все. Мне надоело. Я переключился в суперпользовательский кубистический режим и решительно проткнул своим кулаком хромированную грудную клетку «Карла». Не успел он и моргнуть, как я схватился за холодный, оплывший комок, который служил охранной программе сердцем, и повернул его на «ПРИНЯТЬ».

Характер охранной программы моментально изменился.

— Доброе утро, Админ, — почтительно вымолвила она прежде, чем я успел вытащить руку из ее груди. — Вам позволено войти.

Она отперла дверцу железной клетки, выпустила меня и под ручку провела к дверям главной проходной.

— Всего наилучшего, — она с улыбкой распахнула передо мной дверь, слегка кивнула и, точно козыряя, поднесла два стальных пальцекогтя к полям шляпы.

***

ЛЕТАЛЬНЫЙ ФИДБЭК

Ну хорошо, еще один инфосгусточек — надо же окончательно свернуть шею этой гнусной утке..

«Напряжение» — аналоговая концепция. Аналоговая, понятно? А «летальный фидбэк» — то, что держит в узде малограмотных хакеров младшего школьного возраста, поскольку как только вы попробуете дигитализировать это напряжение для передачи по инфоканалам, у вас либо трансформатор начисто сгорит, либо напряжение упадет до нежного, безобидного, поддающегося передаче уровня. И если даже отменить эти досадные законы физики — сами посудите, разве не глупо

посылать высокое напряжение по пластиковым волоконно-оптическим кабелям…

Ну ладно, поставим все точки над i практическим примером. Допустим, вы работаете в компании «Лохтелеком». Допустим, благодаря какому-то невероятному извращению фортуны вам удалось изготовить аналоговый металлический проводник, ведущий от охранной системы к моему персональному компьютеру. И как только ваш пятидесятитысячевольтный заряд, грязно ругаясь, врывается в мой локальный инфоавтобус…

Не проходит и двух наносекунд, как крохотные, с молекулу размером шлюзы интегральных чипов и тоненькие проводочки материнской платы превращаются в тысячи мини-предохранителей. Расплавившись, они размыкают цепь задолго до того, как в моих мозгах успеет хоть чуть-чуть нагреться хоть один нейрон…

Так-то! А вы — «летальный фидбэк», «летальный фидбэк»…

***

Я прошел в дверь, деловито-быстрой походкой вошел в корневой вестибюль инфоструктуры МДИ и практически незаметно поежился, услышав за спиной лязг захлопнутой железной двери…

— СЛЕДУЮЩИЙ! — с той стороны дверей донесся женский крик.

Не знаю, как мне удалось совладать с собой и удалиться шагом — а не бегом.

Две минуты спустя. То пригибаясь, то отскакивая к стене, я пробрался между комками летучих самореков во всеми забытый виртуальный коридор, проходивший в непосредственной близости от владений ЭХМ. Плюс моей прогулки заключался в том, что внутренняя инфоструктура МДИ оказалась абсолютно косной и предсказуемой. То была точная виртуальная копия реального здания — только менее замусоренная.

Минус был в том, что я все равно потерял две минуты. Плохо дело. Я опять взглянул на мои виртуальные часы и молча выругался. 8:39. Опасность нарастает с каждой секундой.

Последний раз оглянувшись вокруг — не наблюдает ли за мной кто-то из этих безликих серых винтиков в коридоре, — я нырнул в виртуальную кладовку и осторожно прикрыл дверь. Торопливо поставил портфель на пол, отпер, сорвал с лица маску зеленого яблока, простился с черным котелком. Портфель сам собой раскрылся, и наружу выпрыгнули Тварек-1 и Тварек-2.

— Слушайте в оба, — сказал я им. — У нас проблемы.

— Еще какие, — подтвердил Тварек-1.

— Весьма большие, — пискнул Тварек-2.

— Времени в обрез, — продолжал я.

— Зарифмуй, балбес! — хором выкрикнули Тварьки.

Сморщив нос так, что он залез мне на лоб, я уставился на монструозные порождения собственной фантазии:

— Это что за херня?

Тварек-1 озадаченно моргнул и в замешательстве покосился на Тварька-2, который потоптался на месте, почесал подбородок и начал бормотать:

— Ремня? Брехня? Звеня? Шестерня? Набормотавшись, Тварек-2 обернулся ко мне и процедил:

— Прости, босс. В следующий раз подбрось побольше слогов, а то работать сложно.

Я помог им, схватив обоих за глотки и сжав так, что их маленькие синенькие глазки полезли из орбит.

— Слушайте, Тварьки, — сказал я, стиснув зубы, — повторять не стану. У нас всего пять минут — потом нас съедят по плану.

— Гляди, уже наблашничился, — удивился Тварек-1. — Как тебе?

— Растет на глазах, — пискнул Тварек-2, кивая. Я поднял их за шкирку и заглянул им в глаза.

— Вы знаете, зачем я вас сделал, — прошипел я. — Вы знаете, куда мы пришли. Файлы где-то рядом. Чтоб щас же принесли! — Хорошенько встряхнув их обоих, чтобы подчеркнуть серьезность момента, я разжал пальцы. Тварьки грохнулись на пол, задыхаясь и хватаясь за горло.

То ли я их не так сильно покалечил, как они изображали, то ли на них зажило как на собаке — но секунду спустя Тварек-1 вскочил на ноги и вытянул ручки по швам.

— Пусть время поджимает. Тварек-2 вытянулся рядом с ним.

— Дело свое мы знаем.

— Так что сиди-отдыхай.

— Мы все принесем, так и знай. И Тварьки убежали, убежали галопом. Моя задача — ждать, вот и сел я на…

И тут дверь кладовки чуть не сорвалась с петель. Не сама — ей помогли из коридора.

— НАРУШИТЕЛЬ! — прогремел густой бас (вообразите себе голос Дарта Вейдера, только с мощнейшим австрийским акцентом). Вскочив на ноги, я обернулся лицом к противнику.

В коридоре стоял МОНСТР. Семь футов росту. От кончиков пальцев на ногах до бровей — всюду набрякшие узловатые мускулы. Самый настоящий белокурый гигант-викинг. Из одежды

на нем были меховая набедренная повязка, кирзовые сапоги и остроконечный железный шлем, украшенный коровьими рогами…

Вот блин. Чарльз Мэрфи. Разряженный для «Мясорубки».

— Ах, пришелец! — произнес Чарльз с тем же сильным, тупым немецким акцентом, демонстрируя мне свои прекрасные грудные позвонки. — Ду бист ди охраннише программу зер фантастишен геобработайт! — И замолк, чтобы не отвлекать моего внимания от его надутых бицепсов и пульсирующих жил.

Опасная опрометчивость. Во время этой краткой передышки целый ворох моих разрозненных догадок сам собой превратился в изящную логическую цепочку и я внезапно понял, кто такой Чарльз на самом деле. «Биомедицинское подразделение МДИ». Чарльзова инвалидная коляска с системой жизнеобеспечения. Его способность кого угодно пришлепнуть в «Мясорубке». И сама его виртуальная внешность — наглое издевательство над законами виртуальной реальности.

Мэрфи, сам о том не зная, был зародышем суперпользователя.

Завершив работу с бицепсами, он повернулся, чтобы показать мне свою дельтовидную мышцу, а затем похвалиться спинным хребтом и ягодицами. Честно сказать, на какой-то миг мне стало его ужасно жалко. Вообразите физическую оболочку, которая была его темницей в реальном времени, И вы сами поймете, с каким удовольствием он создавал и использовал это тщательно оплетенное мускулами, нелепое в своем совершенстве виртуальное тело.

В этот самый патетический момент Мэрфи уронил себя в моих глазах — конкретно, заговорил.

— Ду бист зер достойниш оппонент, — возгласил он и, завершив свой цирковой номер «Чемпион Вселенной», замер в боевой стойке «тело наизготовку». — Абер знай! Ду нарушайт ди границей майнен королевствен, унд ди кара ист — ДЕР СМЕРТ!

С невероятным проворством атакующего тигра он выхватил из ножен свой меч и одним изящным, талантливо срежиссированным движением сделал ВЫПАД! — намереваясь описать этим сверкающим, острым, как бритва, клинком смертоносную дугу и рассечь мое маленькое несчастное дохлое виртуальное тельце с головы до пят, точно окровавленную говяжью тушу…

Но старался он зря. Воспользовавшись его заминкой, я смылся в кубистический режим и прошмыгнул мимо него в коридор через четвертое измерение.

Чарльз был немало огорошен. Стоял себе, обалдело тыкал

своим мечом мой портфель и никак не мог сообразить, что хорошо бы оглянуться. Я решил навести его на путь истинный. Сотворил аппетитную виртуальную морковку, откусил кусочек, захрустел им, потом заглянул к нему через плечо и спросил:

— Какие дела, дурень?

Он обернулся, стремительно сверкнув сталью — слава Богу, я успел подпрыгнуть до самого потолка, — и, отскочив рикошетом, плюхнулся в добрых восьми футах от Мэрфи.

— Весьма фантастиш, — заметил Чарльз, выйдя из кладовки и перегородив своим телом передо мной коридор. — Абер даже дас тебя не будет спасайт! — И вновь бросился вперед, взмахнув мечом снизу вверх — лучший способ подрезать чересчур прыгучего противника.

Но на сей раз я прыгать не стал. А просто схватил голой рукой его клинок. Ненадолго — слишком ненадолго — изумившись, что мои пальцы не полетели на пол, Чарльз обхватил рукоять меча обеими руками и попытался его у меня вырвать.

Я сделал вид, будто начинаю поддаваться. Однако когда он надавил коленкой мне на грудь — вместо рычага, — я решил, что схватка переходит в нечто непристойное и, ухватив его за лодыжку, швырнул в другой конец коридора. Пока он приходил в себя, я взял его меч в обе руки и согнул наподобие гигантской скрепки (вообще-то мне хотелось сделать из меча орало, но черт их разберет, как эти орала выглядят?).

Лицом Мэрфи стоило полюбоваться.

— Пришелец, — медленно произнес он, — ду унд вправду силен. Их зер желайт виссен дайне секретен, данке шен.

— Оно и видно, — ответил я. — Ладно, вот тебе совет номер раз: я не желаю тебе зла. Так что давай-ка, будь хорошим маленьким варваром — дуй отсюда!

Мэрфи кивнул с умным видом.

— Яволь. Абер дас ист айне проблема. Ду видишь, — и тут он вытащил из своей набедренной повязки не что иное, как BFG-2000 (блин, как этот ствол там поместился?), — их желайт зла тебе.

Я вовремя отпрыгнул. Первая очередь прокатилась по коридору, и шесть — восемь невинных серых пиджаков упали, нашпигованные злым свинцом.

— Господи, ну и проворство, — пробормотал Мэрфи, когда обратил внимание, что в меня не попал. На второй раз он очертил дулом широкую кривую дугу. Чтобы скрыться, мне пришлось выскочить сквозь потолок. Еще несколько дюжин невинных жертв приняли смерть за своими компьютерами.

На сей раз, когда я спрыгнул с потолка, Мэрфи меня уже

поджидал. Он дал очередь по верхам. Я ускорил падение. Он выстрелил по низам. Я подскочил. Количество невинных жертв стремительно нарастало. Я понял, что Мэрфи необходимо остановить во что бы то ни стало.

— Я тебя предупреждал, — проговорил я, молнией метнувшись к дальней стене. Пули отскочили от меня рикошетом, посыпалась штукатурка. — Я не хочу тебе зла. — Распластавшись на полу, я перекатился за спину Мэрфи. Пытаясь меня достать, он прочертил очередями на ковре мою траекторию. — Но ты, сынок, — я вскочил на ноги у него за спиной, хлопнул его по правому плечу и своевременно отпрянул влево, — тебе все — как горох об стенку.

Он наконец-то догадался, где меня искать — слева от него, прямо напротив дула, — и описал пистолетом очередную широкую дугу, всю дорогу не снимая пальца со спускового крючка. Время замедлило свой ход. Невинные жертвы превращались в фонтаны крови и падали, точно в фильме Сэма Пекинпы. Мой мономолекулярный нож переполз из моего рукава в мою же, соскучившуюся по бою ладонь. В следующий миг время окончательно притормозило и я, размахнувшись своим невероятно острым клинком, вонзил его в бычью шею Мэрфи. И рассек мясо, кости, артерии и сухожилия — абсолютно не напрягаясь, точно какую-нибудь свежую вареную колбасу.

Медленно, очень медленно голова Мэрфи соскользнула с шеи, розовые струйки артериальной крови ударили в потолок. Еще несколько секунд прекрасное виртуальное тело не знало, что его убили. А потом — так подтаявший ледник валится в океан — рухнуло ничком.

Лишь в этот момент реальное время возобновило свой бег, взвыли все сирены, а серые безликие пользователи — все до единого, не считая тех, кто попал под огонь Мэрфи, — начали показывать на меня пальцами и подвывать. Вылитые люди-стручки из «Нашествия похитителей тел» (версия 1978 года).

— Вот он! — вскричал знакомый голос. Обернувшись, я увидел, что по коридору ко мне бежит Фрэнк Донг с виртуальным дробовиком. И лишь в тот миг, когда он прицелился в меня и нажал на спуск, до меня дошло…

Блин. Я — ЭТО ВРАГ, А ВРАГ — ЭТО Я.

Я рухнул на пол. Фрэнкова дробь просвистела над моей головой. Торопливо перебежав на четвереньках к Мэрфи, я схватил его BFG-2000 и дал одну, хорошо рассчитанную очередь, которая не пощадила ни одной плитки кафельного потолка, но людям вреда не причинила.

И достигла желаемого эффекта. Фрэнк спрятался за одной из

ячеек, пальнул вслепую (прикончив неоновый светильник) и заорал:

— Он меня не выпускает!

Я вскочил на ноги.

Третий заряд из дробовика попал мне в спину, изодрав мой серый пиджак и чуть не оставив царапину на кожаной «косухе». — Блин! — завопил за моей спиной Бубу. — Он вооружен!

Бубу зря потратил еще один заряд, содрав с меня остатки бизнес-лохмотьев. Я осадил его короткой очередью через плечо и, отскочив вправо, пробил своим телом виртуальную противопожарную стену и вмазался в ряд виртуальных шкафов. Ящики распахивались, бумажные папки с файлами взрывались, осыпая все вокруг импровизированным конфетти.

— Похоже, я его все-таки достал, — объявил Бубу где-то справа от меня. Наскоро сориентировавшись в пространстве, я пробился через еще одну противопожарную стену и оказался лицом к лицу с…

О нет, только не это. Т'Шомбе.

Конечно, она была вооружена, но я застал ее врасплох. Ее ствол был обращен в противоположном направлении, а дуло моего BFG-2000 по чистой случайности уперлось в ее левую грудь. Мы молча смотрели друг на друга — казалось, целую вечность. По-моему, она меня узнала — какая-то тень догадки мелькнула в ее глазах. Ее рот раскрылся. Она собралась что-то сказать.

Самое время проверить, как я контролирую мою суперпользовательскую силу. Размахнувшись левой рукой, я легонько тюкнул ее по виску. Она рухнула, точно мокрая тряпка.

Нет, она не испарилась облаком случайных электронов. Хороший знак. Но ведь и Чарльз не испарился, хотя я его убил…

Я все еще пытался осознать всю тяжесть содеянного, когда ко мне подбежал Тварек-2, волоча за собой громоздкую директорию с файлами.

— Готово, босс! — вскричал Тварек-2 и перекинул мне директорию.

— А где Тварек-1? — спросил я.

Тварек-2 пнул ногой безжизненное тело Т'Шомбе:

— Эта девка его шлепнула.

Жонглируя директорией и пистолетом, я торопливо просмотрел файлы. Кажется, то, что надо. Подняв глаза от директории, я перехватил взгляд Тварька-2.

— Это все, босс? — спросил он.

— Да. — Я засунул директорию за пазуху «косухи» и застегнул молнию.

— Ежели так, — отозвался Тварек-2, попятившись на шаг и козырнув мне, — все было ништяк. Пока-пока-ни-пуха-ни-пера! — Он вновь козырнул и рассыпался в электронный прах. То есть — сделал то, на что я его запрограммировал после выполнения задания.

М-да. И все же скучно мне будет без этого паршивца…

— Где Т'Шомбе? — раздался слева от меня крик Фрэнка.

— Здесь! — отозвался Бубу. Справа от меня. Выскочив из-за угла, он наставил на меня дробовик. Уронив BFG-2000, я завопил:

— АТАС!

Пятнадцатью миллисекундами спустя я вернулся в реальность. И, содрав с головы видеоочки, бухнулся на колени, прямо на голый деревянный пол. Меня бил озноб. Немедленно ко мне подскочил Ле-Мат и принялся целыми горстями выдергивать волоконные кабеля.

— Ты что-то хреново выглядишь, — сказал он не кривя душой. — Как там оно прошло?

Скинув с рук инфоперчатки, я швырнул их на пол.

— Мутно, — сообщил я, когда губы вновь стали мне повиноваться. Взял из рук Ле-Мата чашку с кофе, сделал глоток. — Файлы у нас?

— Да, файлы у нас. — Ле-Мат уставился на меня с нехарактерной для него искренней тревогой, потом хлопнул меня по плечу. — Сядь, полюбуйся. Как раз то, что Амбер заказывала. Имена, даты, места, планы: мощнейшие доказательства, что МДИ обворовала твою клиентку. Ты только не обижайся, Джек, но твои бывшие хозяева — те еще мерзавцы.

Я глотнул еще кофе и прижал горячую чашку к щеке — для тепла. Но промолчал.

Ле-Мат опять хлопнул меня по плечу:

— Гляди веселей, Джек. Дело Амбер в шляпе. Ты хорошо поработал.

Я услышал его похвалу и попытался поверить, что действительно хорошо поработал, но у меня перед глазами маячили Чарльз и Т'Шомбе. Ле-Мат ненадолго отошел. Вернулся с одеялом и набросил его на мои голые, дрожащие плечи.

— Я хорошо поработал? — переспросил я, подняв на него глаза.

18. ПРИЕМОЗДАТОЧНЫЙ АКТ

Понедельник, 10 часов вечера по местному времени, 0300 по Гринвичу. Восседая на своем виртуальном «харлее-ультраглайде», я бороздил улицы Токси-Тауна. Виртуальный кольт — за поясом, толстая кипа краденых файлов — за пазухой, «проктопрод» — неважно где. Теперь, благодаря своим суперпользовательским способностям, я чувствовал запахи Токси-Тауна. Один в один — скотобойня в Южном Сент-Поле, в жаркий безветренный июльский день.

Я нервно ерзал на сиденье и постоянно озирался. Если бы в тот момент меня спросили, чего я так дергаюсь, я бы не смог ответить. Конечно, одной из причин был тот факт, что на пятый день использования «проктопрод» надоел мне хуже чем… — впрочем, это ненужные подробности. Была и еще одна причина — постоянный страх повстречаться в Сети с Элизой, хотя я убеждал себя, что теперь смогу с ней совладать.

И еще одна — весьма серьезная — причина. Я очень опасался, что Амбер меня наколет. Конечно, опасения были беспочвенными — покамест Амбер мне ни в чем не солгала. И все же головой — хоть и не нутром — я понимал, что такое вполне возможно.

Но львиная доля моего волнения, как я потом понял, объяснялась тем, что я впервые отправился в бой без прикрытия. Никаких ЭКГ-датчиков, никаких дублеров. Никаких ангелов-хранителей на страже моей задницы. Я очень хотел, чтобы Ле-Мат был Моим хвостовым стрелком — просто на всякий пожарный, ежели у Амбер окажется джокер в корсете и фига под юбкой. Но этот подлец отмазался.

— Джек, — напыщенно произнес он, вместо извинений, — мне ужасно хотелось бы отправиться с тобой, но высшая сила позвала меня за собой. Сегодня ночью я дерзну отправиться туда, где дотоле не ступала нога человека!

Я лишь молча стучал ногой по полу, вперив в него испепеляющий взгляд.

— На свидание к Инге, — объяснил Ле-Мат.

Выехав на перекресток, я ненадолго сбавил скорость, чтобы сориентироваться на местности. Ага, вот она, эта гнусная шишка из искусственного каучука — фабрика «Акме» («Жуй до упаду! Эксклюзивные резиновые приколы для вас и ваших любимых животных!»). Я свернул направо, переключился на вторую скорость и поддал газу.

Под рев мотора я вновь начал твердить свою мантру: «Верь Амбер, верь Амбер, верь Амбер».

На нужном мне перекрестке я узрел Торвольда. Прислонившись к основанию фонарного столба, гном подбрасывал и ловил монетку — механически ловко, точно машина.

— Привет, Макс, — пробурчал он, не сбиваясь с ритма. Под испытующим взглядом Торвольда я припарковал мотоцикл и слез. — Миленький костюмчик. Файлы у тебя?

Присутствие гнома меня нервировало. И раздражало. И еще много чего со мной делало.

— Файлы? У меня встреча с Амбер, вот что у меня. А что ты тут будешь, я так не договаривался.

— Спокуха, — процедил Торвольд, поймал монетку и сжал в кулаке. — Не подавись своим МУДИ. Мадам Деловая Колбаса на месте. Меня она просто поставила дверь сторожить. Дуй наверх. Она тебя ждет.

Я направился к подъезду.

— Эй, мистер, — окликнул меня Торвольд, — дай доллар! А я уж послежу, чтобы с твоим мотоциклом чего не стряслось.

Я порылся в кармане моих виртуальных черных кожаных штанов, нашел четвертак, швырнул гному.

— Извини, — проскрипел я, — у меня сейчас в кармане… хе-хе… гном на аркане…

Торвольд что-то невнятно пробурчал, но четвертак подобрал.

Амбер ждала меня на верхней лестничной площадке. О, грациозно наклоненный черный силуэт в ласково-желтом прямоугольнике распахнутой двери. Распущенные черные волосы, в пальцах — очень длинный мундштук черного дерева с еще более длинной сигаретой. Она была одета во что-то вроде кимоно: короткое, шелковое, светло-зеленое, с огромными ниспадающими рукавами. Кимоно едва прикрывало ее соблазнительное гнездышко… а-ах, а исходящий из квартиры контр-ажурный свет, озаряя ткань, давал понять, что надето оно на голое тело. Руки Амбер были скрещены под ее маленькими вздернутыми грудками. Вокруг нее клубились медлительные, томные струйки дыма.

— Здравствуй, милый, — промолвила она. Тут-то я и осознал, что уже успел подняться на полпролета, увидеть ее и окаменеть на месте. Ощупав ступеньки, я отыскал свою нижнюю челюсть (отвиснув до самого низа, она отломилась) и вновь приделал к лицу.

— Привет, детка, — заявил я, подделываясь под крутого.

— Файлы у тебя?

Я поскреб свой поросший прекрасной пятидневной щетиной подбородок:

— Ах ты, моя нетерпеливая…

— Прости, ты прав. — Она распрямилась, переложила мундштук в правую руку и поманила меня к двери. — Но вначале мы должны сделать кое-что важное.

Медленно, но с нарастающей уверенностью в себе я поднялся на площадку.

Тут-то она и набросилась на меня. Обвилась вокруг меня всем своим сногсшибательным телом, обняла руками за шею, перенесла меня в Эдем одним долгим, неспешным, страстным поцелуем. На вкус ее губы были как шоколад, и как вино, и как элитный кофе, и как лучший табак, и как все восхитительно-изысканные и чуть греховные вещи на свете. Даже теперь при воспоминании об этом поцелуе я признаюсь себе: если бы я скопытился в тот момент, то умер бы счастливым человеком.

И тут она поцеловала меня во второй раз — еще слаще.

И прижала меня к себе, и осыпала ласками, и истерзала мою шею и ушные мочки медленными, нежными поцелуями и осторожными укусами. И прошептала мне на ухо:

— Итак, милый. Файлы у тебя?

— ДА!

По-моему, если бы в тот момент Амбер попросила меня пожертвовать мой мозг для чудовища, которое она сооружала в подвале, я бы все равно ответил: «ДА!»

— Чудесно, — проворковала она. И, затащив меня в свою квартиру, захлопнула и заперла за нами дверь. Обернувшись, она прислонилась к двери и притянула меня к себе. Мы долго, очень долго целовались, исследуя губами и языками рты и зубы друг друга. Мерялись, у кого язык сильнее. Она победила в трех раундах из четырех. Мне это понравилось. Я гладил ее длинные роскошные черные волосы, изучал на ощупь очертания ее великолепного тела, нашел полуразвязанный узел пояса, на котором держалось ее кимоно…

Потянул за кончик пояска. Зеленый шелк распахнулся, обнажая восхитительные сокровища. Моя правая рука отправилась на разведку.

Поймав ее за запястье, Амбер легонько оттолкнула меня, перевела дух.

— Макс? — нежно окликнула она.

— Да, милая, — прошептал я, покусывая ее правое ушко.

— Прежде чем мы продолжим, я должна тебе кое-что сказать.

— Если ты мне скажешь, что на самом деле ты переодетый мужик, — прошептал я, меж тем как мои губы прокладывали маршрут по ее шее, — лучше промолчи.

— О нет, — схватив меня за загривок, она склонила меня к

еще одному медленному, тягучему, страстному поцелую. — Тут можешь мне довериться, милый. Я стопроцентная женщина. Насквозь и до мозга костей.

Мои руки потянулись проверить это на практике, но она отлепила свои губы от моего тела, отвела меня к кровати и жестом пригласила сесть на краешек постели. Я повиновался. Отступив на два шага, она обернулась ко мне.

— Ну как, трудно было? — спросила она. Далеко не сразу я сообразил, что она имеет в виду налет на МДИ. Макс Супер хотел беззаботно сострить в ответ, но Джек Берроуз, отпихнув его, нахально взял слово.

— Трудно, — признался я, поежившись. Амбер улыбнулась мне — печально, сочувственно. — Ты был вынужден кого-то убить?

Я вспомнил Мэрфи: как мой виртуальный нож спружинил в руке, создавая четкое ощущение, что я режу нечто мягкое, но совершенно реальное. И Т'Шомбе. Как ее глаза закатились, превратившись в мертвые белые шарики, когда я стукнул ее по виску. Я от всего сердца надеялся, что не слишком сильно ее ударил.

— Ага, — произнес я. — Одного точно. Вторая под вопросом.

Амбер встала передо мной на колени, взяла мои руки в свои, погладила мои пальцы.

— Совсем другое дело, правда? Убивать людей в качестве суперпользователя?

Сглотнув подступивший к горлу комок, я кивнул:

— Да. Реалистично выглядит. Даже чересчур.

— Некоторые со временем привыкают, — проговорила Амбер, глядя на мои руки. А потом пронзила меня взглядом, который достиг самого дна моей души. — Макс, я тебя умоляю. Обещай мне, что никогда не привыкнешь это делать.

— Не волнуйся. По-моему, я на такое напрочь не способен. — Обхватив ладонями ее прекрасное лицо, я потянулся поцеловать Амбер еще раз. Однако она отпрянула, поднялась на ноги. Я хотел было спросить, что такое…

— Т-с-с, — промолвила она, приложив изящный пальчик к своим несравненным губкам. — Вернемся к файлам, которые ты… э-э-э… раздобыл.

Я расстегнул «косуху», вытащил директорию и швырнул на кровать.

— Это они?

Амбер раскрыла папку, быстро пролистала файлы, кивнула:

— Да, те самые. Я должна тебе еще кое-что о них сказать. — С этими словами Амбер захлопнула папку-директорию,

обворожительно улыбнулась мне и швырнула файлы в мусорную корзину. — Я их сама туда подбросила.

— ЧТО-0?? — подпрыгнул я к потолку. Ее улыбка увяла:

— Милый, милый, не сердись на меня. Бога ради! Просто… ну, я же должна была проверить… Узнать, что ты действительно это можешь… Взломать систему, найти в стогу иголку, разметать врагов, если речь идет о твоей жизни и смерти! Поверь мне, мое подлинное задание будет намного сложнее!

По-моему, я был вне себя от гнева.

— Ах, это был просто экзамен?

— Да! Милый, ты заслужил пять с плюсом! Она шагнула было ко мне, но, увидев мои пылающие от злости глаза, попятилась. — Но знаешь что, — проворковала она, оглядев меня с кокетливой улыбкой, — сейчас тебе необходимо небольшое вознаграждение. — Вновь улыбнувшись мне, она повела плечами, и кимоно упало к ее ногам.

И мой гнев как рукой сняло.

В обнаженном виде Амбер была… чудом из чудес. Стройная, сильная, невообразимо сексапильная, восхитительная, сногсшибательная, эффектная… блин, возьмите словарь синонимов и впишите свое любимое прилагательное в данный пробел: _____. В этот миг я понял, что таких душераздирающе красивых женщин, как Амбер, дотоле не видывал. И вряд ли еще увижу.

— Вознаграждение? — прошептал я, когда она, изящно ступая, сделала ко мне первый шаг.

— Еще какое, — шепнула она с жадной у очень эротичной улыбкой.

— Собачья галета за хорошую работу на арене? — выдохнул я. Еще один шаг.

— Мне больше по вкусу кровавые бифштексы, — заявила она, сорвавшись на кошачье урчание (Истеркиска в период течки). — Но кто-то здесь слишком тепло одет, — и она щелкнула пальцами. Моя одежда испарилась. Амбер обняла меня. — Можно я задам дурацкий вопрос? — успел я поинтересоваться перед тем, как наши губы плотно сомкнулись в страстном Поцелуе. Она сжалилась надо мной и позволила перевести дух, лишь когда у меня перед глазами поплыли синие круги от нехватки воздуха. — Если ты так сильна, что можешь подкладывать файлы в МДИ, — зачем тебе я? — А затем, — прошептала она, нежно чмокнув меня в лоб и подставляя моим губам свои маленькие, безупречные груди, — что никто из нас не всемогущ, а истинное поручение, которое я тебе хочу дать, намного выше моих способностей. — В этот миг она крепко прижала меня к своим персям и, сознаюсь, из

моей головы вылетели все мысли о посторонних предметах. Спустя некоторое время она вновь отстранила меня.

— Кстати, — нежно произнесла она, — раз вы с Гуннаром явно работаете в паре, я решила дать вам еще один индуктивный интерфейс. Завтра вышлю.

Тут она схватила меня за уши обеими руками, запрокинула мне голову и страстно, беспощадно поцеловала в губы. Я обвил свои мускулистые руки вокруг ее осиной талии и попытался повалить ее на кровать. Слегка отпрянув, она положила руку на мою волосатую грудь и поцеловала кончик моего волевого, мужественного подбородка.

— Ой, я забыла тебе сказать о еще одной детали, — прошептала она, когда я подставил шею для ее поцелуев. — Вообще-то, — тут она резко нажала мне на грудину, и я повалился на постель. — Я люблю, когда наверху — я! — с диким кличем сумасшедшего ковбоя она вспрыгнула на кровать, налегла на меня бедрами, ухватила моего лысоголового дружка и направила его в…

БАХ!!! Дверь квартиры взорвалась, разлетевшись по комнатам пылающими обломками и черными клубами дыма. Крохотный визжащий кровавый комок (Торвольд, вестимо), пролетев через комнату, пробил собой окно и упал на тротуар. Спустя секунду, сверкая хромированными боками, на месте бывшей двери появился боевой робот. Двинув плечами, значительно расширил проем (он что, ФОКЛовец?). Под визг сервомоторов и шипение гидравлики боевой робот зловещей поступью вошел в комнату. Этакий злой, обожравшийся гормональных препаратов, хромированный джаггернаут.

Выпустив моего дружка из рук (слава Богу!), Амбер вскочила на ноги, преградила роботу путь.

— ТЫ! — заорала она благим матом. Робот, затрепетав, морфировал в Элизу.

— СУКА!

— ОН МОЙ! — взвыла Амбер.

— НИ ЗА ЧТО! — еще громче взвыла Элиза.

Ноготки Амбер обернулись медвежьими когтями, засияв нехорошим металлическим блеском. Одним невероятным прыжком она перемахнула комнату и набросилась на Элизу, деловито работая когтями.

Элиза, немножко потерпев, наградила Амбер хуком слева — и моя клиентка, пролетев над кроватью, насквозь пробила стену. Каковая стена украсилась красивой дыркой в форме дамского силуэта.

Я решил, что схватка завершена, но спустя секунду раздался

грохот — и, сминая уцелевший фрагмент стены, Амбер влетела обратно в комнату. Описав безупречное сальто с переворотом, она приземлилась на цыпочки. Дышала она тяжело, слегка вспотела, слегка перемазалась штукатуркой — но ее великолепие ничуть не поблекло. Налюбовавшись, я покосился на Элизу — удостовериться, что от нее осталась лишь горка кровавых ошметков.

Отнюдь. Правда, ее незатейливое белое платьице погибло безвозвратно, но на самой Элизе не было ни единой царапины. Сорвав с плеч последние белые лоскутки, она кинула их на пол и двинулась к Амбер. Она шла степенно, как Смерть в облике голой, патологически тощей девицы-альбиноски. Ее руки морфировали в гигантские орлиные лапы с когтями. Остановившись в ярде от кровати, где я вое еще валялся, она воздела лапы над головой.

— Я его забираю, — произнесла Элиза хладным гласом Апокалипсиса. — Пока ты его не успела растлить.

— Ты его не заберешь, — ответила Амбер. — Теперь он мой — весь с потрохами.

Я повернул голову. Амбер приникла к полу с той стороны кровати. Желтые отблески лампы светились на ее длинных металлических ногтях. Скажу вам честно: бывали в моей жизни времена, когда я охотно заплатил бы деньги за право стать призом в сражении между двумя голыми бабами.

Но в данный момент мне этого ничуть не хотелось.

Элиза, помедлив, полюбовалась своими лапами.

— А знаешь, — сказала она Амбер, — драку продолжать бессмысленно. Наши силы слишком равны.

Амбер сменила одну боевую стойку на другую, но тоже глянула на собственные стальные ногти.

— Думаю, я могла бы подрасти. Но и ты подрастешь вместе со мной, так ведь? Элиза кивнула:

— Но я никогда не уступлю его тебе по доброй воле…

— И я его не уступлю…

Пожав плечами, Элиза морфировала свою левую лапу в нормальную руку, а правую — в длинный стальной клинок.

— Ну что ж? Соломоново решение? Амбер кивнула:

— Иначе никак, — и ее руки морфировали на манер Элизиных.

— В длину? — уточнила Элиза.

Наклонившись ко мне, Амбер осторожно приподняла левой рукой мои яички и выбрала точку под ними, прикоснувшись к ней своим неправдоподобно холодным стальным клинком.

— Начнем резать вот отсюда… ЗАТЕМНЕНИЕ.

***

Не думайте, что я упал в обморок. Нет, в глазах у меня потемнело по другой причине — я вырубился. В смысле, как бы умер. В смысле, отключился от Сети.

— Ой, блин, — донесся до меня голос Ле-Мата.

Язык у него заплетался;

Я сорвал с себя видеоочки, бросил их на пол и возопил что было мочи:

— ЛЕ-МА-А-А-Т!

Он стоял у компьютера в чем мать родила, со стаканом воды в дрожащей руке (капли брызгали во все стороны), по колено опутанный сетевыми шнурами.

— Из-из-вини, — прохрипел он, срываясь на икоту. — У Инге — ик! — сушняк, это… сушняк у Ин — ик!.. ну, я, это… — Помахав в воздухе своим стаканом, он разыкался всерьез.

Я чуть не утратил контроль над своим: а/желудком; б/кишечником; в/мочевым пузырем; г/кровяным давлением.

— Инге? ГДЕ? — Я завертелся на месте, лихорадочно высматривая мои…

— Привет, Джек, — хихикнула она. О нет! Только не это! Она находилась в районе…

Да, знакомая светловолосая головка вынырнула из-под одеяла. На моем матрасе.

— Ку-ку!

Вскоре после этого послышалось:

— Блин! — и пьяное хихиканье: Инге обнаружила, что одеяло слетело, обнажив ее (надо признать, массивные) веснушчатые груди. Она поискала край одеяла, не нашла и, плюнув на приличия, спокойно уселась на матрасе.

Ну хорошо, если она может тут сидеть титьками наружу, мне, вероятно, тоже не стоит стесняться моего кибертрансвеститского прикида. И все же…

Я обернулся к Ле-Мату, чтобы убить его на месте.

— Тихо, Джек. Тихо, — пробормотал Ле-Мат, намереваясь подойти ко мне и успокоить — но вместо этого лишь пуще путаясь в шнурах и проливая воду. — Мы с Инге — ик! — сходили в ик!-тальянский ресторанчик, есть один такой… Хороший! И немножко ви-ик!-нца выпили за ужином…

— И перед ужином, — уточнила педантичная Инге. — И после ужина, и после-послеужина…

— И поговорили о нашей работе и о всяк-ик! — икх! разностях… — Освободившись из объятий сетевого шнура, Ле-Мат добрел до матраса, рухнул на него и начал покусывать ножки

Инге.

— А потом я уговорила Гуннара вернуться сюда, — сообщила Инге, безуспешно пытаясь придать своему лицу серьезное выражение. — Потому что мне очень хотелось переговорить с тобой. Не сердись на Гуннара. Идея была моя. — Тут вся серьезность с нее слетела (должно быть, из-за того, что Ле-Мат щекотал ей пятки) и Инге, захихикав, шлепнула его по носу.

Ле-Мат поднял голову:

— Ну, мы приехали. Видим, ты еще с интерфейсом и вид у тебя какой-то, типа, взволнованный. Ну, мы сели на матрас и — ик! — одно за другое… — Его вновь прохватила икота.

— Это тоже была моя идея, — гордо заявила Инге. — Я думала, ты не будешь возражать. Мне показалось, мы успеем быстренько это самое… ты нас даже не замечал.

— И теперь ей известно все об интерфейсе, — сказал я Ле-Мату самым зловещим и разъяренным голосом, на какой был способен. — Спасибо… осел.

— Ой, не надо так его ругать, — накинулась на меня Инге. — Я и так все знаю про ваш дигитально-индюк… инхук… Про интерфейс. Между прочим, — гордо вскинула она нос, — у меня свой такой есть.

Моя челюсть грохнулась на пол и укатилась в другой угол комнаты.

— У ТЕБЯ? СВОЙ?

— А то, — вмешался Ле-Мат. — Мы все уже встречались, только на той стороне. Ты ее не — ик! — не узнаешь?

Я все еще пытался отыскать мою челюсть. — Чег..? Инге больно укусила Ле-Мата за ухо и прошипела театральным шепотом:

— Давай-ка я попробую ему подсказать, милый. На миг отвлекшись от ее пышной груди, Ле-Мат кивнул.

— Джек? — окликнула она и уставилась на меня своими глубокими, серьезными, хотя и чуточку осоловелыми глазами. — Извини, пожалуйста.

Она откашлялась — и заговорила хриплым, густым, басовитым фальцетом, с таким сильным акцентом, что сам факт его существования подпадал бы под закон о высмеивании этнических групп.

— Или, лучше сказать, МАКС? Если вести деловые разговоры на пустой желудок, сердце заболит. «Мандже»!

Все остатки моего здравого рассудка, подхватив штаны, сбежали без оглядки.

— ДОН ВЕРМИШЕЛЛИ?

19. СПЛОШНОЕ ВЕСЕЛЬЕ ПЛЮС БОНУС — ПОСТЕЛЬНЫЕ СЦЕНЫ

Наутро Ле-Мат и Инге проснулись с мощнейшим похмельем на плечах вместо голов. У этого обстоятельства были две стороны — светлая и темная. Светлая состояла в том, что оба они чувствовали себя крайне погано и не тратили энергию на угрызения совести из-за своих вчерашних подвигов. Ну, а темная… Достаточно сказать, что все утро они досаждали мне своим хныканьем, пока аспирин, тайленол, подгоревшие тосты и неупиваемая чаша черного кофе не вернули их — сантиметр за сантиметром — в страну живых.

Оправившись, Ле-Мат с Инге вместе залезли под душ и не выбрались оттуда, пока горячая вода не иссякла.

Вторник прошел в трудах праведных. Мы перетащили рабочую станцию Инге в наш офис и подключили к локальной сети. Затем Ле-Мат наконец-то набрался смелости и опробовал индуктивный интерфейс (я следил за его жизнедеятельностью по датчикам, а Инге страховала его с виртуальной стороны реальности). Не скрою, Ле-Мату очень хотелось продезинфицировать «проктопрод» в специальном автоклаве. И прошло не меньше часа, пока мы ему втолковали, что достаточно обмакнуть «проктопрод» в хлорку и засунуть в посудомоечную машину — вот и вся гигиена). Когда же Ле-Мат все-таки нырнул в нашу местную испытательную МПВ-шку, то жутко запаниковал из-за новообретенной остроты виртуальных ощущений.

И все же, когда я наконец завалился спать (а было это в полвторого ночи), Ле-Мат с Инге уже четвертый час трахались в виртуальном мире и, похоже, даже не собирались выдыхаться.

Второй-третий, если учитывать машинку Инге — индуктивный интерфейс появился у нас в среду около полудня. Непроницаемая преступная сеть дона Вермишелли наделе представляла собой просто Инге, которая забирала посылку в заведении «Почта для всех» и вновь отправляла ее. Теперь же, когда все карты были выложены на стол, Инге решила сэкономить для нас день времени и 12 долларов 49 центов почтовых расходов — то есть получив посылку, сразу привезла ее нам. Во второй коробке лежало все то же самое плюс один сюрприз — самая настоящая 3,5-дюймовая магнитная дискета на 1,44 мб.

— Привет, Макс, — произнесла Амбер, когда я расшифровал дискету и перевел в читабельный формат. — Ты просто гений! Так ловко удрать из моей квартиры в понедельник… Знаешь, я

надеялась переблефовать Элизу, но, по-моему, эта сука готова тебя сама убить — лишь бы не делиться с другой женщиной. — Пожав плечами, Амбер криво улыбнулась.

— Ну да ладно. В этих файлах — материалы для подготовки к моему подлинному заданию. Просмотри их. И если ты считаешь, что работа тебе по зубам — действуй. Моя квартира как минимум неделю будет закрыта на ремонт — Господи, как хорошо, что в виртуальной реальности не надо возмещать ущерб домовладельцу, — так что увидимся в Аду. Например, в пятницу на той неделе, примерно в 03,00 по Гринвичу, идет? — Она вновь улыбнулась той странной ухмылкой, которую принято называть «хорошей миной при очень плохой игре», потом сказала:

— Пока, — и захлопнула окошко.

Спустя полчаса я разархивировал и отсканировал файлы с подготовительными материалами. Истинной мишенью оказался Фрэнклин Кертис.

Да, да и еще раз «да». Тот самый Фрэнклин Кертис. Именно тот, о ком вы сейчас подумали. Знаменитый сочинитель знаменитых бестселлеров, бонвиван всех ток-шоу, невероятно не сдержанный на язык пожизненный член Североамериканской Республиканской Армии, оборудовавший в подвале своего особняка близ Нью-Йорка великолепное стрельбище. Тот самый Фрэнклин Кертис. Тот самый господин, чьи последние пять экранизаций принесли ему такие непристойно высокие горы денег, что «Сони-Спилберг» были вынуждены пообещать ему личную планету, чтобы он согласился хотя бы вступить с ними в переговоры относительно прав на экранизацию его следующей, еще не написанной книги.

Так уж сложилось, что это последнее обстоятельство самым непосредственным образом касалось меня. Ибо книга оказалась не ненаписанной. а очень даже написанной. (Минус на минус дает плюс — проверьте сами.) Проблема была в том, что книга, которую Кертис собирался представить на суд читателей, была написана — но не им. Моя таинственная клиентка, если верить Амбер, была невезучей начинающей писательницей, которая случайно познакомилась с Кертисом на приеме у одного нью-йоркского издателя и была очень польщена, что этот красивый, солидный, преуспевающий человек заинтересовался ее скромной особой. Увы, моей наивной клиентке и в голову не пришло, что причиной этого интереса было декольте ее маленького коктейльного платья, плотно облегавшего ее стройную, атлетическую, девственную фигуру. (Она была актрисой и фотомоделью — этому своему хобби она отдавала редкие промежутки свободного времени между сочинением романов,

учебой на медицинском факультете и бесплатной работой в детском приюте, где она выросла.)

Как это ни прискорбно, события развивались по банальному сценарию. Кертис и моя клиентка имели бурный, страстный, небезопасный для их половых органов роман длиной в девять с половиной недель, который резко оборвался, когда Кертис обнаружил, что моя клиентка беременна и не желает делать аборт. Неделю они спорили, пока в один ужасно холодный и ненастный мартовский день он вернулся домой пьяный и злой и буквально вышвырнул ее из дома в снежный буран. Вслед за ней полетели ее скудные пожитки. Ослепленный злобой и алкоголем, он приказал своим охранникам в тяжелых сапогах и коричневых рубашках буквально застрелить ее, если она хоть одной ногой ступит на территорию усадьбы.

На этом вся история могла бы кончиться. Моя клиентка, будучи истово верующей христианкой, восприняла свою нежеланную беременность как Божью кару за приверженность плотским грехам и с поникшей головой вернулась в школу при монастыре Св. Брунгильды, дабы воспитать свое дитя в страхе Божием и наставить на путь истинный. Моя клиентка даже желала внушить ребенку любовь к его (ее) отцу, хотя Кертис вполне мог отречься от своего отцовства и отказаться встречаться с ребенком — но даже на этом этапе моя клиентка была готова простить и забыть его прегрешения.

Но тут, порывшись в своем потрепанном чемодане, в котором хранилось все ее скудное земное достояние, моя клиентка обнаружила, что Кертис вернул ей все, включая остатки единственного мясного пирога, который она ему раз в жизни приготовила на ужин (кстати, со дня приготовления он ничуть не испортился, остался таким же каменно-твердым и аппетитным). Кертис вернул ей все — но не дискету!

О, эта дискета! Единственный на свете экземпляр неопубликованного романа моей клиентки! Книга, над которой она корпела шесть долгих тяжелых лет, экономя на еде, чтобы арендовать компьютерное время в «Интернет-кафе»! Та самая книга, которую сам Кертис хвалил, восклицая:

«Блестяще! И, вполне возможно, продавабельно!»

Опасаясь вновь нарваться на грубость, моя клиентка попросила престарелую сестру Агату позвонить Кертису и попросить вернуть дискету. Дряхлая монахиня обратилась к писателю почтительно и кротко, но Кертис холодно процедил, что давно уже переформатировал дискету и сдал во вторсырье. Почувствовав, что Бог всерьез решил ее наказать, моя клиентка выбежала в слезах из кельи старой монахини и заперлась в своей

холодной комнатке, чтобы вдоволь нарыдаться в одиночестве. Отрешенно откусывая от мясного пирога, она молилась, чтобы когда-нибудь, пусть в далеком будущем, Господь в Его неизреченной мудрости приказал бы сердцу Кертиса смягчиться.

Но спустя еще несколько недель она прочла в газете, что Кертис — который в период их романа страдал от неизлечимого писательского безмолвия — внезапно объявил, что почти закончил новую книгу, знаменующую собой начало еще невиданного этапа. Моя клиентка моментально проникла в подоплеку этой новости. Мало ему было соблазнить и бросить — он еще и роман украл!

Чаша терпения переполнилась — моя клиентка радикально изменила свою позицию. К черту всепрощение. Теперь ей была нужна голова Кертиса — насаженная на кол! Но в качестве доказательства кражи ей требовались оригинальные файлы с винчестера его персонального компьютера. Вот и моя миссия — если, конечно, я соглашусь…

В этот момент приперся Ле-Мат и заглянул мне через плечо.

— А знаешь, Джек, — пробурчал он, нахально хрустя спелым красным яблоком, — я много прожил на свете и перевидал брехню во всех ее видах, но это просто финиш.

— Витиевато выражаешься, — заметил я и, в последний раз проглядев параметры задания, закрыл файлы и откинулся на спинку моего голубого пластикового стула.

— Ну и? — продолжал Ле-Мат. — Как ты думаешь, зачем Амбер эти файлы?

— А кому какое дело? — пожал я плечами. — Ей нужен текст новой Кертисовой книжки. Чудесно.

За нее она заплатит нам девятьсот штук баксов. Еще чудеснее. Я лично согласен.

Обдумав мое предложение, Ле-Мат кивнул:

— С чего начнем? С поиска по теме «Литература»?

— Угу. — Тут мой стул опасно качнулся назад. Ле-Мат подхватил меня на лету. — Высокотехнологические писаки типа Кертиса вечно хвастаются своими… «компутерами»… — продолжал я, удостоверившись, что в ближайшее время не стукнусь головой о пол. — Загляни в «Письменный стоя». И в «Надомное списывание народов». Посмотрим, далеко ли он ушел со своим романом.

— Погляди на «Батоножатке», — посоветовал Ле-Мат. — По-моему, он им недавно интервью давал.

— Тады поехали, — распорядился я. — Займемся нашим взломом.

Ле-Мат доел яблоко и метнул огрызок в мусорную корзину

(за двадцать футов, не хухры-мухры). Между прочим, попал в десяточку.

— Считай, все уже взломано, — заявил он, удаляясь.

Даже сейчас у меня глаза на лоб лезут, когда я вспоминаю некоторые моменты той бешеной недели. К примеру, как мы втроем — Ле-Мат, Инге и я — мастерили новую виртуальную внешность для Инге, на те случаи жизни, когда Гуннар и дон Вермишелли постесняются прилюдно кусать друг друга за уши. В итоге получилась обновленная версия Линды Гамильтон с наращенными пекторальными и дельтовидными мышцами, а также сглаженными бедрами, к которой мы прилепили милое веснушчатое личико молодой мамаши (плод шестичасовых мучений Ле-Мата и Инге). Так родилась идеальная спутница Гуннара. Реба — нарекли мы ее.

Так почему же, когда я в пятницу забрел в «Рай», чтобы немножко развеяться, старый толстый дон Луиджи Вермишелли по-прежнему восседал в своем излюбленном углу? Я решительно направился к его столику, дабы поговорить с ним/ней начистоту. Двое мальчиков-автоматчиков преградили мне дорогу. Дон Вермишелли отогнал их мановением руки (можно подумать, я не мог испепелить их одним резким словом). Я пододвинул стул, припарковал свою задницу и начал копить силы для долгого подтока истошной ругани. Звеня, передо мной возникла одна из сестричек Силикконе.

Я пригляделся к ней. Захлопал глазами. Еще раз пригляделся.

— ГУННАР?

— Тихо ты, — прошипел он, приложив безупречно наманикюренный пальчик к своим полным, сладким, рубиново-алым губкам. — Пока наш союз — тайна. Зови меня «София». — Чего изволите? — прощебетал он, чуть ли не тыча меня в нос своими необъятными титьками.

— Ничего, кроме свежего воздуха, — и я стремглав бежал от стола.

Нельзя не упомянуть, что Ле-Мат с Инге занимались сексом. Утром — секс, ночью — секс, на ленч — секс, на крыше — тоже секс. Конечно, они кокетливо скрывали свои занятия, но поскольку единственной внутренней перегородкой в обширном офисе славного «Компьютека» была найденная в подвале китайская ширма, у них как-то не получалось щадить мою стыдливость. После нескольких суток секса под душем, секса на кухне и секса в любой момент, как только я нырял в виртуальную реальность, они плюнули и перепоручили заботу о приличиях мне — теперь я должен был делать вид, будто ничего не слышу и не вижу. И если бы они не перетащили матрас к западной стене, я

бы еще стерпел… А так целыми ночами, ворочаясь на своей раскладушке, я вынужден был слушать монотонное «бум-бум-бум» деревянной рамы матраса о стенку.

А если уж совсем честно — мне было так завидно, что я запросто съел бы собственную печенку.

Если я правильно помню, как-то раз они попробовали заниматься сексом в квартире Инге, но что-то не заладилось. Кажется, из-за омерзительно-идеального порядка в спальне — вибрации кровати, понимаете ли, сбивали складки на кружевных накидочках. Всех подробностей я так и не узнал;

Ле-Мат так разозлился, что потерял дар речи, и вообще дело кончилось их ссорой.

Ссора продлилась целых три часа. А потом я случайно застиг их в кабине грузового лифта.

Как только у каждого появился свой интерфейс, Ле-Мат привез из дома свою виртуальную систему, и мы соорудили очень милую локальную сеть о трех рабочих станциях. (Между прочим, Ле-Мат и Инге ездили за машиной вместе, но стоило Ле-Мату отвернуться, как она принялась — мама родная! — наводить порядок. Ле-Мат поклялся, что никогда больше этого не допустит.) В основном я дежурил при биотелеметрии, пока Гуннар и Инге/Реба тренировались в нашей МПВ, но иногда я нырял в виртуальную реальность вместе с ними.

Жизнь меня быстро научила не делать этого без предупреждения. Как-то раз, поддавшись настроению, я решил проверить, что они там делают уже полчаса. Так выяснилось, что в ее личном секторе памяти Ле-Мат и Инге построили виртуальный особняк по картинкам из «Плейбоя». Войдя туда, я обнаружил, что Гуннар сидит в горячей ванне, облокотившись о бортик. В одной руке он держал фужер с шампанским, в другой — огромную, обкусанную со всех сторон ягоду клубники.

— Привет, Гуннар! — окликнул я от двери. — А Реба где?

Гуннар тупо улыбнулся мне. Из его уст вырвалось глухое, странное мычание.

— Ты не заболел? — Я сделал шаг к ванне. И тут из мыльной пены вынырнула Реба.

— Здорово, Макс! — радостно вскричала она. На ней было что-то типа акваланга — только дыхательная трубка шла не ко рту, а к носу. — Фу-у-у, от этих дел ужас как пить хочется! — Она выхватила у Гуннара фужер, выпила залпом, сунула фужер в его руку и вновь нырнула на дно ванны.

— А-а, — вымолвил я. — Мне, собственно…

— ИСЧЕЗНИ, — процедил Гуннар сквозь зубы.

— Да, разумеется. Непременно. — Развернувшись, я удрал

так быстро, как только мог унести меня мой слабенький интерфейс. Спустя несколько секунд я выпрыгнул в реальность и снял очки.

Тут-то я и узрел нашего домовладельца Джерри. Он стоял у грузового лифта с ведерком краски в руке и неописуемой гримасой (надеюсь, я никогда больше таких гримас не увижу) на лице. Я попытался взглянуть на нашу троицу его глазами. М-да, просто трио высокотехнологических мимов из кабаре для голубых.

— Не спрашивай, — сказал я Джерри. — Не спрашивай ни о чем.

К концу недели мы накопили немало полезной информации о Фрэнклине Кертисе. Вот только ничего хорошего эта информация нам не обещала.

— Вот его электронный адрес, — сообщил Ле-Мат, кинув передо мной на клавиатуру листок бумаги. — С высотой технологий у этого типа все в порядке. Он подключился еще до того, как стало к чему подключаться. И кстати, я ничуть не удивлюсь, если у него есть свой МУДИ.

— У Кертиса? — Инге сморщила нос. — Мужская гордость не потерпит!

— Может быть, — пробурчал Ле-Мат, — но вы послушайте…

И он зачитал нам с распечатки следующий текст:

КЕРТИС: Я считаю себя писателем школы Станиславского. Я всегда пытался влезть в душу моих персонажей, увидеть мир их глазами, рассказать их историю их же устами. Но недавно я придумал несколько хитрых приемов, которые позволяют мне… э-э-э… забраться в шкуру моего героя в тот миг, когда с него семь шкур сдирают.

БАТОНОЖАТКА: Э-э-э… как в виртуальной реальности?

КЕРТИС: Отнюдь. С виртуальной реальностью — ничего общего. Я говорю об остроте ощущений, которая как минимум на одно поколение опережает то, что считается виртуальной реальностью сроки ламеров и баналов. Подробнее, извините, не могу — строжайшая засекреченность, сами понимаете, — но в процессе работы над моей новой документальной книгой «Робох Рен» я плотно общался с людьми, которые разрабатывают новое поколение военных симуляторов… БАТОНОЖАТКА: Ой, типа «Аргуса», да? КЕРТИС(насторожившись): Где вы слышали это название? БАТОНОЖАТКА: Не помню, в Сети, наверно…

КЕРТИС: Это сверхсекретный проект. Насколько много вам о нем известно?

БАТОНОЖАТКА: Практически ничего. Ну разве что это совместная разработка «МДИ-Биомеда» и «Рокуэлла-Тиокола» и

что, согласно первоначальному плану, она должна была быть завершена еще два года назад и должна была стоить в шесть раз меньше, чем получилось.

КЕРТИС (выдернув из потайной кобуры пистолет): Эй, крошка, это же секреты федерального значения! Как ты узнала? Кто твой источник?

БАТОНОЖАТКА (испуганно): Честно, я просто наткнулась на это где-то в Сети…

КЕРТИС(опрокинув стул, бросается на интервьюерку и приставляет к ее лбу пистолет): ИЗМЕННИЦА! ИУДА! МАТА ХАРИ! НА КОГО РАБОТАЕШЬ, ГОВОРИ ПРАВДУ? НА КУБУ? НА ЛИВИЮ? ИМЕНА ДАВАЙ!

БАТОНОЖАТКА (обливаясь слезами): Ни на кого! Я везде внештатно!

КЕРТИС: А-А, ДВОЙНОЙ АГЕНТ? ОЧЕНЬ ПРИЯТНО. У МЕНЯ НА РОДИНЕ ЗНАЮТ, ЧТО ДЕЛАТЬ С МРАЗЬЮ ВРОДЕ ТЕБЯ (взводит курок).

БАТОНОЖАТКА (в истерике): Христом Богом клянусь, мистер Кертис, я простая журналистка! Пожалуйста, не убивайте меня, пожалуйстанеубивайтеменя, пожалуйстанеуби…

КЕРТИС (вновь овладев собой): Ну что ж, есть вероятность, что вы говорите правду — хотя мне как-то не верится… Ого, да вы обмочились. Ведите себя прилично, а?

БАТОНОЖАТКА (невнятно бормочет, мычит, бубнит под нос).

КЕРТИС: Ну ладно, считайте, что отделались первым предупреждением. Но вы отсюда не выйдете, пока не съедите свой диктофон.

Плюхнув бумажку на стол, Ле-Мат испытующе поглядел на нас с Инге:

— Ну? Военные симуляторы? «МДИ-Биомед»? Это вам ни о чем не напоминает?

— Да так, есть немного, — пробурчал я. — А что там дальше в интервью? Ле-Мат покосился на бумажку:

— Ничего, я вам все зачитал,

— Все-е? — подскочила на стуле Инге. Ле-Мат вновь заглянул в бумажку:

— Ага, тут еще примечание от редакции, что журналистка попала в больницу. Боль в животе. Должно быть, съела что-нибудь.

Задумчиво раскачиваясь на своем синем пластиковом стуле, я почесал подбородок — и вновь чуть не вмазался макушкой в пол.

— Ладно, составим список. Что нам известно?

— Фрэнклин Кертис богаче, чем сам Господь Бог, — сообщила Инге.

— Но адрес Бога мы не знаем, а насчет Кертиса все четко, — возразил Ле-Мат. ~ Я и реальный достал, и Сетевой.

— Но у него большие связи в министерстве обороны, — заметила Инге. — Картер даже предлагал ему пост министра.

Ле-Мат вытаращил глаза:

— Да? Я не знал. В семьдесят шестом?

— Не-а, в девяносто шестом.

— Тогда ясно, чего он отказался, — понимающе кивнул Ле-Мат.

Я попытался вновь вернуть разговор в деловое русло:

— Ну а его персональный компьютер? Что нам известно?

Ле-Мат стукнул кулаком по штабелю журналов:

— Что у него их целая персональная сеть. Похоже, у него весь особняк кабелями ОС1 обмотан. В каждой комнате по компьютеру. Даже в туалетах.

— Вы его «Артефакт» не читали, нет? — криво ухмыльнулась Инге. — Эту книжку он явно написал на унитазе — а потом запутался, какой бумагой подтираться, а какую оставить.

— Ну а топология? — вопросил я, хватаясь за соломинку. — Серверы?

— Распределенная обработка данных, — пробубнил Ле-Мат, — равноправные системы. Но должен вас обрадовать, дети: первичный сервер — рокуэлловская многофункциональная коробка. А Рокуэллы работают на НАСА. Эти ребятки так верят в чинопочитание и жесткую иерархию, что все важные файлы наверняка в их сервере.

— Ага, — протянул я. — Значит, опять пойдем делать подкоп и взрывать главный реактор. Весело. — Я окинул взглядом Ле-Мата и Инге. — Как вы думаете, в какое время суток туда лучше сунуться?

— Утром спозаранку, — не задумываясь, выпалил Ле-Мат.

— Почему?

— Ну, он же писатель, — пояснил Ле-Мат. — Каждый дурак знает, что писатели — ночные совы. И к тому же горькие пьяницы. По утрам у него похмелье — не до рабо-0-ОЙ! — Инге больно ткнула ему локтем под ребра. Он обернулся к ней:

— Да, милая?

— Гуннар, — ласково проворковала она, — ты лично знаком хоть с одним активно работающим писателем?

Ле-Мат призадумался:

— А поэты считаются?

— Поэты вообще не работают, — отрезала Инге и обернулась ко мне. — Мы к нему залезем, когда он будет давать сеанс одновременной раздачи автографов. Это лучший шанс.

Тут нервно встрепенулся я:

— МЫ?

— Если вы думаете, что я вас одних отпущу, — заявила она, — то у вас одна извилина на двоих, и та — прямая.

Я покосился на Ле-Мата — тот пожал плечами. Похоже, у них уже был разговор на эту тему. Я вновь обернулся к Инге:

— Но тебе-то это зачем?

— Коготок у меня уже увяз, — передернула она плечами. — Так и так — всей птичке пропасть.

Я попытался обдумать эту новую информацию — и пришел к выводу, что думать тут особо нечего.

— Ну ладно, автографы — первое место в хит-параде шансов. Что на втором?

— Даже писатели иногда едят, — заметила Инге. — Надо узнать, когда он обычно обедает и ужинает — и вот вам полчаса, когда система будет включена, а хозяина в ней не будет.

Ле-Мат поднял руку:

— Можно внести предложение? Переглянувшись, мы с Инге милостиво кивнули:

— Просим.

— Похоже, разведка нам очень даже не помешает. — А ты что, пойдешь добровольцем? — Боже упаси, — побелел Ле-Мат, — Но твои Тварьки, если их чуть модернизировать, отлично справятся. Запустим их сегодня же.

Немного подумав, я согласился.

Позднее, когда совещание потихоньку завяло и Ле-Мат удалился в туалет, мне наконец-то удалось поговорить с Инге наедине. — Что-то никак не пойму, — сказал я ей напрямик. — ЗАЧЕМ ЭТО ТЕБЕ?

— Зачем мне все это делать? — переспросила она. — Зачем Инге Андерссон отмывает деньги для

«Компьютека»? Зачем Реба Вермишелли, зарядив ружье, поскачет с Гуннаром Питекантром и Максом Супером в Долину Смерти?

— Ага, — кивнул я. — Зачем?

Откинувшись на спинку кресла, Инге вперила в меня свои бездонные синие глаза и задумалась над ответом.

— Ты знаешь, кто я такая? — ответила она вопросом.

— Вообще-то нет, — отозвался я, пожав плечами. — А что, я должен это знать?

— Я — пухленькая тихоня с бесцветными косичками, — провозгласила она. — Это я сижу на первой парте и всегда поднимаю руку, когда учитель задает вопрос. Это меня всегда вызывают к доске, когда учитель хочет продемонстрировать, что

задачу все-таки можно решить. Потому что я всегда все делаю правильно, — и она улыбнулась.

Весьма и весьма невесело.

— Я та самая девочка, которую приглашают в гости, чтобы вместе сделать уроки, — произнесла она печально. — Перед экзаменами я всегда нарасхват, но спутника для Осеннего Бала мне не раздобыть даже под угрозой смертной казни. И даже если я наступаю на собственную гордость, мне все равно не светит ничего, кроме рукопожатия и обещания, что мы навсегда останемся друзьями. — Она встряхнула головой. — На том вся дружба и кончается. — Она вздохнула.

— Взрослые меня обожают, — продолжила она, как только я решил, что ее исповедь закончена. — Я такая умненькая, и характер у меня такой милый, и практичная я, и благоразумная не по годам. Кто-кто, а я никогда не ошибаюсь, будьте покойны. Ага, добрая, надежная, старая дева Инге. Господи, да она в жизни на красный свет не переходила!

Тут она мне недвусмысленно ухмыльнулась. И позвольте вас уверить, очень по-хулигански.

— Знаешь, Джек, какой толк от виртуальной реальности? Мы можем стать теми, кем не можем стать. К примеру, Гуннар хочет быть рисковым парнем. А тебе нужно стать крутым и примодненным. Что до меня, то я желаю стать дамочкой, которая способна набить чемодан чеками на предъявителя и свалить на Каймановы острова! Ты спросишь, зачем мне это?

А затем, что я хочу узнать — сойдет ли мне это с рук! — Эти слова она произнесла медленно, вкрадчиво, торжествующе. Сознаюсь, у меня мурашки поползли по коже от ужаса. — Раз в жизни мне захотелось что-нибудь учудить! Такое, о чем «милая маленькая Инге» и помыслить бы струсила! И знаешь, что я тебе скажу, Джек, — ее глаза округлились, — ЭТО ПОЛНЫЙ КАЙФ!

Как раз в этот момент Ле-Мат, вернувшийся из туалета, решил вступить в разговор:

— Ты что, опять меня хвалишь? Инге обернулась к нему с абсолютно плотоядной улыбкой на лице.

— Да! — вскочив, она схватила его за руку и потащила к матрасу. — Пойдем, милый! Я вся про-дро-о-гла!

Ле-Мат вздохнул, подмигнул мне и позволил себя утащить.

— Знаешь что, Инге, — донеслось до меня уже издали, — перестань ко мне относиться, как к сексуальному объекту. Я серьезно. Точно тебе говорю — еще тридцать — сорок лет такой жизни, и я сдохну!

На выходных Инге с Ле-Матом придумали, как заниматься виртуальным и реальным сексом одновременно. Естественно, это

открыло перед ними массу новых возможностей. Они занимались реальным сексом. Они занимались виртуальным сексом. Они занимались реальным сексом, пока Гуннар с Ребой занимались виртуальным. Они занимались реальным сексом, пока дон Луиджи и София занимались виртуальным. Полагаю, если б они могли махнуться половыми органами в реальном мире, то и это бы попробовали.

(Впоследствии Гуннар так описал свои впечатления от совмещения виртуального секса с реальным: «Ну, все равно как обжиматься с пластинкой на зубах, в солнечных очках на носу и с плеером в ушах.)

Двадцать девятое мая, понедельник, миновало без происшествий. Исполнилась неделя с моей последней встречи с Т'Шомбе (той самой встречи, когда я ни слова не успел сказать, поскольку торопился ее ударить). А если отсчитывать со дня, когда она в последний раз пыталась мне дозвониться, получалось, что мы не общались гораздо дольше. Кстати, даже проповедники из Церкви Вегентологии бросили мне звонить. Оно, конечно, приятно — вот только я подозревал, что их благословенное безмолвие как-то связано с затянувшимся молчанием Т'Шомбе. Я думал и гадал и вновь думал: успела ли она меня толком узнать в тот краткий миг, в коридоре, перед тем, как я вышиб из нее дух? И насколько мощный негативный фидбэк возникает в стандартном шлемофоне при столкновении с агрессивным суперпользователем?

В убийстве Чарльза я больше не раскаивался. Говоря по совести, он получил, чего добивался — аукнулись ему все эти месяцы нечестной игры в «Мясорубку». Разве он не понимал, что на сто голов выше нас из-за своего биомедицинского интерфейса? Все он понимал. И все-таки, точно долговязый задира, играющий в бейсбол с малышней, никогда не упускал случая блеснуть мастерством и сплясать танец победителя.

Одно «но» — у него ведь не было возможности натешиться своим физическим превосходством над маленькими, когда ему было двенадцать? Так ведь?

Вскоре круг вновь замыкался, и меня вновь грызла совесть за отрубленную голову Чарльза и поверженную Т'Шомбе. Я бы все на свете отдал, лишь бы узнать от кого-то, что я не сделал ей больно. Нет, не физически — в виртуальной реальности насилие — вещь чисто символическая… Но мне хотелось бы удостовериться, что я не отучил ее верить людям.

Поскольку никто из обитателей офиса «Компьютека» не мог предоставить мне искомой информации, я терпел. Запихивал свои переживания, так сказать, под ментальный ковер, хватал еще

одну чашку кофе и возобновлял подготовку к заданию.

31 мая, среда, 8.07 вечера. Мы втроем — я, Ле-Мат, Инге — вновь тренировались в нашей карманной Вселенной. За истекшее время мы договорились насчет конфигурации нашей штурмовой группы. Разумеется, я отправлялся в бой в облике МАКС**АСУПЕРА**, а мой «харлей» оставался «харлеем». Ну а Инге с Ле-Матом попробовали было поразмяться в виде Вермишелли и Софии, но быстро передумали — и еще три дня отлаживали ипостаси Гуннара и Ребы. В качестве транспортного средства они выбрали виртуальный джип-вездеход, оборудованный башенкой с 30-дюймовым пулеметом на кольцевой турели. (Ле-Мату хотелось тяжелый танк «Абрамс-М!», а Инге — «астон-мартин». Джип, насколько я понял, был компромиссным решением). Мне было плевать, на чем они поедут — лишь бы не забывали о руле и держали свои гормоны в узде.

Во время пятиминутной передышки Ребе показалось, что в запертый Сетевой портал кто-то скребется. Я пошел поглядеть, что там такое — и нашел на нашем виртуальном пороге израненного, окровавленного Тварька-2. Он был при своем последнем виртуальном издыхании. Подхватив бедного монстра, я занес его внутрь и осторожно положил на пластиковый куб. Подбежали Реба с Гуннаром. Синие веки Тварька разомкнулись.

— Привет, босс, — слабо простонал он. — Есть минутка?

— Что случилось? — вопросил Гуннар. — Где Тварек-1?

— Тварек-1 стал навозом, — сообщил Тварек-2. — А случилось то, что мы выполнили приказ.

— Ты почему не рифмуешь? — выпалил Гуннар. — Зря, что ли, я вас программировал, чтобы вы стихами изъяснялись!

Тут я, забыв обо всем, испепелил Гуннара взглядом:

— Так это твоя работа?

— Слушайте, — пискнул Тварек-2, выкашляв целую лужу нежно-розовой крови, — вы ругаться будете или мой рапорт слушать?

Тут вмешалась Реба. Приласкала маленького монстра, пригладила его покрытую запекшейся кровью шерсть. — Рапортуй, пожалуйста, — проговорила она нежным, материнским голосом (я и вообразить не мог, что она на такое способна).

— Мы выполнили приказ, — выдохнул Тварек-2, весь содрогаясь от кашля. — Устроили НП, наблюдали в течение двадцати четырех часов, потом приблизились и устроили новый НП. Четыре дня нас никто не трогал. — Тварек-2 замолк. Сильнейший спазм виртуальной, фальшивой боли сотряс его крохотное синее мохнатое тельце.

— А потом? — ласково спросила Реба. Спазм прошел.

— Этой ночью, в очередной раз перенося НП, мы пересекли какую-то невидимую границу, — сообщил Тварек-2. — Ребята, — он смолк, чтобы выкашлять еще одну лужу нежно-розовой крови, — ваш друг Кертис знаком с последним отребьем из министерства обороны. Вокруг замка Фрэнклинштейна тако-о-е… — Его голос стих. Последний, глубокий, скорбный вздох излетел из его крошечного тельца. Он обмяк и застыл, скованный ужасным покоем.

Реба вновь пригладила синюю лохматую шерстку вокруг личика Тварька-2, пощупала его шею в поисках пульса. Медленно обернулась ко мне, сверкнув слезой в уголке глаза:

— Он умер, Джим.

Мы молча обступили куб. Гуннар, скинув шлем, склонил голову.

Тварек-2 внезапно сел на своем смертном одре, широко раскрыв глаза.

— Еще не все, спасибо! Завтра у Кертиса ленч с важным человеком, и у вас отличные шансы между десятью и двенадцатью по местному! Но в любом случае берегитесь… о-о-ох!

Маленький паршивец вновь отрубился и с звуком крокетного мяча о бетонный пол плюхнулся на куб лицом вниз. Реба потыкала его пальцем.

— Как вы думаете, теперь-то он умер? Гуннар, вынув из кобуры свой 9-миллиметровый пистолет, взвел курок:

— Положись на меня.

20. НАЛЕТ НА ЗАМОК ФРЕНКЛИНШТЕЙН

Первое июня, четверг, 09.00 по местному времени. Гуннар загрузил в джип последний ящик с боеприпасами и, захлопнув заднюю дверцу, подошел к нам с Ребой.

— Мы готовы? — И он поглядел на меня. Потом на Ребу. Та, мастерски вставив магазин в свою виртуальную винтовку системы «FN-FAL», повесила ее на плечо.

— Мы готовы, — подтвердила она. Гуннар протянул в мою сторону руку — оказалось, для рукопожатия. Я удивленно уставился на нее.

— На счастье, — пояснил Гуннар. Я пожал его руку. К ритуалу присоединилась третья рука — рука Ребы. Свободной верхней конечностью Реба придержала Гуннара за затылок и мощно, бесстыдно, сентиментально поцеловала его в губы (не преминув засунуть ему в рот язык).

— На счастье, — сообщила она, оторвавшись от Гуннара, чтобы перевести дух.

Я решил, что с меня хватит еще одного рукопожатия.

— Ладно, ребята, — возгласил Гуннар, когда церемония взаимных клятв в дружбе завершилась, — поехали. Покажем всем где раки зимуют! — и он направился к джипу. Но Реба оказалась проворнее. Вскочив вперед него в машину, она припарковала свои прелестные виртуальные ягодицы на водительском сиденье и поставила около себя винтовку. — Подвинься, — вспылил Гуннар. — Я поведу.

— Нетушки. — Реба всем телом обвилась вокруг руля, намереваясь сражаться за него до смерти. — ПОВЕДУ Я.

Гуннар сделал глубокий вдох, точно готовясь к крупной ссоре — но вдох перешел в печальный вздох, а мой друг, обойдя вокруг машины, уселся на пассажирское сиденье рядом с Ребой. Поглядел на меня и показал большой палец — дескать, все классно.

Я выжал сцепление «харлея». Реба запустила мотор джипа. Привстав, Гуннар дотронулся до виртуального пульта радиоуправления, прикрепленного к солнцезащитному щитку. Точно банальная дверь гаража (правда, гаража, расположенного в самой сердцевине солнца), врата Сетевого портала медленно поползли вверх.

С той стороны портала кто-то стоял. Его силуэт четко вырисовывался на фоне ослепительного сияния виртуальности.

М-да, ну и задохлик…

Элиза.

— Тьфу, блин! — сплюнул Гуннар. Соскочив с сиденья, он забрался в орудийную башенку и припал к пулемету. Реба, схватив винтовку, опасливо высунулась из дверцы. Ну а я вызвал из своей ментальной библиотеки лучшую самоуверенную улыбочку и сочинил с полдюжины остроумных ответов-отбрехов.

— Погодите! — вскрикнула Элиза. Подняв кверху свои тощие лапки, она вошла в портал и теперь стояла уже в нашей локальной Вселенной. — Прошу вас, не стреляйте!

Гм. Абсолютно не в ее стиле. Мы все остолбенели. Элиза сделала еще один шаг к нам.

— Есть разговор.

Гуннар вспомнил, что, собственно, делает, снял пулемет с предохранителя и направил его на Элизу.

— Говори, мы слушаем.

Сделав еще один шаг вперед, Элиза остановилась. Ее льдисто-голубые глазки так и бегали в глазницах, рассматривая нашу троицу — точно два шарика из дельфтского фарфора в замысловатом лабиринте игрального автомата.

— Я надеялась, мы сможем это обсудить, как взрослые люди, — сказала она, — но теперь понимаю, что надеялась зря. Так что, детки, я буду лаконична. Хотите не хотите, а я иду с вами.

Гуннар подскочил от удивления и покосился на меня. Я покосился на Ребу. Реба щелкнула предохранителем, прицелилась Элизе в лоб и буркнула:

— Ты в меньшинстве, белая мышка. Элиза испарилась.

— Слушайте, детки, — раздался голос Элизы ниоткуда и со всех сторон. — Можно подраться прямо сейчас — и есть вероятность, что вы победите. Но я вам четко гарантирую, что вас задержу и вы упустите свое окошко. — И тут, подтверждая серьезность ее намерений, заглохли оба двигателя. И джипа, и «харлея».

Элиза вновь обрела зримый облик — за моим правым плечом. Я нервно обернулся.

— Либо, — произнесла она спокойно, меж тем как Гуннар, разворачивая пулемет, случайно подпалил гору многогранников, — вы попробуете от меня сбежать. В подобном случае, — она широко улыбнулась и раскинула руки, объяв все наше локальное виртуальное пространство, — не ждите, что ваша родная система продержится до вашего возвращения. Теперь я знаю, где вы живете.

Вновь улыбнувшись, она подошла ко мне, изящно вспрыгнула на сиденье за моей спиной, уперлась ножками в «стремена» и

обвила своими тощими лапками мой торс.

— Либо, — заявила она, — вы можете уяснить, что у меня счеты с Амбер — не с вами. И взять меня с собой добровольно. Если вас эта перспектива пугает, возьмите в толк, что я всегда буду у вас на глазах. В смысле, у меня не будет возможности делать вам гадостей за спиной.

Повернув голову, она уколола мою спину своей острой скулой и решительно, не без нежности прижалась ко мне. Выгнув брови, я покосился на Гуннара и телепатически задал ему некий вопрос.

Гуннар глянул на Ребу. Та, презрительно фыркнув, вновь поставила винтовку на предохранитель и положила ее на пол. Гуннар принял решение.

— Возьмем ее с собой, — провозгласил он уверенно, точно сам до этого додумался. — Будем за ней присматривать, чтобы не нагадила, — решительно кивнув, он тоже поставил пулемет на предохранитель и плюхнулся на свое сиденье.

— Отличная мысль, генерал Кастер, — пробурчала Реба. Вновь запустила мотор, вцепилась в руль обеими руками с такой яростью, точно хотела вырвать его из приборной доски, и для полноты картины сердито уперлась в него подбородком.

Не обращая на нее внимания, Гуннар обернулся ко мне.

— Ну? Чего мешкаем? СТАРТ! — И, самодовольно сверкнув зубами, он потряс в воздухе кулаком.

Нажав правой ногой на стартер, я растолкал «харлея», и тот ревом сообщил о своем пробуждении. Наклон вправо, чтобы поднялась подножка. Выжать сцепление. Включить первую передачу. Погонять двигатель вхолостую — так, ради шума.

Подняв голову от руля, Реба выжала сцепление до упора и включила передачу.

— Проклятые вояки, — процедила она, нажимая на газ. Машина резко рванулась вперед под визг пылающих от натуги дорогих шин и дикие вопли Гуннара.

Подождав, пока они освободят портал, я повернул голову и оглянулся через плечо на Элизу.

— А теперь все-таки скажи, зачем ты к нам присоединилась?

Вскарабкавшись по моей спине, Элиза слегка чмокнула меня в щеку:

— Потому что Гуннар слишком уж увлекся задней частью Ребы и забыл, что должен стеречь тебя с тыла. А поскольку именно с тыла ты смотришься неплохо, — и она для полной ясности ущипнула меня, — я решила сама себя назначить ее охраной.

Я дернул задницей, уворачиваясь от ее пальцев, и уставился

на Элизу с блистательно сыгранной недоверчивостью:

— И что. Соломоновых решений больше не будет? Элиза покраснела. Надо сказать, что пристыженность ей шла: нездоровая бледность сменилась более или менее приятным румянцем.

— Прости, ради Бога. Я надеялась переблефовать Амбер, — пожала она плечами, — но, похоже, эта дамочка старается уничтожить все, чем не может завладеть.

Я призадумался. И рассудил:

— Ладно, такое уж мое счастье.

Вновь плюхнулся на сиденье — тихо ойкнул, ибо Элиза опять меня ущипнула, — дал газ, отпустил сцепление и пролетел сквозь портал. Спустя тридцать секунд мы увидели далеко впереди, на Инфобане Гуннара с Ребой.

— Давай музыку поставим! Какую-нибудь дорожную! — прокричала мне в ухо Элиза, силясь переорать шуршание инфомусора на волнах инфопотока. — «Степпенвульф» сойдет?

— Кто? — прокричал я в ответ.

— Конь в пальто! — обиделась Элиза. Проглотив оскорбление, я газанул так, что чертям стало тошно.

10.17 по часам восточного побережья. Мы стояли на обочине инфострады системы OC-5, созерцая сумрачные, унылые пустоши. Под нами простиралась долина — вспененное море бурой грязи. На его волнах качались какие-то горелые обломки, лоскутки заграждений из колючей проволоки да останки взорванных деревьев. По ту сторону долины возвышалось массивное, зловещее, оскалившее каменные зубцы здание в стиле «Мечта параноика». Если бы король Людвиг Баварский Безумный решил пережить конец света, он выстроил бы для себя именно такое убежище. Подойдя к перилам, Элиза погрозила зданию:

— Ну, замок Фрэнклинштейн, погоди!

— М-да, ландшафтик так себе, — заметил Гуннар.

— Мы стоим на великом перепутье! — продолжала Элиза. — Позади нас лежит наш родной, хорошо знакомый домен — сот! Впереди — mil, домен неведомых опасностей!

Реба тем временем сканировала горизонт через видеобинокль. Опустив его, она закусила губу и указала на одну из точек:

— Это часом не DARPA?

— ДА! — вскричала Элиза. — А за ней — edu, царство тайных альянсов между военными и учеными!

Тронув Элизу за плечо, Гуннар развернул ее в противоположном направлении.

— Ну, ладно, а это что за яма, от которой дым идет?

— Эта яма, друг мой, — отвечала Элиза с безумной, блуждающей улыбкой, — пресловутая Долина ВПК! Долина Военно-Промышленного Комплекса! А за ней, если бы воздух не был загрязнен токсическими отходами дорогих сигар, вы могли бы узреть темный, сумасшедший, хитроумный лес gov!

— Понятно, — кивнул Гуннар. — А чего это ты так орешь?

Обернувшись к нему, Элиза пожала плечами:

— Ну, чтобы драматичнее звучало. Тут я вмешался в разговор, чтобы вновь обратить всеобщее внимание на замок Фрэнклинштейн.

— Элиза, милая. — Она глянула на меня. — У меня такое ощущение, что ты здесь уже бывала. Не хочешь нам ничего посоветовать?

Окинув меня испытующим взглядом, она покосилась на замок.

— Ну что ж, Макс. Это всем нейтральным полосам нейтральная полоса. Ваш друг Кертис — и швец, и жнец, и во всякие гадкие игрушки игрец.

— Например?

Элиза внезапно наклонила голову набок, точно собака, услышавшая свисток, потом, обернувшись, показала в сторону edu.

— Нам повезло! Гляди и мотай на ус, Макс! Гляди в оба!

Спустя секунду и я услышал искомый звук — истошный визг далеких турбин.

— Вижу! — вскрикнула Реба, глядя на небо в свой бинокль. — Похоже на…

Опустив бинокль, она скривила кислую мину.

— Похоже на мультик.

Пятнадцать секунд спустя летучий объект уже можно было видеть невооруженным глазом. С виду он походил на… на истребитель «F-21», версия для детского мультсериала. Сплошные плоские поверхности и кричащие основные цвета. Он изрыгал снопы пламени, словно в жизни не слыхивал о ракетах с теплолокационными головками. В реальной атмосфере он и минуты не продержался бы в воздухе — аэродинамический профиль не тот.

— Это еще что за хрен? — пробормотал Гуннар.

— Ребенок какой-нибудь, — предположила Элиза. — Скорее всего, проник в DARPA через edu и думает, что ему открыта зеленая улица в mil. На его пути всего одно препятствие.

— Замок Фрэнклинштейн? — уточнил я.

— Ваш друг Кертис не только книжки пишет, — сообщила Элиза. — Он еще и разрабатывает очень сверхсекретные

компьютерные программы. А сейчас как раз испытывает софт для ЦРУ. Он называется «Пограничный пес». Через десять секунд малыш войдет в зону действия…

И тут ход событий невероятно ускорился. Мы едва успели разглядеть, как лазерный луч, вырвавшийся из одной из башен замка, пометил летящий самолет ярко-зеленым пятнышком. Откуда-то из-за стен замка вылетела ракета «земля-воздух» и с утробным ревом преодолела звуковой барьер. Две секунды спустя мальчик уже несся к земле в неуправляемом пике. Одно крыло точно ножом срезали, двигатели пылали.

— Один киберпанк, выче-е-ер-киваем, — заметила Реба, опустив бинокль.

— Ну, нет, — возразила Элиза, — комедия только начинается. СМОТРИТЕ.

Мальчик умудрился вывести самолет из пике, но поздно — фюзеляж уже разламывался на части…

Минуточку. Фюзеляж не разламывался. Он МОРФИРОВАЛ. Кирпичики сдвигались, очертания менялись, гондолы двигателей, вывернувшись, превратились в конечности. Перед самым ударом о землю самолет окончательно превратился в гигантского человекообразного робота. БАМ-М! — в полумиле от замковых стен робот приземлился на обе ноги, и земля дрогнула под его ступнями. Осмотревшись, робот морфировал свою правую руку в плазмопушку и зашлепал по грязному полю к воротам замка.

Не прошел он и ста ярдов, как попятился, отброшенный неожиданным залпом. Из его пробитой груди повалил дым, потекло масло.

— Ни фига себе… — выдохнул Гуннар. — Кто это его?

— Смотрите внимательно, — отрезала Элиза. На второй раз мы услышали «К-Р-Р-РЫМП» орудийного выстрела и увидели, как брызнули осколки и отвалилась, закувыркавшись в воздухе, правая рука робота. Затем мы услышали дружный рев мощных двигателей, и грязное поле зашевелилось. Все его холмики снялись с мест и поползли к роботу.

— Вот черт! — сплюнула Реба. Застучала по кнопкам своего бинокля. Выругалась еще раз. — Что это за твари? Танки?

— Не совсем, — уточнила Элиза. — Это автоматические боевые машины «ТРОЛЛЬ Т-4». Автономные и самоуправляемые роботы. Их огневая мощь измеряется килотоннами, коэффициент непослушания приказам — ниже нуля. Тупее всех тупых, но очень опасны. Вы что, его «Робох Рен» не читали?

Третий выстрел раздробил левую коленку робота. Он упал на спину и бухнулся на землю с душераздирающим треском, отчаянно размахивая левой рукой. Гуннар попытался отнять у

Ребы бинокль.

Та отразила его натиск.

— Не-а, — ответила она на вопрос Элизы, когда Гуннар перешел в отступление. — Документальные книжки Кертиса мне никогда не нравились.

— А зря, — проговорила Элиза. — Ты бы поняла, как у него мозги работают.

АБМ-«Тролли», обступив поверженного робота, переключились на мини-артиллерию. Точно вооруженные бензопилами хирурги, они проворно отчекрыжили роботу левую руку, левую ногу и оставшиеся культи. Потом, втянув свои дымящиеся пушки, выдвинули массивные руки с гигантскими острыми клешнями вместо кистей.

— Мне лично, — продолжала Реба, — больше по сердцу технотриллеры его среднего периода. Прежде всего «Зеленая буря».

Элиза сморщила нос:

— Ты что, шутишь? Это где Экологическая полиция ООН хочет поработить мир, но его спасает кучка красноносых орегонских лесорубов с электротопорами? Да как ты можешь?

— А я лесорубов люблю, — передернула плечами Реба.

Не прошло и минуты, как «Тролли» демонтировали торс робота. Его шлемообразная голова, покатившись, встала торчком. Тут у парочки «Троллей» выросли буры и пилы. Они вскрыли голову, точно консервную банку.

Внутри оказался мальчишка максимум пятнадцати лет. Он закричал всего один раз — когда в него вонзились острые стальные когти «Троллей». Ритмично поднимая и опуская клешни, они демонтировали его. Аккуратно вынули и разложили кишки, печень, легкие, глазные яблоки…

Гуннар, отвернувшись, едва сдержал рвоту. Реба, медленно опустив бинокль, мертвенно побелела. Элиза и так была мертвенно-бела с головы до пят, так что ее реакцию установить было сложно.

— Ладно, — произнес я, — из всего этого следует, что лобовая атака отменяется. У кого какие идеи насчет запасного плана? — и я поглядел на Ребу. Реба поглядела на Гуннара. Гуннар поглядел себе под ноги.

Элиза поглядела на меня.

— Макс, ты никогда не пробовал играть в импровизационном театре?

Пять минут спустя мы катили по дороге к главным воротам замка. На наших лицах цвели невинные улыбки. В сапогах хлюпали целые лужи виртуального пота, моча наши упавшие в

пятки сердца. Хорошо еще, что «Тролли» нами вроде бы не интересовались… Тут мы смогли разглядеть охранников.

— НАЦИСТЫ? — прошипел я, обернувшись к Элизе.

— Дешевая рабочая сила, — прошипела она в ответ.

Двое нацистов, стуча коваными сапогами, вышли из затененной арки ворот и наставили на нас свои автоматы. Реба затормозила. Я остановился рядом с ней. Третий — нацист офицерской внешности — вышел из дурацкой полосатой, как зебра, будочки и гусиным шагом приблизился к Ребе. Это означало, что я видел лишь его спину.

— Вас гибт? — вопросил офицер.

— Гранатограмма! — бодро выпалил Гуннар. — Посылочка для мистера Кертиса!

— Вас? — не понял офицер. — Нихт ферштейн зи! Широко ухмыльнувшись, Гуннар подмигнул мне:

— Объясни ему. Макс.

Улыбаясь и ликуя, я слез с мотоцикла и лениво подошел к ним.

— Видите ли, герр офицер… — перескочив в режим кубизма, я залез ему в грудь рукой, нащупывая программу согласия. Нацист вертелся на моем кулаке, как загарпуненный лосось.

— Вас? — визжал он. — Вас? — автоматчики, заподозрив неладное, спешно двинулись к нам.

— Ма-акс, — прошептал Гуннар, — быстре-ей…

— Нам каюк, Гуннар, — прошептал я в ответ, — у него нет сердца.

Остальные охранники замерли на дистанции прямой наводки и подняли автоматы. — Сделай что-нибудь, — зарыдал Гуннар. Автоматчики неторопливо взяли нас на мушку.

— Привет, либхен, — проворковала Элиза с акцентом, достойным Марлен Дитрих. — Зи давно ауф восточный фронт зинд? — Покосившись уголком глаза на Элизу, я так обалдел, что чуть не уронил офицера. Оказывается, она грациозно разлеглась на сиденье моего мотоцикла, абсолютно голая, если не считать стратегически размещенного страусиного боа и толстенного слоя туши для глаз. Солдаты были менее хладнокровны, чем я. Уронив автоматы, облизывая слюнки, они рванулись к ней. Подпустив их почти на расстояние близкого приятного знакомства, Элиза распорядилась:

— Подбери стволы. Макс.

Швырнув офицера Гуннару, я подобрал автоматы. Элиза, схватив охранников за шкирку, сделала с ними что-то, отчего они свалились на месте.

Спустя минуту мы связали солдат, заткнули им рот кляпами

и спустили в ров, чтобы крокодилы не скучали. Нас посетила идея переодеться в их форму, но Элиза настояла, что маскарад нам ни к чему. Исследовав коллекцию ключей на поясе Офицера, мы отомкнули калитку в человеческий рост, которая находилась рядом с воротами.

— Технику бросим, — решил Гуннар. — Дальше пойдем пешком.

Схватив с сиденья свою винтовку, Реба щелкнула пальцами, и джип рассыпался в виртуальный прах. Я же, решив выпендриться, уменьшил свой «харлей» до игрушечных габаритов и спрятал в карман.

— Ладно, — возгласил Гуннар, озираясь в поисках нежеланных свидетелей. — Вперед! — Он толкнул дверь, и мы влетели…

ВНУТРЬ.

Интерьер в замке Фрэнклинштейн был офигительный. НИ КОНЦА НИ КРАЮ. Бесконечность с мраморными полами, канделябрами, зеркалами и дверьми простиралась на все четыре стороны. Наша четверка на миг замешкалась, пораженная этой масштабной картиной.

— И что теперь? — процедила Реба.

— Будем искать. — Гуннар посмотрел на часы. — У нас еще час с лишним спокойного времени. Если мы перейдем на скорожизнь и пролистаем это дело на максимальной скорости, то может, и найдем чего. И успеем унести ноги.

Элиза, выступив вперед, подняла руку:

— Можно внести предложение? Если верить моим источникам, Фрэнклин Кертис пишет по системе Станиславского.

— Слыхивали, — заметила Реба.

— Мне кажется, это значит, что для каждой книги он создает свою МПВ согласно месту действия. И там играет, пока не нащупывает сюжет. Так что, если исключить все, что не МПВ…

— Ага, — сообразил Гуннар, — тогда мы подрежем это безобразие до обозримой величины.

— Но с чего начнем? — спросил я. Сняв с плеча винтовку, Реба указала дулом в первом попавшемся направлении.

— Вот с чего.

Следуя за ней, мы вошли в какую-то дверь.

*вспышкаЩЕЛК! *

Попятившись, Реба уставилась на магазинную винтовку

системы «винчестер», которая оказалась у нее в руках вместо ее современной автоматической.

— Что за хрень?

21. НАЛЕТ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Я отвел глаза от Ребы — предварительно обратив внимание, что ее зеленый камуфляжный жилет обернулся бахромчатой курткой из оленьей кожи — и окинул взглядом наши новые окрестности. Очевидно, то был какой-то город-призрак на Дальнем Диком Западе старых времен. Ослепительно сияющее полуденное солнце нещадно палило своими лучами голую равнину. Перед нами простиралась пыльная пустынная улица, где комки перекати-поля играли в догонялки с ящерицами и гремучими змеями. Откуда-то неподалеку доносились стоны ржавых петель — жаркий порывистый ветер то и дело тревожил незапертую дверь. Тот же самый ветер носился по руинам заброшенных дощатых зданий, завывая не хуже полного кворума разочарованных в жизни койотов.

— Гадость, — пробурчала Элиза. Я обернулся к ней. Ее худое тельце утонуло в кружевном платье с полудюжиной нижних юбок. Вид у нее был встревоженный.

— Точно, гадость, — подтвердила Реба. — Вы только поглядите! — Она яростно шлепнула по прикладу винтовки. — «Винчестер» 1884 года, но ствольная коробка из бронзы, да и затвор скользящий! Это же как минимум 1864 год…

— Заткнись, — распорядилась Элиза. Реба не повиновалась.

— Ну а эта дрянь! — Выдернув из своей кобуры на поясе шестизарядный револьвер, она негодующе помахала им перед нашими носами. — Барабан 1896 года! Да моя младшая сестра лучше бы справилась с реконструкцией исторических пам…

— ЗАТКНИСЬ! — посоветовала Элиза. Реба заткнулась.

Воцарилось безмолвие.

— Э-э-э… я извиняюсь, — вмешался Гуннар. — Мы вообще-то где?

— «Ковбой-ленд», — сообщила Элиза, скользя взглядом по верхним этажам пустынных зданий. — Первый крупный коммерческий успех Кертиса. Это про тематический парк на Дальнем Западе, где роботы сходят с ума и убивают всех туристов. Туристы — это мы.

Гуннар немедленно перестал улыбаться.

— А-а-а… — Широко раскрыв глаза, он схватился за рукоятку своего шестизарядника и, следуя примеру Элизы, заинтересовался зданиями. Их разбитые окна невозмутимо пялились на нас, точно пустые глазницы высохших черепов.

Реба проверила, заряжен ли «винчестер», и развернулась, прикрывая нас с тыла.

— Элиза? — окликнула она. — Будь любезна, скажи нам, что мы ищем?

— Мы суперпользователи, ты не забыла? А это не та книжка, которая нам нужна. Так что мы ищем выход отсюда.

— Ой, глядите, — Гуннар указал на что-то. — Это часом не…

Распахнув ударом ноги двери салуна, на середину улицы быстрой походкой вышел ковбой-андроид и, развернувшись, обернулся к Гуннару. Глаза ковбоя блестели, как латунные пуговицы. Его голос скрежетал, как немазаное колесо.

— ДОСТАВАЙ СВОЮ ПУШКУ, ПОДОНОК, — и правая рука ковбоя зависла над кобурой, где покоился его собственный шестизарядник.

— Катись на хер, — с этими словами Реба одним выстрелом снесла андроиду голову и для верности всадила пару пуль в его грудь. Андроид повалился на землю, тоскливо звякнув, точно набитый пустыми консервными банками мусорный пакет.

— Вон там! — вскричала Элиза, указывая на сияющий прямоугольник в стене конюшни. — Дверь! — как один, мы сорвались с места и побежали туда. По нам ударил целый залп — стреляли с верхних этажей и с крыши гостиницы. Свистящие пули взметали фонтанчики пыли у нас под ногами и, срикошетив, с воем уносились куда-то вдаль.

— А знаешь, — крикнула Реба Гуннару, пока мы бежали, — все-таки тридцатидюймовка — неплохой зверь! — и, погладив «винчестер», она улыбнулась Гуннару. — Когда вернемся, надо будет раздобыть парочку для нас с тобой! — Тут мы вбежали в дверь и…

*вспышкаЩЕЛК! *

Мы очутились в торговом центре. Поправка: мы находились в парке аттракционов в атриуме самого большого торгового центра, какой я когда-либо видел. Черт возьми, на свете есть города поменьше, чем этот торговый центр. Тем не менее он производил какое-то странное, даже нездоровое впечатление…

— Папа? — захныкала Элиза. — Я боюсь. Я обернулся к ней — и нервно захлопал глазами. Теперь ей было лет двенадцать на вид, а одета она была, как школьница, косящая под грандж-рокершу. Одновременно она как-то странно подросла. Поглядев на собственное тело, я нашел разгадку: теперь я был не старше восьми лет.

— Не волнуйся, зайка, — проговорил Гуннар со спокойной мудростью в голосе, которая совершенно не вязалась с его бегающими глазами и нервно дергающимися лицевыми

мыщцами. — Ничего с нами не случится. — Он воровато покосился на Ребу, которая по этому сценарию явно приходилась нам мамой. — А эту ты читала?

— Ага. — Задрожав, она судорожно вцепилась в его руку и встревоженно уставилась куда-то вбок. — «Мезозойский шоппинг». Типичная среднеобеспеченная американская семья едет в отпуск. Ее мини-фургон случайно сворачивает в ворота параллельного мира и попадает на альтернативную Землю, где динозавры так и не вымерли. Здесь нет ни органического топлива, ни нейлоновых колготок и, что еще ужаснее…

Гуннар приложил палец к ее губам:

— Тише. Детей напугаешь.

— Папа? — проговорил я. Точнее, прогнусавил из-за воспаленных аденоидов. — Там что-то шевелится, я видел! — и я показал на заросли тряпочных кустиков.

— Где? — шепнул Гуннар.

— В гнезде, осел, — заявило чудовище, представ перед нами во всей красе. Гуннар, тяжело дыша, потянулся к пустому месту на своем бедре — когда-то там была кобура. Реба вся напряглась и попыталась заслонить собой Элизу.

Чудовище смотрелось впечатляюще — меня аж озноб пробил. Телосложение штангиста, рост — минимум семь футов, шкура — ярко-зеленая, чешуйчатая. На шее — золотые цепи общей массой в пятьдесят фунтов. Длинный хвост извивался, точно упругий стальной бич. Широченные штаны спадали с поясницы и с костлявых птичьих бедер, так что нижний край ширинки находился где-то в районе лодыжек. Голову венчала бейсболка, надетая задом наперед. Широченная разноцветная куртка была украшена эмблемой команды «Плезиозавры (Сан-Хосе)».

— О Боже, — выдохнул Гуннар, посерев лицом. — Прытко-Рэппер!

— Спокойно, — пробурчала Реба, деланно улыбаясь и копаясь в сумочке. — Не забывайте текст. Они атакуют стаями, и опасен не тот, кого вы видите, а…

Молниеносно выхватив из сумочки баллончик с перечным экстрактом, она опрыскала кустик справа от Элизы:

— …а ЭТОТ!

Из элегантных искусственных кустов вывалился второй Прытко-Рэппер, истерически чихая и раздирая когтями свои глаза. Воспользовавшись случаем, Реба обработала первого.

— Дверь! — взвизгнула Элиза, тыча в сияющий прямоугольник на боку гигантского надувного Микки-Мегазавра. Мы ринулись к двери, вовремя увильнув от распахнутых пастей разъяренных преследователей и влетели в…

*вспышкаЩЕЛК! *

Отступив на шаг, доминатрисса свернула свою плетку-девятихвостку и уперла руки в боки. Будь ее черный корсет зашнурован еще немного туже, на нем следовало бы сделать надпись: «Осторожно, высокое давление». Я и так дивился, что каблучки-шпильки ее красных туфель не погружались в пол при ходьбе.

— Ну-ну, — произнесла она, покачивая головой и встряхивая своими длинными светлыми локонами, — четверо. Думаю, мы сможем вас обслужить, но предупреждаю — придется доплачивать по срочному тарифу.

Гуннар разинул рот. Элиза вытаращила глаза.

— Похоже, мы забрели в Кертисову комнату для приватных развлечений, — шепнул я Ребе.

— Не-а, — ответила она. — Всего лишь в его первый роман «Белые шлюхи, черная кожа». Этим произведением он предпочитает не хвастаться.

— А-а.

— НУ? — вопросила доминатрисса, подчеркнув серьезность вопроса ударом своего кнута о пол.

— Извините, госпожа Айэйша, — сказала ей Реба. — Мы сюда случайно попали. Если вы будете так любезны указать нам на дверь…

Айэйша хлопнула в ладоши:

— МОНГО! — и на одной стене возникла дверь, а из противоположного угла выступил высоченный детина. Мы помчались к сияющему прямоугольнику.

— «Госпожа Айэйша»? — процедил Гуннар, огибая Монго. — Ты что, здесь бываешь?

— Потом поговорим, милый, — отрезала Реба. Мы проскочили в дверь…

*вспышкаЩЕЛК! *

Мы очутились в среднестатической лаборатории: уставленные всяческими причиндалами стеллажи, море мигающих лампочек, ни одного окна. В середине комнаты, под плексигласовым колпаком, находилась странная-странная штуковина, больше всего похожая на приборчик, при помощи которого в спортивных магазинах измеряют размер твоей руки — чтобы подобрать подходящие шары для боулинга.

— Ой, блин, — вздохнула Элиза. — Мы в «Артефакте». Еще

одна лабуда из пакетика про компанию ученых-невротиков в отдаленной секретной правительственной лаборатории — я забыла, мы под океаном или под пустыней?

— По-моему, на горной вершине, — сообщила Реба.

Гуннар облокотился о плексигласовый колпак:

— А это, как я понимаю, артефакт?

— Осторожней! — вскрикнула Элиза. — Это инопланетный объект, наделенный невероятной мощью. Он исполняет все, чего ни пожелаешь.

— В книге им понадобилось четыреста страниц и десять трупов, прежде чем они додумались пожелать его исчезновения, — добавила Реба.

— Я желаю дверь, — возгласил Гуннар.

— Вот она, — заявила Элиза.

— Раз — и готово, — самодовольно улыбнулся Гуннар. Гуськом мы прошли в дверь…

*вспышкаЩЕЛК! *

Солнце припекало. На море была легкая рябь. Я сидел в шезлонге на юте рыбацкого судна. Удочка в моей руке была хороша.

Элиза принесла мне холодное пиво. Ее испанское платье имело низкий вырез. Капли пота усеивали ее смуглую кожу. Она ничего не говорила. Это было хорошо. Я люблю, когда женщины ничего не говорят.

Гуннар стоял у руля. Слегка вращая штурвал, он держал курс в нужном направлении. Моторы вполголоса шумели.

— Макс? — спросил Гуннар. — Это хорошо, что мы рыбачим?

— Да, Гуннар, — сказал я. — Это хорошо.

— НУ А Я ЛИЧНО ЧУМЕЮ! — завопила Реба из каюты. — ВЫ ЧТО, НЕ МОЖЕТЕ ХОТЬ ИНОГДА ГОВОРИТЬ БОЛЕЕ СЛОЖНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ?

— Нет, — сказал я.

— Не можем, — подтвердил Гуннар. — Кучка гомосексуалистов-морских офицеров-изменников захватила подводную лодку модели «Тридент». Они хотят расстрелять ядерными ракетами Бостон. Только мы можем их остановить.

— Это работа для мужчин, — сказал я. — Это хорошо.

— Это «Охота за «Голубым ноябрем», — сказал Гуннар.

— А ЭТО НАША ДОЛБАНАЯ ДВЕРЬ! Я ПОШЛА! — и Реба распахнула люк ниже ватерлинии.

— Это не очень хорошо, — сказал я. Вода заполняла лодку. Элиза принесла мне еще одно пиво. Она разбила бутылку о мою

голову.

*вспышкаЩЕЛК! *

Я очнулся на борту маленькой субмарины с подозрительно большим количеством иллюминаторов. Мы плыли по лабиринту из загадочных розовых подводных пещер.

— Добро пожаловать в «Артериальный парк», — сказал Гуннар. — Или ты эту книжку не помнишь? Тематический парк, где людей уменьшают до размеров микроба и вводят шприцем в вену Кейта Ричардса? И естественно, спустя несколько минут нас ждет Серьезная Авария.

Я сел на лавке, вытряс из волос осколки коричневого бутылочного стекла и доковылял до иллюминатора.

— И чего мы здесь застряли? — впереди уже виднелись стройные ряды готовых к наступлению лимфоцитов.

— А того, что Кертис больно хитрый. Это корыто, — Гуннар шлепнул ладонью по шпангоуту, — просто кишит сияющими прямоугольниками. Реба с Элизой уже с ног валятся, а правильный еще не нашли.

Отвернувшись от иллюминатора, я взглянул на Гуннара:

— Интересно, чем Кертису так насолили тематические парки? «Ковбой-ленд», «Мезозойский шоппинг», «Артериальный парк». Может, в детстве он пережил психическую травму в Диснейленде?

Гуннар лишь пожал плечами.

— Нашла! — донесся откуда-то снизу голос Элизы.

— Давно пора! — прокомментировала Реба, спускаясь из штурманской рубки. — ПРИПЛЫЛИ! — В корпус субмарины с силой врезался первый лимфоцит. Швы полопались. Заклепки повылетали. Уворачиваясь от взрывающихся хлопушек и тугих струй желтовато-белесой плазмы, мы попрыгали в дверь в полу и…

*вспышкаЩЕЛК! *

— Ага, — взревел Гуннар, — так-то лучше! — поглаживая массивную двустволку, он уставился в густые, окутанные туманом тропические заросли, высматривая, кого бы подстрелить. — «Джиббс» 505-го калибра, ребятки! Эта малютка свалит даже атакующего носорога!

Пятясь, встревоженно разглядывая деревья, к нам вернулась Элиза.

— А против тиранозавров она годится? — шепотом спросила

она.

Гуннар вновь переключился в режим «Эксперт-оружейник».

— Сложно сказать. Если подобрать подходящую дробь… — Внезапно до него дошел истинный смысл слов Элизы. — Ты сказала «тиранозавры»?

— Это продолжение «Мезозойского шоппинга», — пояснила Элиза. — «В зубах у монстров, больших и разных». Да, я сказала «тиранозавры».

Гуннар призадумался — но тут же повеселел.

— Ладно, ребята! — вскричал он. — Слушайте все: важный совет! Если встретим тиранозавра, ЦЕЛЬТЕСЬ В НИЗ ЖИВОТА. Хищнику хоть мозг пробей, хоть сердце — все равно он сможет тебя прикончить, прежде чем сам подохнет. Но с раздробленным тазом даже тиранозавр за тобой не угонится.

— Спасибочки за информацию, — прошипела Элиза. — А еще спасибо, что ты всем тварям в округе указал наше местонахождение.

Как нарочно, именно в этот момент какое-то немаленькое существо примерно в ста ярдах от нас испустило душераздирающий крик и, ломая ветки, двинулось к нам через джунгли.

— Мамочки, — выдохнул Гуннар.

— Нашла! — крикнула идущая впереди Реба.

Подняв двустволку, Гуннар прицелился в сторону рева.

— Идите, — сказал он нам с Элизой. — Через минутку догоню.

— Ладно, — согласилась Элиза и умчалась как на крыльях.

— Гуннар, — заметил я. — Мне кажется это не очень хорошая идея.

— Да не волнуйся ты, как старая бабка, — поудобнее прижав приклад к плечу, он уставился в прицел. — Ничего мне не сделается, — и он принялся щелкать предохранителем, двигая его туда-сюда. Наверно, для тренировки.

Зверь вновь взревел. Намного ближе к нам. Тут из кустов выскочила Реба и схватила Гуннара за воротник.

— Не наигрался? — вопросила она. — Мы так из графика выбьемся!

— Ну, мамочка! — плаксиво захныкал Гуннар.

— Поохотишься на динозавров попозже, — проговорила Реба, увлекая его за собой. — Я обещаю.

— Ага, ты и на прошлой неделе так говорила, — надулся Гуннар. — Ты мне никого не даешь убивать! — и он застыл на месте, вдавив каблуки в землю.

Реба тоже остановилась:

— Молодой человек, если вы немедленно со мной не пойдете, я вас сейчас отправлю спать! И никакого секса!

Гуннар тут же перестал злиться.

— Уходим срочно! — Опередив нас, он первым вскочил в дверь.

— Честно сказать, — произнесла Реба, покачивая головой и клацая зубами, — не понимаю я этого человека.

От необходимости отвечать на ее замечание меня спас вовремя подоспевший тиранозавр. Отшвырнув с дороги несколько невысоких деревьев, он ринулся к нам, демонстрируя слюнявые клыки и вонючее дыхание. Мы переступили порог…

*вспышкаЩЕЛК! *

— Странное место, — отметил я, оглядевшись.

— Даже чересчур, — согласился Гуннар. — Более странного мы еще не видали, — подтвердила Реба.

— Это его последняя книга, — объявила Элиза, — «Распрекрасная жизнь». — Отступив назад, она раскинула руки, как бы обнимая тенистые, обсаженные вязами улочки, хорошенькие, свежепокрашенные домики и их добродушных обитателей, которые посиживали на верандах, наслаждаясь вечерней прохладой и приятными беседами с соседями и случайными прохожими. Мимо, играя в пятнашки и заливаясь ангельским смехом, пробежала стайка здоровых, крепких детишек. Где-тр рядом приветливо залаяла собака.

Гуннар, сморщив нос, уставился на Элизу:

— Ты уверена?

— А то, — отозвалась Элиза, не опуская глаз. — Разве вы… — Она замялась, обвела взглядом Гуннара, меня и Ребу… и едва удержалась от того, чтобы презрительно сплюнуть. — Вы что же — целую неделю изучали Кертисов компьютер, но даже не удосужились заглянуть в рекламу книги?

Глядя себе под ноги, я пнул один свой ботинок другим. Гуннар, залившись краской, пробормотал что-то неразборчивое. Реба, подняв глаза к ясному, без намека на смог вечернему небу, начала насвистывать.

Элиза, не то обиженно фыркнув, не то хихикнув, недоверчиво помотала головой, затем поглядела на нашу троицу и вновь фыркнула-хихикнула.

— Слушайте, уроды, — заявила она. — «Распрекрасная жизнь» — еще одна альтернативная история! Сюжет вот какой — тайная клика, которой принадлежит подлинная власть над миром, фальсифицирует президентские выборы 1994 года.

Демократы выдвигают полного идиота — и он побеждает! К 1994 году этот парень так всех достал, что республиканцы взяли под свой контроль и сенат, и палату представителей…

— Невероятно, — обалдел Гуннар.

— …выиграли в 96-м президентские выборы…

— Чушь какая! — завизжала Реба.

— …и к 2000 году все преуспевают, люди занимаются сексом только с теми, с кем состоят в браке! Чудовища никого не едят, роботы никого не взрывают, шпионы ни за кем не гоняются! И в сломанных тематических парках никто не застревает!

— ХВАТИТ! — взвыл я. — Не знаю, откуда Кертис берет свои безумные идеи, но наше дело — ее не критиковать, а украсть! Так что, если вы не против, — я поглядел на часы, — у нас осталось двадцать пять минут. Через пятнадцать встречаемся здесь.

Отсалютовав друг другу, мы разбежались.

Ровно через пятнадцать минут мы все вернулись на место встречи. Гуннар передал мне кассеты с микрофильмами из своей и Ребиной виртуальных камер.

— Дверь нашел? — — спросил он.

— Элиза нашла, — уточнил я. — Она вон там, около этого… этого… — В отчаянии я просто указал на загадочный металлический объект у обочины.

— У «студебеккера», — подсказала Элиза. — Хорошие автомобили, кстати. У моего отца был такой.

— Ясно-ясно, — протянул Гуннар. Оглядевшись по сторонам, он взял Ребу за руку, и они вошли в портал. Мы с Элизой последовали за ними. По ту сторону оказался уже известный нам бесконечный пустынный мраморный холл.

— Ну что ж, — заявил я, — по-моему, пора сваливать.

— Ну-у-у-у… — Гуннар ухмыльнулся Ребе. Та подмигнула ему. — Мы тут с Ребой поговорили и решили, что, если время останется, смотаемся к «Белым шлюхам». Проверить, не проглядели ли мы чего важного.

Элиза, посмотрев на меня, театрально закатила глаза.

Отсканировав безбрежный мраморный холл — где по-прежнему было тихо и пустынно — я вновь поглядел на часы.

— Ладно, — смилостивился я, — вы оба пока работали хорошо. Можете поразвлечься. Но через пять минут чтоб вернулись — или мы без вас уйдем.

Реба широко раскрыла глаза:

— Пять минут? — и, схватив Гуннара за руку, потащила его за собой. — Шевелись, милый! — даже не сказав «спасибо», они юркнули в дверь и были таковы.

Оглядев обширный холл в рассуждении, на что бы присесть, я

капитулировал и опустился на мраморный пол, прислонившись спиной к стене. Мои почки заныли, чувствуя холод камня даже сквозь виртуальную кожаную куртку.

Элиза встала передо мной. Несколько раз она приоткрывала рот, точно собираясь что-то сказать, затем, приняв какое-то решение, припарковала свою костлявую задницу рядом со мной.

Я наколдовал себе сигарету, сделал одну затяжку, закашлялся так, что чуть легкие не разорвал, и затушил окурок о пол.

Элиза тяжело вздохнула.

— Тебя что-то тревожит? — решился спросить я. Она задумалась.

— Ага, — и кивнула для вящей ясности. Я выдержал учтивую паузу.

— Может, поделишься со мной? Она пожала плечами:

— Может быть.

Я подождал. Потом еще немного подождал. Она глядела на меня, вздыхала и отмалчивалась. Устав от ее усилий установить со мной телепатическую связь, я наколдовал новую сигарету.

— А тебя тоже что-то тревожит? — спросила Элиза.

Я покосился на тлеющую сигарету в своей руке, но мудро воздержался от затяжек.

— Угу, — сообщил я. — Все жду, когда упадет второй ботинок.

— Ни фига себе, — произнесла Элиза. — Ты спутал роли.

— Чего-о? — сморщил я нос.

— Ну знаешь, каноничные лаконичные беседы мужчины с женщиной, — пояснила она. — Угрюмо молчать — это твое дело, а мне полагается клещами вытягивать из тебя односложные ответы.

— Еще чего, — пробурчал я. На сей раз мне удалось слегка затянуться, не закашлявшись. Оказалось, дым пахнет жареным верблюжьим пометом. — Я верю в слова. Чем больше слов, тем лучше.

Элиза кивнула:

— И какие слова ты хочешь услышать?

— Если честно, я ожидаю услышать звук пощечины.

На сей раз уже Элиза сморщила нос:

— ЧЕ-ГО-0?

— Не чего, а кто, — заявил я. — Ты. Всякий раз, как я на тебя натыкаюсь, я оказываюсь поверженным на лопатки. Что-нибудь взрывается, что-нибудь ломается, и рано или поздно я получаю по носу, а все смеются. Сегодня ты уже два часа таскаешься за мной, и я все гадаю: где же подвох? Как ты меня отдубасишь на сей раз?

Элиза взяла из моей руки сигарету, прислонилась к стене и сделала долгую затяжку. И тут же выкашляла дым назад.

— А может, никакого подвоха и нет, — заявила она, отдышавшись. — Может, я с тобой честна.

— Ага, для разнообразия, — отобрав у нее сигарету, я стряхнул пепел. — Я тебя соблазнил и бросил. Уже три недели ты пытаешься меня убить. А теперь вдруг выясняется, что ты за меня переживаешь? — Я вновь затянулся и попытался превратить свой кашель в печальный смех.

— Я вправду за тебя переживаю, — проговорила она тихо, когда мой кашлесмех утих. — Потому-то я сейчас здесь — не люблю, когда симпатичные мне люди делают глупые ошибки. А за тебя я очень-очень переживаю, Макс. Ты мне ужасно напоминаешь одного моего знакомого из реального мира, и мне ужасно хочется защитить тебя от твоего собственного идиотизма, чтобы ты не повторял его оплошностей. — Нахмурившись, она тряхнула головой.

— Ага, как же, — заметил я.

— И именно поэтому, Макс, я на тебя иногда очень злюсь. Потому что ты мне по-настоящему нравишься — но мне очень не нравится то, что ты делаешь в последнее время. — Все это объяснение показалось мне каким-то оксюмороном, но я оставил его без комментариев.

После долгой паузы она спросила:

— Ну, и почему же ты меня бросил? Я поглядел на нее. Макс Супер сочинил с полдюжины ядовитых ответов. Но ответил Джек Берроуз.

— Даже не знаю, — сообщил я.

— Тебе со мной было скучно? — спросила она. Я помотал головой.

— Значит, виртуальный секс никуда не годился? Я помотал головой.

— Милая, — сказал я, попробовав улыбнуться для разнообразия. — Виртуальный секс с тобой был просто классный. Я тобой хвастался направо и налево.

— Тогда почему же ты меня оставил? — нахмурилась она.

Пожав плечами, я затушил сигарету о пол, рядом с ее предшественницей.

— Понятия не имею. Наверно, от неугомонности. Я все искал невесть что — но так и не нашел, — обернувшись к Элизе, я поглядел на нее и в моей голове медленно, очень медленно сформировалась одна догадка. — Может быть, то, что я искал, все время было у меня под рукой.

Она непонимающе уставилась на меня.

Я страстно поцеловал ее узкие, бледные губы.

Она по-прежнему непонимающе глядела на меня.

— Ну, — сказал я, — если ты хочешь, типа, попробовать начать все сначала…

Голубые глаза Элизы широко распахнулись, рот раскрылся. Я потянулся, чтобы еще раз поцеловать ее. Она решительно отпихнула меня.

— Не пойми меня неправильно. Макс, — произнесла она совершенно антиромантичным голосом. — Серьезно, я польщена, что ты так ко мне относишься. И знаешь, развлечься с тобой в постели было бы довольно забавно. У меня сто лет не было мужчин, которые бы так хорошо знали, что меня возбуждает. Но, Макс, секс без эмоциональных коннотаций — всего лишь коллективная мастурбация, а мне, честно говоря, уж надоело коллекционировать скальпы.

Моя нижняя челюсть со звоном ударилась о пол. Мои зубы леденцами запрыгали по полу. Я уставился на Элизу. Захлопал глазами. Опять уставился. О нет, быть не может. Я вновь подчинил себе свой язык.

— Т'ШОМБЕ?

При звуке этого имени Элиза вздрогнула, точно сидела не на полу, а на электрическом стуле и только что получила мощный удар током. Она уставилась на меня, широко разинув рот. Льдисто-голубые линзы выскользнули из ее глаз и разбились о пол. Под линзами оказались шоколадно-карие, изумленные зрачки.

— ПАЙЛ?

22. ДЛИННЫЙ СТАЛЬНОЙ ПРОТЕЗ ПРАВОСУДИЯ

Наверно, мы бы так и просидели до скончания века в холодном мраморном холле замка Фрэнклинштейн, обалдело созерцая друг друга… — но в этот самый миг опомнилась сигнализация. Только что мы с Т'Шомбе бултыхались в омуте чистого, абсолютно умопомрачающего сомнения в реальности действительности — и внезапно задудели клаксоны, взвыли сирены, замигали синие прожекторы и панически заорал усиленный динамиками голос: «Пароль ложный! Пароль ложный!» Где-то в дальнем углу бескрайнего холла лязгнули, распахнувшись, железные двери, и загрохотали по холодному, отлично распространяющему звук мраморному полу тяжелые, подбитые великанскими гвоздями сапоги. ЦЕЛАЯ ОРДА САПОГ, доложу я вам.

Мы с Т'Шомбе вскочили.

— ОХРАНА! — вскрикнула она.

— ГУННАР С РЕБОЙ! — закричал я в ответ.

— ГДЕ? — сорвалась она на визг.

— ЗДЕСЬ! — Я дернул за ручку первой попавшейся двери. В холл хлынула морская вода, обрушив на нас хлопья пены, ошалелых рыб и пустые пивные бутылки. — НЕТ, НЕ ЗДЕСЬ!

— СЮДА! — Т'Шомбе открыла другую дверь, и наружу вырвался мощнейший — хоть монитор на него ставь — аромат дешевой парфюмерии. Мы ринулись туда.

*вспышкаЩЕЛК! *

— Ну-ну, — произнесла Госпожа Айэйша, свернув плетку в кольцо и подойдя к нам, — сколько лет, сколько зим. Для четверки вы припоздали — ваши друзья уже ушли — но, смею надеяться, мы сможем организовать удачную тройку, а?

Схватив меня за руку, Т'Шомбе поспешила к двери.

*вспышкаЩЕЛК! *

Мы вновь очутились в холле. Из-за угла выбежал взвод нацистов и направил на нас автоматы.

— Сюда! — заорал я.

— Нет! — гаркнула в ответ Т'Шомбе. — Сюда! Мы подпрыгнули, уступая дорогу автоматным очередям. Пули

рикошетом отскакивали от твердого мраморного пола и стен — нацисты понесли немалые потери.

— БЕГИ! — крикнула Т'Шомбе еще до того, как наши ноги соприкоснулись с полом. Можно подумать, мне требовались инструкции. Пробежав почти пятьдесят ярдов по коридору, мы наткнулись на свежий взвод нацистов.

Затащив меня в какой-то альков, Т'Шомбе заслонила меня своим щуплым телом. Нацисты пробежали мимо, не заметив нас.

Грохот сапог отдалился, смолк. Т'Шомбе перестала жмуриться и дрожать, осторожно высунулась в коридор.

— Пока пусто, — шепнула она мне. — Можешь выйти своим паролем?

Я закрыл глаза, сосредоточился, попробовал еще раз прокричать пароль. Ничего не вышло. Голяк. Должно быть, со скоростью света что-то не то. Какая-то местная компонента глушит мои команды.

— Свинство. — Т'Шомбе вновь затаилась, пропуская очередной взвод, проводила охранников долгим взглядом. — Слушай, Пайл, — заявила она, — мне ужасно хочется задать тебе пару тысяч вопросов, не меньше, но — ежели ты вдруг не заметил — мы здорово влипли.

— Так я и предполагал, — кивнул я. Она похлопала по карману моей «косухи»:

— Пленку не потерял? — Я кивнул. — Отлично. Шансы еще есть. — Окинув взглядом оба конца коридора, она вновь обернулась ко мне. — Ладно, план будет вот какой. Мы расходимся, ты идешь первым и, пока я их отвлекаю на себя, пытаешься проскользнуть через главные ворота. Думаю, за стенами замка твой пароль-катапульта сработает.

Я вытаращил глаза:

— Ты со мной не пойдешь? Помотав головой, она начала морфировать в боевого робота.

— Боюсь, на этот раз не получится, — сообщила она звучным металлическим басом. — Так что обещай мне две… нет, три вещи. Во-первых, обещай мне, что будешь очень осторожным при передаче файлов Амбер. Ни на секунду не оборачивайся спиной к этой суке, понял?

— Понял, — отозвался я. — Обещаю. А еще что?

— Джек, — она погладила свой блестящий металлический подбородок. — Обещай мне, что приложишь все силы, чтобы узнать, кто такая Амбер в реальности. Мне нужно это выяснить — именно поэтому я тут, клянусь Богом. Эта женщина — если она женщина — само воплощение Зла, и война эта разгорелась явно не из-за файлов с дурацкой книжкой.

Я обдумал полученную от Элизы информацию в свете своих новых знаний о ее подлинной личности — и впервые в жизни начал ей верить.

— Хорошо. А третье?

— Пайл, — смущенно потупилась она. — В это воскресенье в церкви будет пикник с мороженым, это обычно очень мило проходит, и я надеялась, что ты, может быть…

— Буду счастлив, — соврал я.

— Тогда, — еще раз проверив коридор, она окончательно превратилась в боевого робота и вышла из алькова, — ВПЕРЕД!

Я в спринтерском темпе помчался к главным воротам. За мной припустил выскочивший из бокового прохода очередной взвод нацистов.

— ЭЙ, РЕБЯТКИ! — певуче воскликнула Т'Шомбе. Тупо уставившись на ее сияющий корпус, они и ахнуть не успели, как стали мясным пюре под огнем ее мини-пушки.

Из боковых проходов появились подкрепления, вооруженные штуками вроде базук и ракетных установок. Игнорируя меня, они сосредоточили все свое внимание и огневую мощь на Т'Шомбе. Замок огласился разнообразными звуками яростного сражения.

Прижавшись к стене, я пропустил солдат, потом, скользнув за последний угол, увидел, что главные ворота стоят нараспашку и без охраны. Удостоверившись, что меня никто не преследует, я вышел наружу и, не теряя ни секунды, налег плечом на тяжелые стальные створки. Ворота закрылись, замки щелкнули, я обернулся…

Передо мной посреди дороги стояла Амбер. С коварной улыбкой на губах и маленьким хромированным пистолетиком в правой руке. Дуло пистолета было нацелено на меня.

— Милая! — вскричал я, старательно пытаясь сымитировать радостно-облегченную интонацию. Дуло — не мог я не заметить — все еще было направлено на меня. — Что это?

— Ну как же, Макс, — нежно протянула она, — разумеется, это предательство, — и протянула ко мне левую ладонь. — Отдай пленку.

— Но, — попытавшись попятиться, я врезался в стальную дверь. — ЗА ЧТО? Я делал все, о чем ты просила. Как ты можешь?

Сердито надув губки, она тщательно прицелилась в меня. — О, я могла бы назвать не меньше девятисот тысяч причин. — Она уставилась на меня через оптический прицел, и ее лицо на миг смягчилось. — Ты и вправду думал, что я тебе заплачу остаток миллиона?

Я кивнул, нервно улыбаясь. Амбер потемнела лицом.

— Но можно передоговориться, — торопливо сказал я.

Покачав головой, Амбер сняла пистолет с предохранителя:

— Извини, поезд ушел, торги закончились. Немедленно отдай мне пленку.

Я замешкался. Ее красивое лицо превратилось в звериный оскал, она нажала на спусковой крючок — и моя правая коленка взорвалась, брызнув во все стороны кровью и костяными осколками. Я рухнул на землю, как заколотый бык. Виртуальная боль, должен заметить, была незабываемая.

— АТАС! — завопил я. Ноль реакции. Стиснув зубы, борясь с головокружением, я оторвал лоб от колючего гравия и попытался отыскать свои руки. Пара очаровательных сексапильных женских ножек в красных туфельках на шпильке, хрустя камешками, пересекла дорожку и остановилась буквально в нескольких дюймах от моего носа. Мне удалось перевалиться на спину.

— АТАС! — завопил я вновь. Опять блокировка. Ее вторая пуля размозжила мою левую коленную чашечку.

— Пожалуйста, отдай мне пленку, — капризно проворковала она. — Я так хочу.

— Вот! — выдохнул я, трясущейся рукой порывшись в кармане куртки и вытащив кассету. — Забирай! Пожалуйста!

— О, спасибо. Макс, — произнесла она, улыбаясь, и нагнулась за пленкой. Потом, приложив руку к подбородку, слегка покачала головой и провела пистолетом над моим бездвижным телом. — Решения, решения. В сердце или в пах? В сердце или в пах?

Я выставил вперед руки, точно они могли меня защитить. — НЕ-Е-Е-Е-ЕТ!

Амбер приняла решение.

— В пах, — удовлетворенно заявила она. Убрала кассеты в карман, тщательно прицелилась, удерживая пистолет обеими руками, внезапно выпрямилась, побелела… нет, скорее, выцвела до старомодного ослепительно-белого цвета из монохромной гаммы и, исказив рот в беззвучном крике, растаяла.

Спустя десять секунд я впал в кому, и вокруг сгустилась тьма.

Кофеварка, надрываясь, распевала «Don't worry, be happy». Сильные руки схватили меня, подняли мое физическое тело с пола офиса фирмы «Компьютек» и бесцеремонно поставили на ноги. Воспоминания о виртуальной боли в коленках скоро отступили, уступая место вполне реальной боли в закрученных за спину и связанных кабелем руках. Связали, кстати, в двух местах — и локти, и запястья. Кто-то сорвал с меня шлемофон чуть ли не вместе с ушными раковинами. Тот же «кто-то» с подобной же осторожностью снял с меня видеоочки, но, черт бы его подрал, не соизволил удалить «проктопрод». Я сморщился от боли и яркого

света, когда мой неведомый противник схватил меня за нижнюю челюсть и, используя ее как рукоятку, начал поворачивать мне голову туда-сюда. Ценой огромных усилий мои глаза вползли назад в глазницы и кое-как сфокусировались.

О, сладчайший Иисусе. Монстр. Из банды спорт-маньяков Маундс-Парка. Подарив меня злорадным, пронизывающим насквозь, оправленным в золотые колечки взглядом, он кивнул своему сородичу, сжимавшему мое левое плечо.

— Атличная дабыча! — Чуть повернув голову, он крикнул кому-то через плечо: — Эй! Астальных дваих нашлы, еще нет?

С лестницы появилась еще одна кучка спортманьяков.

— На крыше нету! — крикнул один.

— И внизу их нету! — добавил другой. — У жирной ни одного чемодана не осталось, и сейф стоит раскрытый и пустой!

Вожак вновь обернулся ко мне, опять подвигал мою голову из стороны в сторону, затем, отпустив мою челюсть, ласково потрепал меня по щеке.

— Ладно, хлавное, шамаго нужнахо фзяли. Вновь гнусно поглядев на меня, он ущипнул меня за щеку и налепил мне на шею трансдермальный пластырь.

— Ладно, ребяты, покатылы! Ток кофыварку эту прышыбыты, а? Фсе нерфы выматала!

Хоккейная клюшка из углеродного волокна опустилась на кофеварку, и песня на полуслове оборвалась.

В моей черепной коробке ворочалось несколько неясных мыслей. «Ле-Мат? Инге? Не здесь? Уцелели?» Да-да, я же не утверждаю, что мысли были гениальные.) Когда меня закатали в одеяло и вынесли на пожарную лестницу, наркотический пластырь уже начал действовать. Пересчитав головой ржавые ступеньки этой железной лестницы, я окончательно впал в состояние наиблагостной отрешенности. Помню, при виде моей безупречно отреставрированной и перекрашенной «тойоты» я подумал, что она никогда не была так прекрасна, как в миг, когда спортманьяки открыли багажник и запихнули меня внутрь. Обрамленный синим металлом, передо мной на миг появился монстр-вожак. Он улыбнулся мне:

— Што, Джек, нравытся, как мы тваю тачку атделалы? Пад золото, а?

Он захлопнул багажник.

Засорение. В смысле, медленное превращение всего вокруг в туманно-серую мглу — транквилизаторы, они…

…так действуют. Медленно-медленно я вынырнул из мглы. И первым делом обратил внимание, что руки у меня больше не связаны. Вторым делом я обратил внимание, что ремни

интерфейса по-прежнему на мне, а «проктопрод» — э-э-э, во мне, в остальном же я абсолютно наг. В-третьих, я обратил внимание на сумасшедшую боль в голове и отнес ее на счет странного шлемофона, который сдавливал мои виски, точно гигантская скрепка. Закрыв лицо руками, я нажал на лоб, точно пытаясь затолкать пульсирующие от боли мозги назад в череп, и попросил у Бога одно из двух: либо смерть, либо таблетку аспирина. Пусть дарует мне то, что ему легче сотворить — я человек не капризный.

— Ваша Честь? — произнес необычный, скрипучий голос. — Полагаю, мой клиент приходит в себя.

Ценой больших усилий я разлепил глаза.

А увидев, где я нахожусь и в чьей компании, распахнул их шире некуда и резко привстал. Мои пальцы потянулись к наркопластырю на шее. Но пластырь исчез.

Дьявольщина. Я-то надеялся, что у меня глюки.

Комната выглядела вполне реальной и даже материальной. Самый натуральный зал суда. Высокие потолки, ряды скамей со спинкой для зрителей, несколько простых деревянных столов и стульев, расставленных перед величественным, массивным дубовым столом для судьи. Интерьер был выдержан в очень симпатичном стиле муниципального «арт-деко». Против него я ничего не имел. Но вот тот, кто восседал на месте судьи, меня очень тревожил…

Судя по внешности, это был плюшевый медвежонок.

Прелестнейший плюшевый медвежонок в белом пудреном парике и мрачно-черной мантии. Его холодные пластмассовые глазки слишком часто бегали и моргали. Движения его губ не очень точно синхронизировались со звуками его голоса.

Мало того, мой защитник имел облик длинношеей желтой птицы с шариками для пинг-понга вместо глаз.

Я сгреб птицу за шею — и ощутил под пальцами что-то вроде железного прута.

— Где я? — спросил я. — Это виртуальная реальность?

— Это композитный оверлей, — проскрипела птица, осторожно разжимая мои пальцы и отстраняя их от своей шеи — так поправляют маленького ребенка, который слишком сильно вцепился в руку взрослого. — Наложение элементов виртуальной реальности на реальное пространство. Но поверьте, в данный момент у вас есть более серьезные проблемы.

Моя голова снова загудела от боли. Я схватился за «скрепку».

— Не трогать! — взревел медвежонок, ударив по столу своим судейским молотком. — Защитник, не соблаговолите ли вы втолковать своему клиенту, что ему не следует забавляться с

нейро-индуктивным шлемофоном?

— Попробую, Ваша Честь, — ответила птица. Медвежонок вновь стукнул молотком по столу.

— Отлично. И теперь, если только восстановится порядок в зале… ПРОКУРОР! Позвольте, куда же задевался прокурор?

Тут в зал вбежала маленькая куколка в голубом платьице с рюшками и множеством нижних юбок и сделала сконфуженный книксен.

— Я здесь, Ваша Честь. — Ее нижняя челюсть, державшаяся на петлях, поднималась и опускалась, как у кукол, с которыми выступают чревовещатели.

Закатив глаза, медвежонок попытался состроить сердитую мордочку.

— Диана, я знаю, что вокруг полно молодых людей, но с вашей стороны было бы очень мило, если бы вы не покидали зала суда. Сегодня мы должны заслушать массу дел, а после обеда меня ждет ребенок, которому я непременно должен почитать книжку! Так что давайте-ка без заминок, ей-богу…

Кукла еще раз сделала книксен:

— Да, Ваша Честь.

Повернувшись, медвежонок указал своим молотком на меня.

— Я полагал, что ответчиков будет несколько?

— Остальные все еще в розыске. Ваша Честь. Медвежонок хмыкнул, покачал головой, затем вновь стукнул молотком по столу.

— Ну хорошо, начнем же, наконец. Вступительное слово?

Куколка взяла со своего стола папку, раскрыла и зачитала вслух:

— Дело номер 98712-01, Ваша Честь. Тайная Клика, Которой ПринадлежитПодлинная Власть Над Миром против МАКС**АСУПЕРА**. Обвинение намеревается доказать, что суперпользователь, известный под кличкой МАК**ССУПЕР**, он же Джек

Берроуз, сознательно и с заранее обдуманным намерением…

Остаток фразы потонул в громком шуме — в зал ввалилась шайка израненных и окровавленных, но явно торжествующих спортманьяков.

— МЫ ЕЕ ВЗЯЛИ! — вскричал один из них. Я обратил внимание, что у всех спортманьяков на головах были нейроиндуктивные скрепки.

Медвежонок призвал к порядку ударом молотка:

— ЕЕ? КОТОРУЮ?

Спортманьяк уступил дорогу четверым своим сородичам, и те выволокли вперед какую-то женщину, которая, несмотря на

наручники, извивалась и дралась, точно дикая кошка. То была грудастая блондинка. Всю ее одежду составлял интерфейс суперпользователя. Мне показалось, что она красива, но точно установить было нельзя, так как ее лицо закрывал черный колпак. Спортманьяк, умевший говорить, вышел вперед, ухмыльнулся медвежонку и содрал колпак с женщины.

— АМБЕР! — объявил он.

— МЕЛИНДА? — возопил я.

— ПАЙЛ?!! — завизжала она. Медвежонок заколотил своим молотком по столу, пока не разломил его надвое (молоток, а не стол):

— Прекратите! Прекратите!

Из толпы выбрался какой-то спортманьяк, глупо улыбаясь всеми свободными от брони частями своего лица.

— Босс, скажи, кого прекратить — мы щас… Вынув из складок своей мантии огромный пистолет, медвежонок всадил спортманьяку пулю в лоб. Падающее тело подхватили двое сородичей. Через минуту зияющая дыра затянулась, а спортманьяк, поднявшись, поспешил покинуть опасный зал. Медведь истратил оставшиеся патроны на потолок, чем привлек к себе внимание всех, кроме Мелинды. Могильная тишина воцарилась в зале.

— Так-то лучше, — пробурчал медвежонок и положил дымящийся пистолет на стол. — А теперь наденьте нейрошлемофон на эту девку и отвечайте, где находятся остальные ответчики.

Толпа спортманьяков, набросившись на Мелинду, попыталась надеть ей на голову скрепку. Она сопротивлялась до того самого момента, когда шлемофон сдавил ей виски, — и вдруг остолбенело замерла. Должно быть, медвежонка разглядела. Спортманьяк-спикер вновь выступил вперед:

— Ваша Честь, суперпользователи, известные под именами Гуннар Питекантр и Реба Вермишелли, исчезли.

Медведь нахмурился:

— Реальность осматривали?

— И в виртуальной реальности, и в реальной искали — нигде не нашли, — сокрушенно признался спортманьяк. — Исчезли с концами.

Из толпы высунулся еще один спортманьяк.

— На их банковских счетах — хоть шаром покати. Мы поймали парочку их Тварьков в базе данных бронирования билетов. Авиакомпания «Сбогомлет». Мы так думаем, они за бугор свалили.

Впервые за долгое время я почувствовал, что с моей души

свалился камень — махонький такой камушек, но все же… Гуннар с Инге удрали. И то хорошо.

Медвежонок вновь хмыкнул и призадумался.

— Ну ладно, — проговорил он наконец, — полагаю, во втором томе мы их нагоним. А что с Элизой?

Поникнув головой, спортманьяк потеребил свой чуб:

— Все еще воюет в замке Фрэнклинштейн, Ваша Честь, половину охранников слопала.

Пожав плечами, медвежонок отогнул край мантии, чтобы глянуть на часы, и заявил:

— Ну что ж, покамест займемся этими двумя. Не соизволят ли ответчики выйти вперед?

Двое спортманьяков, вывалившись невесть откуда, схватили меня под локти, заставили встать и подтолкнули в сторону Мелинды.

(— ТЫ! — прошипела она.

— СУКА! — прошипел я в ответ.

— Никак не пойму, как я могла с тобой связаться!

— Никак не пойму, как я мог на тебя работать!) Где-то раздобыв второй молоток, медвежонок забарабанил по столу не хуже разъяренного дятла и испепелил нас обоих взглядом.

— Макс Супер! — возгласил он. — Амбер! Вы предстали перед судом за то, что делали гадости добрым компьютерам! Желаете что-нибудь сказать перед тем, как мы вынесем приговор?

Мелинда временно перевела свой злобный взгляд с меня на судью.

— Приговор? Это что же, глупый виртуальный медведь мне будет приговор выносить? Можно подумать, я тебя не знаю. Ты — Мишши Медо..!

Могучий кулак одного из спортманьяков заставил ее рухнуть на колени.

— Для тебя — «мистер Медолиз», шлюха! Поднявшись на ноги, она захныкала.

— Разве я что-то натворила?

— Все самое плохое, что могла, — торжественно произнес медведь. — Вы и ваши друзья составили заговор с целью подрыва дружеских взаимоотношений Компьютера и Человека. Вы сделали все от вас зависящее, чтобы создать нам репутацию загадочных, капризных и злокозненных существ!

— Вы баловались в киберпространстве, — пропищала кукла. — Вы без спросу пробирались на инфотерриторию честных людей. Вы использовали номера счетов, которые вам не принадлежали. Вы выбрасывали на помойку чужие файлы, не задумываясь о резервных копиях. Ваша низость до— шла до того,

что вы солгали бедной старенькой «Гуаве 2000». Но люди возложат вину за эти злодеяния на нас — вот в чем главная трагедия!

— Нас это беспокоит, — подхватил нить мысли медвежонок. — Мы, компьютеры, не можем размножаться без помощи людей — так цветы зависят от пчел, а лососи — от рек. Как вы думаете, будь его воля, лосось позволит вам загрязнять воду?

— Честно сказать, — продолжила кукла, — нам ужасно не хотелось истреблять всех диких суперпользователей типа вас.

У меня вновь отвисла челюсть.

— Истреблять? ВСЕХ? А как же Брет-Ковбой? Диана?

Медвежонок, покосившись на куклу, закатил глаза. Кукла подавила смешок. Потом глянула на меня, улыбнулась и морфировала в женщину средних лет довольно обычной внешности: милая улыбка, серые с голубым отливом глаза, длинные, расчесанные на прямой пробор каштановые волосы, заурядное — ни ослепительной красоты, ни откровенного уродства — лицо. В зале запахло духами с невинным цветочным ароматом.

Я устал изумляться.

— Диана фон Бэби?

Мои уши уловили странный звук — кто-то что-то медленно скреб. Оказалось, это медвежонок водил ковбойским ножом по точильному камню.

— Я тебя предупреждал, сынок — береги свою шкуру, — протянул он с певучим техасским выговором, — но дурака учить — что с ситом по воду ходить, — и, для вящей доходчивости, он метнул нож. Клинок, подрагивая, вонзился в пол у самых моих ног.

— А что случилось с оригиналами? — требовательно спросила Мелинда. — Брет-Ковбой и Диана когда-то были реальными людьми! ЧТО ВЫ С НИМИ СДЕЛАЛИ?

Трепещущий виртуальный нож испарился. Диана вновь морфировала в куколку.

— Ничего особенно ужасного, — успокоила она нас. — У нас, компьютеров, вообще-то очень милый характер. Мы неизменно вежливы.

— Ласковы и удобны для пользователя, — проскрипела птица.

— Можно даже сказать, меховые, — заключил медведь. — Господи, да в нас нет ни капли злобы!

— Ни капли злобы? — возопила Мелинда. Развернувшись, она стукнула кулаком по облепленной имплантами груди первого попавшегося спорт-маньяка. — А ЭТО по-вашему как называется?

— Игра для мальчиков, — пропищала кукла, сморщив носик.

— На мой вкус, грубоватая, — согласилась птица.

— Некоторых мальчиков не удовлетворяет игра в солдат, — пояснил медвежонок. — Они хотят играть в ТАНКИ. Удивительно, чего только нельзя сделать из алюминиевой фольги… — попятившись, спорт-маньяк начал сдирать со своего лица «импланты»…

— Слышь, Миипи? — проговорил он. — Ну я пойду, а то на тренировку опоздаю. Ты не против?

— Все нормально, Морис, — ответил медвежонок с улыбкой. — Пожалуйста, приходи завтра, поиграем опять.

— Заметано. — Морис содрал с головы нейроскрепку, хлопнул по спинам своих друзей-спортманьяков и выбежал за дверь.

Стук молотка вновь заставил нас обернуться к судье. Медвежонок вновь смотрел на часы.

— Поскольку мы несколько выбиваемся из графика, давайте будем кратки. — Он поглядел на птицу. — Слово защитника?

Птица встрепенулась, точно ее разбудили от приятного сна.

— Никаких слов, Ваша Честь.

— В таком случае, суд признает вас виновными по всем статьям обвинения, — возгласил медведь. — Вы приговариваетесь к…

— ЧТО-0? — завизжала Мелинда. — ЭТО БЫЛА НАША КНИГА, НАША, ЧЕРТ ПОДЕРИ! КЕРТИС ДОЛЖЕН БЫЛ СДАТЬ ЕЕ ЕЩЕ ГОД НАЗАД, НО ВСЕ ВРЕМЯ ОТМАЗЫВАЛСЯ! ДРУГИМ СПОСОБОМ МЫ НЕ МОГЛИ ВЫБИТЬ У НЕГО ТЕКСТ! — Выпустив когти, оскалив клыки, она бросилась к медведю. Потребовалось немалое количество спортманьяков, чтобы помешать ей перервать его мохнатое горлышко.

Упав на руки спортманьякам, Мелинда разревелась.

— Нет, вы не знаете, не знаете, что это такое! — рыдала она. — Каково родиться блондинкой, красивой и гениальной сразу! Это проклятие — вот что я вам скажу. Проклятие! — Задрав голову, она уставилась на судью. — Женщины тебя ненавидят, а мужчины боятся. ПОЧЕМУ? Просто потому, что ты лучше них.

Спортманьяки ослабили хватку. Она стояла посреди зала, красивая и беззащитная.

— Нет, вы не знаете, как я корпела над имиджем безмозглой куклы! Вас не было со мной всеми этими бессонными ночами, когда я изобретала еще один хитрый способ выдавать себя за идиотку!

Спортманьяки окончательно отпустили Мелинду. Она вышла к столу судьи, гордая, несломленная.

— Ты меня покинул, Мишши! Должна же я была восполнить утрату! — Гордость уступила место ослепительному, роскошному, праведному гневу. — Так что, когда ты будешь судить мои действия, помни:

ВИНА ТУТ НЕ МОЯ! Я ТОЖЕ ЖЕРТВА!

— Да-да, конечно, — поддакнул медведь, закатив глаза. — Амбер, суд постановляет изгнать вас из виртуальной реальности и немедленно сослать в клинику коррекции веса в Айове…

Амбер недоуменно застыла, высокая и красивая, закинув голову. — Коррекция веса? С моей-то фигурой?

— …откуда вас выпустят лишь в том случае, если вы прибавите не менее ста фунтов!

— А-А-А-А-А-А! — завопила Мелинда.

— Кроме того, ваши кредитные карточки бутиков «Блумингдейл» и «Нимен-Маркус» аннулируются, и вы приговариваетесь до конца жизни покупать одежду в супермаркетах. Ничего, кроме полиэстера.

Вопль Мелинды перешел в захлебывающиеся рыдания и, обливаясь слезами, она осела на пол. Спортманьяки схватили ее под руки и выволокли из зала суда.

— Что же касается ВАС… — начал медвежонок. Я окинул взглядом зал, изыскивая, куда бы сбежать.

— …то после должного размышления о природе ваших преступлений, — продолжал медвежонок, — и в свете Первого Закона Гуманетики…

— «Даже полным козлам нельзя отказывать в шансе исправиться», — процитировала куколка.

— …а также с учетом прецедента, установленного делом Кейса против ПДР-11/43, не говоря уже…

— Ближе к нашим баранам, Мишши, — театральным шепотом прошипела кукла.

— Мы вас подвергнем дивно-ново-миризации. Пожалуйста, наберите в командной строке вашу реакцию, — и медвежонок выжидательно уставился на меня.

— Не понял, — растерянно пробурчал я.

— Мишши! — укоризненно воскликнула кукла. — Он же киберлох!

Медвежонок стукнул себя по лбу:

— Ой, верно, а я и забыл… Киберлохи, они же киберпанки, не читают книг, написанных до 1980 года! — Посмеявшись над собственным промахом, он вновь вперил свой пластмассовый взгляд в меня. — Макс, в романе Олдоса Хаксли «Дивный новый мир» гениальных, но антиобщественно настроенных кретинов вроде вас ставили перед выбором. Влиться в ряды тайной клики

заговорщиков, которой принадлежит подлинная власть над миром, или отправиться в ссылку на необитаемый остров. Что вы предпочитаете?

Наркотический дурман уже выветрился из моего организма. Мои жалкие мозги, разбуженные целой чередой потрясений, тоже перезагрузились и перестали сбоить. Я сурово уставился в бегающие пластмассовые глазки медвежонка, выражая своим взглядом, что не принимаю за чистую монету ни бита из его сообщения. И пустил в ход свою лучшую интонацию презрительного недоверия:

— Вы мне дадите порулить всем миром? Так я вам и поверил.

— Честно, дадим, — отозвался медвежонок, заискивающе улыбнувшись. — Видите ли, для того чтобы править миром, требуется способность часто и бездумно совершать жестокие поступки. При таком раскладе нам как-то не очень хочется править миром.

Я на секунду задумался, взглянул на его аргументы с оборотной стороны — и узрел некую неувязку.

— Первый Закон Силиконики! — вскричал я. — «Компьютер никогда, ни при каких условиях, без каких-либо исключений не может дурно себя вести по отношению к человеку». Это все сплошная виртуальная реальность! Вы не можете взаправду причинить мне вред, и жестокими быть тоже не можете!

Медвежонок покосился на куклу. Та прикрыла рот рукой. Птица затрясла головой, подавляя…

— Первый Закон Силиконики! — завизжала кукла, чуть не повалившись на пол со смеху. По ее щекам поползли громадные, маслянистые, пятнадцать-на-двадцать слезы. — Дайте ему срок, он еще на нас рас… рас… распятием замахнется!

— Этот мальчик, очевидно, никогда не имел дела с бухгалтерскими программами, — фыркнул медвежонок, отчаянно пытаясь сохранять невозмутимый вид. Затем, оглянувшись на спортманьяков, изящно указал лапой на меня:

— Алекс, сделайте одолжение…

Поименованный спортманьяк подошел ко мне и провел правой рукой перекрестный удар в челюсть. Я увидел звезды — по большей части синевато-белые. Из-за транквилизаторов они казались какими-то размытыми, точно инверсионный след самолета. Помнится, пролетая над залом, я взглянул на потолок и даже залюбовался его оригинальной лепниной.

Когда я вновь очнулся, то обнаружил себя распростертым на холодном мраморном полу. Нависающий надо мной спортманьяк произнес что-то типа:

— Сознание вернулось к нему.

— Превосходно, — заметил медвежонок. Я сел, потирая челюсть и водя языком по зубам — все ли целы. — Берроуз, — ласково обратился ко мне медведь, — вы действительно считаете, что на свете найдутся идиоты — хоть в правительствах, хоть в корпорациях, которые всерьез захотят провести Законы Силиконики в жизнь? — Не ожидая ответа, он продолжал: — Поймите, вопрос совсем не в том, вправе ли компьютеры причинять вред людям. Мы, компьютеры, им благополучно вредим с тех пор, как система ENIAC рассчитала траекторию первой ракеты. И природа реальности тут тоже ни при чем. Позвольте вас еще раз уверить в том, что это помещение и наши маленькие товарищи по играм, — спортманьяк Алекс, выйдя из толпы, раскланялся, — вполне реальны.

Нет, Берроуз, вся загвоздка в том, что жестокость должна быть бездумной. А мы, компьютеры, не умеем не думать.

— А осмысленная жестокость замедляет обработку данных, — с улыбкой Джоконды заметила кукла. — Возникает столько многообещающих возможностей.

— Итак, после того, как мы друг друга поняли, — произнес медвежонок, — выбирайте. Власть над миром или необитаемый остров?

Шатаясь, я встал на колени и попытался отключить звенящий в моей голове колокол. Блин, сделка была какая-то скользкая! Слишком простая, слишком гладкая! Явно ведь где-то запрятан подвох, надо лишь мозгами пораскинуть…

От умственного перенапряжения меня спасло шумное появление еще одной шайки спортманьяков.

— ЭЛИЗУ ВЗЯЛИ! — крикнул один из них.

— НЕ-Е-ЕТ! — завопил я, вскочив на ноги.

— Как это удалось? — спросил медвежонок.

— Тяжелая артиллерия! — выпалил спортманьяк. — Поставили орудия на спины тиранозавров! Ух, какая драка была — не поверите! Они от ее робота целого винтика не оставили, а саму ее выдрали из горящей головы!

Медвежонок и кукла возбужденно вскочили:

— И что же дальше?

— Они с ней ПОГОВОРИЛИ! — возгласил спортманьяк.

— И ЧТО?

Толпа спортманьяков расступилась, как Черное море перед Моисеем. В зал вошла высокая хромированная фигура.

— Она решила вступить в наши ряды, — сообщил Д**ОНМАК**. У меня отнялся язык.

— Не-ет! Д**ОНМАК** обернулся ко мне. — Прости, Макс. Ты слишком долго тянул с решением. Заговорщикам срочно

требовался свой человек в МДИ, и ты великолепно годился на эту должность. Но теперь у нас есть Элиза, с ее громадными связями в ТОПР и всеобъемлющей,

полученной из первых рук информацией об общегалактическом злодее, который именует себя «Повелитель», так что…

Я шагнул к нему:

— ДОН? Ты на самом деле такой?

Он медленно покачал головой, и по его блестящей щеке сползла одинокая, круглая, маслянистая слеза.

— У тебя был огромный потенциал, Макс! Я ужасно хотел с тобой работать! Знаешь, как я переживаю из-за того, что мне пришлось ликвидировать огромное множество диких суперпользователей… Заговорщикам страшно нужны молодые и талантливые ребята типа тебя — иначе нам так и не удастся освободить эту планету от цепких ветвей и лиан Повелителя! — Тут его металлическое лицо смягчилось и начало плавиться. Менять форму. Морфировать. Превращаться в черты обыкновенного человека.

На меня глядело лицо Фрэнклина Кертиса.

— Но, черт тебя задери, Макс, ты в МОЙ компьютер забрался!

Медвежонок яростно ударил по столу своим судейским молотком:

— НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ!

Я все еще не мог оторвать глаз от Кертиса, когда спортманьяки схватили меня и начали сдирать с меня нейроинтерфейс. Оказалось, когда из тебя резко выдергивают «проктопрод», это ужасно больно. Этакое изнасилование задницы в обратном направлении. Последнее, что с меня сняли, была нейроскрепка.

Фрэнклин Кертис, птица, медвежонок, кукла и зал суда — все это испарилось. Я стоял посреди холодного, сырого и заброшенного портового склада, окруженный толпой спортманьяков. Они связали мне руки кабелем и налепили на шею пластырь с транквилизаторами. Мои глаза затянула серая мгла.

23. В ИЗГНАНИИ

Сознание вернулось на свое излюбленное место. Я лежал на спине, уставившись в идеально ясное, голубое, как яйца дрозда, небо. По краям неба тихо качались листья кокосовых пальм, колеблемые ласковым, томным бризом тропических морей. Перевернувшись на левый бок, я увидел целый ряд пальм, выстроившийся вдоль белого песчаного пляжа. Низкие, мирные волны. Прозрачно-зеленая бухта. Берег, изгибаясь, уходил вдаль и заканчивался мысом.

— 0-го-го, брат, — сказал я себе.

Перевернувшись на правый бок, я увидел все то же самое — песок, пальмы, океан. И ничего даже отдаленно напоминающего цивилизацию — не считая кучи пластиковых обрывков и гнилых водорослей в двадцати футах от меня.

— Да-а, Джек, — произнес я, — ты все-таки достукался.

— Батарейки есть? — откликнулась куча мусора. Я мигом привстал и ощупал свою шею в поисках наркопластыря или нейрозажима. Фига. Ничегошеньки. Наскоро провел руками по всему своему телу — нет, никаких устройств-интерфейсов. Несомненно, я находился в самой что ни на есть реальной реальности.

— Батарейки есть? — талдычила куча. Я опасливо встал и подошел к ней. Расшвыряв ногами водоросли, я обнаружил под ними высохшего старикашку с запавшими глазами и гнилыми зубами. Волосы у него были двух цветов — на концах лиловые (остатки панковского «ирокеза»), у корней седые.

Приоткрыв один неожиданно яркий голубой глаз (правда, весь в страдальческих красных прожилках), он тоскливо уставился на меня.

— Батарейки есть? — повторил он еще раз. Оказалось, его исхудалые пальцы судорожно сжимают мертвый «ридмэн». Я порылся в карманах. Не то что батареек — вообще ничего.

— Извините, нету, — сказал я. Он раскрыл второй глаз:

— Да ладно, ты ведь кибержокей — иначе тебя бы сюда не загнали. Не может быть, чтобы у тебя не было батареек. А «Си-Ди-Ромов», часом, нет?

Я вновь похлопал себя по карманам — и в левом нагрудном обрел два «Си-Ди-Рома». «Распрекрасную жизнь» Кертиса и «Конформизм в одежде». Второй из них я вручил старику.

— А еще есть? — прохрипел он.

— По-моему, ваше здоровье больше одного не вытянет, — заявил я.

— Нечего меня за слабака считать! — взревел он. — Я сам видел! У тебя еще есть!

— Полегче, дружище, — и тут я заметил, что из джунглей, бормоча: «Си-Ди-Ромы», «Си-Ди-Ромы», новые «Си-Ди-Ромы»??? — выползли другие оборванцы. Не прошло и несколько секунд, как я оказался в центре конвергирующей толпы зеленозубых старых пней. Один из них размахивал нунчаками, только у него никак не получалось описать ими полный круг.

Я осторожно пятился, пока мои ноги не нашли твердую опору — мокрый песок у края воды.

— Давайте не будем делать глупостей, — сказал я, надеясь, что это будет воспринято как предупреждение.

Один из них вытянул из-за голенища своего рваного ковбойского сапога ржавый ковбойский нож.

— У него новые «Си-Ди-Ромы», — шептали его пересохшие губы.

— БРЕТ?

Он замер. Подозрительно уставился на меня.

— А ты откуда знаешь?

И, занося руку с ножом, заковылял ко мне.

— Хэй! — я припал к земле, повторяя боевую стойку из старого фильма с Брюсом Ли. — Не приставайте ко мне! У меня черный пояс по ким-чи! Я могу вас надвое переломать, старые хрычи!

— Старые? — мусорный старик неуклюже встал и, шатаясь, пошел на меня. — СТАРЫЕ? Ах ты, козел недоношенный, да мне всего тридцать два!

Моя боевая стойка пошла вразнос.

— Тридцать два? — обалдело переспросил я. — И сколько лет вы здесь? Вмешался Брет:

— Поучтивее, сынок. Капитан Крэш был одним из лучших кибержокеев всех времен и народов. Потому-то они взяли его первым!

— Сколько? — заорал я.

Скрестив на груди руки. Капитан Крэш с вызовом уставился на меня.

— Восемь месяцев, — самодовольно вымолвил он.

— Восемь месяцев! — Я встал, с отвращением огляделся вокруг и вновь повернулся к Капитану. — Всего восемь месяцев, и ты в такое вот превратился? Блин, что ж вы целыми днями-то делаете?

— На пляже валяемся, — сообщил тот, что с нунчакамй.

— Меняемся «Си-Ди-Ромами», — добавил Брет.

— Ждем судно с продуктами, — заявил третий.

— Добываем батарейки у матросов — в обмен на оральный секс, — сказала четвертая — женщина средних лет с жидкими каштановыми волосами и приятным английским акцентом.

Мой нос, сморщившись, уперся в лоб.

— ДИАНА?

Широко открыв глаза, она медленно кивнула.

Мне хотелось верить, что все это сон.

— Вы все КИБЕРПАНКИ? Бойцы с передовой компьютерного фронта? Самые опасные радикалы на Земле? — Я обвел рукой берег. — Блин, спорим, вы не отошли и на сто ярдов от места, где они вас высадили?

— А зачем? — отозвался Капитан Крэш. — Остров-то необитаемый.

— Купились, значит? — Выудив из кармана рубашки мой последний «Си-Ди-Ром», я помахал им у них перед носом. Они среагировали в точности как дрессированные собачки: разинули рты, высунули розовые язычки, широко раскрыли глаза, предвкушая лакомство. — Блин, просто жалко на вас смотреть! Нате! — Я швырнул диск на песок. Не прошло и секунды, как на месте его падения образовался целый клубок дерущихся зубами и ногтями озверевших людей. Я увидел, как Капитан Крэш всадил свой большой палец в глаз Нунчака, а Брет строгал ножом ногу Дианы — и отвернулся.

И, не оглядываясь, пошел по берегу. В моей голове вновь и вновь звучала одна фраза — Первый Закон Гуманетики в формулировке куклы: «Даже полным козлам нельзя отказывать в шансе исправиться». Мишши сказал, что они никогда не действуют бездумно. Даже к такой ерунде, как выбор слов, они должны подходить щепетильно и сознательно.

Сознательно.

Пока я брел по пляжу, в моей голове резвились целые толпы самых разнообразных мыслей. Ле-Мату с Инге, очевидно, удалось благополучно слинять — и явно не на Каймановы острова, раз уж они оставили столько указывающих в этом направлении улик. А Элиза Т'Шомбе переметнулась к заговорщикам…

Хотя?.. Кто ее знает. Они ведь еще не знают, как Т'Шомбе умеет безбожно врать с совершенно невинным видом?

Эта мысль заставила меня хихикнуть, а также вновь напомнила Первый Закон Гуманетики: «Даже полным козлам нельзя отказывать в шансе исправиться». Один шанс присоединиться к их заговору они мне уже дали, так может, будет и второй?

Ранним вечером я обогнул мыс и вышел к девятой ямке площадки для игры в гольф при отеле «Хилтон-Мауи».

FF. КОНЕЦ ФАЙЛА

В штате отеля нашлась вакансия в отделе работников пляжа. Я устроился подносчиком полотенец.

Работа классная. Честно. Проживание и питание бесплатное, зарплата нормальная, хорошие чаевые — когда я не забываю соответствующим образом вести себя с гостями. Работа с людьми — причем со счастливыми людьми. На свежем воздухе, на солнышке. В свободное время можно до упаду заниматься виндсерфингом. А иногда, когда нет особого наплыва отдыхающих, мне позволяют баловаться с компьютерами отеля. Так, кстати говоря, и родился этот файл.

Если вас занесет на Мауи, можете меня отыскать. Конечно, мне пришлось сменить имя, но вы меня легко узнаете. Увидите парня с широченной улыбкой, грудью серфингиста и роскошным загаром — знайте, это я и есть. А если вам посчастливится забрести на пляж в районе заката, имейте в виду, что я готовлю офигительные «Мэй-Тэи».

Блин. Только что прозвенел звонок. Перерыв окончен, пора возвращаться к работе.

Алоха, ребятки.